КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXVII. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. Б. С. Познанскаго. (225—256).

II. Воспоминанія М. К. Чалаго. (257-280).

III. Культурныя переживанія. LXXXVII-CVII. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (281—327).

IV. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. В. Н. Сторожева. (328—349).

V. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины. О. И. Левицкаго. (350-368).

VI. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго. (1654 г.) П. А. Шафранова. (369-391).

VII. Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. Е. С. Некрасовой. (392—422).

VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. Садовскаго. Еще объ Иванѣ Попозичѣ. Ив. П. Библіографическія замѣтки. Архим. Леонида. Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. Н. В. Молчановскаго. Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. А. Л. Образцы старосеминарской поэзіи. П. Левицкаго. (423—455).

IX. Для справокъ. (455).

X. Библіографія. Чтенія въ историческ. общ. Нестора Лѣтописца Книга 3-я. П. М. Каманина. Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. А. І. Степовича. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. И. М. Каманина. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. Н. М. Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдають д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. Н. В. Шугурова. Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. (456—484).

XI. Объявленія. (1—4).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVII.

Ноябрь.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО BOOK SPACE

Дозволено цензур. Кіевъ, 25-го Октября 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ

О РЕКРУТЧИНѢ ПО ПРЕЖНЕМУ ПОРЯДКУ.

Было это 31 декабря 1862 года (въ *Щедрый вечиръ, на Меланкы* по украински, въ день преподобныя Меланіи римляныни по святцамъ).

Я съ братомъ и шестью загонщиками усталые, съ подтыканными полами полушубковъ, съ двумя одервенѣвшими на морозѣ зайцами—трофеями нашей цѣлодневной охоты, ввалились въ привѣтливо освѣщенную огнемъ печи и свѣчою мою хату.

Я поднесъ по чаркѣ водки загонщикамъ, при чемъ и самъ аппетитно выпилъ, приговаривая—„Будьте здорови зъ Меланкою! Дай Боже намъ новый рикъ у добримъ здоровьи зустрить и старый опровадыть".

Отвѣчая, кто какъ съумѣлъ, на мое „*здоровкання*", хлопцы выпивали водку, закусывали, обтирали губы полами полушубковъ и рукавами и „*дякуючи*"—шли изъ хаты, каждый во свояси, ибо на дворѣ уже темнѣло и начинали „*щедрувать по-пидъ виконью*".

Аппетитно закусывали мы, сидя за столомъ, выпитыя чарки поджаренною колбасою, въ ожиданіи, пока жена поставитъ на столъ встряхиваемые ею въ макитрѣ вареники. Аріонъ (Иларіонъ)—работникъ—не отставалъ отъ насъ—меня и брата. Тепло, свѣтло, сыто и уютно!

Отъ времени до времени подъ окнами слышалось хрустѣнье снѣга и затѣмъ—„Щедрыкъ ведрыкъ! Дайте варенык, грудочку кашкы, кильце ковбаскы" и т. д. Это *щедровальныкы* совершали обычный въ этотъ день обходъ. Жена сама лично или черезъ

работницу подавала подачку—вареники, куски сала, а то и мѣдяки; а мы уписывали, какъ говорится, за обѣ щеки горячіе вареники въ сметанѣ.

Но вотъ собака залаяла злѣе и навязчивѣе, чѣмъ на щедровальниковъ, послышался усиленный топотъ на крыльцѣ и въ распахнутыя двери среди цѣлаго облака морознаго пара ввалились въ хату въ кожухахъ, подпоясанные, съ палками (ципками [1]) въ рукахъ четыре человѣка—староста, сотскій и еще два домохозяина нашего сельца.

Вошедшіе какъ то скороговоркой проговорили соотвѣтственное вечеру привѣтствіе и кучкою остановились у порога съ выдвинувшимся впередъ старостою.

Входъ ихъ въ домъ съ *ципками*, скороговорочное привѣтствіе и, наконецъ, эта остановка около порога въ какой то нерѣшительности—все это было необычно и я сразу понялъ, что они пришли не въ гости, а по какому то дѣлу. Отвѣтивъ кратко на привѣтствіе, я всталъ изъ за стола и подошелъ къ старостѣ, всей моей фигурой изображая вопросъ. Сконфуженный и замѣтно блѣдный староста оглянулъ всю хату, всмотрѣлся въ двери валькира и спросилъ меня:

— А хлопци де?

— Яки хлопци? спросилъ я.

— Та полоховци, що булы зъ вамы на вловахъ.

— Похоловци?! Выпылы по чарци и розійшлыся.

— А!... какъ то воскликнулъ староста и, не прощаясь, вытѣсняя собою своихъ товарищей, пошелъ изъ избы.

---

[1]) Кстати обращаю вниманіе Н. Ѳ. Сумцова на значеніе палки, посоха, *ципка*, палицы (по испански тоже—paliza) въ Малороссіи, а также употребленія пояса. Степенный хозяинъ всегда ходитъ съ палкой, сельскій начальникъ, начиная отъ старшины и до посыльнаго при волости стойчика—всѣ при отправленіи службы носятъ палки. Палка у священника, жезлъ у архіерея, съ палкой всегда рисуютъ портреты поважныхъ лицъ, на *весильи* женихъ всегда съ палкой и т. д. Поясъ, теперь выходящій изъ употребленія, тоже прежде считался непремѣнною принадлежностію костюма. Считалось неприличнымъ быть безъ пояса домохозяину внѣ дома, даже парни, нося свитку *на опашь* (въ накидку), подпоясывались поясомъ поверхъ штановъ или поверхъ жилѣтки. Можно быть безъ свиты и шапки, но въ поясѣ. Я помню, что зазываемый посидѣть въ хату сосѣдъ счелъ необходимымъ побѣжать домой, „щобъ пидперезатысь“.

Я попробовалъ задержать его вопросомъ о томъ, что все это означаетъ; но онъ только кивкомъ головы вызвалъ меня за собою въ сѣни, гдѣ, кромѣ бывшихъ въ хатѣ, я увидѣлъ еще нѣсколькихъ человѣкъ.

— Що це таке? спросилъ я старосту опять.

— Такъ такъ и нема у васъ хлопцивъ?—не отвѣчая на мой вопросъ, спросилъ староста.

— А же бачыте—нема! Не ховаю жъ я ихъ.

— Боронь Боже ховать... Такъ вы вже знаете?

— Про вищо?

— Та про наборъ... Мы зъ Петромъ що увъ обиды прыходылы до васъ бумагу чытаты...

— А!... въ свою очередь воскликнулъ я.

— Мовчить же, поки що, никому не кажить! Ходимъ мерщій!— Тутъ ихъ нема... обратился староста къ своимъ спутникамъ и всѣ они пошли къ воротамъ.

Я вернулся въ избу и только моргнулъ женѣ, вопросительно уставившейся въ меня глазами.

Сразу и аппетитъ пропалъ: не хотѣлось возобновлять прерванной трапезы. Сроднившійся съ селомъ во всѣхъ симптомахъ его жизни, я въ ту минуту душею переживалъ весь горькій для села смыслъ этого событія—набора и то волненіе, которое выяснилось мнѣ теперь въ этихъ искавшихъ у меня *хлопцивъ* сельскихъ властяхъ.

Оглядываясь на это, собственно говоря, недавнее по числу истекшихъ лѣтъ, но далекое по измѣнившимся условіямъ жизни время, мы для уразумѣнія всей драматичности событія должны припомнить, что это былъ первый послѣ уничтоженія крѣпостнаго права рекрутскій наборъ; что военная служба, въ то время все еще довольно продолжительная, не успѣла утратить въ глазахъ народа, а особенно недавняго крѣпостнаго, всей непривлекательности ея условій, которыя большею частью навсегда ломали жизнь подпавшаго этой участи субъекта и, наконецъ, что солидарность и сплоченность громадянъ, созданная нажимомъ крѣпостнаго права, тоже тогда еще не ослабѣла, какъ это мы видимъ теперь. Въ описываемое время пришлось въ первый разъ

этимъ новорожденнымъ вольнымъ гражданамъ, вчерашнимъ рабамъ, самостоятельно отбывать эту тяжелую повинность и безъ указанія пана, безъ участія посторонней воли, взваливать на одного изъ своей громадской семьи тяготу этой повинности, отчуждать его отъ себя, куда то засылать его, поломать его жизнь—однимъ словомъ *запропастыты его голову*.

Я, далекій отъ всякой модулирующей философіи, а поддавшійся вполнѣ тяжелому чувству и грустному настроенію, не выдержалъ да шепотомъ разсказалъ женѣ суть дѣла: мнѣ нужно было подѣлиться съ нею этою болью.

Въ хатѣ водворилось какое то грустное настроеніе: пылавшій въ печи огонь погасалъ, я молча курилъ трубку, пуская дымъ въ коминъ, жена опѣшенная сидѣла, подперши щеку рукой; молча, недоумѣвающе поглядывали на насъ братъ и работникъ, работница сѣла на лавку въ ожиданіи возможности прибирать со стола, не слышно стало и щедровальниковъ. Такъ прошло съ полчаса.

Вдругъ залаяла собака, въ хату вбѣжали двѣ полураздѣтыя молодицы и съ воплемъ повалились мнѣ въ ноги.

— Ой кумочку жъ, голубчыку! Пропала жъ моя та головонька! Ой рятуйте жъ, рятуйте жъ, кумасю риднесенькій, дядечку, батечку! Ой-ой-ой! Доленька жъ моя та нещасная! Лышенько жъ мое довичнее! Ой забралы жъ, забралы жъ, рукы повьязалы! Ой що жъ мени подіяты безталанній, де жъ мени рятунку шукаты, свою голывоньку вызволяты?! Ой-йой! Ой-йой!... Причитывали одна другой жалобнѣе и краснорѣчивѣе насчастныя женщины, то поднимаемыя мною съ полу, то опять припадающія къ моимъ ногамъ, какъ будто во мнѣ была вся сила помочь имъ, освободить ихъ захваченныхъ мужей.

Этотъ горькій, отчаянный вопль сразу обезкуражилъ насъ всѣхъ: братъ и работникъ какъ приподнялись за столомъ, такъ и остались съ изумленными физіономіями, жена и работница сразу захныкали и вотъ вотъ готовы были начать вопить и причитывать, я, совершенно растерявшійся, только и дѣлалъ, что подымалъ падающихъ мнѣ въ ноги молодицъ, не зная, что дѣлать, чѣмъ пособить ихъ горю, а прежде всего чѣмъ унять ихъ надрывающія душу вопли. Мои отрывочныя фразы вродѣ—

„Богъ зъ вамы!“ „Та не плачте!“ „Не голосить!“ „Господь поможе!“ и т. п. ничуть ихъ не успокаивали, а только какъ бы вызывали новый и новый приливъ жалостныхъ причитаній и присущей въ такія минуты всѣмъ украинкамъ импровизаціи.

— Ой на що жъ ти мене моя матинко, на свитъ породыла, та не дала ни щастя, ни доленьки! Та остануся жъ я на поталоньку, на горюваньячко! Закотылася жъ моя зоря ясная, сонечко мое весиннее! и т. д. и т. д.

Я близокъ былъ къ тому, чтобы присоединиться къ этому плачу и своими застилавшими мнѣ уже давно глаза слезами, но въ своихъ причитаніяхъ молодицы подсказали сами, что мнѣ дѣлать.

— Ой риднисенькый! Ходимъ же туды! Та жежъ воны васъ послухають! Заступитьця жъ, батечку! Не дайте жъ загинуть безталанній моій та головоньци...

Не оставалось ничего иного дѣлать, какъ только идти съ этими несчастными женщинами туда, гдѣ совершалось это встревожившее мирную жизнь села событіе, сознавая въ то же время полнѣйшую невозможность пособить ихъ горю.

Наскоро одѣвшись, вышелъ я изъ дому съ переставшими вопить, а только всхлипывающими *молодыцями*. Мы пошли прямикомъ черезъ огороды. На селѣ, по яру, издали доносились вопли и причитанія, лаяли собаки, хрустѣлъ снѣгъ отъ спѣшнаго хода людей. Когда мы вышли на улицу, то одной изъ моихъ спутницъ какая то дѣвочка вынесла сапоги и я тогда только замѣтилъ, что эта несчастная была босая. Съ нами вмѣстѣ и обгоняя насъ, шло по улицѣ много людей къ хатѣ вдовы Тимошихи, гдѣ на ту пору было что то вродѣ сборни, такъ какъ особой сельской расправы въ нашемъ селѣ общество не успѣло устроить. По пути я узналъ, что „схопылы и звязалы и Опанаса Янченка, и Григорія, и Корнія, и Якима, и Микиту, и Омелька и еще и еще кого то, человѣкъ 10, и что Иванъ Музыка „*розопхнувъ старыкивъ и утикъ*“, что еще не рѣшено, кого именно сдавать на службу, кого весть *до прыйому*, кого ставить *лобовымъ* и кого *на пидставу*, ибо самое предписаніе о наборѣ только сегодня утромъ получено вызывавшимся для этого именно въ волость старостою, что ради этой неопредѣленности и нахватали такъ много ребятъ, хотя изъ нашего

сельца по разсчету долженъ быть отданъ только одинъ рекрутъ.

Все это передано мнѣ моими спутниками обоего пола, число которыхъ увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ хатѣ Тимошихи. Около этой хаты чернѣла толпа народа, такъ что не видно было даже свѣта въ окнахъ. Слышны были оживленные дебаты мужчинъ съ рѣзко прорывающимися женскими голосами. Оказалось, что всѣхъ *захваченныхъ* заперли въ хату и теперь идетъ рѣчь о томъ, кого отдавать въ солдаты и кого брать *на пидставу*, чтобы замѣстить *лобованго*, если бы онъ почему либо оказался негоднымъ.

Высказывалось тутъ много кое чего. Упрекали тѣхъ, изъ семьи которыхъ еще не было взято ни одного солдата; припоминалось, что вотъ изъ такой то семьи отданы уже двое; возражалось на это то, что тогда была барская воля, что отдавали тогда, не соображаясь съ раскладкою рекрутчины на семьи, а сдавали на службу бобылей и непутныхъ людей, при чемъ припоминались разныя продѣлки сданныхъ на службу лицъ. Не добромъ вспоминались разные паны и экономы и не обошлось безъ нареканій на тѣхъ, кто тогда состоялъ при панахъ и экономахъ отаманомъ или имѣлъ вообще вѣсъ въ селѣ и экономіи.

Эти препирательства отчасти затушевывали то первое тяжелое впечатлѣніе, какому сразу всѣ мы вообще было поддались. Я стоялъ, замѣчаемый мало кѣмъ изъ увлекшихся дебатами, внимая долетающимъ ко мнѣ спорамъ и уже немного успокоившійся. Но не успокоилась одна изъ приведшихъ меня сюда молодицъ; изъ слышанныхъ ли споровъ вывела она заключеніе, что ея мужа непремѣнно отдадутъ въ солдаты, или просто сказалась молодая нервозность, но только она вдругъ припала ко мнѣ на плечо и такъ отчаянно заголосила, что всѣ спорящіе вдругъ замолкли и обратились къ намъ. Я только и нашелся сказать:

— Та киньчайте жъ бо це дило швыдче, не ростроюжуйте народъ! Кажить, кому йти, а кому зоставаться, та тихъ и одпустить! Що жъ ихъ морить та нудыть...

Эти мои слова, неожиданно для меня самаго, возымѣли желанное дѣйствіе.

— Та вже якъ не змагатьця, а Корнія треба одряжать, а Михайла на пидставу, отозвался старый Якимъ Майоренко.

— Чы такъ той такъ! Тутъ инакше не зтокмаемось... отозвался староста, а за нимъ и еще нѣсколько голосовъ. Еге жъ, Еге жъ!

Опредѣленіе это сразу остановило всѣ препирательства, оно какъ бы только формулировало созрѣвшее въ головѣ каждаго участника сборища рѣшеніе.

Общее хныканье утихло, но за то *стара Кухарка* (мать Михайла) разразилась цѣлымъ потокомъ причитаній, между коими вырывались недобрые посулы всѣмъ ея и ея сына недоброжелателямъ—*лыхымъ ворижонькамъ*.

— Ой сыночку жъ ты мій, соколыку! Зростыла жъ я тебе, выкохала, якъ рожевый цвитъ, якъ маковочку на поталу чужую, на лыхую годыноньку, соби на лышенько, на горюваньячко, ворогамъ лыхымъ,—бодай воны сонечка ясного не побачылы,—на знущаньячко. Бодай же воны на соби, та на дитяхъ своихъ цюю довадоньку тай дозналы... и т. п.

По мѣрѣ развитія импровизацій—причитываній *старои Кухаркы, жинкы* опять кое гдѣ начали всплакивать, а мужчины мрачно занялись исполненіемъ своего опредѣленія: откуда то взялись кандалы и Петро Довбань—коваль, всѣ двинулись въ хату, гдѣ сидѣла цѣлая юрба захваченныхъ молодыхъ людей. Ихъ по одиночкѣ выпускали: староста бралъ за плечо, провожалъ до дверей и выпускалъ, приговаривая: „Выпустить! Иды зъ Богомъ!“— не выпущенными остались только Корній и Михайло.

Корній—невзрачный на видъ, съ *продиломъ* [1]), въ цвѣтномъ гарусномъ шарфѣ на шеѣ, въ жилеткѣ и съ серьгой въ одномъ ухѣ—отличался внѣшностію отъ всѣхъ сельчанъ; онъ похожъ былъ на господскаго кучера. Послѣдніе три-четыре года онъ каждое лѣто до поздней осени пребывалъ *десь на Бессарабіи* (т. е. на взморьѣ), на зароботкахъ, что еще болѣе сдѣлало его отличнымъ по манерамъ среди села. Онъ былъ сильно пьянъ и,

---

[1]) Въ то время на Украинѣ носили волоса подстриженными въ кружокъ. Носили *продилъ* и зачесывались въ сторону, на бокъ лишь тѣ, кто какимъ бы то ни было путемъ выбивался изъ общей колеи.

какъ оказавшій сопротивленіе при задержаніи, былъ связанъ у локтей поясомъ. На предложеніе старосты сѣсть на полъ, чтобы ковалю было удобнѣе заклепывать кандалы, Корній началъ ругаться *по соромыцькы*, при чемъ бился объ стѣну, метался, размахивалъ ногами, плакалъ и кричалъ.

Михайло—стройный, прекрасно сложенный блондинъ, блѣдный, какъ глина—стоялъ посреди избы въ шапкѣ и разстегнутомъ полушубкѣ, не произнося ни слова; въ рукахъ у него былъ его поясъ, которымъ онъ былъ связанъ на первыхъ порахъ до привода въ хату Тимошихи...

— Ну! сидай ты, хлопче! Що жъ робыть?! обратился староста къ Михайлу.

Михайло сѣлъ на полъ и, какъ бы въ забытьи какомъ, безсознательно протянулъ обѣ ноги. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его блѣдномъ лицѣ, только каріе глаза неестественно блестѣли изъ подъ нахмуренныхъ бровей. Со двора отрывками доносились причитыванія старой его матери.

Кто то взялъ съ припечка *каганець* (свѣтильникъ) и посвѣтилъ ковалю, который дрожащими руками приспособливалъ скобу кандаловъ вокругъ голенища сапога. Все замолкло, вниманіе всѣхъ сосредоточилось на этой скобѣ. Коваль далъ кому то подержать ребромъ поставленные подъ выгибъ скобы клещи, торопливо примостилъ заклёпку и затѣмъ, дрожа, промахиваясь, началъ бить по ней молоткомъ. Только послѣ нѣсколькихъ ударовъ молотка заклёпка, искривившись, сплющилась и коваль, тяжело дыша, приподнялся съ полу съ раскраснѣвшимся потнымъ лицомъ. Тишина въ избѣ, нарушаемая только звякавшимъ о заклёпку молоткомъ, такъ какъ Корній какъ то замолкъ, послѣ окончанія заклепыванія прервана была чьимъ то тяжелымъ вздохомъ. Михайло, все такой же окаменѣлый, сидѣлъ на полу, вытянувъ раздвинутыя ноги, съ откинутымъ назадъ, подпертымъ руками туловищемъ и съ низко опущенною головою. Такъ онъ и остался, когда уже и коваль всталъ и когда напряженная тишина смѣнилась было на минуту движеніями и кое гдѣ слышными вздохами.

— Иды, сидай!—обратился нахмуренный и блѣдный староста къ Корнію и тотъ покорно ступилъ къ Михайлу и, поддержи-

ваемый кѣмъ то за связанные локти, сѣлъ на полу на указанное мѣсто.

Все опять затихло, дыханіе даже затаилось, опять всѣ глаза устремились на освѣщенныя поднесеннымъ каганцемъ ноги Михайла и Корнія. Звякнула цѣпь кандаловъ, послышалось вполголоса произнесенное ковалемъ приказаніе что то повернуть, подержать, гдѣ то посвѣтить, и черезъ мгновеніе стукнулъ разъ и два молотокъ о заклёпку.

— Отъ такъ, такъ! Зразу... послышалось въ центрѣ сцены, около ногъ рекрутъ, и вслѣдъ за тѣмъ кто то брякнулъ:

— Цьому йты: бачъ якъ зъ разу заклепнувъ!.. и всѣ зашевелились, напряженность исчезла. Послышались вопли и ругань расходившагося опять Корнія, *голосинья* Кухарки.

Мнѣ, какъ вѣроятно и всѣмъ, не втерпежъ было переносить долѣе всѣ эти впечатлѣнія и мы двинулись изъ избы.

При общемъ движеніи не слышно было громкаго говора, а только шепотомъ передавались наблюденія. Всѣ мы чувствовали себя угнетенными, подавленными, какъ бы виновными въ совершеніи какого то преступленія.

— Оттакъ було й тоди, якъ Семена ковалы: биля Явтуха скилькы возывся—клацавъ, клацавъ молоткомъ, а якъ дойшло до Семена, такъ вразъ!... разсказывалъ кто то старику.

Долго ворочался я на постели съ боку на бокъ, пока сонъ не успокоилъ растревоженныхъ нервовъ...

Нынѣшнее поколѣніе, являющееся въ лицѣ молодыхъ людей, достигшихъ призывнаго возраста, безъ всякаго привода къ отбытію воинской повинности, разумѣется, не увидитъ подобныхъ сценъ и тѣмъ менѣе можетъ быть субъектомъ этихъ страданій. Но мы—къ вамъ обращаюсь, мои сверстники—видывали эти душу раздирающія драмы и, стоя въ нашей уже сознательной юности какъ разъ на грани дореформенной жизни Россіи, отряхнувшіеся отъ крѣпостничества, всецѣло отдавшіеся новымъ въ то время вѣяніямъ, все душей переживали эти горькіе моменты народной жизни. Любящая и отзывчивая юность далека была не только отъ безучастности къ страданьямъ народа, но даже игнорировала

скорбную необходимость извѣстнаго режима, вызываемую условіями быта среды. Мы видѣли только страданія, только насиліе и сочувствовали жертвамъ этого насилія, глубоко жалѣли субъектовъ этихъ страданій.

И, даже оглянувшись на это прошлое изъ настоящаго далека, едва ли найдется возможность укорить насъ въ лишней экзальтаціи, въ преувеличеніи нашихъ симпатій и антипатій. Въ то время любви и симпатій нашихъ къ народу нельзя было допустить никакихъ модулирующихъ эти влеченія „но“. Полагаю, что всѣ дѣятели совершившихся реформъ, съ незабвеннымъ вѣчно государемъ Александромъ Николаевичемъ во главѣ, не чужды были этой односторонности въ своихъ стремленіяхъ къ облегченію субъективныхъ страданій человѣчества, въ своемъ осужденіи всего того, что тяжелымъ гнетомъ лежало на дореформенной Руси. У нихъ тоже не существовало, вѣроятно, никакихъ „но“. Нужно было всѣмъ сердцемъ возлюбить народъ и всею душею возненавидѣть все угнетавшее его, чтобы исполнить всѣ тѣ преобразованія, которыми славно истекшее царствованіе. Да! это поколѣніе исполнило вполнѣ отчетливо роль, указанную ему ходомъ исторіи, оно вѣровало въ своего бога—сознанную истину—а „безъ любви невозможно угодити Богу“. Нынѣшнее поколѣніе, какъ кажется, задалось мыслью подбавить ригоризма въ дѣлѣ режима. Только будущее рѣшитъ вопросъ о томъ, кто и что болѣе подвинетъ Россію на пути къ прогрессу и преуспѣянію въ гражданственности, мы же только, отнесясь, по возможности, объективно въ совершавшемуся и совершающемуся, не ошибемся, кажется, если скажемъ, что любовь исполнила уже свое, а что сдѣлаетъ ригоризмъ—еще неизвѣстно. Лично я стараюсь воспроизвесть тѣ образы прошлаго, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ живописать то, что меня поражало во дни моей юности, вызывало къ себѣ сочувствіе или антипатіи. Однимъ изъ такихъ явленій жизни была рекрутчина, воспоминанія о коей и составляютъ предметъ моей настоящей статьи.

Въ то время, когда отдача на 25-лѣтнюю, тяжело обставленную службу стояла въ прямой зависимости отъ воли помѣщика, его управляющаго или приближенныхъ къ нимъ лицъ, не

всегда руководившихся чувствомъ справедливости и мѣрности, а сплошь и рядомъ личными взглядами, а иногда и низменными чувствами, народъ смотрѣлъ на рекрутчину, какъ на какое то неотразимое, чисто стихійное бѣдствіе, нежданно негаданно обрушивающееся на того или другаго изъ собратій. Понятно, что при такихъ условіяхъ являлось инстинктивное чувство самосохраненія и оправдываемость всевозможныхъ средствъ для избѣжанія этой напасти. „Sauve qui peut“, правило всѣми единодушно исповѣдываемое и всѣми оправдываемое, было обыкновеннымъ откликомъ на вызовъ къ исполненію воинской повинности. И дѣйствительно, всѣ спасались, кто какъ могъ.

Для украинца особенно тяжела была рекрутчина: для него, особенно при условіяхъ военной службы того времени, это было не только подчиненіе всей строгости регламента, но и, если можно такъ выразиться, вынародовленіе, ломка всего того, что составляетъ его индивидуальность, всѣхъ особенностей его народнаго характера и кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, отдаленіе отъ родины, загонъ *у чужую дальню сторону* [1]). Отданный въ военную службу—(я говорю о прошломъ)—украинецъ дѣлался для своей родины въ полномъ смыслѣ слова отрѣзаннымъ ломтемъ: въ немъ долженъ былъ умереть Луценко, Онищенко, а возродиться Лукинъ, Анисимовъ, онъ шелъ не только въ солдаты, но и въ *„москали“*.

Заженуть тебе въ дальню сторону
И почнуть муштруваты;
И звелять тоби мову ридную
На чужу изломаты.
И наломышся, и забудешъ ты
Свою мову ридненьку...
Спомъянешъ не разъ не поридньому
Свою ридную неньку...

Вдохновенно говоритъ Руданскій въ своей колыбельной пѣснѣ крипачки.

---

[1]) Большинство контингента новобранцевъ изъ Украины шли или на Кавказъ, или въ гвардію.

На Украинѣ *солдатъ* и *москаль* это синонимы и послѣднее слово употребляется исключительно въ смыслѣ солдатъ. Для обозначенія великороссіянина украинецъ употребляетъ слова „руській“, „кацапъ“, а *москаль*, *московка* означаетъ солдатъ, солдатка.

Ой рады бъ мы повертатыся—*москаль* не пускае.

Не такъ *москаль*, не такъ *москаль*, якъ *московська* маты,

говорится въ пѣснѣ. Во всѣхъ анекдотахъ, гдѣ фигурируетъ солдатъ, онъ назывался *москалемъ*.

«А що бъ не плакавъ, не журывсь—
Такъ отдалы въ *москали*» ...

говоритъ съ горькой ироніей Т. Гр. Шевченко.

Не только въ описываемое прошлое время, но и теперь еще есть возможность наблюдать этотъ горькій процессъ перерожденія вчерашняго ловкаго сельскаго парня въ неуклюжаго рекрута. Здѣсь тѣ же законы метаморфозы, какіе мы видимъ въ жизни насѣкомыхъ. Здѣсь тоже можно видѣть моментъ кукольнаго замиранія прежней жизни, чтобы превратиться изъ мужика въ солдата.

Молодой человѣкъ 21—25 лѣтъ, часто уже женатый, все время этой молодой жизни проведшій подъ ферулой семейнаго, строго моральнаго, режима, стыдливый въ своихъ сердечныхъ влеченіяхъ и цѣломудренный въ словѣ и дѣлѣ, вдругъ становится объектомъ осматриванія чужихъ для него людей, заинтересованныхъ только пригодностію его для ненужной вовсе ему цѣли. Обнаженнаго его осматриваютъ, ощупываютъ, обнюхиваютъ, мѣряютъ его ростъ и вышину его ногъ и, наконецъ, произносятъ роковое „лобъ“—(теперь говорятъ „годенъ“). Послѣ произнесеніи этого роковаго слова онъ поступаетъ въ распоряженіе цирульника, большею частію изъ евреевъ, который бритвою обезображиваетъ его голову, лишая ее природнаго ея украшенія—волосъ и затѣмъ сдаетъ его грубымъ, солдатамъ и всему безсердечному режиму солдатчины—(я говорю все это про прошлое). Позади остается все дорогое, родное, милое сердцу, безвозвратно теряемое, въ настоящемъ—черствое отношеніе пріемщиковъ и сторожей, впереди — строгость, безконечно для-

щаяся служба, страшная еще болѣе своею неизвѣстностію... Моментъ, согласитесь, крайне драматическій, способный убить всю силу воли, все самосознаніе.

Такъ оно и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Рекрутъ замираетъ, становится апатичнымъ, тупѣетъ: онъ не сознаетъ себя, онъ не понимаетъ ничего совершающагося кругомъ него и въ руки „дядьки“—этого продукта муштровки и воплощенія военнаго регламента, — онъ поступаетъ, какъ начинающій говорить и ходить ребенокъ. „Дядька“ внушаетъ ему, что все то милое и дорогое, что онъ оставилъ, не хорошо, смѣшно: смѣшенъ и бытъ его села, и сельская манера, и его „*мазёпскій*“ языкъ и вообще все то, что составляло суть прежней жизни. Да! въ этомъ новобранцѣ этою процедурой *пріема*, а особенно въ украинцѣ, убивался окончательно homo sapiens, а оставался зоологическій представитель отдѣла двурукихъ, только носящій родовое названіе homo. Это былъ живой организмъ чисто физіологическій, психически мертвый, готовый вполнѣ воспринять нравственный обликъ такой, какой ему придастъ приставленный къ нему воспитатель „*дядька*“ и окружающая среда.

Вчерашній ловкій парубокъ, видный танцоръ, лихой табунщикъ, пѣвецъ и прибауточникъ, рекрутъ до того сразу тупѣетъ, что не въ состояніи понимать, гдѣ лѣво, гдѣ право; научиться даже вдвоемъ ходить *въ ногу* составляетъ для него еле преодолимую задачу... А тутъ сразу топчутъ ему въ голову все, что въ состояніи окончательно забить всякое пониманіе. Я помню, какъ проходившій съ партіей одинъ новобранецъ, уже женатый, мой кумъ, зашедшій попрощаться ко мнѣ, уморилъ было меня своею солдатчиною: онъ ничего больше не говорилъ, какъ только, пресмѣшно коверкая, перечислялъ своихъ начальниковъ и хвасталъ знаніемъ названій частей ружья—ладыжка, спускъ, скоба, спусковая пружина и т. д., при чемъ онъ начиналъ словами „зборка и разборка оружія“, послѣ чего, не передыхая, говорилъ: „повернуть штыковой хомутыкъ, снять штыкъ“ и т. д. Въ эту тяжелую минуту прощанія съ оставляемыми селомъ и семьею онъ, какъ маньякъ, только повторялъ все вышеупомянутое. А я мѣ-

сяца два передъ тѣмъ зналъ его, какъ толковаго, замѣчательно сдержаннаго молодаго громадянина. Бывшія съ нимъ у меня мать и молодая жена его только покачивали на него, какъ будто въ горячкѣ бредящаго, головами и утирали неудержимыя слезы: онѣ хоронили въ немъ сына и мужа и съ грустію взирали на рождающагося солдата.

Интересы государства или государственности требовали этой тяжелой повинности—жертвы отъ народа и не намъ возражать противъ этой мѣры, но мы можемъ выяснять всю тяготу исполненія этой повинности, понятую правительствомъ и облегченную настоящимъ порядкомъ призыва на службу гражданъ, а равно и сокращеніемъ до возможной мѣры срока службы. Мы осужденіемъ прошлаго, тяжелаго въ воспоминаніяхъ, вполнѣ одобряемъ настоящее. А нельзя этого прошлаго не осуждать: къ чему въ самомъ дѣлѣ нужны были всѣ эти муки долгосрочной службы, эта выправка, когда на нашихъ глазахъ новобранцы въ 1877 году послѣ 2—3-хъ мѣсяцевъ обученія дѣлались вполнѣ способными для пополненія рѣдѣющихъ подъ Плевной, Карсомъ и на Шипкѣ рядовъ нашей арміи. Къ чему заковывали въ желѣзо, брили, отцовъ тѣхъ, которые теперь сами являются къ призыву и въ 4—6 лѣтъ настолько изучаютъ военную службу, что государство можетъ вполнѣ разсчитывать на нихъ, какъ на заготовленную силу, вполнѣ способную къ дѣлу въ случаѣ надобности.

Нехорошее, тяжелое было это прошлое. Вспоминая его, мы стараемся припоминать всѣ его стороны и, какъ видите, не только эпизодически, но и въ сужденіяхъ. Ради этого мы не имѣемъ права пропустить молчаніемъ еще одну грустную сторону этого дѣла—умолчать о солдаткахъ.

Говорить мы будемъ не про женъ солдатъ вообще, а про женъ новобранцевъ. Все это молодыя женщины, оставляемыя мужьями на первыхъ порахъ супружеской жизни, рѣдко болѣе двухъ лѣтъ послѣ брака, но часто послѣ двухъ—трехъ мѣсяцевъ, а то и недѣль, сожитія.

Въ крестьянскомъ быту сплошь и рядомъ совершаются браки не по любви, а такъ, какъ придется, при чемъ экономиче-

скія условія жизни обѣихъ брачущихся сторонъ играютъ не маловажную роль. (Этимъ мы не исключаемъ и случаевъ брака по любви, по сердечному влеченію, внѣ всякихъ разсчетовъ. Бываютъ и такіе браки, но первые значительно чаще). Поэтому то и всѣ почти пѣсни *жиноцкія* проникнуты жалобой на семейную жизнь, дѣвичьи—предугадываніями горькой доли супружества. Этимъ же мы объясняемъ и жалобность свадебныхъ пѣсенъ, въ которыхъ оплакивается дѣвичья воля, замѣняемая въ бракѣ неприглядною жизнью молодой невѣстки въ чужой семьѣ. Но и при этихъ условіяхъ брака, особенно въ хорошихъ семьяхъ, жизнь *молодятъ* скрашивается раждающеюся самою по себѣ любовью. Поговорка „сживутся—слюбятся“ часто вполнѣ оправдывается. И въ самомъ дѣлѣ, юные, цѣломудренные вполнѣ женихъ и невѣста, просто физіологическою потребностію сближаются другъ съ другомъ и дѣйствительно любятъ другъ друга, сживаются и становятся взаимнымъ пополненіемъ. Она для него есть то, чему онъ отдаетъ весь пылъ молодой страсти, *винъ* для нея все, ея суженый, ея *чоловикъ*, единственный представитель другаго пола, кому она отдана и кому отдалась. Неиспорченныя эти натуры, сблизившись физіологически, связываются и нравственно.

Но вотъ въ моментъ, когда только эти взаимныя отношенія начинаютъ устанавливаться, а иногда когда они достигаютъ самаго кульминаціоннаго пункта, эту любящуюся пару постигаетъ ужасное несчастье: угроза разлуки, чуть не вѣчнаго разъединенія. *Его* берутъ въ рекруты, заковываютъ въ кандалы и вотъ вотъ повезутъ въ городъ, вернуться откуда очень мало шансовъ. Можете себѣ представить, что дѣлается съ этими молодыми, еле начавшими жить полною жизнію существами! Здѣсь нѣтъ разсужденій, нѣтъ даже никакихъ объясненій—есть одно только: это разлука, убивающая чуть не навсегда родившуюся жизнь—любовь.

«Розлучылы насъ зъ тобою,
«Якъ рыбоньку изъ водою»

плачетъ пѣсня. Какъ рыбѣ безъ воды нѣтъ возможности жить, такъ они, недавно слившіеся, взаимно выполнившіе другъ друга, лишатся жизни. Послѣ уже являются обсужденія положенія, но на первыхъ порахъ эта разлука—та же смерть, смерть чув-

ства, супружеской жизни. Ошеломленные, убитые, эти молодые супруги разлучаются еще не сразу. До окончательной разлуки они еще много выстрадаютъ, переживутъ и перечувствуютъ боль этой раны. Раненые на первыхъ порахъ не чувствуютъ боли, а ошеломляются ударомъ пули, ядра, часто оглушаются настолько, что долго бываютъ въ безпамятствѣ, а страданія настоящія начинаются именно съ того момента, когда раненый приходитъ въ память, въ сознаніе. Психическій процессъ, совершающійся въ этихъ двухъ молодыхъ супругахъ, совершенно аналогиченъ съ физіологическимъ процессомъ у раненаго. Опомнившіеся послѣ перваго удара, эти супруги начинаютъ страдать невыразимо. Ужасъ ихъ положенія, всѣ послѣдствія этой разлуки становятся имъ вполнѣ ясными и вполнѣ понимаемыми. *Она*, по многимъ видѣннымъ ею примѣрамъ, хорошо знаетъ, что значитъ оставаться въ чужой семьѣ безъ мужа, безъ друга; знаетъ она, какими глазами будутъ смотрѣть на неё, какъ будутъ помыкать ею свекровь и старшая ятровка [1]), какъ каждый шагъ ея будетъ контролироваться недружелюбно къ ней настроенными наблюдателями, какъ ей трудно будетъ уберечь себя, при ея молодости и при установившемся въ средѣ взглядѣ на солдатку, отъ всего, что тѣнью падаетъ на ея репутацію, не говоря уже о томъ, какъ ей жалко, какъ тяжело разлучаться съ полюбленнымъ ею человѣкомъ. *Онъ* испытываетъ всю тяжесть разлуки съ любимымъ существомъ, которое онъ считалъ неотъемлемо своимъ; онъ знаетъ, насколько этою разлукою нарушается эта неотъемлемость, эта неприкосновенность любимой женщины, какъ она останется безъ него на горе, *на поталу*, какъ она будетъ изображать собою пресловутый *горохъ при дорози*. Разыгрывается въ немъ чувство ревности и доходитъ до болѣзненности. Болѣзненность эта усиливается до невозможности переносить её и въ эти моменты онъ готовъ убить объектъ своего чувства, и во всякомъ случаѣ, помимо воли, испытываетъ къ нему что то враждебное; болѣзненное чувство ревности подрываетъ взаимное довѣріе, онъ начинаетъ заподозрѣвать искренность ея сожалѣнія о немъ; каждый шагъ истолковывается

[1]) Жена деверя — брата мужа.

въ худшемъ направленіи и озлобленіе появляется наружу небывалою прежде руганью, а то и тычкомъ. Подобныя столкновенія въ прежней жизни затирались усугубленною лаской супружескаго сожитія, а теперь и это невозможно. Зародившаяся любовь ослабляется. Въ мысляхъ изстрадавшейся женщины, оскорбляемой, не находящей прежней ласки, не признающей себя виновною въ совершающемся событіи, въ минуты ропота мелькаютъ образы привольной жизни знакомыхъ веселыхъ солдатокъ, выбившихся изъ подъ ферулы семьи и прожигающихъ жизнь въ городѣ. Но она еще гонитъ отъ себя эти омерзительныя ей картины, она еще любовно обращаетъ взоръ на затосковавшаго мужа, все еще ей милаго, героя ея юной жизни. Озлобленный, раздраженный онъ все таки еще тотъ же самый, какого она привыкла видѣть съ того момента, когда впервые стыдливо глянула на него, какъ на жениха, и во все время счастливой жизни молодоженовъ: все тѣ же *кучери*, которыя она не разъ перебирала *сыкаючись*, вьются надъ его черными бровями, всё та же загорѣлая шея вырѣзывается изъ подъ разпитаго ею и не разъ любовно застёгиваемаго *комира*. Она его любитъ и дрожитъ при мысли о разлукѣ съ нимъ.

Начинаются проводы въ городъ, послѣднія минуты прощанія съ селомъ. *Она* отправится туда съ нимъ и теперь *онъ* съ нею не прощается. Мало вообще пившій, *онъ* теперь напивается до нельзя, выпивши, въ какомъ то отчаяніи бушуетъ, на неё или мало обращаетъ вниманія, прощаясь съ оставляемыми, или, когда въ охмѣлѣвшемъ мозгу всплываетъ опять чувство ревности, ни съ того ни съ сего оскорбляетъ *её*, сунувшуюся было *его* уговаривать или воздерживать, руганью или оплеухой. Вообще эти два существа, страдающія до нельзя, взаимно другъ въ другѣ видятъ причину этихъ страданій и какъ умирающій, не перенося разлуки съ любимыми имъ людьми въ минуту ощущенія невыносимой тоски при мысли о вѣчной разлукѣ, отворачивается отъ покидаемыхъ, такъ и эта разъединяемая пара, изстрадавшаяся въ душѣ, сторонится другъ отъ друга. *Ему* невыносимо тяжело въ ея присутствіи, *ей* онъ становится невыносимымъ съ его раздражительностію.

Въ мрачномъ туманѣ снѣдающей душу тоски эта пара прибываетъ въ городъ. Все болѣе и болѣе раздражаемый приближеніемъ развязки вопроса быть или не быть, съ отяжелѣвшей съ похмѣлья головою, въ которой цѣлый сумбуръ мыслей, надеждъ и предположеній, *онъ* прибываетъ въ городъ. *Она*, нравственно измученная, физически усталая, тутъ же при немъ въ числѣ другихъ, провожающихъ своихъ. Нужна необыкновенная сила молодой натуры, чтобы вынести всю массу этой совокупности страданій и физическихъ, и нравственныхъ.

Они не видятъ города, въ которомъ они впервые въ жизни; въ ихъ памяти остается только то зданіе, куда они шли съ такими же страдальцами, около котораго вотъ вотъ и окончательно рѣшится ихъ участь. Вотъ, она заплаканными глазами проводила его въ эту черную тучу людей и какихъ то сооруженій, тучи эти закрыли дорогія очертанія ея милаго, обрисовавшіяся на послѣдней ступени крыльца, и остается она одинокая со своею душевною болью, съ невыразимо тяжелою тоской томиться и ожидать рѣшенія свой участи. Вотъ, вотъ услышитъ она радостное слово *затылокъ*, увидитъ бѣгущаго къ ней *его* и они, воскресшіе, со слезами радости, опять заживутъ такъ хорошо, сладостно начавшею было распускаться жизнію. Но неизмѣримо долго длятся минуты томленія, ожиданія. Изболѣвшая душой, она отупѣваетъ, усталый мозгъ уже не работаетъ и она забылась, наконецъ, въ какомъ то отупѣніи.

И вотъ въ эту минуту ее, забывшуюся, расталкиваютъ и говорятъ ей, что *его* приняли, сказали ему *лобъ*. Пробужденіе ужасное! Какъ гальваническій токъ, это сознаніе безвозвратности потери потрясаетъ это молодое существо, она готова свалиться отъ стиснувшей сердце боли, все мутится у нея въ глазахъ, вотъ, вотъ послѣдуетъ обморокъ, столбнякъ, сосуды сердца лопнутъ отъ внезапно приливше крови... Но благодѣтельная природа открываетъ спасительный клапанъ, отлившая отъ сердца кровь быстро приливаетъ къ мозгамъ, къ лицу, которое изъ смертельно блѣднаго становится краснымъ, и облегчающія страданія слезы льются потокомъ изъ глазъ, возбужденная приливомъ крови дѣятельность мозга выражается причитываніемъ,

этимъ душу разрывающимъ плачемъ съ импровизаціями—*голосиньнямъ*.

Ея *голосиньня* сливается съ воплями другихъ такихъ же несчастныхъ и въ этомъ ужасномъ хорѣ оплакивается нѣсколько погибающихъ молодыхъ жизней обоего пола. Этотъ хоръ погребальнаго плача то взмываетъ высокими нотами, то падаетъ до аккомпанируемаго всхлипываніемъ речетатива. Нѣтъ въ этомъ хорѣ установленныхъ кадансовъ, нѣтъ ритмическаго расположенія ноты, но за то каждый въ отдѣльности звукъ, каждое отчетливо услышанное слово рвутъ душу, выжимаютъ слезы изъ глазъ всѣхъ присутствующихъ. Насупливаются брови надъ строгими глазами стоящихъ въ толпѣ мужиковъ, надвигаются на лобъ ниже встряхиваніемъ головы высокія смушевыя шапки и даже въ физіономіи одеревенѣвшаго стараго солдата, стоящаго на крыльцѣ, проявляется какая то мягкость, по лицу его какъ бы пролетаетъ тѣнь какого то сердечнаго воспоминанія. Такъ размягчается засохшая кожа брызгами воды на мгновеніе, чтобы вслѣдъ за испареніемъ влаги еще болѣе отвердѣть, закорузнуть.

Выше мы уже говорили о тѣхъ нравственныхъ испытаніяхъ, какимъ подвергается рекрутъ при пріемѣ.

Вотъ *онъ* въ толпѣ другихъ выходитъ подъ стражею солдатъ, окончательно отупѣвшій, ничего не понимающій, толкаемый тѣми же стражами, на крыльцо присутствія. Замолкло *голосиньня*, всѣ ожидавшіе выхода новобранцевъ онѣмѣли въ ожиданіи;—но *она* не узнаетъ *его*. Обезсиленный, осунувшійся, съ бритою головою—это не *онъ*, это не объектъ ея молодой любви, это трупъ, мертвый скелетъ ея милаго, онъ умеръ уже и она уже его оплакала. Это какое то безобразное, какъ трупъ, существо, о которомъ можно плакать, но любить которое уже нельзя и быть съ которымъ тяжело.

Вотъ что *она* чувствуетъ въ эту минуту появленія предъ нею преобразившагося *его*.

Начинается цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ *онъ* все больше и больше теряетъ въ глазахъ ея ореолъ героя ея первой любви. [redacted] въ этомъ ужасномъ жизненномъ крушеніи

всю ловкость, развязность молодаго селянина, отупѣлый обезображенный бритвою, онъ становится неповоротливымъ, плохо понимающимъ адресуемыя къ нему на чужомъ для него говорѣ требованія своихъ воспитателей—солдатъ; онъ въ то же время не перестаетъ раздраженно относится къ *ней*, причинѣ своей душевной боли. Жалкій самъ по себѣ, *онъ* ревнуетъ *ее* еще болѣе, не лаская ее окончательно. Ей становится съ каждымъ часомъ все тяжелѣе и тяжелѣе быть съ нимъ, онъ дѣлается ей, наконецъ, даже противнымъ и только еще кое когда пробуждается въ *ней* къ *нему* чувство жалости. Прежняго чувства молодой цѣломудренной любви уже и слѣда нѣтъ. Не окрѣпшая она изчезла въ этомъ кризисѣ. Является на сцену критика, сравненіе его съ другими какъ меньше его угнетенными его сотоварищами новобранцами, такъ и съ молодцоватыми, кокетничающими съ нею солдатами, сравненіе своего обездоленья съ веселою жизнію встрѣченныхъ въ городѣ солдатокъ, съ девизомъ „хоть часъ, та мій“ срывающихъ цвѣты свободной разгульной жизни—и всѣ эти сравненія и наблюденія далеко не склоняютъ *её* къ возстановленію прежнихъ чувствъ къ *нему*, а напротивъ „все не въ пользу *его* говоритъ“.

Наконецъ, они прощаются окончательно, партію угоняютъ на Кавказъ. Она послѣдній разъ голоситъ, причитываетъ, но уже оплакиваетъ не такъ *его*, какъ себя, свою горькую долю, свое одиночество. „Ой на кого жъ покидаешъ ты мене“, и т. п. слышится въ причитываніяхъ, и ни слова не говорится о *его* положеніи. *Онъ* не съумѣлъ формулировать даже своихъ наставленій покидаемой женѣ, наставленій, подсказываемыхъ ревностію. Общая психическая подавленность сказалась и здѣсь: что то въ родѣ „ты жъ *смотри*—(это слово онъ уже позаимствовалъ у солдатъ)—у мене! Щобъ тее, *значитъ*—(опять позаимствованіе).—А то я, якъ вернусь, то“... Не досказано, но понятно.

Народная пѣсня, сложенная внѣ условій этой подавленности, такъ трогательна и граціозно формулируетъ эту сторочу прощанья:

Тай забула молода дивчына роспытаты,
Чы дозволыть ій молоденькый погуляты.

«Гуляй, гуляй молода дивчыно, якъ гуляла!
Топчы жовти черевычкы, якъ топтала!
Держы розумъ въ своій головоньци, якъ держала
(будь также цѣломудренна).
Та не гуляй, мое серце зъ парубкамы,
Ой та гуляй, мое серце, зъ старыкамы.
Бо парубкы—(взирающіе на тебя, какъ на
покинутый предметъ моей страсти)—раду радять не такую:—
Воны тебе зъ розума зведутъ молодую—(соблазуятъ
тебя молодую, полную жизни и силы).
А старыкы раду радять статетнюю:
Воны тебе навчатымуть сердечную».

И вотъ она молодая, красивая, полная силы и жизни во всѣхъ функціонированіяхъ организма, остается одинокою, покинутою, беззащитною отъ нападеній увлекающихся ею и увлекающихъ её самцовъ, безсильная въ борьбѣ съ своею собственною кровью и плотью. Устоявшая даже при заигрываніи съ нею мужчинъ въ присутствіи мрачнаго *его*, безъ него она падатъ жертвою сладострастія среды, своего индивидуальнаго зоологическаго инстинкта. И смѣемъ ли мы произнесть слово обвиненія этой несчастной женщинѣ, смѣемъ ли мы по отношенію къ ней чувствовать что либо, кромѣ самого теплаго сожалѣнія, участія?! Хорошо еще, если она судьбою пристроится къ какому нибудь одному человѣку и въ немъ найдетъ потеряннаго мужа сожителя, безъ этого она дѣлается проституткою.

Уйдите вы съ вашимъ словомъ осужденія этой горькой женщины! Не она, а мы—общество, государство—виноваты, создавъ такія ужасныя условія жизни. И простой народъ въ своей совѣсти не капитъ её за на нарушающее филистеризмъ сельской жизни поведеніе, онъ смотритъ на неё снисходительно, прощаетъ ей многое. Она сама чувствуетъ себя нарушительницей правилъ общей морали и уже отказывается отъ почетной *намитки* мужевой жены—(я говорю о прошломъ)— *вывъязалась московкою* платкомъ и въ минуты загула съ горькимъ самоиздѣвательствомъ говоритъ про себя—„мени можна: я московка“ (солдатка)!

Въ болѣе близкое время на вопросъ мироваго судьи, обращенный къ одной солдаткѣ—селянкѣ, но прижившейся въ го-

родѣ:—„Чѣмъ вы, подсудимая, занимаетесь?“—послѣдовалъ отвѣтъ: —Б.....! Що жъ?! Я солдатка, що жъ мини робыть?“... При всемъ безстыдствѣ и нахальствѣ этого отвѣта, сколько горечи и упрёка послышалось мнѣ въ этихъ словахъ! Я солдатка и сама судьба указала мнѣ быть проституткою, судьба, такъ устроившая мою жизнь, и природа не лишившая меня физіологической потребности.

Многія изъ солдатокъ пускаются въ проституцію, руководясь тѣми соображеніями, что при этомъ способѣ удовлетворенія себя онѣ съ большей или меньшей вѣроятностію гарантированы отъ беременности, отъ рожденія обременяющихъ ихъ дѣтей, могущихъ сдѣлаться живымъ попрёкомъ по возвращеніи со службы мужа. Только благодаря установившемуся въ народной средѣ такту по отношенію къ солдаткамъ, не всѣ онѣ остаются проститутками, а по возвращеніи со службы мужей вновь дѣлаются мужевыми женами и хозяйками. Въ ихъ гулящей даже жизни безъ мужей народъ не дѣлаетъ изъ нихъ отверженцевъ общества, а своею терпимостію даетъ имъ возможность возвратиться и на лоно семьи, и въ прежнее положеніе.

Не скоро бы я кончилъ, еслибы захотѣлъ разсказывать еще о горькой долѣ несчастныхъ солдатокъ, приводить здѣсь извѣстные мнѣ эпизоды. Довольно, кажется, разсказаннаго съ возможною вѣрностію, чтобы и съ этой стороны видѣть всю тяготу военной повинности, необходимости коей мы не можемъ отрицать однако жъ, хотя бы и въ томъ далеко несовершенномъ видѣ, какою мы её знаемъ въ описываемомъ недалекомъ прошломъ.

И всѣ почти поголовно жалѣли тогда несчастныхъ рекрутовъ и при возможности помогали имъ избѣгать этого несчастія.

Въ моей замѣткѣ о посѣщеніи императоромъ Александромъ Благословеннымъ Бѣлой Церкви („Кіевская Старина“ 1889 года, кн. 4) я разсказалъ случай, когда дѣвки прачки подъ предводительствомъ энергичной кухарки Хотыны, во дворѣ моего дяди, освободили схваченнаго для отдачи въ рекруты нашего кучера. Сколько же возстаетъ въ моей памяти подобныхъ картинъ, видѣнныхъ мною лично или извѣстныхъ по разсказамъ?!

Гимназистомъ я какъ то натолкнулся въ лѣсной чащѣ на спящаго парубка въ грязномъ бѣльѣ и истоптанныхъ чоботахъ.

При немъ тутъ же лежала большая изъ осмоленнаго корня булава. Хотя я тогда изображалъ изъ себя охотника и былъ съ какимъ то плохенькимъ ружьецомъ, но эта сонная фигура показалась мнѣ настолько страшною, что я поспѣшно ретировался и послѣ чуть не бѣгомъ, постоянно оглядываясь, поспѣшилъ къ лѣсной сторожкѣ, гдѣ и разсказалъ двумъ сторожамъ о своей находкѣ. Молодой сторожъ сейчасъ было собрался идти въ лѣсъ и даже взялъ въ руки заткнутую въ стрѣху сторожки пику; но другой—старикъ, дядя молодаго — выразительно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Стривай но лышень! Ты проведы панича, а я самъ пійду побачу, що тамъ таке...

Оставаясь у сторожки, я вскорѣ увидалъ возвратившагося съ осмотра старика, который и заявилъ, что никого въ указанномъ мѣстѣ не нашелъ. Я хотѣлъ было вести сторожей указать видѣннаго бродягу, но старикъ отклонилъ это мое предложеніе. Онъ пошелъ въ сторожку и сквозь окно мнѣ видно было, какъ онъ, отрѣзавъ половину хлѣба, спряталъ её подъ полу. Вышедши къ намъ, онъ велѣлъ молодому провести меня до опушки.

Лакей моего дяди, которому я дома оживленно разсказывалъ про эту встрѣчу, какъ то особенно серьезно сказалъ:

— Много ихъ теперь скрывается по лѣсамъ! Добрый человѣкъ встрѣтитъ, еще и хлѣба подастъ ему сердечному...

Я понялъ, что видѣнный мною бродяга былъ одинъ изъ бѣжавшихъ отъ рекрутчины.

Эта моя догадка подтвердилась въ ближайшій праздничный день такимъ случаемъ:

Плавалъ я на челнокѣ по р. Роси между ея скалистыми берегами, позади стараго замчища въ м. Бѣлой Церкви. Только что причалилъ я къ низкому, въ уровень съ водою выступу скалы и собирался закинуть удочку, какъ вдругъ услыхалъ топотъ бѣгущаго по горѣ человѣка. Оглянувшись, я увидѣлъ чуть не кувыркомъ стремглавъ съ горы бѣгущую ко мнѣ фигуру нашего гимназическаго водовоза Оныська, безъ свиты и безъ шапки, только въ *жилёткѣ*. Я было струсилъ, ибо намъ, гимназистамъ, запре-

щалось плаваніе по рѣкѣ, и мнѣ показалось, что этотъ Онысько бѣжитъ ко мнѣ въ качествѣ уличителя въ запретномъ дѣлѣ.

Но Онысько оказался самъ какъ то особенно встревоженнымъ, блѣднымъ, онъ вскочилъ прямо въ челнокъ и, припавъ на дно его, вполголоса упрашивалъ меня перевезть на ту сторону. При этомъ онъ тяжело дышалъ и вытягивался по дну челнока, несмотря на то, что тамъ была неотлитая вода. Не давая себѣ отчета, я отпихнулся отъ скалы и погналъ весломъ челнокъ къ противоположному берегу рѣки по направленію къ стоящимъ съ ведрами на камнѣ какимъ то женщинамъ. Не успѣлъ еще челнокъ упереться въ берегъ, какъ Онысько, весь вымоченный бывшею въ лодкѣ водою, вскочилъ, прыгнулъ на камень и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать по спускавшимся къ рѣкѣ огородамъ. Женщины съ подтыканными подолами юпокъ и съ коромыслами въ рукахъ изумленно смотрѣли на мокраго, безъ шапки и безъ свиты въ такую пору года—(это было въ сентябрѣ или октябрѣ)—улепетывающаго парня. Я ничего не понималъ. Но молодицы поняли суть дѣла, переглянулись и одна изъ нихъ сказала:

— Це жъ винъ ажъ у Голендерню подався!...

(*Голендерня*—это былъ лѣсъ на правомъ берегу р. Роси противъ парка гр. Браницкихъ Александріи. Назывался этотъ лѣсъ такъ потому, что въ немъ на берегу рѣки устроено было молочное заведеніе графскаго двора, содержались голландскія (hollenderskie—по польски) коровы. Лѣсъ этотъ по берегу р. Роси тянулся далеко на западъ до селъ Пилипчи и Глибочки, и въ этомъ то лѣсу раньше я встрѣтилъ испугавшаго меня бѣглеца).

Проводя глазами скрывшагося въ садахъ Оныська, бабы съ любопытными и ласковыми лицами повернулись въ мою сторону и одна ихъ нихъ сказала:

— Це вы, панычу, соби у Бога спасенія заробылы, що перевезли хлопця. Та тилько тикайте же й самы, щобъ не було якои халепы!

Тогда я только понялъ, что помогъ Оныську бѣжать отъ рекрутчины, о которой мнѣ было извѣстно, и въ то же время испугался помянутой молодицею *халепы*. Сейчасъ же, спѣшно по-

пихиваясь весломъ, погналъ я челнокъ вдоль заричанскаго [1]) берега къ вербамъ огорода *дѣда Стрилька*, владѣльца лодки.

Оглянувшись уже изъ огорода *дида Стрилька*, я видѣлъ на камняхъ около замчища нѣсколькихъ человѣкъ, которые что то указывали руками на зарѣчанскій пустой берегъ, такъ какъ тамъ уже и бабъ не было.

Даже любимому Михайлу, вышеупомянутому лакею дяди, я долгое время не разсказывалъ про этотъ случай,—такъ боялся упомянутой бабами *халепы*.

На другой день въ гимназіи мнѣ разсказывали, какъ этотъ Онысько спасся отъ поимки въ гимназическомъ дворѣ. Увидавъ поимщиковъ или, можетъ быть, кѣмъ нибудь предупрежденный, онъ вскочилъ со двора въ ту часть гимназическаго зданія, гдѣ помѣщались гимназисты пансіонеры. Это случилось какъ разъ въ такое время, когда по случаю праздника учениковъ, большею частью католиковъ, выстроили въ пары вести къ вечернѣ (na nieszporу)—въ костелъ. Гимназисты накинули на него шинель, надѣли фуражку и онъ въ парахъ вышелъ за ворота гимназическаго двора. Но, не доходя до костела, Онысько не выдержалъ роли, сбросилъ маскирующее его одѣяніе и пустился бѣжать на замчище во дворъ ксендза. Шедшій сзади гимназистовъ надзиратель и указалъ его поимщикамъ. Но пока тѣ шарили въ постройкахъ ксендзовскаго двора, Онысько очутился на огородахъ Зарѣчья и былъ таковъ.

Послѣ я видѣлъ Оныська все въ той же должности водовоза и припоминалъ ему о томъ, какъ онъ былъ перевезенъ мною черезъ рѣку, но онъ положительно ничего не помнилъ, какъ и кто перевезъ его на Заричье—до такой степени рекрутчина напугала его.

Такія пособничества къ побѣгу отъ рекрутчины въ то время были въ большомъ ходу.

На моей памяти брали въ солдаты (кантонисты) дѣтей евреевъ, часто даже 7—8 лѣтняго возраста. Намъ и теперь еще непонятенъ смыслъ этой правительственной мѣры, но и тогда

---

[1]) *Заричье*—часть м. Бѣлой Церкви, расположенная на лѣвомъ берегу Роси.

мѣра эта осуждалась вообще всѣми. Нечего здѣсь распространяться обо всей ужасности этаго набора, о тѣхъ страданіяхъ, какія должны были выносить несчастные родители этихъ дѣтей и сами дѣти въ солдатской школѣ того времени. Дѣло это само собою вопіетъ за себя и врядъ ли можетъ быть чѣмъ либо оправдываемо. Даже суровый и враждебно по отношенію къ евреямъ настроенный украинецъ въ эти ужасные моменты дѣтскихъ наборовъ являлъ чувства жалости къ евреямъ. Я помню, какъ прислуга дяди—все кровные украинцы—припрятывали у насъ во флигелѣ молодаго, лѣтъ 14, еврейчика, до того времени носившаго продавать ваксу и спички. Онъ сидѣлъ за *магемъ* [1]), переодѣтый дѣвушкой, и выходилъ не иначе, какъ покрытый платкомъ. Этакъ онъ пробылъ у насъ нѣсколько дней, пока въ одну ночь его не забрали родные, чтобы увезти въ болѣе безопасное мѣсто.

Въ 1856, кажется, году въ м. Бѣлой Церкви я былъ свидѣтелемъ такой сцены: среди огромной, постоянно увеличивающейся подбѣгающими евреями, толпы шагомъ ѣхало нѣсколько большихъ еврейскихъ фургоновъ (брыкъ), биткомъ наполненныхъ малыми еврейчатами, которые стояли, и высовывались, и что то кричали, вытягивая въ сторону толпы руки. Изъ за неистоваго рева толпы слышались дѣтскія возгласы: мамеле! тателе! Но этотъ неистовый крикъ толпы не былъ воплемъ ужаса—это была какая то восторженная радость, необычайное веселье: всѣ прыгающіе и бѣгущіе евреи чему то радовались, кричали, плескали руками, нѣкоторые даже пресмѣшно приплясывали и всѣ тискались къ брыкамъ.

Оказалось, что изъ Василькова, уѣзднаго города, возвращены были набранные въ кантонисты еврейчата вслѣдствіе отмѣны этой мѣры. Нельзя описать всего восторга толпы евреевъ, всѣхъ тѣхъ проявленій радости, какое мнѣ пришлось видѣть въ этой торжественной процессіи. (Проводники нарочно поѣхали не въ центръ мѣстечка, а кругомъ). Но мнѣ хорошо помнится, какъ одна еврейка, протиснувшись къ брыкѣ, судорожно обхватила вы-

[1]) *Магель*—катокъ для бѣлья.

тянувшагося къ ней сына и вмѣстѣ съ нимъ упала, обомлѣвъ отъ радости. Брыки не остановились и продолжали двигаться въ густой толпѣ, а около обомлѣвшей осталось два еврея и еврейка — видно ея близкіе—да мы, зрители этой сцены. Она, бѣдная, такъ крѣпко сжала своего уже оплаканнаго ею сына, что съ трудомъ только его высвободили. Какая то женщина-украинка принесла воды и всѣ мы столпились около сидѣвшей уже на землѣ еврейки. Она истерически рыдала и все хваталась за сына, какъ бы боясь потерять его опять. Женщины и дѣвки-украинки плакали и утирали фартухами и рукавами слезы, а мужчины только потупились.

Припоминаю еще одинъ характерный случай.

Въ большомъ селѣ около корчмы, находящейся въ центрѣ села, на площади, гдѣ по воскресеніямъ располагается базаръ, *гуляютъ* новонабранные рекруты. Тутъ же съ ними и сторожа съ *ципками*, здѣсь же и досужіе селяне, завернувшіе въ корчму ради прощальнаго угощенія рекрутъ, а кто и въ надеждѣ выпить лишнюю чарку при угощеніи. Рекрута *забиты въ дыбы* по парно. Село большое—много и рекрутъ. Они пьютъ съ знакомыми въ корчмѣ, сидятъ подъ навѣсомъ, а нѣкоторыя пары практикуются въ бѣганіи въ дыбахъ, на что́ не совсѣмъ дружелюбно посматриваютъ сторожа.

Къ корчмѣ подъѣзжаетъ на запряженной въ дышло повозкѣ еврей съ кучеромъ крестьяниномъ, останавливается и идетъ въ корчму. Его сопроваждаютъ насмѣшки; кто то нарочно кричитъ—„не бый, не бый!“ и еврей, робко озираясь, ускоряетъ шагъ, хотя за нимъ никто и не гонится, и скрывается въ дверяхъ корчмы. Рекруты обступаютъ еврейскій возокъ и кучеръ мрачно посматриваетъ на обступившихъ, подозрѣвая ихъ въ каверзности. Но ничего подобнаго въ виду хмурости кучера не предпринимается, а слѣдуютъ обыкновенные разспросы, кто, откуда и зачѣмъ. При этомъ кто то припоминаетъ, то это тотъ еврей изъ мѣстечка, который еще прошлой осенью скупалъ заячьи шкурки, воскобоину, перья и т. п. Миролюбивыя отношенія между спрашивающими и спрашиваемымъ доходятъ до того, что кто то изъ рекрутъ далъ кучеру табаку на трубку. Два рекрута,

съ трудомъ подлаживаясь другъ къ другу въ деревянной дыбѣ, взгромоздились на возокъ и сидятъ, покуриваютъ. Выглянувшій изъ корчмы еврей приказываетъ своему кучеру напоить лошадей, чего ради тотъ и направляется съ возкомъ къ ближайшему колодцу; рекруты не слѣзаютъ съ возка, при чемъ одинъ изъ нихъ даже взялъ въ руки возжи и правитъ лошадьми. Лошади напоены, кучеръ привязываетъ къ возку цыбарку, взнуздываетъ лошадей и идетъ слѣдомъ за возкомъ—лошадьми правитъ все тотъ рекрутъ.

— Що жъ це винъ не выходыть—кони напылысь... говоритъ одинъ рекрутъ и подергиваетъ возжами и лошади отъ колодца бѣгутъ рысью. Кучеръ слабо протестуетъ „буде, буде!“ но рекруты не унимаются и объѣзжаютъ кругомъ по площади. Въ дверяхъ показывается фигура еврея, недружелюбно поглядывающаго на это катанье на его лошадяхъ, но рекруты не обращаютъ на него вниманія и къ вящшему удовольствію публики еще дѣлаютъ одинъ туръ. Публика посмѣивается, видя, какъ это передергиваетъ хозяина лошадей, кучеръ идетъ на встрѣчу ѣдущимъ со своимъ „буде, буде“. Рекруты не слушали и всѣхъ заинтересовало это столкновеніе, только одинъ изъ сторожей привсталъ съ завалинки и тревожно вперилъ глаза въ повозку. Вдругъ лошади помчались вскачь и укрытая пылью повозка исчезла въ одной изъ выходившихъ на площадь улицъ. Слышно было гиканье и еще какой то непонятный крикъ. Сторожа встревожились, поняли, что происходитъ что то неладное, и нѣсколько мужиковъ, подобравъ полы свитъ, кинулись бѣжать черезъ огороды съ крикомъ: „переймай, переймай!!“

Черезъ полчаса погнавшіеся вернулись на потныхъ лошадяхъ, взятыхъ подъ лѣсомъ, но безъ рекрутъ, оставившихъ въ возкѣ только рознятыя дыбы—колодки. Оказалось, что, повернувъ въ улицу, они, не переставая гнать лошадей, стали кричать: „Сокиру, дайте сокиру!“ пока какая то сердобольная баба, разслышавъ ихъ просьбу, бросила имъ въ возокъ сокиру, которою они и розняли колодки, и, доѣхавъ до лѣса, соскочили съ возка и ушли, забравъ съ собою и топоръ, какъ улику оказавшаго имъ помощь.

Всѣ, разумѣется, въ душѣ одобряли молодецкую выходку рекрутъ и только сторожа, такъ ловко обманутые въ ихъ бдительности, усилили надзоръ за остальными.

Теперь новобранцы поютъ солдатскія пѣсни, а то и „Смотрю я безумно на черную шаль“, какъ это я слышалъ въ воронежской губерніи, но въ прежнее время пѣлись чисто украинскія рекрутскія пѣсни. Одну изъ таковыхъ, понравившуюся мнѣ еще подростку-гимназисту, я рѣшаюсь привесть здѣсь цѣликомъ, какъ не вошедшую ни въ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ сборниковъ; заучилъ я ее въ Бѣлой Церкви. Вотъ она.

Та зажурылысь молоди хлопци,
Що на ногахъ кайданы:
«Ой теперь же мы, мылые братья,
Тай на викы пропалы!»
Ой йиде козакъ въ зеленый байракъ,
На грыву похылывся...
Та за нымъ, за нымъ ненька старенька:
«Не идь, сынку, вернысь!» —
— «Та не вернуся, моя матуся!
Пойду на Вкраину—
Кинь мій вороный, самъ я молодый,
Може ще й не загыну».—
Прыхавъ козакъ въ зеленый байракъ,
Ставъ коня попасаты...
А за нымъ, за нымъ соцькый зъ выборнымъ,
Щобъ у некруты його взяты.
«Ой батькы жъ мои, вы голубчыкы!
«Берить коня вороного,
«Тильки не берить у неволеньку
«Та мене молодого».

— «Мы коня возьмемъ, мы коня возьмемъ,
Коня треба глядиты,
А тебе возьмемъ на царську службу,
Тай ты будешъ служыты».
Ой за горою, за высокою,
Море корабли носыть.
Ой тамъ нашъ козакъ на вколишкы впавъ,
Губернатора просыть:
— «Ой батьку жъ ты мій, губернаторе!
Пусты жъ мене зъ неволи!—
Стосковалася, зажурылыся [1])
Дивчынонька за мною».
— «Охъ и не пущу, охъ и не пущу,
Бо скоро не прыбудешъ...
Ой пый воду ты все дунайську
Той про неи забудешъ».
— «Ой пывъ воду я все дунайську
И солодкыи вына—
Покы жывъ буду, той не забуду
Мою мылу дивчыну»...

Но я заболтался, какъ говорится, и далеко отошелъ въ сторону отъ начатаго разсказа про наборъ въ нашемъ селѣ въ 1863 году. Прости мнѣ, читатель! Возвращаюсь.

---

[1]) Варіантъ.—Стосковалася, тай зъ лыця спала.

Такъ и ходили закованные въ кандалы Михайло и Корній по селу недѣли двѣ. Водились съ ними по хатамъ и по корчмамъ и всегда около нихъ былъ кто нибудь кромѣ сторожей, то родичи, то знакомые, желавшіе угостить ихъ на прощанье. Михайло такъ и оставался понурымъ, молчаливымъ, Корній все также былъ подверженъ приступамъ бѣшенства и отчаянія, такъ что въ селѣ возбуждался вопросъ о заковкѣ его особо отъ Михайла по ногамъ и по рукамъ.

Съ 15 января въ уѣздномъ городѣ начинался пріемъ рекрутъ и къ этому времени нужно было собрать назначенныхъ въ солдаты парней со всей волости и уже вмѣстѣ везть ихъ въ городъ

13-го мы были рано разбужены лаемъ собаки и къ намъ зашли попрощаться рекруты Михайло и Корній. Опять тяжелая сцена прощанья, бряцанье кандаловъ и плачъ провожающихъ родителей.

Проводивъ ихъ, мы уже не ложились спать и всѣ нахмурились. Скоро и братъ, провожавшій рекрутъ до корчмы на горѣ, вернулся хмурый и съ заплаканными глазами. Мы его понимали и не разспрашивали. Песъ не переставалъ лаять на возвращающихся мимо моего двора съ проводъ. Аріонъ гдѣ то во дворѣ *поравъ* скотину, работница захаживалась около печи, а жена пошла навѣдаться къ овцамъ, такъ какъ со дня на день ожидался котъ овецъ.

Вдругъ является въ хату жена съ потушеннымъ фонаремъ въ одной рукѣ, раздѣтая, а другою поддерживаетъ какую то женскую фигуру въ накинутой на голову ея жениной куцынкѣ. Фигура эта была босая, съ раскраснѣвшимися на холодѣ ногами, снизу прикрытыми мережанымъ подоломъ рубахи и запаскою. Жена, какъ бы заслоняя собою эту фигуру, проводила ее въ валькиръ и, захлопнувъ двери, махнула на насъ рукою, запрещая этимъ жестомъ даже и разспрашивать. Въ валькирѣ послышалось всхлипываніе и задушаемыя рыданія. Братъ, не успокоившійся еще послѣ сценъ провожанія рекрутъ около корчмы, сердито сплюнулъ и пошелъ на другую половину, а работница, очевидно понимавшая все это, не отрывалась отъ печи, къ которой подошла и жена согрѣться противъ огня.

Немного погодя, жена вывела изъ валькира эту фигуру, обутую уже въ какіе то сапоги, одѣтую въ кожухъ, но все таки съ закутаннымъ платкомъ лицомъ и провела ее далеко за ворота.

Оказалось, что жена во дворѣ натолкнулась на дрожащую отъ стужи, плачущую *дивчыну*, которая проспала проводы рекрутъ и, проснувшись, какъ была, босая, въ одной запаскѣ, кинулась догонять ихъ. Но на пути, посторонившись съ дороги, она изъ разговоровъ возвращающихся съ проводъ узнала, что уже поздно, и иззябшая вбѣжала къ намъ во дворъ, гдѣ и встрѣтила пріютившую ее жену. Кутаньемъ охранялась ея дѣвичья честь отъ *поговору*.

Тай забула молода дивчына роспытаты,
Чы дозволыть ій молоденькій погуляты...

вспомнилось мнѣ.

Однако жъ тотъ, кого провожала эта дивчына, Михайло—вернулся въ село: забрили Корнія.

На этомъ бы и окончить разсказъ, но мнѣ въ связи съ разсказаннымъ вспомнилось еще одно.

На слѣдующій годъ былъ опять наборъ, повторились опять тяжелыя сцены, но уже *громада*, возмужавшая и осмотрѣвшаяся въ самоуправленіи, не прибѣгала къ поголовному захвату молодыхъ людей и назначенныхъ къ сдачѣ не заковывала въ кандалы. Опять назначили того же Михайла, успѣвшаго жениться на вышереченной дѣвушкѣ, но уже не подставнымъ, а лобовымъ. Кухаренковъ было четыре брата: одинъ жилъ давно уже отдѣленнымъ, а при отцѣ жили второй братъ Гаврило и четвертый Михайло. Третій же—старшій Михайла и меньшій Гаврила,—Иванъ, или, какъ его обыкновенно звали, Иванька, съ дѣтства былъ взятъ въ господскій дворъ, гдѣ, постигнувъ поварское искусство, оставался поваромъ и послѣ освобожденія крестьянъ, разумѣется по найму. Тщедушный, худой, блѣдный, Иванька мало представлялъ шансовъ на то, чтобы его приняли въ солдаты, почему громада и рѣшила сдать Михайла. При этомъ я долженъ сказать, что Палажка, жена Михайла, нѣкоторое время жила у господъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Иванькой и послѣдній былъ неравнодушенъ къ ней, но на предложеніе жениться на ней онъ всегда говорилъ,

что онъ не годится въ мужья, не съумѣетъ жить на тяглѣ въ селѣ, не знаетъ вовсе мужицкаго дѣла, а такъ какъ внѣ сельскаго хозяйничанья онъ не могъ себѣ представить семейной жизни, то и порѣшилъ не жениться, а остаться холостякомъ. На свадьбу слюбившихся въ селѣ Михайла и Палажки Иванько не захотѣлъ пріѣхать изъ Кіева, а только въ то время, разсказывали, пилъ цѣлую недѣлю безъ просыпу.

Свадьба была въ осенній мясоѣдъ, а послѣ Новаго года Михайла повезли сдавать въ солдаты. Съ нимъ вмѣстѣ въ числѣ провожающихъ поѣхала и его молодая жена.

Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ изъ Кіева Иванька и сейчасъ же поѣхалъ въ погоню за рекрутами въ уѣздный городъ. Тамъ онъ явился въ рекрутское присутствіе и заявилъ желаніе идти на службу за брата, былъ принятъ, а Михайло съ Палажкою вернулись домой.

Борисъ Познанскій.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Мои профессоры.

Итакъ завѣтныя мечты и благородныя стремленія юношей-гимназистовъ наконецъ пришли къ осуществленію: предъ нами стоитъ открытымъ святилище науки, свѣта, истины... Такимъ, по крайней мѣрѣ, представлялся намъ университетъ изъ нашего прекраснаго далека. Въ профессорѣ мы воображали найти какого то особеннаго человѣка, въ родѣ полубога Прометея, похищающаго съ неба огонь божественной мудрости, чтобы передать его смертнымъ. Съ замираніемъ сердца слушали мы восторженныя тирады заѣзжаго студента-краснобая Сени Глотова о лекціяхъ московскихъ профессоровъ [2]); внимать вдохновеннымъ рѣчамъ этихъ оракуловъ стало единственною цѣлію нашей жизни.

Что же мы нашли въ университетѣ? Осуществились ли наши мечты? Утолена ли жажда знаній, томившая насъ въ душныхъ теплицахъ гимназіи, подъ ферулою разныхъ ничтожествъ. Увы! Прометеи, въ большинствѣ, оказались такими же ничтожествами и пигмеями, какихъ мы привыкли видѣть съ гимназической скамьи, и мы горько разочаровались въ своихъ надеждахъ.

Мой современникъ по студенчеству В. Я. Шульгинъ охарактеризовалъ десятилѣтіе отъ 1839 по 1849 годъ временемъ *переходнымъ*. „Первые три года университетъ св. Владиміра развивался подъ вліяніемъ прежней школьной организаціи *обязательнаго*

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 10, октябрь.

[2]) Тамъ, дѣйствительно, было кого послушать (Грановскій, Рѣдкинъ, Чевилевъ, Кудрявцевъ и др.).

слушанія лекцій смѣшанныхъ, строго нераздѣленныхъ факультетскихъ предметовъ. Потомъ, со введеніемъ новаго устава въ 1842 году, университетъ долженъ былъ перейти къ устройству, основанному на совершенно противоположныхъ началахъ—*вольнаго* слушанія и рѣзкаго спеціальнаго разграниченія факультетскихъ курсовъ"; но у насъ и послѣ введенія новаго устава, все оставалось по старому: то же смѣшеніе факультетскихъ предметовъ, то же принудительное посѣщеніе лекцій съ перекличками и тотъ же непотизмъ. Для самостоятельныхъ занятій наукой у насъ не было времени; а потому, не найдя полнаго удовлетворенія своей пытливости, мы стали учиться „не для Іисуса, а для хлѣба куса", не для науки, а службы ради, т. е. аккуратно посѣщали лекціи и зубрили профессорскія записки.

Не имѣя притязанія на историческое значеніе моихъ „Воспоминаній", но выходѣ въ свѣтъ обстоятельнаго, серьезнаго труда проф. Владимірскаго-Буданова, я коснусь лишь нѣкоторыхъ второстепенныхъ явленій и событій, насколько они имѣли отношеніе къ моей личности; вслѣдствіе чего и разсказъ мой будетъ имѣть совершенно частный, индивидуальный характеръ.

Иванъ Михайловичъ Скворцовъ.

Слушаніе лекцій началось съ богословія. Протоіерей Скворцовъ читалъ для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ: богословіе догматическое и нравственное, церковную исторію и каноническое право. Всѣ эти предметы, исключая ц. исторіи, читались по запискамъ. „Послѣ каждой лекціи, съ неизмѣнною аккуратностію, преподаватель выдавалъ студентамъ записки по прочтенной лекціи, объемъ которыхъ никогда не превышалъ одного листа". Листъ этотъ для профессора во время чтенія служилъ конспектомъ. Соразмѣряя свои полуторачасовыя объясненія съ продолжительностію времени, Иванъ Михайловичъ всегда норовилъ такъ, чтобы лекція не превышала одного листа. При отвѣтахъ нашихъ на репетиціяхъ и на экзаменахъ никакихъ дополненій къ тому, что заключалось въ запискахъ, не требовалось; а потому мы на лекціяхъ богословія преспокойно занимались переписываніемъ лекцій по другимъ предметамъ. Этимъ, чисто

механическимъ занятіемъ, значительно сокращалось время монотоннаго и невыносимо скучнаго чтенія, такъ что профессора слушали только сидѣвшіе на переднихъ двухъ скамьяхъ подлипалы, не сводившіе глазъ съ от. протоіерея, что ему очень нравилось. Иванъ Михайловичъ постоянно дѣлалъ переклички и назначалъ репетиціи и послѣ введенія новаго устава, которымъ отмѣнялась обязательность посѣщенія лекцій; за манкировки онъ крѣпко пробиралъ на окончательномъ испытаніи, портя иногда кандидатскіе баллы по спеціальнымъ предметамъ своими двойками.

Алексѣй Ивановичъ Ставровскій.

Послѣ гимназическихъ уроковъ нашего провинціальнаго Герена М. Г. Ерофѣева, въ университетѣ мнѣ пришлось слушать всеобщую исторію и статистику у проф. Ставровскаго. Ожидая найти въ профессорскихъ чтеніяхъ болѣе широкое міровоззрѣніе и болѣе свободы какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ обобщеніи оныхъ, чѣмъ въ учительскихъ урокахъ, я на первой же полуторачасовой лекціи совершенно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Профессоръ, безъ помощи тетрадки, не могъ изложить ни одного историческаго событія; рыжая голова его, какъ голова гипсовой фигурки, впродолженіе всей лекціи, находилась въ безпрерывномъ движеніи; его глаза, послѣ каждой фразы, быстро перебѣгали отъ тетрадки къ студентамъ и отъ студентовъ къ тетрадкѣ; неоднократно повторяемая попытка обойтись безъ пособія записокъ оканчивалась цѣлымъ потокомъ ненужныхъ частицъ и однозначущихъ словъ, вродѣ напр.: такимъ образомъ, извольте видѣть, собственно говоря, ну-съ, такъ сказать; городъ былъ сожженъ, разрушенъ, уничтоженъ и т. п.

Ежегодно, предъ началомъ лекцій, Алексѣй Ивановичъ рапортовалъ совѣту, что онъ будетъ читать всеобщую исторію, пользуясь сочиненіями Гиббона, Людека, Гизо, Авг. Тьерри, Шлоссера, Мишо, Ранке и др. знаменитостей; между тѣмъ на дѣлѣ оказывалось слѣдующее: записки профессора, на переписку коихъ у насъ терялась бездна времени, впослѣдствіи появились въ печати, подъ заглавіемъ: „Всеобщая Исторія Лоренца“, бывшаго профессора педагогическаго института, гдѣ воспитывался и нашъ непризванный исто-

рикъ, который, вѣроятно, изъ признательности къ своему наставнику, не измѣнилъ въ его лекціяхъ ни іоты. Какъ жаль, что настоящій авторъ этого прекраснаго руководства запоздалъ изданіемъ его въ свѣтъ; онъ, во первыхъ, избавилъ бы насъ отъ безполезной траты драгоцѣннаго времени на переписку, а во вторыхъ заставилъ бы поработать и нашего историка надъ составленіемъ собственныхъ лекцій.

8 декабря 1841 года Ставровскій защищалъ диссертацію на степень магистра: „О значеніи среднихъ вѣковъ въ разсужденіи къ новѣйшему времени“, которую Грановскій рекомендовалъ своимъ слушателямъ, какъ „образецъ исторической нелѣпости“. На диспутѣ магистрантъ велъ себя, какъ паяцъ. Почтенный классикъ нашъ И. Я. Нейкирхъ сунулся было сдѣлать ему какое то возраженіе изъ области филологіи. „Ну, ужъ ваша филологія,—отвѣтилъ Ставровскій, не дослушавъ до конца возраженія—хороши ваши толкованія, напр. вы производите слово монголы—мы голы!“ [1]).

Въ 1843 году, неизвѣстно по какому побужденію, Алексѣй Ивановичъ, предъ началомъ семестра, заявилъ въ совѣтѣ, что онъ прочтетъ студентамъ 4-го курса исторію французской революціи, должно полагать, ради снисканія популярности, которой ему не удавалось добиться прямымъ путемъ. Читать исторію великой революціи 1789 года, въ русскомъ университетѣ 40-хъ годовъ, для всякаго другаго, болѣе даровитаго профессора, было бы дѣломъ весьма

---

[1]) Для казеннокоштныхъ словесниковъ—будущихъ учителей—на 4-мъ курсѣ существовали практическія лекціи педагогіи. А. И—чъ, цинически относившійся ко всѣмъ наукамъ вообще, а къ педагогіи въ особенности, считая ее измышленіемъ нѣмецкихъ гелертеровъ, на первой же лекціи огорошилъ насъ такою предикой: „Вамъ, гг., извѣстно, что я врагъ всяческихъ теорій и такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, а потому не стану переливать изъ пустаго въ порожнее. Для васъ, будущихъ педагоговъ, по моему мнѣнію, будетъ несравненно полезнѣе, если я, искушенный, такъ сказать, житейскимъ опытомъ, ознакомлю васъ съ практической стороной учительскаго званія, чѣмъ, собственно говоря, и ограничится ваша служебная каррьера... Да! а вы, гг., мечтаете переворотъ въ наукѣ произвести, великія открытія сдѣлать—не трудитесь, безъ васъ все уже сдѣлано. Никакой учености на службѣ отъ васъ не потребуется, за нее ни чиновъ, ни денегъ не дадутъ... Лучше я объясню вамъ, какъ вы должны держать себя въ отношеніи начальства, сослуживцевъ, вашихъ учениковъ и ихъ родителей“... За симъ, не будучи вовсе знакомъ съ тою средой, въ которой суждено намъ вращаться, не зная гимназическихъ порядковъ, бывшій семинаристъ приступилъ къ изложенію своей соціологіи и закончилъ „практическую лекцію“ такимъ совѣтомъ: „имѣйте, гг., волчьи зубы и лисій хвостъ!“.

рискованнымъ. Можно ли было съ должностнымъ уваженіемъ къ истинѣ и безпристрастіемъ объяснять смыслъ и значеніе этого переворота—въ то время, когда, по словамъ Грановскаго, наша цензура не дозволяла употребить въ поваренной книгѣ выраженія: „пирогъ нужно печь въ *вольномъ духу?*“ Ужъ коли нашъ историкъ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Уварова, доказывалъ съ каѳедры, что въ древности римской республики не было, что ее выдумали нѣмцы,—то и съ революціей онъ обойдется такъ же безцеремонно: онъ ручался за свою удивительную способность даже изложеніе исторіи французской революціи опошлить и сдѣлать невыносимо скучной.

На первую лекцію Алексѣя Ивановича собралось множество слушателей: студенты всѣхъ факультетовъ, особенно спеціалисты по части революцій, поляки, побросавъ свои аудиторіи, сошлись слушать „революцію“. Предусмотрительное начальство, узнавъ о такомъ „движеніи“ молодежи, поспѣшило само придти послушать, не внушаются ли юношеству вольныя мысли, такъ какъ профессоръ почему то не захотѣлъ ограничиться какими нибудь ассиріянами и вавилонянами, а вдругъ ни съ того, ни съ сего зачиталъ чортъ знаетъ что такое—„революцію“...

Не прошло недѣли, какъ въ университетъ пожаловалъ г. попечитель. Въ аудиторіи, гдѣ обыкновенно читалась исторія, шла лекція Костыря; туда прежде всего князь и заглянулъ. Вторую лекцію въ той же аудиторіи долженъ былъ читать Ставровскій. Студенты, желая занять ближайшія къ каѳедрѣ мѣста, еще до звонка столпились въ корридорѣ и маленькой передней, подъ самыми дверями аудиторіи. Послѣ звонка, выйдя отъ Костыря, князь, увидѣлъ толкотню и давку; къ нему подскочилъ полковникъ-инспекторъ студентовъ.

— Что это? обратился къ нему попечитель.

— Революція в. с—во! брякнулъ полковникъ, вытянувшись въ струнку. Князь было смутился. Но кто то изъ студентовъ тотчасъ же успокоилъ его, доложивъ, что это не революція, а исторія французской революціи.

— А-а-а! исторія... промычалъ вполголоса князь.

Прослушавъ лекцію, е. с—во пришелъ къ убѣжденію, что въ чтеніи профессора нѣтъ ничего революціоннаго, и что стало быть опасаться вреднаго вліянія на студентовъ нѣтъ никакого основанія.

Когда профессоръ довелъ свое „изложеніе“ до самаго разгара великой катастрофы—„когда обветшалыя, подгнившія учрежденія Людовиковъ вырваны были съ корнемъ вонъ и на развалинахъ стараго порядка вещей, въ обагренную кровію землю посажено было древо свободы“, на лекцію попечитель явился вторично. Лекторъ сдержаннымъ голосомъ началъ излагать исторію этихъ страшныхъ потрясеній основъ, стараясь, елико можаху, смягчить яркій колоритъ кровавой картины разрушенія разными ненужностями, не жалѣя при томъ крѣпкихъ словъ и эпитетовъ, которыми онъ нещадно громилъ безбожниковъ—французовъ. И все таки многое изъ того, что было приготовлено на лекцію, опущено, вслѣдствіе чего матеріалу до звонка не хватило. Лекцію свою профессоръ закончилъ нравственною сентенціей: „такимъ образомъ, господа, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ, забывъ Бога, оставивъ религію, уничтоживъ, такимъ образомъ, разрушивъ все, что должно, такъ сказать, во всѣ времена составлять предметъ уваженія,—такимъ образомъ, говорю, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ безъ религіи, безъ Бога существовать не можетъ: онъ погибаетъ и такимъ образомъ совершенно уничтожается, исчезаетъ“!... Но профессоръ сентенцію свою кончилъ, а предательскій звонокъ молчитъ. Настала пренепріятная пауза: профессоръ смотритъ на студентовъ, студенты на профессора, нѣкоторымъ почему то стало совѣстно глядѣть и они потупились. Вмѣсто „браво“, которымъ, по всей справедливости, слѣдовало бы поощрить краснорѣчиваго профессора, зазвенѣлъ колокольчикъ... et finita la comedia!...

В. Ѳ. Домбровскій.

Русскую исторію и древности читалъ бывшій воспитанникъ лицея кн. Безбородко Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. При огромномъ ростѣ и соотвѣтствующей полнотѣ, онъ имѣлъ весьма привлекательную наружность; голубые глаза его блистали умомъ. Обладая

при томъ необъятною памятью и увлекательнымъ даромъ слова, онъ представлялъ совершенную противоположность неказистому на видъ, нерѣчистому Алексѣю Ивановичу.

„При Домбровскомъ, говоритъ Шульгинъ, русская исторія не выходила изъ границъ учебника Устрялова и лишена была всякой самостоятельности“; затѣмъ, какъ бы въ оправданіе профессора, присовокупляетъ: „причинъ этого должно искать отчасти въ обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ преподавателя, а отчасти въ немъ самомъ заключавшихся. Требованіямъ науки онъ не могъ удовлетворить, при всѣхъ своихъ достоинствахъ нравственныхъ, какъ благородный человѣкъ, и умственныхъ, какъ краснорѣчивый лекторъ, не получивъ серьезнаго образованія“.

Если профессоръ всеобщей исторіи читалъ по готовымъ запискамъ и читалъ отвратительно, то я не нахожу никакого основанія ставить его выше Домбровскаго, который, хотя тоже придерживался Устрялова, какъ Ставровскій Лоренца, но читалъ превосходно, никогда не имѣя передъ собой даже коротенькаго конспекта. Въ чемъ же тутъ преимущество? Ученость, пріуроченная Алексѣю Ивановичу его прихлебателями, подвержена великому сомнѣнію; напечатанная имъ магистерская диссертація вовсе не составляетъ пріобрѣтенія для науки, хотя авторъ носился съ нею, „якъ съ писаною торбою“.

Еще до моего поступленія въ университетъ, въ 1838 году, Василію Ѳедоровичу, вмѣстѣ съ адъюнктомъ русской словесности Красовымъ, разрѣшено было, помимо магистерскаго и докторскаго экзамена, представить и защитить докторскія диссертаціи; но оба докторанта потерпѣли на диспутѣ полнѣйшее fiasco. Какъ диссертація Домбровскаго „Объ отличительномъ характерѣ исторіи московскаго государства“, такъ и диссертація Красова „О главныхъ направленіяхъ поэзіи въ англійской и нѣмецкой литературахъ въ концѣ XVIII столѣтія“, были признаны совѣтомъ удовлетворительными, но докторанты не могли ихъ защитить. Ректоръ Неволинъ, говоритъ преданіе, предложилъ Красову вопросъ: „что такое изящное?“ Врагъ всяческихъ научныхъ опредѣленій, восторженный поэтъ отвѣчалъ одними лишь примѣрами и сравненіями: „вообразите, говоритъ, море во время бури, нависшія надъ пропастью скалы, озаренныя блескомъ молній..., прочтите стихотвореніе Пушкина:

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами... и проч.

Однимъ словомъ, сказалъ въ заключеніе Красовъ, прекраснаго опредѣлить невозможно, его только можно чувствовать.

— Нельзя же, г. Красовъ, быть докторомъ чувствительности, замѣтилъ съ ядовитой улыбочкой Константинъ Алексѣевичъ и тѣмъ заключилъ преніе.

Отказъ Красову въ докторской степени совѣтомъ формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „отвѣты докторанта оппонентамъ состояли, по большей части, изъ однѣхъ общихъ и неопредѣленныхъ мыслей". Потерпѣвъ пораженіе, онъ подалъ въ отставку 9 октября 1834 года и уѣхалъ въ Москву.

По свидѣтельству г. Буданова, диспутъ Домбровскаго привели къ печальному результату вѣскія и дѣльныя возраженія преосвященнаго Иннокентія.

Въ 1841 году Василій Ѳедоровичъ еще разъ пробовалъ пріобрѣсть ученую степень магистра и еще разъ потерпѣлъ неудачу, чѣмъ онъ обязанъ исключительно одному Ставровскому, человѣку завистливому и мстительному: онъ не могъ простить своему сослуживцу той популярности, которою тотъ пользовался у своихъ слушателей за свои рѣдкія нравственныя качества, чего лишенъ былъ самъ Алексѣй Ивановичъ.

Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ.

Переводы и объясненія греческихъ классиковъ происходили на латинскомъ языкѣ, тщательно записывались студентами и выучивались наизустъ. Лекція обыкновенно начиналась неизмѣннымъ обращеніемъ къ слушателямъ: Commilitones humanissimi! Repetendum est inde a versu N usque ad versum N. Quis vestrum repetat?

Разъ студентъ Пильчиковъ вызвался перевесть отрывокъ изъ Теокрита, имѣя передъ собой тетрадку съ готовымъ переводомъ. Прочелъ онъ до точки начало идилліи, гдѣ говорится о козахъ, а изъ тетрадки сталъ читать совсѣмъ другую идиллію, въ которой

говорилось объ овечкахъ. Профессоръ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Humanissime Pilczykow! verte paginam!

И дѣйствительно, перевернувши въ тетрадкѣ страницу, онъ нашелъ требуемый переводъ и профессоръ вполнѣ удовлетворился его отвѣтомъ, произнося свое обычное: recte!

За повтореніемъ предыдущаго перевода слѣдовалъ новый, при чемъ Иванъ Яковлевичъ, такъ сказать, до костей разбиралъ каждый оборотъ, каждое слово, каждую частицу. Любимый конекъ его —генеалогія боговъ и героевъ. Родословную каждаго божка и каждаго героя онъ передавалъ съ большими подробностями серьезнѣйшимъ тономъ, какимъ развѣ только ученый раввинъ толкуетъ свой талмудъ.

Греческія древности, миѳологія и исторія литературы излагались также на латинскомъ языкѣ. Лекція состояла въ диктовкѣ, сопровождавшейся обильными объясненіями, при чемъ, для большей наглядности, профессоръ показывалъ студентамъ превосходныя изображенія древней архитектуры и скульптуры.

И. Я. Нейкирхъ слылъ и дѣйствительно былъ идеаломъ честности и добросовѣстности. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось, когда онъ забывалъ названіе какого нибудь ничтожнаго городишка или годъ рожденія какого нибудь даже второстепеннаго писателя — весь сгоритъ со стыда, готовый провалиться сквозь землю. Покойный И. Я. Шульгинъ, основательно знавшій древніе языки, любилъ иногда ставить профессора въ тупикъ: не соглашаясь съ толкованіями нѣмецкихъ филологовъ—комментаторовъ, онъ высказывалъ свои собственныя объясненія спорнаго оборота. Однажды онъ до того смутилъ почтеннаго классика, что тотъ торжественно сознался въ своей несостоятельности возразить ему. Краснѣя и конфузясь, онъ сказалъ: dicam postea.

Прошла недѣля; Шульгинъ и позабылъ уже о своемъ возраженіи, какъ въ аудиторію съ сіяющимъ лицомъ влетаетъ Нейкирхъ, быстро вскакиваетъ на каѳедру, наводитъ свои очки на Шульгина и радостно возглашаетъ: domine Schulginius inveni! Значитъ, цѣлую недѣлю копался терпѣливый нѣмецъ въ фоліантахъ, чтобы разрѣшить встрѣтившееся недоразумѣніе. Долго говорилъ онъ съ жаромъ,

измѣнивъ на сей разъ флегматическому темпераменту: глаза горятъ огнемъ, на щекахъ даже румянецъ появился. И чѣмъ же онъ такъ воспламенился? какое открытіе сдѣлалъ въ наукѣ? А вотъ какое: за недѣлю времени онъ узналъ, что думаетъ о спорномъ мѣстѣ Вольфъ, что думаетъ Гофманъ и другіе авторитеты филологіи: Volfius putat ita, Hofmanius ita, ego autem aliter puto. Полъ лекціи прошло, пока онъ распуталъ то, что, потѣхи ради, запуталъ проказникъ Шульгинъ своими возраженіями.

Нашъ историкъ Ставровскій, вообще какъ сказано, цинически относившійся къ наукѣ, трунилъ иногда надъ нѣмцами, говоря, что у нихъ достаточно открыть новую запятую въ давно знакомомъ уже текстѣ, чтобы прослыть ученымъ классикомъ. Циникъ отчасти былъ правъ. И нашъ филологъ Иванъ Яковлевичъ интересовался преимущественно самыми темными уголками классицизма и, углубляясь въ грамматическія тонкости языка, забывалъ совершенно художественную сторону греческихъ писателей. Но не такъ ли поступаютъ и нынѣшніе наши преподаватели классическихъ языковъ не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ?...

А. К. Деллень.

Въ противоположность серьезному и сухому филологу Нейкирху, въ лекціи профессора римской литературы Деллена вкрадывался романтизмъ. Живая, подвижная натура этого милаго человѣка вовсе не годилась для роли заправскаго классика, который, по общепринятому мнѣнію, обязательно долженъ походить на мертвеца, вставшаго изъ могилы для того, чтобы передать живымъ людямъ о томъ, какъ живали давно истлѣвшіе греки и римляне. Особенно мило и даже игриво Александръ Карловичъ разсказывалъ анекдотъ de causa belli Trojani.

Когда богиня несогласія Дискордія обойдена была приглашеніемъ на пиршество, куда приглашены были другія богини: Юнона, Минерва и Венера, то, съ досады, бросила между нихъ яблоко, съ надписью: detur pulcherrimae! Заспорили богини, кому должно достаться яблоко? Наконецъ пригласили, въ качествѣ эксперта, спе-

ціалиста по части женскихъ прелестей, Париса. Желая задобрить въ свою пользу судью, каждая изъ богинь посулила ему взятку:

Iuno proposuit regnum, Minerva—sapientiam, Venus autem—pulcherrimam feminarum. Paris noluit neque regnum, neque sapientiam, sed pulcherrimam feminarum. Такъ какъ между гречанками красивѣе Елены никого не было, то Венера указала Парису на нее. Онъ ее похитилъ—et haec erat causa belli Trojani!

Вѣчный адъюнктъ.

Начала греческаго языка, на первомъ курсѣ, преподавалъ Кондратій Ѳедоровичъ Страшкевичъ, замѣчательный лингвистъ и классикъ. Мнѣ пришлось учиться языку эллиновъ съ азбуки. Пробившись мѣсяца три надъ спряженіями и не замѣчая прогресса въ своихъ занятіяхъ, я обратился за совѣтомъ къ преподавателю, какимъ способомъ преодолѣть мнѣ грамматическія тонкости, потому что больно хотѣлось познакомиться съ произведеніями Гомера и Софокла не въ переводахъ, а въ подлинникѣ:

— Вставайте, по крайней мѣрѣ, впродолженіе одного года не позже 5 часовъ и учитесь до 8—тогда только вы будете знать греческія спряженія—посовѣтовалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ.

— Покорно васъ благодарю! такой жертвы я не въ силахъ принесть богамъ Греціи. Самое лучшее время для занятій употребить на зубреніе, оставивъ болѣе полезные предметы — по моему не разсчетъ.

— Ну, такъ вы никогда не будете знать греческихъ спряженій—сказалъ рѣшительно мой добрый наставникъ—и пророчество его сбылось: τύπτω навсегда осталось для меня камнемъ преткновенія.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила...
На все жъ скажу, что школа сущій кладъ:
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила. *(Байронъ).*

Monsieur Борель.

Въ росписаніи лекцій значились новѣйшіе иностранные языки, съ ихъ литературами: французскій, нѣмецкій, итальянскій; но по-

бывавши на лекціяхъ всѣхъ трехъ лекторовъ, я увидѣлъ, что это чистѣйшая потеря времени. М-г Борель 29 лѣтъ переводилъ одного и того же поэта du grand siècle или, точнѣе, переводилъ не онъ—онъ только говорилъ oui! а студенты, потому что сей французъ, хотя жилъ въ Россіи болѣе 30 лѣтъ, не унизилъ достоинства своей великой націи до того, чтобы научиться варварскому языку русскому: за четыре года я не слыхалъ отъ него ни звука русскаго. Что касается т. н. исторіи французской литературы, то она вся заключалась въ мизерной тетрадкѣ, съ кратенькими біографіями писателей, состоявшими изъ анекдотовъ, которые, кажется, только и зналъ г. лекторъ и весьма пикантно разсказывалъ ихъ двумъ-тремъ слушателямъ, забревшимъ, отъ нечего дѣлать, къ нему въ аудиторію. Для характеристики французскихъ писателей у нашего мусью была всегда на готовѣ стереотипная фраза: объ одномъ напр. авторѣ онъ скажетъ: il avait beaucoup d'esprit, mais un peu d'imagination; а о другомъ наоборотъ: il avait beaucoup d'imagination, mais un peu d'esprit.

Краузе.

Втеченіе 30 лѣтъ своей учебной службы, Негг Краузе переводилъ студентамъ перваго курса ежегодно „Тридцатилѣтнюю войну“ Шиллера, а для слушателей прочихъ курсовъ читалъ исторію нѣмецкой литературы, но читалъ такъ, что никто ничего не могъ понять. Хотя физіономія лектора напоминала портретъ Гёте, но несмотря на такое сходство его съ геніальнымъ нѣмецкимъ поэтомъ, ему все-таки приличнѣе было бы продавать колбасы, чѣмъ читать лекціи въ университетѣ и говорить о поэзіи Шиллера; его тупому пониманію die Poesie der Würsten была бы гораздо доступнѣе, чѣмъ поэтическія красоты Донъ Карлоса и Вильгельма Теля. Краузе принадлежалъ къ разряду тѣхъ нѣмцевъ, которые отправляются nach Russland съ тою цѣлію, съ какою другіе европейцы стремятся въ Калифорнію: одни дѣлались профессорами и гувернерами, другіе, за неимѣніемъ вакансій,—колбасниками и сапожниками.

Изъ этого краткаго перечня посѣщаемыхъ мною лекцій можно усмотрѣть, что розовыя мечты о „святилищѣ науки“ разлетѣлись прахомъ. Я скоро разочаровался въ воображаемыхъ оракулахъ. Существенной разницы между гимназіей и университетомъ не оказалось: лекціи, какъ и уроки, были обязательны; то же зубреніе записокъ, тотъ же звонокъ, тотъ же карцеръ и тѣ же экзамены по билетамъ, что и въ гимназіи. Положеніе студента, который захотѣлъ бы узнать больше того, что заключалось въ запискахъ, было весьма непривлекательно: у него рѣшительно не оставалось времени для занятій самостоятельныхъ. Развѣ въ больницу уйдешь на какую нибудь недѣлю и тамъ, благодаря покровительству доктора Щербины, займешься чѣмъ нибудь серьезнымъ. Вотъ гдѣ кроется между прочимъ причина поверхностнаго образованія, какимъ въ большинствѣ отличались тогдашніе воспитанники университета. Мы понимали отлично, чего намъ не доставало, но лишены были возможности пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ самостоятельнымъ трудомъ.

Лекціи, наиболѣе приближавшіяся къ идеалу университетскаго преподаванія и представлявшія для насъ живой интересъ, были: по рус. словесности Н. Т. Костыря и по философіи О. М. Новицкаго и П. С. Авсенева. Такъ какъ до и послѣ Костыря каѳедру русской словесности довольно долго занимали профессоры иного пошиба и направленія, отразившагося на цѣломъ поколѣніи студентовъ, то я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ и о нихъ.

Московская школа словесниковъ.

Московскіе профессоры Мерзляковъ и Шевыревъ образовали на Руси особую школу профессоровъ—диллетантовъ. Это были не ученые въ строгомъ смыслѣ слова, а скорѣй любители изящнаго, эстетики—меломаны. Въ ихъ лекціяхъ проявлялся не строго аналитическій умъ ученаго, опирающійся на незыблемыя начала науки, а вдохновеніе поэта, не подчиняющееся никакимъ началамъ, чуждое логической послѣдовательности. Ихъ лекціи представляли не строгую систему истинъ, а скорѣе лирическій безпорядокъ—desordre lyrique. Прославившійся своимъ вліяніемъ на аудиторію Мерзляковъ къ умозрительнымъ системамъ нѣмецкихъ эстетиковъ всегда относил-

ся презрительно: „вотъ гдѣ система!“ говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце. „Произведенія искусствъ, по его мнѣнію, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ имѣть постоянной системы или науки изящнаго; самое прекрасное чуждо всякихъ законовъ“. Поэтому въ теоріи своего предмета Мерзляковъ стоялъ ниже всякой критики; историческое значеніе науки было также ему чуждо.

О преемникѣ Мерзлякова, Шевыревѣ В. В. Кирѣевскій даетъ такой отзывъ: „читать писаній Шевырева невозможно: языкъ такой изысканный, неточный, поставленный на ходули, поднятый на дыбы. Это не есть недостатокъ краснорѣчія (онъ, подобно Мерзлякову, импровизировалъ лекціи), нѣтъ, это умышленное терзаніе языка. Шевыревъ словечка не скажетъ въ простотѣ, все съ ужимкой, да какой!“

Красовъ читалъ „теорію краснорѣчія“, слѣдуя обычаю московской школы, à la Мерзляковъ — подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію познаній. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, было скорѣе дѣломъ фантазіи, болѣзненно развитой на счетъ другихъ душевныхъ силъ. Диллетантизмъ, нетерпимый въ наукѣ, въ школѣ московскихъ словесниковъ пріобрѣлъ, такъ сказать, право гражданства: науку о словѣ они третировали не какъ науку, а какъ искусство красно говорить. Подкожный жаръ, звучныя фразы, искусственный паѳосъ, театральные жесты — замѣняли у нихъ спокойное, строго научное изложеніе предмета. Не одинъ Красовъ, но и позднѣйшіе послѣдователи Шевырева были лишь „докторами чувствительности“.

„Краснобайство, напр. Селина, говоритъ одинъ изъ его слушателей (Авсѣенко), не знало предѣловъ. Онъ сидѣлъ совершеннымъ шутомъ на каѳедрѣ, кривлялся, скалилъ зубы, закатывалъ глаза — однимъ словомъ изображалъ актера, срывающаго рукоплесканія съ александринскихъ верховъ. Съ каѳедры лилась разнузданная болтовня о Малороссіи, о Польшѣ, о Мицкевичѣ, о Погодинѣ и т. п.“ — „Къ Селину, говоритъ историкъ университета св. Владиміра, проф. Будановъ можно примѣнить стихъ Толстого: „Коль любить такъ съ

горяча, коль рубить, такъ ужъ съ плеча!“ Имѣя натуру проповѣдника и оратора, онъ не удовлетворялся ровнымъ теченіемъ фактовъ своей науки, и еще менѣе логическою связью отвлеченныхъ положеній ея; какъ ораторъ и публицистъ, онъ любилъ собирать большую аудиторію, любилъ сценическую обстановку и овація. Ученымъ филологомъ онъ никогда не былъ“.

Производимое на слушателей лекціями Селина впечатлѣніе можно уподобить дѣйствію музыки: слушать его—наслажденіе, какое испытываешь въ музыкальномъ концертѣ. Подобно ловкой игрѣ виртуоза, лекціи эти дѣйствовали на душу сильно, но безотчетно и даже безслѣдно: ихъ трудно было воспроизвести, изложить послѣдовательно на бумагѣ.

Для того чтобы получить каѳедру русской словесности, по мнѣнію московскихъ эстетиковъ, достаточно было имѣть даръ слова и врожденное чувство изящнаго—качества, какими можетъ обладать не только поэтъ, подобный Красову, котораго рекомендовалъ ректору Максимовичу Погодинъ, но и натуралистъ, какимъ былъ, по своей спеціальности, самъ Максимовичъ. Пробывъ два года на факультетѣ словесномъ, восхищаясь „обаятельнымъ словомъ Соловія нашего времени“ т. е. Мерзлякова, Михаилъ Александровичъ перешелъ на физико-математическій факультетъ, что однакожъ не помѣшало ему, въ качествѣ любителя, посѣщать лекціи Давыдова; тѣмъ не менѣе спеціальный предметъ его изученія была ботаника и онъ изъ профессора ботаники не задумался перейти на каѳедру русской словесности.

Вслѣдствіе подобнаго же легкаго отношенія къ профессорскому званію, воспитанникъ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородка—заведенія съ энциклопедическимъ, а слѣдовательно и весьма поверхностнымъ курсомъ,—нашъ великій писатель Гоголь возмечталъ сдѣлаться профессоромъ и даже не русской словесности (это бы, по тогдашнему взгляду, ему было бы сподручнѣе), а всеобщей исторіи, дерзнувъ вступить въ конкурренцію съ Цыхомъ, человѣкомъ высокой эрудиціи и увы! такъ безвременно похищеннымъ у науки смертію. Извѣстно, что Гоголь былъ геніальный писатель, но весьма жалкій ученый. Въ воспоминаніяхъ Тургенева мы нашли интересную характеристику Гоголя, какъ адъюнкта петербургскаго университета

въ 1835 году. „Гоголь, говоритъ онъ, изъ трехъ лекцій въ недѣлю, непремѣнно пропускалъ двѣ и когда появлялся на каѳедрѣ, то не говорилъ, а шепталъ что то весьма несвязно. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи. На экзаменахъ онъ не разѣвалъ рта: студентовъ за него спрашивалъ И. П. Шульгинъ. Понимая весь комизмъ своего положенія, онъ подалъ въ отставку".

И послѣ такого полнѣйшаго fiasco на профессорскомъ поприщѣ, Гоголь все таки добивался каѳедры ординарнаго профессора исторіи въ университетѣ св. Владиміра, надѣясь на протекцію Пушкина и ректора Максимовича. Въ письмѣ своемъ отъ 13 мая 1834 года онъ проситъ поэта „похлопотать предъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для большаго эффекта сказать, будто Гоголя засталъ еле жива". Потерпѣвъ неудачу, онъ разразился сильною бранью на ни въ чемъ неповинныхъ кіевскихъ профессоровъ:

„Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! пишетъ онъ учителю волынской гимназіи В. В. Тарновскому, жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Я самъ было думалъ въ Кіевъ, да къ счастью не сошелся съ вашимъ Брадке". Самъ потерпѣвъ неудачу, Гоголь сталъ рекомендовать Максимовичу въ адъюнкты русской словесности Тарновскаго, на что М. А--чъ изъявилъ полнѣйшее согласіе; но попечитель отказалъ ему и въ этомъ ходатайствѣ. Изъ переписки Гоголя съ Максимовичемъ мы узнаемъ, какіе совѣты предлагалъ авторъ „Мертвыхъ Душъ" своему земляку относительно преподаванія словесности: „Не сиди надъ книгами! Говори свое, и то какъ можно поменьше. Лучше всего ты дѣлай со студентами эстетическіе разборы" (и въ этомъ видно вліяніе московской школы). Но Михайло Александровичъ и безъ того, сознавая свою слабую сторону, никогда не рисковалъ слишкомъ вдаваться въ исторію, ограничивая свои лекціи одною лишь исторіею литературы и предоставляя своему адъюнкту Красову восторгаться изящнымъ. Но чтобы не наскучить своимъ слушателямъ номенклатурой духовныхъ писателей и ихъ писаній, онъ разнообразилъ свои лекціи разборомъ южно-русскихъ думъ и пѣсенъ, а также стихотвореній новѣйшихъ лириковъ, и это, по мнѣнію слушателей его,

были самыя занимательныя изъ его чтеній или, лучше сказать, импровизацій, которыя и составили ему репутацію краснорѣчиваго словесника, достойнаго послѣдователя Мерзлякова.

Николай Трофимовичъ Костырь.

По выходѣ въ отставку Максимовича и его адъюнкта Красова, на каѳедру русской словесности вступилъ прямо со студентской скамьи 23-хъ лѣтній кандидатъ Костырь. Ему поручено было на первыхъ порахъ преподаваніе исторіи древней русской литературы. Подробное изложеніе памятниковъ до-петровскаго періода—плодъ самостоятельнаго изученія—сопровождалось ихъ критическимъ разборомъ, при чемъ молодому ученому приходилось говорить о такихъ произведеніяхъ, которыя, съ одной стороны, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ выраженію внутренней жизни русскаго народа, ни къ искусству, ни къ наукѣ, а съ другой стороны, по обязательности программы они должны были удержать за собой значеніе историческое. Острота, сказанная на счетъ подобнаго рода памятниковъ студентомъ Лузгановымъ, не лишена основанія: „попъ попу писалъ записку, прося его прислать ему меду, а наши словесники перехватили записку да и внесли въ литературу“.

Вполнѣ сознавая несостоятельность своего предмета, какъ науки, профессоръ тѣмъ не менѣе обязанъ былъ ex officio читать лекціи о Лукѣ Жидятѣ, о Кирикѣ, о разныхъ Кириллахъ и т. п., дѣлать подробный анализъ ихъ писаній, какъ бы для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдить своихъ слушателей въ полнѣйшемъ отсутствіи въ нихъ литературнаго значенія. Изложеніемъ исторіи древняго періода р. литературы Николай Трофимовичъ, замѣтно было, сильно тяготился; только и отведетъ бывало душу на „Словѣ о полку Игоревѣ“, а добравшись до новѣйшаго періода русской литературы, онъ воодушевлялся и воодушевлялъ свою аудиторію, держась всегда на высотѣ своего призванія.

Не уступая даромъ слова своимъ предмѣстникамъ Красову и Максимовичу, онъ внесъ въ преподаваніе словесности чуждый имъ элементъ—философскій. Не нужно забывать, что нашъ Костырь вовсе не былъ подготовленъ преподаваніемъ Максимовича къ философ-

скому взгляду на свой предметъ. Теорію прозы и теорію поэзіи онъ сталъ излагать самостоятельно, по сочиненіямъ нѣмецкихъ эстетиковъ, избравъ пособіемъ для своихъ чтеній словарь Сульцера и эстетику Гегеля. Съ необыкновенной энергіей принялся онъ за изученіе своего предмета и съ наслажденіемъ дѣлился съ нами плодами своихъ кабинетныхъ занятій. Лекторъ зналъ хорошо степень подготовки своихъ слушателей для усвоенія отвлеченныхъ теорій нѣмецкихъ философовъ и потому старался, насколько возможно, упростить тяжеловѣсные трактаты ихъ объ идеѣ, о словѣ, объ изящномъ и т. д., низводя ихъ до средняго уровня нашего развитія. Не переводя духу, втеченіе цѣлаго часа, излагалъ онъ свою лекцію, ни на одно мгновеніе не задумываясь, не допуская и тѣни какого нибудь пустаго фразерства. Нѣкоторые изъ насъ упрекали его въ темнотѣ изложенія, въ многословіи, но недостатокъ этотъ, неизбѣжный въ каждомъ начинающемъ свое поприще профессорѣ, со временемъ долженъ былъ исчезнуть; жаль только, что ему не дали „выговориться“. Въ немъ заключались всѣ задатки того, чтобы сдѣлаться превосходнымъ профессоромъ: обнаруживъ необычайную силу и быстроту концепціи, огромную начитанность, онъ съ честію занималъ каѳедру русской словесности, справляясь одинъ съ тремя предметами за адъюнктское жалованье!

Обремененный, при слабомъ здоровьи, изнурительными трудами, немыслимыми для всякаго другаго менѣе даровитаго профессора, Николай Трофимовичъ былъ лишенъ возможности приступить къ магистерскому экзамену ранѣе 1842 года. Занеимѣніемъ въ наличномъ составѣ профессоровъ спеціалиста по его предмету, на экзаменъ былъ приглашенъ Максимовичъ. Столкнулись два поколѣнія и два типа словесниковъ совершенно различные: Максимовичъ —филологъ самоучка, незнакомый вовсе съ исторической литературой языка, заботившійся лишь „о чистотѣ русскаго языка“, и Костырь— интересовавшійся философскими основаніями языкознанія „вообще“, увлекавшійся положеніями философіи Канта и Гегеля.—Костырь считалъ возраженія Максимовича нестоющими серьезнаго опроверженія, мелочами. Максимовичъ заявлялъ, что магистрантъ въ русской словесности хочетъ видѣть выраженіе не писателей, и не своего народа, а человѣческаго духа... Такъ космополитическія на-

чала науки, выдвинутыя нѣмецкой философіей, были непонятны и чужды старому представителю національныхъ интересовъ!

Михайло Александровичъ вообще былъ врагъ всяческихъ философскихъ теорій. Въ частномъ разговорѣ съ О. М. Новицкимъ онъ сталъ однажды отвергать пользу преподаванія исторіи философіи въ университетахъ, на что ему Орестъ Марковичъ возразилъ: „ежели бы вы, М. А-чъ, учились философіи, то въ вашей книгѣ (Исторія р. литературы, преимущественно древней) писатели не цѣплялись бы одинъ за другаго, „якъ старци“, и дѣленіе науки на главы и періоды не было бы такъ неосновательно и произвольно. Позвольте вамъ замѣтить, что безъ философіи немыслима ни одна наука“ [1]).

По всему было видно, что М. А-чъ отжилъ свое время. По ходатайству М. В. Юзефовича, въ 1843 году, кн. Давыдовъ пригласилъ Максимовича читать лекціи русской литературы по найму, съ платою по 14 рублей за часъ. Но проживъ на своей Михайловой горѣ четыре года въ отставкѣ, нашъ словесникъ еще болѣе отсталъ отъ науки и конечно не могъ удовлетворить любознательности своихъ слушателей, затронутой чтеніями Костыря. Читалъ же онъ свои лекціи по своей печатной книжкѣ слово въ слово, прерывая по временамъ скучное до тошноты перечисленіе писателей духовнаго чина разсказами о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Иннокентіемъ и др. знаменитостями, да ожесточенными нападками на барона Брамбеуса.

Въ 1844 году Николай Трофимовичъ блистательно защитилъ свою магистерскую диссертацію и удостоенъ степени магистра, хотя утвержденъ въ этой степени только черезъ годъ.

На диспутѣ я не присутствовалъ, находясь уже на службѣ; но у меня сохранилось письмо одного моего пріятеля — студента, въ которомъ описанъ этотъ диспутъ. Помѣщаю здѣсь нѣкоторыя отрывки.

Первое возраженіе сдѣлано Максимовичемъ, по поводу неважной грамматической ошибки въ диссертаціи. Препирались довольно

[1]) „Періоды характеризуются Максимовичемъ не степенями развитія словесности, а внѣшними, не относящимися къ ней фактами и обстоятельствами, да и нѣтъ единства въ дѣленіи“ (см. критику Каткова на „Исторію литературы, преимущественно древней“).

долго. Наконецъ Костырь сказалъ: „чтобы прекратить пустой споръ, я соглашаюсь, что это ошибка, хотя въ душѣ никогда съ вами не соглашусь“.

М—чг: Отчего вы употребляли слово субъективность, а не личность?

К—рь: Оттого, что „личность“ у насъ слово неудобное, оно не можетъ быть приложено къ поэзіи.

М—чг: Вотъ это мѣсто у васъ неясно изложено.

К—рь: Что для васъ неясно, то для меня очень ясно.

М—чг: Зачѣмъ вы пишете „гуманистическій“, а не гуманическій?

К—рь: Это одно и то же. По латыни—humanus, по французски—humain, по нѣмецки—humanistische; вы переводите съ французскаго, а я съ нѣмецкаго. Но Боже мой! давайте мнѣ мыслей, не словъ и я буду защищать мои тезисы до послѣднихъ силъ.

Долго еще длился споръ и все о пустякахъ. Одинъ только О. М. Новицкій дѣлалъ возраженія, какъ должно, и на нихъ Костырь отвѣчалъ прекрасно. Подъѣхалъ къ магистранту съ возраженіями, натурально не безъ задней мысли, пріобрѣвшій впослѣдствіи печальную извѣстность издатель „Домашней Бесѣды“ Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. „Что дѣлаетъ для насъ гуманизмъ?“ спросилъ онъ. Костырь чуть не задушилъ его своимъ отвѣтомъ. Но когда тотъ предложилъ ему еще одинъ вопросъ, касающійся религіи, то Костырь, отгадавъ его мысль, наказалъ его полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Дѣлалъ возраженія и нашъ историкъ Ставровскій. Наговорилъ онъ, по своему обыкновенію, много пошлостей, вовсе не идущихъ къ дѣлу.

К—рь: Я вамъ, Алексѣй Ивановичъ, говорю о поэтическомъ, объ изящномъ, а вы мнѣ толкуете о скотахъ и лошадяхъ.

Такимъ образомъ мучили нашего Костыря часа два. Онъ горячился и задыхался отъ негодованія, и когда Максимовичъ снова присталъ съ своими указаніями на разныя мѣста диссертаціи, что вотъ это для меня непонятно и проч., Костырь спросилъ его: „читали ль вы, Михаилъ Александровичъ, мою диссертацію?“

М—чг: Нѣтъ не читалъ.

К—рь: Оттого для васъ и непонятно, а тамъ все объяснено. Да вотъ, напр., хотя это мѣсто.

Затѣмъ кинулся къ диссертаціи, открылъ одно превосходное мѣсто, поднесъ съ самому носу М—ча и прочелъ. Все это онъ продѣлалъ такъ быстро, что тотъ не успѣлъ ничего возразить.

Когда Ѳедотовъ-Чеховскій сдѣлалъ было тоже какое то замѣчаніе въ родѣ того, что диспутантъ не слушаетъ оппонента, а прерываетъ его, не давая ему высказаться, К—рь сказалъ:

— Не ваше дѣло: на то есть деканъ, а не вы.

Послѣ краткаго совѣщанія членовъ факультета, деканъ Нейкирхъ поздравилъ Николая Трофимовича магистромъ.

Максимовичъ протестовалъ.

Въ 1846 году Костырь перешелъ на каѳедру русской филологіи, науки совершенно несродной его пылкому темпераменту. Вдавшись въ своихъ лекціяхъ въ весьма отдаленныя и туманныя сферы сравнительнаго языкознанія и философскихъ основаній языка, онъ не приносилъ уже своимъ слушателямъ той пользы, какую приносилъ преподаваніемъ р. словесности. Филологія его доканала, вогнавъ въ чахотку, отъ которой онъ и умеръ въ Харьковѣ въ 1854 году.

Былъ слухъ, якобы Костырь на докторскомъ диспутѣ высказалъ какія то обидныя для духовенства мысли и что по этому онъ не могъ оставаться въ Кіевѣ, хотя на диспутѣ ничего подобнаго не было, но все таки министръ нашелъ нужнымъ перемѣстить его въ Харьковъ.

Незабвенный профессоръ нашъ Николай Трофимовичъ—личность въ высокой степени даровитая и симпатичная. Къ сожалѣнію, наши кіевскіе принципалы не съумѣли оцѣнить его по достоинству, предъявляя ему свои нелѣпыя притязанія на уваженіе, какого они вовсе не заслуживали...

Еще нѣсколько словъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Николаю Трофимовичу.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ, я имѣлъ случай съ нимъ сблизиться. Въ это время онъ готовилъ свою магистерскую диссертацію: „Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ“. Переписчики—семинаристы два раза испортили рукопись множествомъ ошибокъ; авторъ сердился, бросалъ имъ деньги и тутъ же рвалъ въ клочки ихъ маранье. Окончивъ экзамены, мы съ Малавскимъ

предложили свои услуги. Профессоръ съ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе и мы втеченіе двухъ недѣль ходили къ нему на квартиру, оставаясь у него съ утра до поздняго вечера, а иногда и ночевали въ его квартирѣ. Жилъ онъ въ это время на Подолѣ въ большомъ купеческомъ домѣ, держалъ тройку вороныхъ, одѣвался изящно, лучше всѣхъ въ городѣ; баринъ задумалъ дескать жениться, да еще на аристократкѣ... Н. Т—чъ сильно увлекся ею, написалъ множество стиховъ, а еще болѣе надѣлалъ долговъ. Ему отказали. Съ горя Николай Тр—чъ ударился въ другую крайность: переселившись изъ купеческихъ хоромъ въ скромную квартирку П. С. Авсенева, онъ, подъ руководствомъ хозяина, сталъ залѣчивать сердечную рану нѣмецкой философіей. Потомъ, отрезвившись, принялся за филологію.

Въ интимныхъ бесѣдахъ нашихъ, по вечерамъ, у насъ выработался планъ ученой экспедиціи по кіевской, черниговской и полтавской губерніямъ для изученія мѣстныхъ говоровъ, съ участіемъ трехъ студентовъ; пишущаго эти строки—для черниговской, Аѳанасія Маркевича—для полтавской и Малавскаго—для кіевской губерніи. Проектъ Костыря не осуществился: разбилъ его въ совѣтѣ А. И. Ставровскій, насмѣшливо относившійся ко всему, что выходило изъ ряда формальнаго выполненія служебныхъ обязанностей. Мысль Николая Трофимовича, такъ блистательно осуществившаяся чрезъ 30 лѣтъ, по иниціативѣ П. П. Чубинскаго, не нашла поддержки и сочувствія въ ученомъ собраніи, между тѣмъ какъ наша экскурсія принесла бы, несомнѣнно, больше пользы, чѣмъ нелѣпое отыскиванье кладовъ, предпринятое тѣмъ же бездарнымъ историкомъ и стоившее университету не малыхъ издержекъ. Не дешево обошелся университету найденный Алексѣемъ Ивановичемъ котелокъ съ древностями, поднесенный имъ Д. Г. Бибикову и извѣстный подъ названіемъ „бибиковскаго горшка“. Почти столько же пользы принесли для науки и экскурсіи другаго ученаго мужа, великаго мастера разсказывать о своихъ путешествіяхъ, съ прибавкой множества анекдотовъ, изъ которыхъ видно, что спеціальная цѣль командировокъ на казенныя деньги отходила у него на второй планъ и что г. профессоръ ѣздилъ больше для моціона и развлеченія.

О. М. Новицкій.

Хотя почтенный Михаилъ Александровичъ и отвергалъ пользу преподаванія въ университетахъ философіи, но мы, по собственному опыту, пришли къ совершенно иному убѣжденію. Лекціи Ореста Марковича по психологіи, логикѣ и древней философіи принесли несомнѣнную пользу нашему умственному развитію. Чтенія его отличались необыкновенною ясностію и полнотою изложенія и заключали въ себѣ великій интересъ для слушателей. Лекціи Новицкаго, по словамъ г. Владимірскаго-Буданова, могли быть понятны для ученика IV класса гимназіи. Прослушавъ у него курсъ психологіи и логики въ первые два года университетскаго курса, мы незамѣтнымъ образомъ почувствовали себя въ силахъ понимать философскія сочиненія и разсуждать объ отвлеченныхъ предметахъ съ логическою послѣдовательностью. Такой прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи положилъ рѣзкую грань между гимназическимъ и университетскимъ образованіемъ. Многое намъ представилось въ иномъ свѣтѣ и въ наукѣ, и въ жизни... Да, философія великая наука! Недаромъ ее въ древности величали „наукою наукъ“.

Послѣ 1848 года положенъ конецъ „обольстительнымъ мудрованіямъ философіи“, какъ выражался министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ. Вмѣсто уволеннаго въ отставку Новицкаго, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ университетѣ св. Владиміра, сталъ читать свою „логику“ протоіерей Скворцовъ...

П. С. Авсеневъ.

На III курсѣ, отъ Ореста Марковича, мы перешли къ Авсеневу на исторію новѣйшей философіи совершенно подготовленными къ воспріятію глубины премудрости Канта, Фихте и Гегеля. Характеристику Петра Семеновича, какъ профессора и человѣка, можно найти въ отзывѣ о немъ его ученика и сослуживца по духовной академіи А. И. Капустина (въ монашествѣ Антонина), помѣщенную въ біографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета (К. 1884, стр. 6—11).

Незадолго до того, заслуги Авсенева (въ монашествѣ Ѳеофана) нашли другого достойнаго цѣнителя въ профессорѣ кіев. дух. академіи Малышевскомъ, а потому я не стану распространяться о немъ.

Товарищъ мой Андрюша Блотницкій, жившій на Подолѣ по сосѣдству съ Петромъ Семеновичемъ, много разсказывалъ о домашней жизни этого труженика науки. Самъ онъ до того увлекся его нравственными качествами, что принялъ его за образецъ для себя и въ 20 лѣтъ сдѣлался совершеннымъ аскетомъ. Единственнымъ развлеченіемъ для моего пріятеля, при изнурительныхъ и часто безплодныхъ его занятіяхъ, стали гусли, на которыхъ онъ разыгрывалъ божественные канты, слѣдуя примѣру своего идеала П. С—ча, отъ него же Андрюша получалъ и ноты духовныхъ пьесъ, пользуясь по временамъ его музыкальными уроками. По словамъ Капустина, Авсеневъ любилъ музыку не столько за ея пріятность, сколько за математическое и психологическое значеніе.

Къ сожалѣнію, мой коллега былъ человѣкъ мало даровитый. Усиленнымъ трудомъ онъ думалъ замѣнить недостатокъ способностей и вогналъ себя въ чахотку, чему не мало способствовала скаредность отца, который во всемъ ему отказывалъ, даже въ самомъ необходимомъ. Умеръ Андрей, находясь уже на III курсѣ. Отецъ до того простеръ свою скупость, что наотрѣзъ отказался хоронить своего сына, отговариваясь неимѣніемъ денегъ; а человѣкъ онъ былъ не бѣдный, обладая тремя домами на Спасской улицѣ. Товарищи сдѣлали складчину и похоронили на свой счетъ. Въ складчинѣ принялъ участіе и Петръ Семеновичъ и присутствовалъ на погребеніи.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

87.

Палка сватовъ.

Въ Малороссіи сваты являются въ домъ невѣсты съ хлѣбомъ, солью и водкой. При этомъ они имѣютъ съ собою палку. Вообще, въ селахъ мужчины носятъ палки, что обусловлено отчасти необходимостью защищаться отъ собакъ, отчасти народнымъ понятіемъ о томъ, что людямъ пожилымъ прилично ходить съ палкой. Точно такое же воззрѣніе на посохъ имѣютъ въ настоящее время болгары (по сообщенію проф. *М. С. Дринова*). Въ Спартѣ посохъ обязательно носили, выйти безъ него на улицу считалось неприличіемъ. Въ Аѳинахъ посохъ до временъ Демосѳена былъ обязателенъ для всякаго благовоспитаннаго человѣка (*Магаффи*, Др.-греч. жизнь, 39). Малорусскіе сваты, или старосты, какъ люди степенные, уважаемые въ селѣ, идутъ всегда съ посохомъ. Въ повѣсти Квитки „Маруся“—„ввійшлы въ хату двое старостивъ, люде хороши, мищане, у сынихъ жупанахъ, аглыцкои каламайкы, поясами попидперизуваны, зъ палычкàми, и у старшого старосты хлибъ святый у рукахъ“; въ другомъ разсказѣ Квитки „Пидбрехачъ“ сватъ Остапъ приглашаетъ къ себѣ на помощь своего пріятеля Самійла. „Я буду почынаты брехаты, говоритъ онъ, а ты пидбрихуй“... „Добре, зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою“—отвѣтилъ Самійло (*Квитка*, изд. 1887, I, 66, II, 194). Въ Галиціи надъ р. Збручемъ на невѣсту надѣваютъ вѣнокъ, и потомъ староста, имѣя въ рукахъ для

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 11, октябрь.

почета палку, ставитъ молодую передъ ея родителями и проситъ о благословеніи ея (*Основа* 1862, IV, 10). Въ описаніи малорусской свадьбы въ началѣ второй половины прошлаго вѣка находится прямое указаніе, что парубокъ женихъ вручалъ двумъ своимъ сватамъ по палкѣ „въ знакъ ихъ отъ него полномочія и посольства“ (*Калиновскій*. 1777 г., с. 2). Подобное обыкновеніе встрѣчается и у другихъ славянъ; такъ, у поляковъ кашубовъ „старые“ (дружки жениха и невѣсты) созываютъ гостей на свадьбу, имѣя въ рукахъ по палкѣ, выкрашенной въ красный цвѣтъ съ коричневымъ точеным набалдашникомъ (*Этн. Сб.* V, 58).

Уполномочіе посредствомъ передачи въ руки палки или жезла, изрѣдка копья, встрѣчается у многихъ народовъ, или какъ бытовое явленіе, или какъ переживаніе. Въ путешествіи Пинто по Африкѣ (на берегахъ р. Коанцо), путешествіи, написанномъ правдиво, съ цѣнными бытовыми подробностями, находится между прочимъ указаніе, что кассамбскій вождь, посылая своихъ слугъ къ путешественнику за полученіемъ подарка, вручилъ имъ свой ассегай, который ранѣе Пинто видѣлъ въ его рукахъ, и слуги принесли этотъ ассегай (копье), какъ доказательство полномочій, своего рода довѣренность (*Пинто*, въ „Вокругъ Свѣта“, 1887, № 26). Въ средніе вѣка въ западной Европѣ назначеніе посла, какъ и вообще облеченіе въ какое нибудь право, инвеститура—была совершаема врученіемъ назначенному перчатки и жезла. Получивъ эти символическіе знаки, посланникъ былъ уполномоченъ во всемъ отъ имени пославшаго. Въ пѣснѣ о Роландѣ Карлъ, посылая Ганелона къ маврскому царю Марсилу, даетъ Ганелону жезлъ и письмо (*Буслаевъ*, Народ. поэзія, 290). Въ старинныхъ нѣмецкихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ палка или жезлъ имѣлъ нѣсколько символическихъ значеній; чаще всего служилъ признакомъ власти или уполномоченія со стороны властнаго лица, des aufgebens und besitzens der gewalt (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth. 1828 г., 133—137) [1]).

Въ сочиненіи „О свад. обрядахъ“ я высказалъ мнѣніе, что въ древности палка служила символомъ солнечнаго луча или, можетъ

[1]) Въ „*Zeitschrift für Ethnologie*“ 1882, 1883, 1884 и др. годовъ разбросано много замѣтокъ объ обрядовомъ употребленіи палки, какъ знака власти и полномочія, въ дѣтскихъ играхъ, судьями и проч.

быть, древа жизни (стр. 95). Теперь думаю, что факты, приведенные мною въ подтвержденіе это мнѣнія, какъ то: болгарская (добавлю теперь и малорусская) палки, украшенныя плодами и цвѣтами, благословеніе палкой невѣсты, обрядная палка при первомъ выгонѣ скота въ поле (23 апрѣля), эти и подобные факты, полагаю, объясняются, помимо миѳологическихъ соображеній, христіанскими религіозными понятіями объ освященной вербѣ и библейскимъ (Книга Числъ XVII, 8) сказаніемъ о процвѣтшемъ жезлѣ Аарона.

88.

Могорычъ.

Могорычъ считается существенной принадлежностью разныхъ торгово-промышленныхъ сдѣлокъ и договоровъ. Вещь тогда считается проданной, договоръ тогда считается ненарушимымъ, когда выпитъ могорычъ. Извѣстенъ такой случай: нанятъ былъ плотникъ построить амбаръ; но условія не выполнилъ. Когда наниматель сталъ упрекать его за невыполненіе условія, тотъ сказалъ: „адже жъ мы могорыча не пылы“ (*Основа*, 1861, X, 130; *Чубинскій*, VI. 68).

Въ винницкомъ и литинскомъ уѣздахъ хлопецъ, вступая въ парубоцтво, обязательно долженъ поставить могорычъ. Въ противномъ случаѣ, при косьбѣ сѣна, парубки кладутъ хлопца на первый покосъ и бьютъ жгутами изъ травы или же погружаютъ его въ воду, либо отдаютъ въ залогъ его косу въ шинкѣ и пьютъ на его счетъ. (*Кіевская Старина*, 1887, VIII, 769).

Могорычъ составляетъ необходимое условіе сватовства. Сваты обыкновенно приходятъ къ родителямъ невѣсты съ водкой, которую ставятъ въ бутылкѣ передъ ними, и если они согласны на бракъ дочери, то обыкновенно отвѣчаютъ: „мы могорычу не цураемся“ (*Чубинскій*, IV, 614). Въ „Пидбрехачѣ“ Г. Ѳ. Квитки одинъ староста говоритъ другому, своему товарищу: „я збрешу на палець, а ты пидбрихуй на цилый локоть, то и закинчаемъ дило, запьемо могорычи“. (*Квитка*, изд. 1887, II, 194).

Въ судебныхъ дѣлахъ могорычъ почти всегда ставится судьямъ; иногда та сторона и правой оказывается, которая поставитъ бо́льшій могорычъ. Въ свадебныхъ договорахъ происходятъ неудовольствіе и обращеніе къ волостному суду тогда, когда стороны расходятся уже послѣ домо́винъ, т. е. уговора о свадебныхъ подаркахъ. Обиженная сторона подаетъ жалобу въ волостной судъ. Виновная сторона должна поставить могорычъ тѣмъ, которые разбирали дѣло; въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что могорычъ ставятъ и та и другая стороны (*Чубинскій*, VI, 37).

При разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи могорыча мы находимъ не лишнимъ отдѣлить названіе отъ сущности обычая. Названіе обычая, несомнѣнно заимствованное, трудно сказать, отъ какого именно народа, вѣроятно, тюркскаго. У лезгинъ аварцевъ бракосочетаніе называется „магари тие“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „заключеніе брачнаго торга“ (*Сборн.* свѣд. о кавказ. горцахъ, III, отд. 3, с. 25). Самое обыкновеніе запивать договоры можетъ быть искони мѣстнымъ, кореннымъ народнымъ, такъ какъ такое запиваніе, на подобіе обрядной ѣды изъ одной миски, служитъ символомъ единенія, развившимся и укрѣпившимся въ народной жизни еще во время господства общинныхъ порядковъ, когда единство и цѣльность общины выражались общей ѣдой, общимъ питьемъ и даже общимъ куреніемъ изъ одной трубки ея членовъ, какъ было, напримѣръ, въ древности въ Спартѣ, въ позднее время въ Запорожьѣ.

89.

Постъ невѣсты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи (*Терещенко*, Бытъ р. н. II, 526), у сербовъ Срѣма (*Rajacsich*, 157), у краковскихъ поляковъ (*Kolberg*, Lud. VI, 46) молодые не ѣдятъ за свадебнымъ столомъ. У чеховъ (*Casop.*, 1859, I, 96) и у бѣлоруссовъ (*Вѣстникъ* Г. Общ., 1853, VIII, 35), не употребляетъ пищи только невѣста. На этихъ фактахъ я останавливался уже въ своемъ сочиненіи „О свад. обр.“; но не будучи тогда въ состояніи дать имъ историко-культурное и бытовое объясненіе, я усмотрѣлъ въ

постѣ невѣсты или молодыхъ доказательство ихъ мистическаго значенія, обусловленнаго ихъ близостію къ небеснымъ свѣтиламъ, покровителямъ брака. Отказываюсь теперь отъ этого объясненія, такъ какъ имѣю другое, гораздо болѣе правдоподобное и простое. Древнѣйшими обычаями я здѣсь считаю чешскій и бѣлорусскій, именно, воздержаніе отъ пищи одной невѣсты, воздержаніе отъ пищи жениха считаю позднѣйшимъ расширеніемъ обряднаго поста невѣсты, когда было уже забыто основное его значеніе и тѣ мотивы, которые вызвали его. Въ древности невѣсту подвергали долгому посту, предполагая, что воздержаніемъ отъ пищи у ней будутъ устранены на время мѣсячныя очищенія, которыя считались ядовитыми. Полагали, что отъ поста тѣло женщины настолько высыхаетъ, что ядъ, заключающійся въ ея мѣсячныхъ очищеніяхъ, исчезаетъ или дѣйствіе его настолько ослабляется, что женщина не можетъ причинить вреда. На индійскомъ архипелагѣ невѣста соблюдаетъ строгій постъ и въ добавокъ принимаетъ внутрь еще разныя средства, до такой степени ослабляющія ея организмъ, что она не можетъ ходить и ее переносятъ на рукахъ. У гваякировъ на Ориноко невѣста выдерживаетъ сорокадневный постъ. Индѣйцы племенъ вайка и макузи заставляютъ дѣвушку—невѣсту выдержать строгій постъ и въ добавокъ сѣкуть ее розгами. Гваякирскіе старики въ объясненіе поста невѣсты говорятъ, что „менструаціи причиняютъ болѣзнь и даже смерть всякой вещи“ (*Лефренъ*, Полож. женщ. у дикихъ народ., въ „Дѣлѣ“, 1868, I, 121). Точно такое же воззрѣніе на мѣсячныя очищенія обнаруживаютъ культурные народы семитическаго и арійскаго племенъ. Въ древнихъ еврейскихъ законахъ (*Левитъ*, XV и V гл.) женщина, имѣющая очищеніе, и все, что прикасается къ ней въ это время, признается нечистымъ: „Всякій, кто прикоснется къ ней, нечистъ будетъ до вечера. И все, на чемъ она ляжетъ впродолженіе очищенія своего, нечисто. И всякій, кто прикоснется къ постели ея, долженъ вымыть одежды свои и омыться водой и нечистъ будетъ до вечера. Если проспитъ съ нею мужъ, то нечистота ея будетъ на немъ; онъ нечистъ будетъ семь дней, и всякая постель, на которую онъ ляжетъ, будетъ нечиста“. Еще далѣе шло воззрѣніе древнихъ иранцевъ на нечистоту и зловредность женщины во время мѣсячныхъ очищеній. Въ книгѣ Бун-

дегеша мѣсячныя очищенія олицетворены въ видѣ демона—женщины Дже. Злой Духъ поцѣловалъ ее въ голову, за расположеніе къ нему, и у Дже начались послѣ этого мѣсячныя очищенія. Дже причиняетъ эти истеченія женщинамъ и черезъ ихъ посредство мучитъ огонь, воду, растенія и всѣ творенія Агура-Мазды. Когда женщина во время менструаціи смотритъ на эти добрыя творенія, то однимъ своимъ взглядомъ она оскверняетъ ихъ. Въ Авестѣ находятся строжайшія воспрещенія сноситься съ женщиной во время менструаціи и предписывается удалять ее отъ всѣхъ чистыхъ людей и чистыхъ предметовъ. „Кто имѣетъ половое сообщеніе съ женщиной, говоритъ книга законовъ Вендидада, у которой признаки мѣсячнаго очищенія, дѣлаетъ не лучше, какъ если бы сжегъ на желѣзѣ трупъ своего собственнаго сына“. Виновный долженъ принести въ жертву огню 1000 вязанокъ твердаго и сухаго дерева, 1000 вязанокъ благовоннаго дерева, убить нѣсколько тысячъ змѣй и лягушекъ (*Диллень*, Дуализмъ въ Авестѣ, 116, 122, 107).

Такимъ образомъ въ славянскомъ воздержаніи невѣсты отъ пищи обнаруживается то же воззрѣніе на нечистоту женщины и скрывается то же опасеніе менструаціи, о чемъ такъ подробно говорятъ законодательныя книги древнихъ евреевъ и иранцевъ.

90.

Значеніе „весилья“.

Въ Малороссіи, особенно лѣвобережной, весилье имѣетъ важное значеніе въ бытѣ народа. Бываетъ такъ, что повѣнчаются, а весилья не дѣлаютъ по различнымъ причинамъ: „нема часу, нема справы“. Вѣнчаться же поспѣшаютъ во избѣжаніе насмѣшекъ и „поговора“, что женихъ вѣроятно „хоче одкынуться“. Весилье имѣетъ ту силу, что не отпраздновавши его, мужъ не можетъ жить вмѣстѣ съ женой и раздѣлять съ нею одно ложе; если же сожительство и бываетъ, то развѣ тайно. Если повѣнчавшись, но не отбывши весилья, умираетъ кто нибудь изъ новобрачныхъ, то погребаютъ какъ парня или дѣвушку. Весилье составляетъ общественный вѣнецъ—закрѣпленіе брака по общественному мнѣнію. Бывали такіе случаи,

что сговоренные, не вѣнчавшись, справляли весилье и жили, какъ мужъ и жена; молодая переселялась въ домъ мужа и считалась женой. Иногда при самомъ вѣнцѣ весилье не отбывается, а справляется послѣ, недѣли черезъ двѣ и даже черезъ шесть,—однимъ словомъ тогда, когда родители соберутся со средствами (*Чубинскій*, VI, 41).

Весилье безъ вѣнчанія или до вѣнчанія въ настоящее время уже рѣдко встрѣчается. Къ этому обычаю духовенство, понятно, относилось всегда враждебно и преслѣдовало его. Отдѣленіе весилья отъ вѣнчанія и еще болѣе ограниченіе однимъ весильемъ представляется любопытнымъ культурнымъ переживаніемъ, или остаткомъ существовавшаго, повидимому, воззрѣнія, что вѣнчаніе дѣло церковное, занесенное изъ чужа, почти ненужное, воззрѣнія, вышедшаго изъ древняго, еще языческаго строя гражданской жизни, опиравшагося на народныхъ юридическихъ обычаяхъ и твердой религіозно-миѳической обрядности. Извѣстно, что кіевскій митрополитъ Іоаннъ (1180—1189) въ „Церковномъ правилѣ“ указываетъ на обычай простаго народа совершать браки безъ благословенія церкви на томъ основаніи, что вѣнчаніе будто нужно только князьямъ и боярамъ. Въ правилѣ митроп. Максима (1283—1305) находится указаніе, что браки заключались „безъ благословенія церковнаго“. Въ поученіяхъ и грамотахъ митр. Петра († 1326), митр. Кипріана († 1405), митр. Фотія находятся жалобы, что христіане „не по закону живутъ съ женами, безъ благословенія поповскаго понялися“. Въ окружной грамотѣ польскаго короля Сигизмунда I 1509 г.: „мовилъ намъ нареченный митрополитъ кіевскій и всея Руси Іосифъ, штожъ деи тамъ многіе люди Русь въ тыхъ мѣстѣхъ незаконне мѣшкаютъ, жены поймуючи не вѣнчаются и дѣтей крестити не хотятъ и на исповѣдь не ходятъ“ (*Акты* З. Р. II, 51). Тѣ же жалобы повторяются въ грамотѣ новгородскаго архіеп. Макарія 1534 г., въ грамотѣ новгородскаго архіеп. Ѳеодосія 1548 г., въ трехъ святительскихъ поученіяхъ духовенству (1551—1554) и въ нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ и юридическихъ памятникахъ сѣверной и южной Руси XVI и XVII в. (см. *Загоровскій*, О разводѣ, 269—271). Какъ смотрѣли въ южнорусскомъ обществѣ на церковное вѣнчаніе даже въ XVIII в., объ этомъ можно составить нѣкоторое понятіе

по слѣдующему курьезному случаю, происшедшему въ 1722 г. Шляхтичъ Василій Выговскій жаловался на пановъ Вербицкихъ за то, что Вербицкіе, повѣнчавъ съ нимъ свою дочь и назначивъ срокъ дня „акту весильнаго“, неожиданно выдали ее замужъ за другаго. Выговскій претендуетъ за „шкоды и дисгоноръ“, т. е. убытки и безчестіе (*Загоровскій*, іb. 194). Очевидно, одно вѣнчаніе безъ весилья считалось неполнымъ оформленіемъ брака. Къ 1744 г. относится слѣдующій любопытный синодскій указъ, требующій, чтобы новобрачные послѣ вѣнчанія жили какъ мужъ и жена. „Извѣстно ея Императорскому Величеству учинилось о являющихся въ Малой Россіи бракахъ такихъ, что по отправленіи церковнаго брачнаго таинства по нѣсколько лѣтъ до брачнаго веселія живутъ въ разныхъ домахъ“... Въ Великороссіи браки раскольниковъ, не признающихъ священства, и потому заключаемые безъ вѣнчанія, признаются православными крестьянами. И въ настоящее время изрѣдка въ В. и М. Россіи среди православныхъ встрѣчаются браки безъ вѣнчанія (*Якушкинъ*, Обыч. право, XII—XIII; *Ефименко*, въ „Знаніи“, 1874, I, 34).

Бракосочетанія безъ церковнаго благословенія не въ рѣдкость были и въ Германіи въ средніе вѣка (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth., изд. 1828, 435).

91.

Гарбуза піднесты.

Подъ выраженіемъ „поднести гарбуза“ подразумѣвается отказъ жениху или старостамъ со стороны родителей невѣсты. Въ галицкомъ Покутьѣ старосты, получивъ отказъ, говорятъ молодому, что они ему „гарбузъ прыкотылы“ (*Kolberg*, I, 286). Въ старинное время, дѣйствительно, въ знакъ отказа подносили жениху на тарелкѣ тыкву или выкатывали ее въ ту комнату, гдѣ онъ находился. Въ „Сватаньѣ“ и въ „Конотопской вѣдьмѣ“ Квитки женихамъ подносятъ тыкву въ знакъ отказа. Такъ, въ „Конотопской вѣдьмѣ“— „війшла зъ кимнаты наньмычка, поклонылась та й постановыла на столи передъ паномъ Уласовычемъ на сковороди... печеный гарбузъ!“

Въ Галиціи надъ Збручемъ, наряду съ тыквой, символическимъ знакомъ отказа служитъ иногда макогонъ, при чемъ „макогонъ облизать“ значитъ получить отказъ: „коли парубокъ котрій, пидиславшысь де-небудь нерозважно, вхопыть гарбуза або, якъ тамъ кажуть, макогинъ облыже, то такъ и знай, що ему безпреминно до ранку выстрять здоровенный макогинъ изъ соломы на громадьску потиху, що, мовъ, не въ свое встрявъ“ (*Основа*, 1862, IV, 2).

Обрядная тыква при сватовствѣ нынѣ рѣдко встрѣчается. Вмѣсто самаго дѣйствія осталось только выраженіе „поднести гарбуза“. Повидимому, символическіе макогонъ и тыква встрѣчаются только въ малорусской и галицко-русской свадьбахъ.

Начало обычая поднесенія гарбуза въ знакъ отказа не поддается опредѣленію. Слово „гарбузъ“ восточное, повидимому, тюркское; у многихъ народовъ оно прилагается къ арбузу, кавуну, т. е. Cucumis citrullus. Въ Малороссіи слово гарбузъ прилагается къ такъ называемой кухонной тыквѣ, или Cucurbita maxima, съ какимъ наименованіемъ тыква встрѣчается еще въ Персіи—торбузъ (*Анненковъ*, Ботанич. слов. 115, 116). Возникновеніе названія „пиднесты гарбуза“ обусловлено не только широкимъ распространеніемъ тыквы въ Малороссіи, гдѣ ее охотно разводятъ во всѣхъ огородахъ на пищу людямъ, въ кормъ свиньямъ и для полученія сѣмячекъ. Вѣроятно, обычай поднесенія тыквы въ знакъ отказа служитъ остаткомъ того древняго культурнаго быта, когда тыква служила обычной посудой. Римскій сельско-хозяйственный писатель перваго вѣка по Р. Хр. Колумелла говоритъ: „nam sunt cucurbitae ad usum vasarum satis idoneae“. Тыква, какъ посуда, употреблялась въ древности у славянъ и теперь еще кое гдѣ въ славянскомъ простонародьѣ является съ такимъ значеніемъ (*Šulek*, въ Rad jugosl. Akad., 1877, XXXIX, 24). Вообще, тыква—обычная посуда во многихъ странахъ Азіи и Африки, напр., въ Нубіи (*Лежанъ*, во „Всемірн. Путешеств.“, 1868, I, 15).

92.

Состязаніе загадками.

Одинъ изъ древнѣйшихъ пріемовъ эпической поэзіи—разговоръ двухъ лицъ, препирающихся загадками или вопросами о дѣлахъ темныхъ—до сихъ поръ сохранился на свадьбахъ разныхъ славянскихъ народовъ, въ частности малоруссовъ. Загадочный характеръ имѣетъ уже обычная рацея сватовъ „про куницю, що ховаетця пидъ соломьяны коныци“ (*Чубинскій*, IV, 59) или про лисицу, за поимку которой князь обѣщаетъ десять городовъ и скирду хлѣба (*Квитка*, 1887, I, 66). У лаборскихъ русскихъ въ Галиціи загадки играютъ большую роль во время сватовства, при чемъ всѣ загадки заимствованы изъ Бесѣды Трехъ Святителей, стариннаго весьма распространеннаго апокрифа. Такъ, староста жениха говоритъ: „Ишовъ заяцъ черезъ воду та переплывъ, а стрилецъ шовъ та ся утопывъ“. Выдавця отвѣчаетъ: „Заяцъ — то суть жидове; а стрилецъ, то фараонъ“. Староста спрашиваетъ, какой цвѣтокъ дѣвушки не берутъ для вѣнка; цвѣтъ на житѣ, отвѣчаетъ выдавця. „Котре е наилепше набожество?“ продолжаетъ вопрошать староста, и выдавця разсказываетъ ему въ отвѣтъ евангельскую притчу о милосердомъ самарянинѣ и т. д. (*Науков. Сборн.* 1865, 146). Загадки входятъ также въ великорусскія свадьбы. Въ пошехонскомъ уѣздѣ ярославской губ. „продавецъ“ невѣсты спрашиваетъ дружка жениха: „Какъ ты у меня будешь торговать? На загадки идешь или на золоту казну?“ Если дружко не умѣетъ отгадывать загадки, то платитъ отъ 1 до 10 руб. Иногда онъ идетъ на загадки (*Этнограф. Сборн.*, III, 22). Въ Москвѣ записана старинная свадебная пѣсня, въ которой женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки, что выше лѣса, что краше свѣта, что чаще лѣса, что растетъ безъ кореня, что говоритъ безъ умолка и что неизвѣстно? Дѣвица отвѣчаетъ, что выше лѣса свѣтелъ мѣсяцъ, краше свѣта красно солнце, чаще лѣса звѣзды, безъ кореня ростетъ камень, безъ умолку сине море и безъизвѣстна Божья воля. Дѣвица такимъ образомъ отгадала шесть мудреныхъ загадокъ и стала потому „купеческой же-

ною“ (*Буслаевъ*, Истор. очерки, I, 33) —У словаковъ сватъ задаетъ невѣстѣ загадки, и если она удачно рѣшаетъ ихъ, то считается хорошей невѣстой (*Časop. čes. Musea*. 1859, I, 101).

93.

Покрытка.

Покрыткой теперь называютъ дѣвушку, которая „прошкодыла“, „прогришыла“. Еще очень недавно существовалъ, а можетъ быть кое гдѣ и нынѣ держится обычай обрядоваго покрытія головы такой дѣвушки платкомъ, или „скрываніе“. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая нибудь дѣвушка потеряла невинность, двѣ или болѣе степенныя пожилыя женщины приходятъ къ ней, выговариваютъ ей и повязываютъ ея голову по замужнему. Покрытка не выдѣляется изъ семьи. Это общественное оглашеніе проступка имѣло хорошую сторону для общества и для самой покрытки; въ обществѣ оно поддерживало нравственное начало, а для покрытки уменьшало стыдъ и угнетеніе ко времени родовъ. (*Носъ*, въ Кіев. Стар., 1882, I. 429). Покрывали обыкновенно забеременѣвшихъ дѣвушекъ, и эта огласка беременности устраняла дѣтоубійство. Участь покрытокъ была печальная. Онѣ жили подъ тяжестью общественнаго презрѣнія, что было вызвано не только ихъ проступкомъ, но преимущественно нерасположеніемъ народа къ главному виновнику, какому нибудь мѣстному ляхтичу или панку. Т. Г. Шевченко часто останавливается на горемычной долѣ покрытокъ, изъ деревенскихъ дивчатъ, обманутыхъ управляющими панскими имѣніями, ихъ приказчиками, офицерами и солдатами. „Катерына“ начинается съ пожеланія, чтобы „чорнобрыви не кохалысь съ москалямы“, „Наймычка“ начинается съ описанія нудьги-печали покрытки, матери „нехрещеного сына“. Во „Снѣ“—покрытка „по-пидъ тынню съ байстрямъ шкандыбае: батько и матирь одцуралысь, чужи не пріймаютъ“. Есть у Шевченка цѣлое стихотвореніе, посвященное покрыткѣ, „Мать покрытка“, и здѣсь покрытка—мать названа „великомученицей“, потому что страдаетъ за себя и за ребенка своего. Въ „Марынѣ“ снова выведена плачущая, горемычная покрытка. Въ одномъ сти-

хотвореніи Шевченко прямо заявляетъ: „мини ихъ жаль... моихъ дивчатокъ“, и проситъ Бога, чтобы люди научились ходить хорошими путями и миловать брата. Какъ извѣстно, Квитка—Основьяненко подробно обрисовалъ несчастную жизнь обманутой дѣвушки въ повѣсти „Сердешна Оксана“.

Покрываніе состоитъ только въ томъ, что дѣвическая честь и краса—коса скрывается подъ платкомъ. Это слабая уже форма того наказанія за прелюбодѣяніе, которое нѣкогда состояло въ обрѣзываніи косы, о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь, что предполагаетъ древнѣйшую казнь посредствомъ обезглавливанія.

94.

Остриженіе волосъ, какъ наказаніе.

Древнее церковное право преслѣдовало прелюбодѣяніе церковной карой въ видѣ эпитиміи и свѣтскими наказаніями въ видѣ смертной казни, урѣзанія носа или пожизненнаго заключенія въ монастырь. Въ московской Руси практиковалось послѣднее наказаніе, а въ западной Руси, гдѣ имѣло примѣненіе право магдебургское, узаконена была смертная казнь обоимъ участникамъ прелюбодѣянія, захваченнымъ „на горячимъ учинку“. Но были въ древней Россіи также и свои, т. е. русской жизнью выработанныя, наказанія прелюбодѣямъ, преимущественно публичное бичеваніе по голой спинѣ (*Загоровскій*, О разводѣ, 216—222). Наказаніе прелюбодѣевъ публично присуще разнымъ народамъ, между прочимъ, и малороссамъ. Извѣстно, что въ кіевской губ. въ настоящее время еще практикуется воженіе виновныхъ въ прелюбодѣяніи по улицамъ (ib. 223). Заслуживаетъ вниманія соблюдаемое иногда при этомъ остриженіе головы. Такъ, въ одномъ изъ селеній волынской губ. громада присудила женщину за прелюбодѣйство къ слѣдующему наказанію: дать ей въ трехъ мѣстахъ села по пяти розогъ и остричь голову (*Якушкинъ*, Обычн. право, XXXX). Въ народной поэзіи обрѣзать косу значитъ опозорить дѣвушку. Въ одной старинной пѣснѣ дѣвушка, потерявшая невинность подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ туркомъ, рѣшается на то, чтобы у ней отрѣзали косу и ото-

слали ее матери (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Истор. п. малор. н., I, 85). Во время крѣпостнаго права дѣвушкамъ отрѣзывали косу въ наказаніе за потерю дѣвственности.

Обычай отрѣзывать косу за прелюбодѣяніе встрѣчается у древнихъ германцевъ: „Прелюбодѣянія у столь многочисленнаго народа, говоритъ Тацитъ, весьма рѣдки; наказаніе ихъ совершается немедленно и предоставляется самимъ мужьямъ. Мужъ, обрѣзавъ женѣ волосы, обнаженную выгоняетъ ее изъ дому въ присутствіи родственниковъ и гонитъ ее ударами плети черезъ все селеніе". Въ VIII в. наказаніе это продолжало существовать въ Германіи; но оно исполнялось не мужемъ, а толпой женщинъ (*Якушкинъ* XXXXI, прим.). У лаковъ обрѣзать косу дѣвушки значитъ нанести ей жестокое оскорбленіе (*Сборн.* свѣд. о кавк. горц. IV, 19).

Якушкинъ говоритъ, что обычай публичнаго посрамленія женщины за прелюбодѣяніе не встрѣчается въ великорусскихъ губерніяхъ, и потому онъ сомнѣвается въ его древности (XXXXI стр.); но объ этомъ обычаѣ упоминаютъ уже Котошихинъ и Петрей (*Загоровскій*, 223), хотя и безъ указанія на остриженіе головы. Повидимому, остриженіе головы имѣло мѣсто исключительно въ южной Руси. Этотъ обычай нѣкогда, должно быть, служилъ символическимъ выраженіемъ смертной казни за прелюбодѣяніе черезъ обезглавливаніе, но, такъ какъ о такой казни въ Малороссіи нѣтъ извѣстій, а есть извѣстія о ея существованіи въ древней Германіи, то, быть можетъ, обычай остриженія головы въ наказаніе проникъ въ южную Русь изъ Нѣметчины, на ряду со многими другими заимствованіями. На это предположеніе наводитъ уже то обстоятельство, что въ древней Германіи остриженіе волосъ имѣло широкое примѣненіе, такъ какъ, сообразно со степенью вины, прибѣгали къ символическому остриженію волосъ, къ остриженію дѣйствительному и даже къ остриженію головы съ поврежденіемъ головной кожи клещами, „mit der haut abgezogen", „windet im die haar mit einer kluppen oder knebel aus dem haupt", „capillos cum ipsa capitis pelle detrahere" (*Grimm*, D. Rechtsalterth, 703).

Въ древней Англіи (449—1066 г.) обрѣзываніе волосъ у обоихъ половъ считалось признакомъ рабства или преступленія, заслуживающаго самаго строгаго наказанія (*Спенсеръ*, Описат. Соціол., 26).

95.

Обмазываніе дегтемъ головы и воротъ,

какъ наказаніе за прелюбодѣяніе, встрѣчается въ Малороссіи. Такому наказанію подвергаются провинившіяся женщины. Обмазываніе головы дегтемъ теперь уже рѣдко встрѣчается; обмазываніе же дегтемъ воротъ того дома, гдѣ живетъ погрѣшившая дѣвушка, еще весьма распространено въ селахъ. Иногда наказаніе въ формѣ остриженія головы и обмазыванія дегтемъ распространяется на виновныхъ въ воровствѣ. Вора раздѣваютъ до нага, обмазываютъ дегтемъ, обсыпаютъ перьями и водятъ по селенію въ сопровожденіи толпы. Недавно въ харьковской губерніи были преданы суду крестьяне за истязанія, совершенныя надъ одной женщиной. Ее и двороваго человѣка, находившагося съ нею въ связи, раздѣли, вымазали дегтемъ и водили по селу (*Якушкинъ.*, Обыч. пр., XXXX). Около Переяслава (полт. губ.) въ с. Рудаковкѣ, въ 1886 г., былъ созванъ „сельскій сходъ, на обсужденіе и заключеніе котораго предложена была словесная жалоба одной обманутой жены, просившей сходъ наказать ея супруга и даму его сердца за „незаконное сожительство". Изъ приговора этого схода видно, что, по всестороннемъ обсужденіи, рѣшено: вымазать дегтемъ головы и различныя части тѣла влюбленной парочкѣ „за кустодѣйство". Сельскій староста, явившись въ присвоенномъ ему знакѣ, не замедлилъ привести въ исполненіе рѣшеніе схода, и когда экзекуція совершалась надъ соперницею, то ревнивая жена, уже безъ всякаго на то разрѣшенія схода, сдѣлала собственноручно небольшое добавленіе къ этой экзекуціи, присоединивъ къ дегтю еще и значительную дозу пуху и перьевъ" (*Свѣтъ*, 1886, № 121). Вымазываніе дегтемъ воротъ представлятся, по моему мнѣнію, расширеніемъ обрядоваго посрамленія и имѣетъ символическое значеніе, наноситъ оскорбленіе женской чести.

Обмазываніе головы дегтемъ за прелюбодѣяніе, вѣроятно, заимствовано малороссами съ запада, гдѣ это наказаніе было распространено въ старинное время. Во Франціи въ XV в. виновнаго въ прелюбодѣяніи обсыпали перьями (*Якушкинъ.* XXXXI, прим.). Въ Германіи обычно было виновныхъ въ прелюбодѣяніи обмазывать дег-

темъ и обсыпать перьями, „mit pech bestreichen und in federn wälzen“. Въ 1189 г. одного вора „pix bulliens super caput ejus efundatur et pluma pulvinaris super caput ejus excutiatur ad cognoscendum eum“. Въ 1198 г. монахиня была обмазана медомъ и обсыпана перьями. Въ 1294 г. двѣ старыя женщины были обмазаны смѣсью дегтя и сала и обсыпаны перьями (*Grimm*, Deutsche Rechtsalterth. 725).

Возможно, что вымазываніе дегтемъ въ древности прилагалось при смертной казни посредствомъ сожженія, что видно, между прочимъ, изъ армянской сказки о Чигали: одна дѣвушка вышла посредствомъ обмана замужъ за царя Чигали; но когда Чигали узналъ, что жена его плѣшивая и что она посредствомъ хитрости устранила его прекрасную невѣсту, то онъ велѣлъ посадить ее съ ребенкомъ на осла, водить по улицамъ столицы и, наконецъ обливъ нефтью, сжечь ихъ (*Сборн. матер.* для опис. Кавказа, VII, 180).

96.

Обычай запрягать въ телѣгу или надѣвать хомутъ

на виновныхъ въ прелюбодѣяніи въ настоящее время рѣдко встрѣчается. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Якушкинъ, что обычай запрягать виновныхъ въ телѣгу или сани въ прежнее время былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ теперь; на это указываетъ почти повсемѣстное существованіе обычая надѣвать на виновныхъ хомутъ, являющійся въ этомъ случаѣ символомъ запряганія“. Въ великорусскихъ губерніяхъ наказаніе это примѣняется почти исключительно къ женщинамъ за прелюбодѣяніе. Въ Малороссіи надѣваютъ, между прочимъ, хомутъ на отца, не усмотрѣвшаго за своею дочерью.

Въ 1874 г. въ екатеринославской губерніи былъ такой случай: мужъ привязалъ жену, убѣжавшую отъ него и найденную имъ, къ оглоблѣ вмѣсто пристяжной и погналъ лошадь, осыпая жену ударами нагайки съ узломъ на концѣ. Въ одной слободѣ острогожскаго уѣзда такое наказаніе наложено было деревенскимъ сходомъ: крестьянинъ принесъ жалобу, что жена его ведетъ неприличную жизнь вслѣдствіе дурнаго вліянія тещи. По рѣшенію деревенскаго схода, мать и дочь

были выведены на слободскую площадь, гдѣ имъ было приказано очищать ее отъ навоза. Послѣ этого онѣ были запряжены въ телѣгу, наполненную навозомъ, и погоняемыя истцомъ, вывезли навозъ за слободу и потомъ подвезли телѣгу къ крыльцу волостнаго правленія. Подобные случаи встрѣчаются и въ Великороссіи; такъ, въ 1872 г. въ тамбовскомъ окружномъ судѣ обвинялся крестьянинъ Минюшинъ за запряганіе жены въ видѣ наказанія (*Якушкинъ*, 43).

„Наказаніемъ въ данномъ случаѣ, говоритъ г. Кулишеръ, очевидно является такой способъ обращеніи съ женщинами и такая работа, которая возлагалась на рабовъ и рабынь, которыми были плѣнные мужчины и женщины. Женщины, забранныя въ плѣнъ, были первыми живыми существами, утилизированными для работы и, между прочимъ, для переноски и перевозки тяжестей, для чего впослѣдствіи только стали употреблять животныхъ“ (*Кулишеръ*, Очерки сравн. этногр. 163).

Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться: иногда къ такому наказанію приговаривались и мужчины за воровство. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ: въ 1873 г. въ слободѣ Бутурлиновкѣ бобровскаго уѣзда пойманы были два крестьянина съ боченкомъ рыбы, который былъ украденъ со взломомъ замка изъ амбара одного торговца. Ихъ избили, выкупали въ полузамерзшей лужѣ, потомъ одного изъ нихъ привязали за ноги къ санямъ, на которыхъ лежалъ боченокъ похищенной рыбы, а другаго запрягли въ сани и, осыпая его ударами, заставили везти сани; затѣмъ подняли волочившагося по землѣ крестьянина и припрягли его на помощь другому (*Якушкинъ*, 43—44).

Въ древности запряганіе въ телѣгу могло примѣняться къ обоимъ поламъ и въ наказаніе за разныя провинности. Наказаніе это, повидимому, было нѣкогда въ большомъ ходу въ южной Руси, такъ какъ вошло въ народное преданіе. По словамъ древней лѣтописи обры творили насиліе женщинамъ дулѣбовъ, запрягая въ телѣгу не вола, не коня, а трехъ, четырехъ или пять женщинъ и заставляя везти себя. Позднѣе преданіе это пріурочено къ полякамъ и жидамъ. До сихъ поръ разсказываютъ, что ляхи, вмѣсто коней и воловъ, запрягали малороссіянокъ и погоняли ихъ бичами, свитыми изъ ихъ же волосъ. Въ лѣтописи Величка помѣщенъ универсалъ Стефана Остранина (по всѣмъ соображеніямъ—подложный), въ которомъ разсказывается, что поляки запрягали въ плугъ людей, преимущественно

женщинъ, и жиды подгоняли ихъ бичами. Въ фальшивую исторію Конисскаго вошло народное преданіе, будто римско-католическое духовенство разъѣзжало въ Малороссіи на длинныхъ повозкахъ, запряженныхъ людьми (*Костомаровъ*, Истор. моногр. XIII, 32).

97.

Свободный разводъ.

Подъ словами свободный разводъ мы разумѣемъ разводъ по взаимному соглашенію супруговъ или по требованію жены въ случаѣ дурной жизни мужа. Въ малорусскихъ пѣсняхъ сохранилось еще слабое воспоминаніе народа о томъ времени, когда супругамъ можно было разойтись, „не маючи доброго мешканя", особенно въ случаѣ крайняго пьянства мужа. И теперь горемычная жена пьяницы утѣшается стародавней пѣснью:

Ой ты пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведется, мій нелюбе,
Розійтися зъ тобою
Ой піду я до попа,
Скажу ему стиха:
«Розвяжи намъ, попе, руки,
Бо наробляю лиха!...
Я невирну дружину
Та на вѣки покину,
А сама піду до роду,
Зъ родомъ не загину!» (*Зоря*, 1884, № 18).

Въ старинное время, въ XVI и XVII ст., въ южной Россіи допускался разводъ супруговъ, въ случаѣ семейнаго несогласія, когда между ними возникали „великія разницы и раздоры",—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакого повода къ разводу. Здѣсь свѣтскій, народный взглядъ на брачный союзъ, какъ на соединеніе двухъ любящихъ и равноправныхъ лицъ, взялъ верхъ надъ церковнымъ опредѣленіемъ брака на принципѣ пожизненной связи мужа и жены, при главенствѣ перваго, независимо отъ ихъ взаимнаго согласія и любви послѣ бракосочетанія. Когда супруги жили „въ станѣ малженскомъ черезъ колко годъ и

не маючи доброго мешканя межъ собою", тогда они „одинъ другого зъ стану малженскаго выпускали" (*Заборовскій*, О разводѣ, стр. 190). Разводъ происходилъ по обоюдному согласію и послѣ предварительнаго обсужденія его родными мужа и жены. Мужъ и жена давали другъ другу „разлучные листы", опредѣляли при этомъ, къ кому переходятъ дѣти, заносили „разлучный листъ" въ гродскую актовую книгу, и разводъ считался оконченнымъ, каждая сторона, мужъ и жена, могли снова вступить въ бракъ. Съ возстановленіемъ авторитета церкви разводъ все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ, и высшія духовныя лица, епископы, мало по малу лишили свѣтскія власти и даже священниковъ права производить разводы. Такъ, въ 1594 г. владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй соборной грамотой воспретилъ священникамъ своей епархіи совершать разводы собственной властью. Впрочемъ случаи свободнаго развода, съ согласія и утвержденія гродскихъ судовъ, встрѣчаются еще въ XVII и XVIII ст. (*Маячанецъ*, Про шлюбъ на Украини, въ „Зорѣ", 1884 г., № 18).

98.

Злыдни.

Въ полтавской губ. переясл. у. существуетъ повѣрье, что злыдни—невидимые старики нищіе, которые гдѣ только поселятся, то тамъ будетъ вѣчная бѣдность (*Чубинскій*, I, 211). Въ пословицѣ, записанной въ черниг. губ., „просылыся злыдни на три дни, та и выгнать не можна" (ib. 254). Въ харьк. губ. говорятъ „щастя дочасне, а злыдни довични". Въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи записаны пословицы: „за злыднями и свита не бачыть", „злыднямы не доробысся", „нехай его злыдни побьють", „не бій, бо и такъ злыдни его побылы", „чужыхъ злыднивъ не насытыть", „высыдилы злыдни" (*Номисъ*, Прыказкы). Еще яснѣе злыдни, какъ живыя миѳическія существа, выступаютъ въ сказкахъ. Пристали къ одному бѣдняку злыдни; бѣднякъ вогналъ ихъ въ баклагъ, заткнулъ отверстіе и закопалъ баклагъ на берегу рѣки. Его богатый братъ, думая, что бѣднякъ закопалъ деньги, вырылъ и открылъ баклагъ. Тогда злыдни уцѣпились за него; онъ принесъ ихъ домой, и вскорѣ

домъ его сгорѣлъ, и все состояніе его погибло (*Драгомановъ*, Мал. пред. 413). Въ другой сказкѣ злыдни поселились у мужика подъ печкой, и мужикъ обѣднѣлъ. Онъ отвезъ злыдни въ лѣсъ на возу, предложилъ злыднямъ помочь ему расколоть дерево, потомъ вытащилъ клинья, и дерево прищемило руки злыдней, такъ что они остались въ лѣсу. Братъ мужика—богачъ—освободилъ ихъ потомъ; они уцѣпились за его шею, поселились въ его домѣ, и онъ разорился (*Чубинскій*, II, 393). Въ варіантѣ этой сказки злыдни также живутъ подъ печкой; съ дѣтьми они танцуютъ по срединѣ хаты подъ игру домохозяина на скрипкѣ (ib. 396). Въ одной сказкѣ злыдни говорятъ домохозяину, что ихъ очень много, могутъ вездѣ помѣститься и такіе маленькіе, что ихъ нельзя разсмотрѣть. Домохозяинъ пригласилъ ихъ помѣститься въ табакеркѣ, и когда они вошли въ нее, то закрылъ табакерку и спряталъ ее подъ мельничный валъ. Изъ зависти, что бѣдный разжился, его богатый односельчанинъ выпустилъ злыдней; они пристали къ нему и вскорѣ „усе пишло урóстичъ и звелось его богатство“ (ib. 398).

Народъ имѣетъ наклонность мыслить образами. Въ древнее время онъ не могъ представить отвлеченныя идеи иначе, какъ въ образахъ, въ вещественныхъ и тѣлесныхъ формахъ. Доля и недоля, счастье и несчастье въ старину и теперь изрѣдка—поэтическіе образы; но въ древности—миѳическія существа. Малорусскимъ представленіямъ о злыдняхъ соотвѣтствуетъ великорусское горе—злосчастіе, превосходно изображенное въ извѣстной старинной повѣсти, изданной Костомаровымъ въ Памят. стар. рус. литер., и во многихъ сѣверно-русскихъ похоронныхъ причетяхъ, изданныхъ Е. Барсовымъ. У сербовъ долѣ и недолѣ соотвѣтствуютъ среча и несреча. Въ народныхъ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и преданіяхъ доля, недоля, горе—злосчастіе, злыдни, среча и несреча, лихо представляются человѣкообразными существами. Они приходятъ къ человѣку, встрѣчаютъ его, гоняются за нимъ въ человѣческомъ или животномъ образѣ, мучатъ, бьютъ человѣка, наваливаются на него, садятся къ нему на плечи, иногда несутъ его на себѣ или работаютъ для него (*Потебня*, О долѣ, 7—10).

Между недолей, горемъ—злочастіемъ, несречей съ одной стороны и злыднями съ другой обнаруживается лишь то различіе, что послѣдніе сравнительно съ первыми болѣе объектированы, болѣе от-

дѣлены отъ человѣка. Въ то время какъ между человѣкомъ и его долей или недолей обнаруживается родъ предъустановленной гармоніи, и доля или недоля отражаетъ человѣка, злыдни дѣйствуютъ довольно самостоятельно. Архаичными чертами злыдней служитъ представленіе ихъ въ видѣ стариковъ нищихъ и въ особенности помѣщеніе ихъ подъ печкой. Въ послѣдней подробности обнаруживается родство злыдней съ домовымъ, проживающимъ за печкою или подъ нею.

Украинскимъ злыднямъ соотвѣтствуютъ нѣмецкіе кобольды. Ихъ также можно спрятать, утопить; они также малы. Въ одной нѣмецкой сказкѣ два семейства, живущія по сосѣдству, которымъ домовые не даютъ покоя, оставляютъ свои жилья. Служанки съ вѣниками въ рукахъ встрѣтились. „Куда это?“ спросила одна изъ нихъ. „Мы перебираемся“, отвѣтило ей множество тонкихъ голосовъ съ верхушекъ вѣниковъ. Служанки догадались, кто отвѣчалъ, и затопили вѣники въ пруду. Съ тѣхъ поръ на новыхъ жильяхъ все было смирно; но въ пруду мерла рыба и по вечерамъ слышались изъ воды тонкіе голоски: „мы перебрались“ (*Потебня*, 17).

99.

Демоническое значеніе болѣзней.

Болѣзни издавна у разныхъ народовъ являются въ формѣ демоническихъ существъ. Уже на первыхъ, низшихъ ступеняхъ культуры была замѣчена связь жизни съ теплотой и свѣтомъ и установилась мысль, что болѣзнь происходитъ или прямо отъ нападенія злаго духа, или косвенно отъ ослабленія огня жизни, помраченія или загрязненія его. Духи мрака—враги здоровья и жизни; духи эти подъ разными наименованіями живутъ въ темныхъ и грязныхъ мѣстахъ, въ оврагахъ, въ лѣсахъ, въ болотахъ, подъ землей, подъ печкой. Отсюда они проникаютъ въ тѣло человѣка и служатъ источниками болѣзней; они помрачаютъ умъ и терзаютъ тѣло человѣка. Изъ такого діагноза болѣзней проистекало и соотвѣтствующее лѣченіе, въ формѣ обращенія къ солнцу, горящему костру, вообще къ яркому свѣту (подроб. у *Caspari*, Die Urgeschichte der Menschheit, 96—114). Уже въ кирпичныхъ книгахъ древнихъ

халдеевъ находятся заговоры противъ болѣзней, какъ демоническихъ существъ, напр.: „отъ сухотки, нездоровья, злаго духа нарывовъ, отъ ядовитаго вреднаго рака—сохрани о духъ небесъ! сохрани, о духъ земли!“ (*Сэйсъ*, Ассиро—вавил. литер. 36). Найденъ сумерійскій гимнъ богу огня, четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. съ просьбой о защитѣ отъ болѣзни: „прошу тебя (т. е. бога огня), да будутъ блестящи члены тѣла этого благочестиваго человѣка; да будетъ онъ свѣтелъ, подобно небу, да будетъ онъ блестящъ, подобно землѣ, да будетъ чистъ, какъ внутренность неба; да отойдетъ въ сторону отъ него зловредное слово“ (*Никольскій*, Сумерійскій гимнъ, 3). У иранцевъ были весьма распространены магическія заклинанія и очищенія отъ болѣзней, какъ нечистыхъ демоническихъ существъ. Авеста различаетъ три рода лѣкарей, которые лѣчили ножемъ, травами и чарами, при чемъ предпочтеніе отдается послѣднимъ (*Дилленъ*, Дуализмъ, 145, 158). У индусовъ лихорадку вызывали изъ тѣла больнаго или умоляли ее оставить больнаго. Въ Атарва-Веда лихорадка имѣетъ значеніе демоническаго существа. У грековъ и римлянъ болѣзни также имѣли демоническое значеніе. Въ древней Греціи въ болѣзняхъ прибѣгали къ чарамъ, амулетамъ, заклинаніямъ. На ряду съ народной медициной, состоявшей изъ заклинаній, цѣлебныхъ травъ и разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, здѣсь рано уже появляется научная медицина (см. *Ковнера*, Ист. медиц.). У римлянъ народная медицина состояла въ заклинаніи болѣзней. „Въ tabulae defixionum, или табличкахъ наговоровъ находятся такія выраженія: „здоровье, имѣніе и его самого пусть изсушитъ болѣзнь“, „чтобы вы, горячія воды или нимфы, погубили его въ теченіе года“ (*Помяловскій*, Эпиграфич. этюды, 10, 11). У древнихъ скандинавовъ внутреннія болѣзни приписывались дѣйствію злыхъ духовъ и лѣчили ихъ заговорами и симпатическими средствами (*Weinhold*, Altnord. Leben, 392). Въ Англіи V—XI вѣковъ (и позднѣе) внутреннія болѣзни считались „непосредственно причиненными злыми духами, эльфами, демонами, чарами колдуновъ или пагубнымъ вліяніемъ дурнаго глаза“ (*Спенсеръ*, Опис. соц. 211). Олицетвореніе болѣзней еще живо чувствуется въ западно-европейскомъ простонародьѣ настоящаго времени. Даже въ большихъ западно-европейскихъ городахъ встрѣчаются еще суевѣрные обряды, прямо указывающіе на пере-

живаніе вѣрованія въ демоническое значеніе болѣзней. Въ сборникѣ суевѣрныхъ способовъ лѣченія, собранныхъ Краузе въ Берлинѣ и его окрестностяхъ въ 1862—1872 г., отмѣчены, между прочимъ, такіе: у больнаго отрѣзываютъ часть волосъ, или ногтей, или одежды и кладутъ ее на перекресткѣ, и кто подыметъ ее, на того и болѣзнь перейдетъ; иногда больной лихорадкой три раза обходитъ вокругъ дерева, съ цѣлью переселить лихорадку въ дерево (*Zeitschr. f. Ethnologie*, 1883, 78, 82).

И такъ, начиная отъ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр., отъ древнихъ халдеевъ и кончая современными берлинскими мѣщанами, мы видимъ проявленія вѣрованія въ демоническое значеніе внутреннихъ болѣзней у разныхъ цивилизованныхъ народовъ. Нѣтъ надобности потому и говорить о томъ, что вѣрованіе это чрезвычайно распространено и ярко у народовъ дикихъ и варварскихъ. Здѣсь можно найти ключъ къ объясненію темныхъ деталей современныхъ европейскихъ суевѣрій. Въ Новой Зеландіи каждая болѣзнь приписывается дѣйствію особаго существа; такъ, богъ Тонга посылаетъ головныя боли и тошноту; мѣстопребываніе его во лбу; Мако-Тики, божество ящерица, причиняетъ боли въ груди; Тукино—богъ желудка; Тити-таи производитъ боли въ ногахъ и лодыжкахъ; Рон-гомаи и Тунаритапу посылаютъ сухотку; Коро-Кіо управляетъ родами. Стіены въ Камбоджѣ вѣрятъ, что заболѣваніе происходитъ отъ вселенія въ человѣка злаго духа, а чтобы изгнать его, они производятъ около больнаго большой шумъ (*Лэббокъ*, Нач. цив. 162). Подобнаго рода повѣрья имѣютъ разные африканскіе народы (путешествія *Ливингстона*, *Пинто* и др.).

Славяне, въ частности русскіе, раздѣляютъ со всѣми другими народами вѣрованіе въ демоническое происхожденіе болѣзней. Въ южной Болгаріи вѣрятъ въ демоновъ болѣзней—„болѣштицы"—и для ихъ умилостивленія приносятъ жертвы (*Шишковъ*, Родопски Старини, 1887, I, 13). Въ старинное время въ московской Руси болѣзни приписывались злобѣ чертей, и самыми радикальными средствами лѣченія считались освященная вода и молитвы. До сихъ поръ простой народъ въ В. и М. Россіи думаетъ, что люди разслабленные и хворые изурочены колдунами или испорчены злыми духами; всякое тѣлесное страданіе и всякое тревожное чувство при-

писывается порчѣ недобрыхъ людей, ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напускной тоской; нервныя болѣзни—кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Г. Максимовъ въ сочиненіи „Годъ на сѣверѣ“ замѣчаетъ, что онъ слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ—икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ (*Аѳанасьевъ*, въ Филол. Зап., 1868, Ш, 276).

Подобнаго рода воззрѣнія на внутреннія болѣзни обнаруживаются въ малорусскихъ клятвахъ, заговорахъ и обрядахъ. Въ клятвахъ недуги призываются на врага, какъ злые духи: „вбій тя трясця“, „щобъ тебе родымецъ побывъ“, „щобъ тебе прычына вдарыла“, „бодай тебе грецъ вымывавъ“, „смутокъ бы на тя чорный упавъ“, „чортъ бы вбывъ (или мучывъ) твого батька“. Малорусскіе заговоры гонятъ лихорадку и другія болѣзни въ дебри, болота и пустыни, гдѣ нѣтъ ни людей, ни звѣрей. Обрядовое лѣченіе болѣзней преслѣдуетъ ту же цѣль изгнанія демоновъ изъ тѣла больнаго человѣка. Заговоры и обряды, соблюдаемые при лѣченіи болѣзней, стоятъ въ связи между собой; но мы здѣсь не будемъ касаться заговоровъ отъ болѣзней, такъ какъ имѣемъ въ виду разсмотрѣть ихъ особо, въ связи съ другими народными заговорами. Заговоры обнимаютъ всю природу и всю жизнь человѣка, и потому выдѣлять заговоры лѣкарскіе неудобно, тѣмъ болѣе, что удачное объясненіе ихъ возможно лишь при широкихъ сравнительно-культурныхъ и сравнительно-этнографическихъ сопоставленіяхъ и параллеляхъ.

На ближайшихъ страницахъ мы разсмотримъ такія малорусскія народныя представленія о болѣзняхъ, въ которыхъ вполнѣ ясно обнаруживается демоническое значеніе болѣзни, въ названіи и лѣченіи болѣзней.

100.

Гостець.

Подъ словомъ гостець въ однихъ мѣстахъ подразумѣваютъ колтунъ, въ другихъ хроническій ревматизмъ въ суставахъ. По

народному повѣрью, гостець живетъ въ костяхъ каждаго человѣка. Онъ заявляетъ о своемъ существованіи по преимуществу ревматическими болями и ранами. Если же кто нибудь оскорбляетъ его неумѣлымъ лѣченіемъ, то гостець обращается въ опасную и трудно излѣчимую болѣзнь. Французскій писатель объ Украинѣ первой половины XVII ст., Бопланъ упоминаетъ о болѣзнѣ гостцѣ, подъ которымъ подразумѣваетъ колтунъ. „Смотря по тому, говоритъ А. А. Потебня, предположить ли, что въ суфиксѣьць въ разсматриваемомъ случаѣ преобладаетъ значеніе ласкательности или значеніе собственно уменьшительности, гостець значитъ или добрый, милый гость, или гостекъ, маленькій гость. Первое толкованіе подтверждается обычностью умилостивительнаго названія болѣзней, напр. великор. гостья, добруха для лихорадки (*Потебня*, Къ ист. звуковъ IV, 77). Происхожденіе и свойства гостця обнаруживается въ заговорахъ. Гостець—такой злой духъ, который живетъ до перехода въ человѣка въ разныхъ мѣстахъ и можетъ войти въ человѣка разными путями: „Съ чого ты почався, гостець? Чы ты почався зъ витру, чы ты почався зъ холоду, чы зъ роботы, чы зъ поганыхъ очей, чы зъ раннёго свитання, пивночного, вечирнёго, полуденного, чи зъ сонця, чы чоловичихъ, чы жиночыхъ, чы дивочыхъ, чы дитячыхъ очей. Я жъ тебе замовляю, видтынаю зализнымъ ножемъ. Очыщае Господь Богъ своею ласкою весь свитъ, горы, море, каминня, лиса, очысты, Боже, и тую душу“... (*Чубинскій*, I, 136). Гостець бываетъ мужескаго и женскаго пола: „Заклинаю тя, гостець, самця и самыцю... абы ты гостець самецъ самыця та жадной шкоды не учынывъ“ (*Драгомановъ*, Мал. пред. 40). Гостецъ бьетъ, мучитъ человѣка: „мнеть, якъ гостець бубу“ (*Номисъ*). Онъ помѣщается не въ той, такъ въ другой части человѣческаго тѣла: „въ глазахъ, въ шеѣ, въ плечахъ или между плечами, въ мышцахъ, въ груди, въ сердцѣ, въ жилахъ, въ мозгу, въ животѣ, въ костяхъ, въ колѣняхъ, въ рукахъ, въ ногахъ, во всемъ тѣлѣ“. (*Драгомановъ*. 41). Человѣкъ не страдаетъ при спокойномъ положеніи гостця, такъ какъ заговоръ отъ гостця направленъ къ тому, чтобы гостець „яко камень на своемъ мѣсцу лежалъ“.

Повидимому, родственникомъ малорусскаго гостця является нѣмецкій husten—кашель, англосакс. hvosta, сканд. hosti, древне-

верхне-нѣмецкое huosto. (*Pictet*, въ Zeitschr. f. vergleich. Sprachvorschung. 1856, V, 347). По свидѣтельству этихъ словъ, кашель представляется слѣдствіемъ поселившагося въ человѣкѣ злаго духа, скорѣе въ смыслѣ латинскаго hostis—врагъ, чѣмъ славянскаго слова гость. Что древніе нѣмцы имѣли или могли имѣть такое воззрѣніе на кашель, можно думать уже потому, что вѣрованіе въ чудесное происхожденіе кашля и въ настоящее время встрѣчается у нѣкоторыхъ народовъ. Такъ, у осетинъ существуетъ повѣрье, что душа иногда во время сна человѣка оставляетъ его тѣло и удаляется въ таинственную область, откуда потомъ приноситъ счастье и несчастье, урожай, болѣзни, особенно кашель (*Вс. Миллеръ*, Осетинск. этюды II, 270).

101.

Лихорадка-пропасныця-поганка.

Въ заговорахъ—молитвахъ противъ лихорадки обнаруживается значительная примѣсь апокрифическихъ сказаній и молитвъ, о чемъ я уже говорилъ въ сочиненіи о южнорусскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ, стр. 148; но почти всѣ обряды и повѣрья, относящіеся къ лихорадкѣ, отличаются древнимъ религіозно-миѳическимъ характеромъ. Въ народныхъ способахъ лѣченія лихорадки обнаруживается прямое указаніе на ея демоническое происхожденіе. Мы ограничимся здѣсь описаніемъ способовъ лѣченія лихорадки въ харьковской и кіевской губерніяхъ, при чемъ беремъ эти описанія изъ мало извѣстныхъ и мало распространенныхъ „Харьк. Вѣд.“ и „Современ. Извѣстій“. Нужно добавить, что эти описанія отличаются полнотой и одно изъ нихъ (въ „Харьк. Вѣд.“) составлено медикомъ по личнымъ наблюденіямъ въ селѣ въ 9 верстахъ отъ Харькова. Среди крестьянъ харьковскаго уѣзда существуетъ двоякое мнѣніе о происхожденіи лихорадки. „По мнѣнію однихъ лицъ, лихорадка, какъ и многія другія болѣзни, происходитъ либо отъ простуды, либо отъ употребленія недоброкачественной пищи; по мнѣнію же другихъ, болѣзнь эта происходитъ отъ того, что невидимая простыми глазами, но видимая очень часто во снѣ больными, одержимыми лихорадкою, отвратительная,

морщинистая, костлявая старуха выбираетъ себѣ жертву между людьми и начинаетъ продѣлывать надъ нею разнаго рода штуки: мнетъ ее, трясетъ до изнеможенія, бросаетъ въ холодъ, въ жаръ. Отъ такого двоякаго взгляда на болѣзнь происходятъ и двѣ категоріи способовъ лѣченія: посредствомъ разнаго рода веществъ, даваемыхъ внутрь больному, и посредствомъ преподнесенія, такъ сказать, самой *старушки-лихорадки*, находящейся во время пароксизма вблизи больнаго, а иногда и внутри его, чего либо такого, что ей не нравится и что могло бы отогнать ее на время или даже и совсѣмъ прочь отъ больнаго. По мнѣнію многихъ малороссіянъ, дымъ, образующійся при горѣніи летучей мыши, непріятенъ лихорадкѣ, а потому, при слабомъ проявленіи лихорадочнаго пароксизма, леченіе обыкновенно и начинается *съ подкуриванія* больнаго летучею мышью. Дѣлается это такимъ образомъ: больнаго ставятъ на полъ около постели, накрываютъ простынею и заставляютъ немного наклониться; затѣмъ у ногъ его помѣщаютъ небольшой черепокъ съ горящими угольями, на которые и бросаютъ куски высушенной летучей мыши. Образующійся при горѣніи мыши дымъ охватываетъ больнаго со всѣхъ сторонъ, при чемъ больной старается какъ можно чаще вдыхать этотъ дымъ въ себя. Дѣлается это раза два, три въ день. Если послѣ этого лихорадка не покинетъ больнаго, то прибѣгаютъ къ другому способу лѣченія, именно, къ такъ называемому *запушиванію лихорадки трубкою*. Больной садится у стола и его накрываютъ свитою, при чемъ стараются, чтобы просвѣтовъ изъ подъ свиты было какъ можно менѣе. Затѣмъ подаютъ подъ свиту больному раскуренную трубку и онъ начинаетъ неистово курить. Такъ какъ дымъ не можетъ выйдти изъ подъ свиты, то больной, черезъ нѣсколько минутъ, задыхается, чумѣетъ и его кладутъ тогда на постель. Когда больной отойдетъ отъ страшнаго табачнаго угара, то, по повѣрью, лихорадка его покидаетъ. Одинъ изъ крестьянъ села Куряжанки разсказывалъ, что, по его мнѣнію, это самое вѣрное средство противъ лихорадки и что онъ однажды такъ пугнулъ лихорадку, что она ему явилась во свѣ и сказала: „та й задавъ же ты мини своею трубкою!“

Но если бы лихорадка не особенно испугалась трубки и продолжала бы мучить больнаго, тогда приподносятъ ей такъ называ-

емаго *табачнаго вина*. Для этого берется очень закуренный, долго непрочищавшійся чубукъ и больнаго заставляютъ выпить, или вѣрнѣе, высосать чрезъ этотъ чубукъ рюмку водки. Этого напитка, по мнѣнію многихъ малороссіянъ, лихорадка очень не долюбливаетъ и, выпивъ рюмку, другой ожидать не будетъ, а предпочтетъ лучше бросить больнаго.

Иногда табакъ преподносится лихорадкѣ и другимъ способомъ. Берутъ $^1/_2$ рюмки нюхательнаго табаку и доливаютъ рюмку до полна водкою; затѣмъ мѣшаютъ хорошенько эту смѣсь и даютъ выпить больному. Обыкновенно, послѣ пріема такого лекарства съ больнымъ дѣлается страшная рвота; извѣстно нѣсколько случаевъ, когда лихорадка, послѣ такого страшнаго пріема нюхательнаго табаку, бросала больнаго.

Къ числу же наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ противъ лихорадки, къ которому малороссіяне прибѣгаютъ только тогда, когда всѣ средства безуспѣшно уже испробованы, это—*съѣданіе горсти земли со свѣжей могилы*. Нѣкоторые малороссіяне вѣрятъ, что съѣвшій этой земли избавляется отъ лихорадки на всю жизнь". (*Харьк. Вѣд.* 1884, № 289).

Крестьяне кіевской губерніи „пропасницу" считаютъ нечистой силой; „пропасныць" столько, сколько вѣроисповѣданій (пропасныця жыдивська). „Пропасницу" знахарки лѣчатъ разными способами, но всѣ они такого характера, чтобъ ими „выгнать" болѣзнь изъ больнаго. „Бросали мнѣ, разсказывалъ парубокъ, лягушку въ пазуху, чтобъ я испугался. Я дѣйствительно испугался, но „пропасныця" меня не оставляла. Тогда мнѣ насыпали въ пазуху жита, повели къ пруду, поставили на камнѣ, лежавшемъ въ водѣ, и заставили смотрѣть въ воду на свое отраженіе. Когда я засмотрѣлся, то баба-знахарка толкнула меня въ бокъ и я полетѣлъ въ воду. Измокъ я до костей, такъ что едва доплелся до хаты. Съ тѣхъ поръ лихорадка начала меня мучить еще сильнѣе, но я скрывалъ свою болѣзнь, чтобъ какъ нибудь избавиться отъ бабы, которая не остановилась бы ни передъ какимъ средствомъ". Лѣчатъ отъ „пропасныци" еще вотъ какъ: въ „покрышкѣ" знахарка сожигаетъ рыбу, освященную на св. пасху, и надъ курящейся рыбой усаживаетъ больнаго такъ, чтобъ онъ стоялъ на четверенькахъ; затѣмъ спутываетъ

его „ряднами, кожухами, свитами“, чтобъ дымъ не могъ выходить. Несчастный больной задыхается отъ дыма, кричитъ, но его открываютъ только тогда, когда потухнетъ дымящаяся рыба. Иногда завязываютъ въ рукавъ больнаго яйцо на опредѣленный срокъ, чтобъ пропасныця оставила мучить. Если по истеченіи опредѣленнаго срока въ яйцѣ оставался только желтокъ, то „пропасныця“ скоро оставитъ больнаго. Иногда завязываютъ больному въ рубаху могильную землю на 9 дней, по прошествіи которыхъ больной долженъ отнести землю на ту могилу, изъ которой она взята. Одна женщина-крестьянка чуть не умерла со страху, когда ея сынъ потерялъ могильную землю изъ рубахи: къ этой женщинѣ приходилъ будто бы мертвецъ и требовалъ землю, взятую съ его могилы. Леченіе „пропасныци“ сопровождается купаньями, шептаньями, принятіемъ настоекъ изъ разныхъ травъ и проч. (*Совр. Изв.* 1879).

Въ Великороссіи отъ лихорадки даютъ деготь, полынь, водку съ солью, траву трефоль, черный перецъ, дубовую кору, ромашку, чеснокъ, подсолнечникъ (*Этн. Сб.*, I, 53, II, 165; *Пермск. Сбор.* II, 32). Въ Бѣлоруссіи лѣчатъ лихорадку испугомъ, мочей, цвѣтами васильковъ (*Крачковскій*, въ „Чтеніяхъ“, 194). Въ Россіи и въ Чехіи стараются обмануть лихорадку, надписывая на дверяхъ, что такого то дома нѣтъ (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап., 1868, IV, 338). Пруссаки и лужицкіе сербы стараются передать лихорадку дереву (*Zeitschr. f. Ethnologie*, 1883, 78; *Haupt*, Volkslied. II, 261). Въ Сибири больные лихорадкой чернятъ лицо и переодѣваются въ чужое платье, чтобы обмануть лихорадку (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап. 1868, IV, 338). Въ древности въ Англіи демоновъ лихорадки старались заклинаніями прогнать изъ больнаго (*Спенсеръ*, Опис. соц. I, 24). Индусскіе жрецы также прогоняли лихорадку въ „лѣсъ“ и горы (*Аѳанасьевъ*, ib. 344). Въ санскритскомъ яз. лихорадка называется tripad—треногій, и „tričiras“—трехъ-главый, названія, очевидно, демоническія. Въ Вишнупурана Кришна побѣждаетъ порожденіе Сивы злаго демона Тричиру. У древнихъ грековъ одно и то же слово (ѳпіалосъ) означало лихорадку и демона. (*Pictet*, въ Zeitschr. für vergleich. Sprachforschung, 1856, V, 345).

102.

Пристритъ.

Въ одномъ стихотвореніи Шевченка дѣвушка, замѣтивъ, что ея милый груститъ и плачетъ, спрашиваетъ „чы не прыстритъ“, и собирается бѣжать къ знахаркѣ за зѣльемъ. Болѣзнь, называемая пристритомъ, проявляется зѣвотой, тошнотой, дрожью и наконецъ горячкой. Такъ опредѣляютъ ее въ летичевскомъ уѣздѣ подольской губ. (*Чубинскій*, I, 134). Въ кіевской губ. думаютъ, что пристритъ обнаруживается у больнаго одышкой и коликой въ боку. „Пристритомъ“ заболѣваютъ будто бы отъ зависти къ какому нибудь хорошему качеству: красотѣ, трудолюбію и др. Если, напримѣръ, какой нибудь старикъ или старуха, войдя въ хату, застанетъ за работой молодую хозяйку дома и скажетъ: ахъ, какъ прекрасно ты работаешь! то непремѣнно и „нападе прыстритъ“.

Послѣ „одмовляння“ баба-знахарка тяжело вздыхаетъ, будто ей очень больно: она будто видѣла, что „прыстритъ“ вышелъ изъ больной.

Народъ вѣритъ въ силу шептаній, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ стиховъ:

Шепоту, шепоту
Пры твоему жывоту.
Якъ я пры тоби,
То и духъ пры тоби:
Якъ я одъ тебе,
То й духъ одъ тебе.

Т. е. пока знахарь сидитъ при больномъ и шепчетъ (заклинаетъ или молится), то и духъ при немъ; коль скоро больнаго оставитъ знахарь, то и „духъ отъ него“ (т. е. больнаго). (*Соврем. Изв.* 1879).

Демоническое значеніе пристрита опредѣляется изъ способовъ его лѣченія, особенно изъ заговоровъ: „Прыстритъ и прыстритыще, и врокы и врочыща, витряный, и водяный, и подуманый, и погаданый и помышляный, и запитаный, и заиданый и прылюбованый, прымылованый... и чоловичый, и жиночый..., и ранній, и денній, и годовый, и лисовый, и шляховый... я тебе вышепчу, щобъ ты не бувъ ни въ рукахъ, ни въ очахъ,

ни въ животи (и пр.); пиды соби тыхенько и легенько зъ хаты зъ дымомъ, а зъ двора зъ витромъ... Вы лисы—лисища, вы боры—борыща визьмить соби пристритыща и урочыща, занесите ихъ въ пущы, на нетри и на сухи лиса, на быстри воды... тамъ люды не ходять и куры не поють (*Чубинскій*, I, 135). Очевидно, и здѣсь, въ пристритѣ видимъ маленькаго демона, который мучитъ человѣка и потомъ бѣжитъ изъ него подъ вліяніемъ заклинаній и плохаго корма въ лѣсныя трущобы. Любопытна здѣсь подробность о томъ, что пристритъ уходитъ изъ хаты черезъ трубу вмѣстѣ съ дымомъ. Эта подробность обнаруживаетъ родство пристрита съ чертомъ и домовымъ, которые также выходятъ изъ хаты черезъ трубу. Въ малорусской сказкѣ о вѣдьмѣ Пазехѣ находится такая подробность. Когда вѣдьма умирала, то выслала изъ хаты свою дочь; но послѣдняя не ушла и спряталась за печь. Въ хату налетѣло множество чертей, повертѣлись, побормотали, и одинъ за другимъ—фыркъ!—вылетѣли изъ хаты черезъ дымовую печную трубу (*Nowos.*, Lud. ukr. II, 45). Въ бѣлорусской свадебной пѣснѣ молодая, оставляя отцовскій домъ, уже сѣвши на возъ съ мужемъ, причитаетъ: „добрая доля да идзи за мной съ печи пламенемъ, зъ хаты каминомъ“ (*Потебня*, О долѣ, 16). Печной огонь, пламя въ древности считался домовымъ, spiritus familiaris, какое воззрѣніе встрѣчается у всѣхъ арійскихъ народовъ, начиная отъ индійскихъ Вѣдъ и кончая современными суевѣріями, сказками и обрядами простаго народа въ Россіи и въ западной Европѣ.

103.

Данния.

„Данния“ состоитъ въ томъ, что на больнаго нападаетъ какая то скука, недовольство своею жизнію, физическое изнеможеніе. При этомъ онъ блѣднѣетъ, тѣло его сохнетъ. „Даннею“ заболѣваютъ молодые люди, преимущественно мужескаго пола. Причиняютъ эту болѣзнь или дѣвушки, обманутыя въ любви, или „ворожбиты“. Для излѣченія „данния“ требуется опытная знахарка. Во многихъ малорусскихъ пѣсняхъ находятся указанія на данье, что, кому и за

что оно поднесено, и каковъ печальный результатъ получился отъ данья. Обиженная дѣвушка накопаетъ зѣлья, вымоетъ его, сваритъ и подноситъ обманувшему ее парубку въ пищѣ или питьѣ:

Дала дивчынонька козакови коханъ-зиллья спыты,
Щобъ ему молодому на свити не жыты (*Чуб.*, V, 428).

—

Вона ему дала чары въ пшенычнимъ пирози;
Въ еднимъ рази—а въ пирози шальвія и рута,
Въ другимъ рази—а въ пирози годыночка люта (ib. 434).

—

Дала вона мени перепилку въ масли;
Ой изъивъ же я идно крыльце и реберце,
Пидперло мене пидъ груды, пидъ серце (ib. 435).

Во многихъ пѣсняхъ ядъ получается такимъ образомъ: на деревѣ виситъ три змѣи; солнце грѣетъ ихъ и изъ ихъ пастей капаетъ ядъ; дѣвушка наставила „коновочку“ и собрала его (*Чуб.*, V, 432).

Иногда „данье“ даетъ знахарь. Въ волынскомъ Полѣсьѣ вѣрятъ, что злые люди носятъ ядъ за ногтями и пускаютъ его въ питье, обмакнувъ палецъ въ рюмку (*Brykczyński*, въ Zbiór wiadomosci, XII, 94). Въ кіевской губерніи крестьяне вѣрятъ, что вѣдьмы незамѣтнымъ образомъ даютъ имъ въ пищѣ и нанткахъ гадюкъ, ящерицъ, лягушекъ и порошки изъ разныхъ ядовитыхъ травъ. Внезапныя заболѣванія, долговременная чахлость, извѣстныя болѣзни мозга, по которымъ больной слышитъ мнимый крикъ лягушекъ, лай собакъ, хлопанье крыльевъ и т. п., приписываютъ „даваньимъ“ вѣдьмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и помимо такъ называемыхъ вѣдьмъ въ народѣ есть много злонамѣренныхъ и мстительныхъ людей, которые для своихъ враждебныхъ цѣлей прибѣгаютъ къ ядовитымъ веществамъ. Но крестьяне не имѣютъ въ виду этого факта, и всѣ случаи дѣйствительнаго и мнимаго отравленія приписываютъ извѣстнымъ женщинамъ, слывущимъ колдуньями, на которыхъ, вслѣдствіе этого, обрушивается множество непріятностей. Въ одномъ селѣ жила старуха, прозванная вѣдьмой, которую подозрѣвали въ отравленіяхъ людей. Однажды въ селѣ скоропостижно умеръ крестьянинъ. Всѣ заговорили, что онъ умеръ отъ яда, даннаго ему помянутой старухой. Сыновья умершаго рѣшились отомстить вѣдьмѣ.

Случилось ей однажды идти ночью изъ шинка; они напали на нее и перебили ей крестцовую кость, такъ что она шесть лѣтъ до своей смерти ходила на четверенькахъ (*Краснокутскій*, въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“). Однако, къ знахарямъ и знахаркамъ обращаются съ просьбой вылѣчить отъ данья. Обыкновенно дѣло бываетъ такъ: когда заболѣетъ у крестьянина сынъ, онъ готовъ обратиться за помощью къ доктору или фельдшеру, если они живутъ близко; но если далеко, или въ случаѣ лѣкарство, прописанное врачемъ, не скоро помогаетъ, то крестьянинъ везетъ сына къ знахарю. Онъ ставитъ передъ нимъ бутылку съ водкой, кладетъ хлѣбъ и немного денегъ. Знахарь смотритъ на воду въ стаканѣ, шепчетъ, даетъ зѣлье, совѣтуетъ умывать лицо росой, пить холодную воду, въ которую была положена жаба или зубъ изъ бороны, нюхать дымъ съ запаленнаго волоса изъ хвоста коричневой лошади, и получаетъ за свои совѣты могорычъ (*Sarnecki*, въ Wisła, 1887, VII, 266). Гонораръ бываетъ различный: мѣшокъ картофеля, курица, десятокъ или два яицъ, бутылка водки, миска муки или кусокъ свинины (*Nowos.*, Lud. ukr., II, 42).

Когда потчиваетъ водкой лицо, доброжелательство котораго подлежитъ сомнѣнію, то водку эту выливаютъ въ огонь, изъ опасенія данья. Говорятъ, что водку съ „даньемъ“ легко узнать по тому, что на днѣ рюмки всегда находится маленькій столбикъ въ родѣ шпильки. Если такая водка постоитъ нѣсколько времени, то въ рюмкѣ покажутся змѣи и ящерицы. Если вылить данье подъ двери (подъ пяту) или подъ печь, то данье обратится во вредъ тому, кто приготовилъ его. Говорятъ, что для излѣченія данья идетъ особая трава. Знахарки ее копаютъ. Если онѣ находятъ корни этого растенія лежащими накрестъ, то это служитъ признакомъ, что получившій данье не можетъ быть вылѣченъ (*Kopernicki*, въ Zbiór wiadomosci, XI, 198).

104.

Сглазъ.

Въ повѣсти Квитки „Маруся“ дѣвушка, любимая дочь родителей, заболѣваетъ. Мать ея говоритъ: „Нехай Богъ бороныть, чы

не зъ очей ій сталось?"—„У васъ, у жинокъ, усе зъ очей, заворчалъ отецъ; чы дытына змерзла на холоди, чы дытыни душно въ хати, вы кажете: зъ очей; голодна, исты просыть—зъ очей; наившысь не хоче—и то зъ очей; чы засміялась, чы зажурылась—усе зъ очей; усе про все у васъ очи" (*Квитка*, I, 47). Въ этихъ словахъ вѣрно отмѣчено распространеніе повѣрья о сглазѣ, т. е. о возможности вредить человѣку взглядомъ и помысломъ. „Дурной" глазъ, по народнымъ повѣрьямъ, встрѣчающимся въ Россіи повсемѣстно, распространяетъ свое вредное вліяніе на все, чего только касается его взглядъ: отъ него болѣютъ и умираютъ люди и животныя, деревья портятся и засыхаютъ. Въ Великороссіи и въ Малороссіи дурными глазами считаются косые, впалые, выглядывающіе изъ за нахмуренныхъ бровей. Въ волынской губ. существуетъ повѣрье, что дурной глазъ имѣетъ тотъ человѣкъ, которому въ дѣтствѣ мать поднесла грудь нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ отняла отъ груди (*Kopernicki*, въ Zbiór XI, 197; *Nowosielski*, Lud ukr., II, 155). Чаще всего дѣйствіе дурнаго глаза обнаруживается на младенцахъ, и существуютъ разные способы огражденія ихъ отъ дурнаго глаза. Чтобы люди съ дурнымъ глазомъ не вредили курамъ, подъ насѣдокъ кладутъ перо, выдернутое изъ сороки, убитой 1 марта (*Kopernicki*, 197). Въ сборникахъ заговоровъ великорусскихъ—Л. Майкова и малорусскихъ г. Ефименка и Чубинскаго (въ „Трудахъ" I т., 158) находится много заговоровъ отъ сглаза [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи въ избахъ надъ дверьми вѣшаютъ лапоть, чтобы дурной глазъ человѣка на немъ обломился (*Этногр. Сб.* I и V). Вѣрованіе въ сглазъ встрѣчается чуть ли не у всѣхъ народовъ славянскихъ и иноплеменныхъ. Въ одной польской повѣсти отъ недобрыхъ очей пана засыхаютъ деревья и на морѣ поднимаются бури. Всѣ люди бѣжали отъ него. Въ отчаяніи панъ вырвалъ свои глаза и зарылъ ихъ въ землю. Когда впослѣдствіи слуга откопалъ зарытыя очи, они горѣли, какъ двѣ свѣчи въ ночномъ мракѣ, и едва свѣтъ ихъ коснулся его лица—слуга упалъ бездыханный (*Аѳанасьевъ*, Поэт. воззр. I, 175). У балканскихъ славянъ также

[1]) Въ харьк. губ. сглазомъ объясняютъ, между прочимъ, тѣлесные недостатки; искривленіе рукъ и ногъ, бѣльма. Искривленіе рукъ и ногъ бабки лѣчатъ нашептываніями и конскимъ навозомъ, который кладутъ на больные члены.

распространено повѣрье въ сглазъ (*Задерацкій*, Слав. ежегод. 1877, 160). Нѣмцы противъ сглазу (entsehen) носятъ лапу слѣпаго крота. Въ германскихъ сагахъ люди съ густыми сросшимися бровями обладаютъ волшебнымъ могуществомъ (ib. 174). Въ древней англо-саксонской поэмѣ Беовульфѣ отмѣчено вѣрованіе въ дурной глазъ (*Спенсеръ*, Описат. соціол., 209). Арабскій путешественникъ XIV вѣка Ибнъ-Батута говоритъ, что въ Индіи въ г. Дели была утоплена одна вѣдьма за то, что „своимъ злымъ окомъ убила ребенка“, т. е. сглазила до смерти (*Nowosielski*, Lud ukr. II, 83). По мнѣнію турокъ, злой человѣкъ можетъ всякого сглазить, и результатомъ бываетъ потеря богатства, красоты, болѣзнь или смерть. Сглазъ по турецки назаръ—не происходитъ ли это слово отъ слав. назирать, назоръ? Отъ сглазу въ Турціи употребляютъ разные талисманы, амулеты, чеснокъ, окуриванія травами, кабаньи клыки, заячьи головы, рубины, голубое стекло, сердоликъ, страусовыя яйца. Въ Турціи голубыхъ и сѣрыхъ глазъ боятся болѣе темныхъ; люди съ рыжими волосами считаются особенно подозрительными. Восточные народы живутъ въ постоянномъ страхѣ дурнаго глаза (*Народы Турціи*, II, 144—147). Кавказскіе горцы евреи сглазу приписываютъ всякую нечаянную болѣзнь, обморокъ, ударъ. Какъ въ Малороссіи слизываютъ лицо отъ сглазу, такъ и на Кавказѣ у евреевъ сглазившій долженъ смазать своей слюной лицо больнаго. Чтобы узнать, былъ ли сглазъ, бросаютъ на стѣну горсть муки, и если она пристала, то значитъ сглазъ, если же нѣтъ, то причина болѣзни другая. А чтобы узнать, кто именно сглазилъ, горскіе евреи дѣлаютъ изъ тѣста шарики и бросаютъ въ огонь, произнося при этомъ имена всѣхъ односельцевъ мужескаго и женскаго пола или тѣхъ, кого видѣлъ больной въ послѣднее время. Если шарики горятъ при этомъ не трескаясь и не выскакивая изъ огня, то значитъ никто изъ названныхъ не сглазилъ; если же шарикъ выскакиваетъ съ трескомъ при произнесеніи имени кого-либо, то сейчасъ посылаютъ къ этому лицу и просятъ прислать въ блюдцѣ своей слюны или же прійти самому и смазать слюною лобъ больнаго, губы, щеки, подбородокъ и плечо. Шарикъ же, выскочившій изъ

огня, превращаютъ въ порошокъ и даютъ больному съ водой (*Вс. Миллеръ*, Сборн. матер. по этногр., III. 303) [1]).

Аѳанасьевъ совершенно ошибочно объясняетъ сглазъ древнимъ культомъ солнца и грозы. Тутъ у него является и „знойный блескъ солнечнаго ока“, и „сверкающіе взоры Перуна“ (Поэт. воззр., I, 172). Источникъ вѣрованій въ сглазъ скрывается въ простѣйшей демонологіи. Злой человѣкъ преисполненъ маленькими вредными демонами, съ его взглядомъ демоны переходятъ на тотъ предметъ, на который онъ посмотрѣлъ. Такъ въ древности была объяснена чарующая сила взгляда, возбуждающая чувства любви, страха, ненависти, злобы, ободряющая и усыпляющая, сила, обнаруживающаяся нынѣ въ гипнотизмѣ. и не объясненная вполнѣ современной наукой. Древній человѣкъ благоговѣлъ передъ этой силой, боялся ее, какъ живаго демоническаго существа. Въ нѣмецкихъ сагахъ человѣкъ съ густыми сросшимися бровями обладаетъ сверхъестественнымъ могуществомъ и можетъ, по своей волѣ, высылать изъ себя духа, который вылетаетъ изъ бровей въ видѣ бабочки и причиняетъ смерть сонному врагу. Въ сербскихъ сказкахъ въ видѣ бабочки вылетаетъ злой духъ вѣдьмы (*Аѳанасьевъ*, I, 174). На такомъ міровоззрѣніи основано и вѣрованіе въ сглазъ. Въ основѣ его лежитъ подавляющая демонологія.

105.

Уроки.

Въ даньѣ вредъ наносится человѣку посредствомъ отравы зельемъ или змѣей, отравы, понимаемой въ смыслѣ вещественномъ и мистическомъ. Въ сглазѣ вредъ наносится посредствомъ одного взгляда, слѣдовательно, преимущественно, въ мистическомъ смыслѣ. Уроки состоятъ въ томъ, что человѣкъ страдаетъ отъ дурнаго слова, сказаннаго съ преднамѣренной злой цѣлью или даже случайно безъ злаго умысла, но въ дурной часъ. Предполагается, что сидя-

[1]) Во 2 кн. Ethnolog. Mitteilungen aus Ungarn 1888 г. напечатанъ румынскій заговоръ отъ дурнаго глаза. Прим. авт.

щіе въ зломъ человѣкѣ или летающіе въ воздухѣ демоны воспользовались дурнымъ словомъ, какъ пользуются они и дурнымъ глазомъ, чтобы войти въ человѣка, сдѣлать его больнымъ и несчастнымъ. Иногда „врокы“ отождествляются съ глазомъ, по забвенію этимологическаго значенія слова урочить отъ рѣчь, рѣкти. Въ винницкомъ у. подольск. губ. „врокамы“ называютъ боль головы, причемъ объясняютъ „врокы“ тѣмъ, что знахарь пристально или долго смотрѣлъ на человѣка (*Чубинскій*, I, 131). Уроками объясняютъ всякое болѣзненное состояніе особенно маленькихъ дѣтей. Чтобы опредѣлить, изурочено ли дитя, знахарка опускаетъ въ воду нѣсколько угольковъ. Если они плаваютъ на водѣ, значитъ дитя страдаетъ отъ уроковъ; если тонутъ—то болѣзнь другая. Въ заговорахъ уроки являются демоническими существами. Они происходятъ отъ встрѣчъ (пристрѣтельны) съ злыми людьми или насланы. Селятся они въ ногахъ, рукахъ, глазахъ, во всѣхъ суставахъ человѣка и нудятъ около сердца, ломаютъ кости. Чтобы они вышли изъ больнаго, на нихъ бабка кричитъ: гамъ, гамъ, гамъ! призываетъ на помощь святыхъ угодниковъ Божіихъ и, съ ихъ помощью, прогоняетъ уроки въ темные лѣса, густые очереты, на болота, за моря (*Ефименко*, 25—27; *Чубинскій*, I, 131—135).

Болгары также боятся „урука“, т. е. порчи отъ дурнаго глаза или дурнаго слова. Чтобы охранить родильницу отъ уроковъ, они закрываютъ ей лицо бѣлымъ платкомъ, втыкаютъ въ волосы кусокъ чесноку, кладутъ на подушку красный лукъ (*Слав. Ежегод.* 1877, 160). Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются три или четыре чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю. Дѣвъ этихъ называютъ урисницами. Говорятъ, что есть три добрыя урисницы и три злыя, и онѣ ведутъ между собой вѣчную войну. Изъ трехъ добрыхъ одна даетъ младенцу умъ, другая здоровье и красоту, и третья руководитъ его впродолженіи всей жизни. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ; въ туманахъ и вихрѣ онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка. Значительное сходство съ урисницами представляютъ славянскія рожаницы, греческія мойры, римскія парки, романскія феи и германскія норны (*Аѳанасьевъ*, III, 343).

Повидимому, между украинскими уроками и болгарскими урисницами существуетъ связь. Въ то время какъ первые не вышли изъ общаго низкаго уровня древнѣйшей демонологіи, остались неопредѣленными и темными миѳическими существами, послѣднія получили въ народномъ міровоззрѣніи опредѣленныя и ясныя черты дѣвъ судьбы, можетъ быть, подъ вліяніемъ богатой миѳологіи греческаго народа.

Вѣрованіе въ уроки встрѣчается у древнѣйшихъ народовъ, напр., у халдеевъ. Въ сумерійскомъ гимнѣ четвертаго тысячелѣтія до Р. Хр. уже встрѣчается заговоръ отъ зловреднаго слова (*Никольскій*, Сум. гимнъ). Повѣрье въ уроки основано на вѣрованіи въ силу слова. Въ Калевалѣ Вейнемейненъ пѣніемъ своимъ вгоняетъ своего врага Юхагайнена въ землю (перев. *Гранстрема*, 18). Повѣрье о томъ, что можно заговорить или запѣть человѣка до смерти, встрѣчается въ Индіи и разныхъ мѣстахъ Европы (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 345—346).

106.

Божевильный.

Психическое разстройство у всѣхъ народовъ приписывается дѣйствію сверхъестественныхъ злыхъ или добрыхъ существъ, и въ однихъ случаяхъ сумасшедшіе считаются бѣсноватыми, въ другихъ юродивыми, смотря по свойствамъ и проявленіямъ умопомѣшательства, буйное — считается бѣснованіемъ, тихое—господствомъ добраго духа; если больной часто бываетъ въ церкви и распѣваетъ молитвы, то уваженіе къ нему народа увеличивается, и всѣ считаютъ его человѣкомъ божевильнымъ, пророкомъ. Во многихъ языкахъ одни и тѣ же слова выражаютъ психическое разстройство и демона, производящаго его. Въ санскр. bhâta—домовой, божокъ, кобольдъ отъ корня bhat—decipere, fallere, bhûta—злой духъ, bhauta—демоническій, а производныя отъ bhuta—bhutavikriya—падучая болѣзнь, bhutakranti (срав. нѣмец. Krankheit), bhutasanjara, bhutaveća—бѣшенство. Въ готскомъ яз. bauts—stultus, mutus, surdus. Въ латинскомъ fatuus—глупый, умопомѣшанный отъ демоновъ fatui, которые, по словамъ Плинія, жили въ домахъ. (*Pictet*, въ Zeitschr. für Sprachforschung. 1856, V, 333). Въ малорусскомъ

словѣ божевильный нельзя видѣть указанія на добраго духа, а вообще на демона болѣзни. Мысль о карающемъ божествѣ обнаруживается въ многихъ славянскихъ названіяхъ болѣзней, напр.: bogine—оспа, boża rana—чума, boża moč—падучая, бѣшенство, boża ruka—параличъ. Въ русскихъ областныхъ говорахъ божье или божья немочь—падучая, божья—общее названіе для эпидеміи (*Аѳанасьевъ*, въ Фил. Зап. 1868, III, 269). По вѣрованію кавказскихъ горскихъ евреевъ, нечистый духъ Шегаду входитъ въ душу человѣка за какую нибудь вину, и послѣдній теряетъ разсудокъ; оттого сумасшедшіе называются шегадуни т. е. водящіеся съ нечистымъ духомъ. Злые духи шегаду уводятъ людей въ свое царство, и если удается имъ уйти, то они все таки теряютъ разсудокъ. Припадки происходятъ отъ того, что шегаду схватываетъ человѣка за сердце и горло и душитъ (*Сборн.* матер. по этногр. изд. при Дашк. Музеѣ, ст. *Анисимова*, III, 215).

107.

Обмираніе.

Малороссіяне вѣрятъ въ обмираніе, когда душа оставляетъ на время тѣло, странствуетъ и затѣмъ возвращается въ него. Сказки на эту тему находятся въ 2 т. „Трудовъ“ Чубинскаго и въ „Бытѣ подолянъ“ Шейковскаго. Въ одной легендѣ обмиравшая старуха говоритъ, какъ въ моментъ кончины душа ея, какъ птичка, вылетѣла изъ тѣла, посидѣла въ переднемъ углу подъ потолкомъ на образѣ и затѣмъ вылетѣла въ открытое окно. Дѣдъ (Харонъ) повелъ ее въ адъ и здѣсь показалъ, какъ мучатся грѣшники, потомъ отпустилъ ее назадъ въ міръ, приказавъ ей разсказать людямъ про все, что она видѣла въ аду, чтобы люди поменьше грѣшили (*Кулишъ*, Зап. о юж. Руси, I, 303). Подобнаго рода повѣрья и сказанія встрѣчаются въ Бѣлоруссіи. Такъ, въ одной бѣлорусской сказкѣ разсказывается, какъ нищій обманулъ одну женщину, сказавши, что онъ съ того свѣта и выманивши у нея платья и кушанья для ея покойной дочери. Сынъ обманутой женщины пошелъ искать по свѣту болѣе глупой женщины, чѣмъ его мать, въ чемъ и успѣлъ (*Kaŕłowicz*, Podania lud. zebr. na Litwie № 6). Сходныя сказанія встрѣчаются

въ западныхъ фабльо, новеллахъ и фацеціяхъ (*Romania*, 1882, 416), въ легендахъ шшавовъ (*Вс. Миллеръ*, Сбор. матер. Ш, 91).

При объясненіи малорусскихъ и сходныхъ съ ними инородныхъ сказаній объ обмираніи, полагаю, слѣдуетъ отличать двѣ стороны—происхожденіе и распространеніе, причемъ происхожденіе объясняется удовлетворительно древними демонологическими представленіями о болѣзни, смерти и душѣ, а въ вопросѣ о распространеніи этихъ сказаній или нѣкоторыхъ частныхъ ихъ мотивовъ на первое мѣсто выступаетъ теорія литературнаю заимствованія, въ частности воздѣйствія письменныхъ памятниковъ на устную народную словесность.

Мысль объ обмираніи возникла изъ первобытныхъ наблюденій надъ людьми, страдающими обмороками, и въ особенности на основаніи сближенія смерти со сномъ. Дикари обморокъ и летаргію объясняютъ предположеніемъ, что душа временно покидаетъ тѣло. Подобнымъ образомъ слабость или упадокъ здоровья приписывается выходу изъ человѣка души или части ея. Въ этихъ случаяхъ обычнымъ методомъ лѣченія является возвращеніе души на ея мѣсто; такъ, сѣверо-американскій знахарь дѣлаетъ видъ, что онъ ловитъ бѣглую душу своего паціента и сажаетъ ее обратно ему въ голову. На Фиджи больной туземецъ взываетъ къ своей собственной душѣ, умоляя ее вернуться къ нему (*Тэйлоръ*, Антропологія, 352). Обитатели о. Тонга думаютъ, что души ихъ начальниковъ возвращаются въ Тонгу, чтобы вдохновлять жрецовъ, и являются въ сновидѣніяхъ. Гренландцы и многіе другіе народы вѣрятъ въ реальность сновидѣній и думаютъ, что ночью душа дѣйствительно охотится, ходитъ въ гости, отыскиваетъ невѣстъ и т. д. (*Леббокъ*, Нач. цив. 156—157).

Судя по древнимъ славянскимъ воззрѣніямъ на душу, вполнѣ вещественно-анимистическимъ (птица, бабочка, мышь, огонь и пр. т. п.; подробности у *Котляревскаго* въ „Погреб. обрядахъ“ и у *Аѳанасьева* въ „Поэт. воззр.“ и въ ст. „Загр. жизнь по народ. повѣрьямъ“), можно съ увѣренностью сказать, что основа малорусскихъ и бѣлорусскихъ повѣрій и сказаній про обмираніе старославянская. Но весьма возможно, что къ этой основѣ пристали литературные мотивы, зашедшіе изъ Византіи и преимущественно изъ западной Европы; возможно даже, что на ряду съ своенародными повѣрьями этого рода шли цѣлыя заимствованныя повѣсти или сложенныя подъ

вліяніемъ литературныхъ памятниковъ. Онѣ распространялись уже на готовой почвѣ народныхъ вѣрованій въ возможность обмиранія. Въ старинной церковной литературѣ, преимущественно въ западныхъ легендахъ, часто выступаютъ обмиравшіе люди. Въ Англіи Дритгельмъ (VIII в.) воскресъ изъ мертвыхъ и разсказалъ то, что видѣлъ въ аду; позднѣе (въ XII в.) объ адѣ разсказывалъ другой обмиравшій монахъ, Тундель (*Спенсеръ*, Описат. соціол. 208, 212). Много такихъ разсказовъ вошло въ „Великое Зерцало“ — средневѣковый сборникъ чудесъ. Іезуиты издавали и распространяли этотъ сборникъ. Польскій переводъ „Великаго Зерцала“ выдержалъ три изданія, съ дополненіями изъ польскихъ источниковъ. Великое Зерцало было извѣстно южнорусскимъ писателямъ XVII в. Въ южнорусскихъ сочиненіяхъ и сборникахъ этого времени встрѣчаются легенды изъ Великаго Зерцала. Между прочимъ, въ Великомъ Зерцалѣ встрѣчаются разсказы въ § 1654: „Яко нѣкій не малое время изшедши изъ тѣла паки въ животъ возвратися и зѣло добрымъ житіемъ живяше“; въ § 2080: „О женѣ умершей и въ животъ возвратившейся хотяще исповѣдатися грѣховъ своихъ“; въ § 2233: „Повѣсть о нѣкоемъ кузнецѣ умершемъ и паки въ животъ возвратившемся“ (*Владимировъ*, Великое Зерцало, прилож. 2). Зная, съ какимъ уваженіемъ южнорусскіе писатели второй половины XVII в., въ особенности Галятовскій и Радивиловскій, относились къ „гисторіямъ“ разныхъ латинскихъ авторовъ и какъ охотно вводили ихъ въ свои сочиненія, можно думать, что и западныя легенды о людяхъ обмиравшихъ въ XVII в. нашли доступъ въ Украину.

Сказанія объ обмираніи встрѣчаются также въ памятникахъ старинной московской литературы. Такъ, въ одной изъ „повѣстей отца нашего Пафнутія Боровскаго“ XV вѣка находится сообщеніе о нѣкоей обмиравшей инокинѣ. Очнувшись, она разсказала, что и кого она видѣла въ раю и въ аду и въ мѣстѣ посрединѣ (*Веселовскій*, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, XI, 97).

108.

Украинскіе знахари.

Знахари всѣхъ народовъ имѣютъ между собой много общаго, и украинскіе отличаются, напримѣръ, отъ великорусскихъ, болгарскихъ, немногими мелочами. Вообще, колдунъ, знахарь въ Великороссіи имѣетъ болѣе значенія въ жизни простаго народа, чѣмъ въ Малороссіи. Въ Великороссіи онъ является необходимымъ лицомъ на свадьбѣ. Въ Малороссіи знахарь уступаетъ пальму первенства знахаркамъ; и бабъ—ворожей гораздо болѣе, чѣмъ знахарей, и къ первымъ чаще обращаются. О знахаряхъ и знахаркахъ принято отзываться съ презрѣніемъ и осужденіемъ; въ томъ положеніи, которое они занимаютъ въ селѣ, въ способахъ практикуемаго ими лѣченія болѣзней часто обнаруживается вредное ихъ вліяніе; они поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія и вредятъ здоровью, иногда даже смерть причиняютъ своимъ невѣжественнымъ лѣченіемъ. Въ кіевской губ. въ с. В. одинъ знахарь въ 1876 г. задушилъ во время лѣченія дитя, и никто въ селѣ не обратилъ на это вниманія. При всемъ томъ, деревенское знахарство имѣетъ свою хорошую сторону и прочныя заслуги. Села наши почти лишены медицинской помощи. Уѣздный врачъ наѣзжаетъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ, для освидѣтельствованія убитаго или утопленника, иногда во время эпидеміи, въ послѣднемъ случаѣ онъ теряется подъ тяжестью непосильной работы, при крайне неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ сельской жизни. Врача часто нельзя найти въ томъ случаѣ, когда онъ въ особенности нуженъ, напримѣръ, при укушеніи змѣей или бѣшеной собакой. Къ тому же научная медицина не представляетъ радикальныхъ средствъ для излѣченія именно этихъ болѣзней, требующихъ быстрой помощи. Между тѣмъ, среди знахарей попадаются такіе, которые лѣчатъ отъ укушенія бѣшеной собаки и отъ укушенія змѣи. Въ статьѣ Н. Т. „Домашняя медицина малороссіянъ“, напечатанной въ 289 № „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1884 г., читаемъ: „Между знахарями и знахарками есть люди, заслуживающіе серьезнаго вниманія, это—знахари и знахарки, излѣчивающіе водобоязнь и пріостанавливающіе дѣйствіе яда при укушеніи ядовитою змѣей. Вблизи нашего хутора (вблизи Харь-

кова) проживала женщина, которая пріобрѣла большую извѣстность лѣченіемъ при укушеніи змѣями. Мнѣ пришлось познакомиться какъ съ знахаркой, такъ и съ самымъ способомъ лѣченія при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Однажды утромъ я услыхалъ крикъ пастуха, и, выйдя изъ комнаты, чтобы узнать въ чемъ дѣло, увидалъ его подбѣгающимъ уже къ воротамъ хутора съ плачемъ и крикомъ: „гадюка укусила меня за руку!“ Я и бывшіе въ дворѣ люди бросились къ мальчику съ разспросами, а мать его, бывшая здѣсь же, опрометью побѣжала къ знахаркѣ, чтобы какъ можно скорѣе привести ее, пока дѣйствіе яда не успѣло сильно распространиться. Между тѣмъ, укушенная рука пастуха быстро пухла, и въ то время, когда мать и знахарка прибѣжали во дворъ, опухоль распространилась отъ кисти до плеча. Осмотрѣвъ руку, знахарка дала пастуху выпить деревянную ложку какой то совершенно прозрачной жидкости и этою же жидкостью провела кольцо вокругъ руки у самаго плеча. Затѣмъ она взяла въ правую руку опухлую руку пастуха, поднесла ее къ самому рту и, дѣлая лѣвою рукою какіе то знаки, начала что то нашептывать. Черезъ нѣсколько минутъ можно уже было замѣтить, что опухоль далѣе проведеннаго кольца не распространяется и быстрое ея увеличеніе стало какъ бы задерживаться. Нашептываніе это продолжалось минутъ, я полагаю, двадцать. Въ продолженіи дня опухоль все болѣе и болѣе опадала, такъ что къ утру слѣдующаго дня пастухъ былъ уже совершенно здоровъ и погналъ, по обыкновенію, пасти скотъ. На мою просьбу объяснить мнѣ способъ приготовленія цѣлебной воды, знахарка отвѣчала, что, при всемъ ея желаніи удовлетворить мою просьбу, она этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ вслѣдствіе такого объясненія она сама потеряла бы силу лѣчить отъ укушенія змѣй, да и я былъ бы не въ состояніи ничего сдѣлать, а что она, когда будетъ умирать, передастъ этотъ секретъ старшей изъ своихъ дочерей, а если таковой не будетъ, то ближайшей родственницѣ. Когда я обратился къ знахаркѣ съ просьбою одолжить мнѣ хотя немного цѣлебной воды (съ цѣлью подвергнуть ее химическому анализу), она отвѣчала, что въ запасѣ у нея этой воды нѣтъ, что вода эта—обыкновенная и что цѣлебную силу она получаетъ отъ извѣстнаго ей одной наговора.—Интересно было бы узнать, замѣчаетъ при этомъ г. Н. Т., что именно входитъ въ составъ воды

знахарки, имѣющей столь необыкновенную цѣлебную силу. Хотя пившіе ее и утверждаютъ, что она на вкусъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной воды, однако же нельзя допустить, чтобы силу эту она получала исключительно отъ нашептыванія и, по всей вѣроятности, въ составъ ея входитъ какое нибудь вещество, цѣлебныя свойства котораго неизвѣстны еще медицинѣ".

Въ с. Боромлѣ, ахтырскаго уѣзда, я знаю одного пожилаго, богатаго, уважаемаго въ селѣ крестьянина, который лѣчитъ послѣ укушенія бѣшеной собаки. Въ этомъ состоитъ все его знахарство. Его часто возятъ въ сосѣднія села. Сначала онъ опредѣляетъ болѣзнь: смотритъ, нѣтъ ли во рту подъ языкомъ (человѣка или животнаго) особаго прыщика, и если есть таковой, то даетъ пить порошокъ какой то высушенной травы. Сельское общество приняло на себя уплату всѣхъ его повинностей, за что онъ обязался не отказывать односельчанамъ въ своей помощи. Лѣтъ десять назадъ бѣшеная собака сильно искусала моего слугу. Дѣло было въ Боромлѣ, во время моего тамъ пребыванія. Упомянутый знахарь долго поддерживалъ раны, вызывалъ гноетеченіе и въ то же время поилъ пострадавшаго травой. Въ результатѣ было полное излѣченіе [1]).

Иногда бабки ворожеи оказываютъ помощь въ нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ, или удачнымъ траволѣченіемъ или разминаніемъ членовъ, что служитъ своего рода массажемъ.

Кромѣ этой реальной пользы, знахари оказываютъ своимъ односельчанамъ и нравственную услугу, поддерживая въ нихъ надежду и бодрость духа въ трудныя минуты жизни. Они удовлетворяютъ народнымъ вкусамъ и желаніямъ, даютъ народу добрый совѣтъ за самое маленькое вознагражденіе, курицу, десятокъ яицъ, кварту горилки. По народному міровоззрѣнію, знахарь тѣмъ силенъ, что обнимаетъ своимъ умомъ духовный и вещественный міръ. Знахарь является на помощь крестьянину не только въ томъ случаѣ, когда послѣдній боленъ, но также на свадьбѣ и во время сбора хлѣба; онъ устраняетъ отъ жениха и невѣсты козни злыхъ людей, снимаетъ закрутки съ нивъ, украшенныхъ золотыми хлѣбными колось-

[1]) Въ *„Ветеринар. Вѣстникѣ"* 1886 г. была помѣщена небольшая, но весьма любопытная статья *В. В. Иванова* „Народное лѣченіе бѣшенства". Статья составлена по личнымъ наблюденіямъ въ харьк. и валковскомъ уѣздахъ. *Прим. авт.*

ями... Пусть все это невѣжественное суевѣріе, застарѣлые предразсудки; нужно желать, чтобы въ селѣ утвердилось разумное пониманіе природы, чтобы мѣсто темнаго знахаря занялъ просвѣщенный врачъ; но пока этого нѣтъ, знахарь является нужнымъ и подчасъ полезнымъ человѣкомъ въ селѣ; онъ лѣчитъ, ободряетъ, утѣшаетъ; и если бы вырвать его изъ современной народной жизни, особенно изъ тѣхъ селъ, гдѣ нѣтъ ни врача, ни школы, ни церкви, хотя разумѣется никакая сила его отсюда сразу не вырветъ, потому что знахарь коренится въ основахъ народнаго міровоззрѣнія, такъ—если бы вырвать, то простому народу причинено было бы страданіе, физическое и нравственное.

Знахарь иногда пріобрѣтаетъ большую извѣстность по совершенно незначительнымъ поводамъ, получаетъ власть надъ умами своихъ односельчанъ и пользуется этой властью съ умомъ и осторожностью. Хорошей иллюстраціей можетъ служить слѣдующая біографія одного украинскаго знахаря: въ молодости Ивась (имя знахаря) былъ дворовымъ человѣкомъ; женившись, онъ поселился въ селѣ. Не имѣя своего хозяйства, онъ зарабатывалъ средства къ жизни поденной работой въ сосѣднихъ экономіяхъ. Онъ имѣлъ собаку и когда она заболѣла, то сельчане рѣшили, что она бѣшеная, и хотѣли ее убить. Ивась привязалъ ее во дворѣ, и собака вскорѣ выздоровѣла. Этотъ пустой случай подалъ односельчанамъ Ивася мысль, что онъ „щось знае“, и его стали считать знахаремъ. Славу его знахарской силы укрѣпилъ другой пустой случай: однажды, онъ былъ въ гостяхъ у одного крестьянина и собирался ворожить, какъ вдругъ вошелъ въ хату мѣстный помѣщикъ. „Панъ тутъ попсовавъ“ сказалъ Ивась. Услышавъ эти слова, панъ вытолкалъ Ивася за двери. Вскорѣ молнія ударила въ клуню этого пана и спалила ее до основанія. „То Ивась!“ сказали всѣ въ селѣ, и самъ панъ повѣрилъ вдругъ въ волшебную силу Ивася, просилъ у него прощенія и далъ ему денегъ. Послѣ этого Ивась сталъ уже архи-знахаремъ въ общественномъ мнѣніи. Къ нему стали обращаться за совѣтами кое кто изъ мѣстной сельской интеллигенціи и даже евреи. Какъ удачно и подчасъ благотворно пользовался онъ своимъ вліяніемъ, видно изъ слѣдующаго случая. Родители парубка Гордія и родители дивчины Параски задумали одружить ихъ; но сверхъ

всякаго чаянія Гордій влюбился въ дочь мѣстнаго шляхтича, Ягусю Хоронжевскую, и послѣдняя также полюбила красиваго Гордія. Влюбленные стали просить своихъ родителей о согласіи на бракъ и Гордій рѣшительно отказался отъ Параски. Отецъ Гордія и отецъ Параски сначала поспорили и побились въ корчмѣ; но потомъ рѣшили, что „ляхивка“ околдовала парубка, поднесла ему данье и въ этомъ предположеніи хотѣли разнести домъ Хоронжевскихъ; но Гордій сталъ на сторону послѣднихъ и съ коломъ въ рукахъ разогналъ пьяную компанію хлопцевъ, осаждавшихъ дворъ Хоронжевскихъ. Родители Гордія и Параски пошли къ Ивасю за совѣтомъ. Дѣло было лѣтомъ. Они застали Ивася дома, въ садикѣ, на пасѣкѣ. Это былъ уже дидокъ почтенныхъ лѣтъ, „якъ голубонько сывесенькый“. Посѣтители увидѣли въ его хаткѣ много образовъ и много разнаго зелья, что сразу произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Они низко поклонились Ивасю и поставили передъ нимъ на столѣ подарки. Первый заговорилъ знахарь: „говорить, люде добри, господари важни, хліборобы працовыти, розказуйте, кажить и оповидайте, чого вы одъ Бога велыкого, святого, безсмертного, вичного, милосердного и справедлывого жадаете, бажаете, чаете, выглядаете, молыте и просыте; яка вамъ бида, журба, напасть, нужда, прыкрость, докука, слабисть, шкода, згуба и вшиляка немичъ душы спасеной и тила гришного—чы то вашого, чы дитокъ ридныхъ, зведенюкивъ, бративъ, сестрыць, кревнякивъ, своякивъ, прыймакивъ, зятивъ и невистокъ, чы помершихъ дидивъ, батькивъ и свекрухъ передъ Богомъ и всимы святымы стоящихъ“... Эта рѣчь усилила благоговѣйное настроеніе пришедшихъ, и они сначала несмѣло, потомъ смѣлѣе и смѣлѣе стали обвинять Хоронжевскихъ въ околдованіи Гордія. Умный дидокъ заранѣе зналъ всю исторію любви Гордія и рѣшился ему помочь. Онъ сдѣлалъ выговоръ отцу Гордія за противодѣйствіе женитьбѣ его на почтительной къ старшимъ и трудолюбивой Ягусѣ, сказалъ, что никакого „данья“ не было, что Гордій не перенесетъ разлуки съ Ягусей и „марно загыне“, пообѣщалъ ему счастливую жизнь съ Ягусей и заочно благословилъ ихъ бракъ. Возвратившись отъ знахаря, отецъ Гордія послалъ сватовъ къ Хоронжевскимъ, которые при настойчивомъ содѣйствіи Ягуси, уладили дѣло сватовства и запили могорычи (*Sarnecki*, въ Wisła, 1887, № 8).

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что знахаремъ бываетъ тотъ человѣкъ, который родился и былъ отнятъ отъ груди въ понедѣльники. Потомъ знахари постятъ понедѣльники. Впрочемъ, „понедилкованіе“ соблюдается не только знахарями, но и другими крестьянами (*Nowos.* Lud ukr. II, 95).

Въ нѣкорыхъ мѣстахъ Малороссіи отличаютъ знахаря и чаровника; первый дѣлаетъ только добро, второй злыя дѣла. Знахарь, противодѣйствуетъ чаровнику (ib. 95). Иногда знахарь и чаровникъ смѣшиваются въ понятіяхъ народа. Въ винницкомъ уѣздѣ думаютъ, что знахаремъ дѣлается человѣкъ, запродавшій свою душу черту (*Чубинскій*, I, 210).

Лѣчебныя средства знахарей разнообразны. Спеціальное изученіе употребляемыхъ ими травъ и кореньевъ—дѣло медиковъ и ботаниковъ. Въ послѣднее время и у насъ въ Россіи начали обращать вниманіе на эту сторону народной жизни, и все чаще и чаще стали выходить изслѣдованія о народныхъ врачебныхъ средствахъ. У нѣмцевъ существуетъ уже довольно обширная литература по этому предмету. Кто желаетъ ознакомиться съ „зильями“, употребляемыми малороссіянами для „ликивъ“, можетъ обратиться къ сочиненіямъ Шмальгаузена, Горницкаго, Роговича (въ Зап. ю. з. отд. Геогр. Общ.), къ статьямъ г. Иванова (въ Ветерин. Вѣст. 1886), Тарачкова (въ Воронеж. Бесѣдѣ 1861 г.) и др. спеціальнымъ трудамъ о народной фармакологіи [1]). Мы отмѣтимъ здѣсь лишь одно поэтическое сказаніе о томъ, какъ народъ узналъ о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, недавно записанное въ харьковской губерніи изъ народныхъ устъ: Одинъ солдатъ томился въ плѣну. Подъ страхомъ смерти ему запрещено было прикасаться къ кушанью, приготовленному будто бы изъ гадовъ. Не послушался плѣнникъ, съѣлъ его и сталъ понимать языкъ животныхъ и растеній. Взялъ онъ въ конюшнѣ лошадь и обратился въ бѣгство. Какъ только онъ выѣхалъ въ чистое поле, каждая травка заговорила съ нимъ. Каждое „зело“ повѣствовало ему о горѣ людскомъ и отъ чего оно можетъ изба-

---

[1]) Для историко-культурныхъ и этнографическихъ сближеній идутъ статьи *Элизы Оржешко* и *Ростафинскаго* въ польскомъ журналѣ „*Wisła*“ 1888 г. и статья *Шулека*: „Pogled iz bilijarstwa u pravek Slavenah, a napose Hrvatah въ *Rad jugoslav. Akad.* 1877, v. XXXIX.—*Прим. авт.*

вить. Ѣхалъ плѣнникъ умиленный, ѣхалъ и слушалъ. Видитъ—коровьякъ стоитъ, подъѣзжаетъ къ нему и думаетъ: „этотъ бурьянъ ни къ чему ужъ не годенъ“, хотѣлъ было наѣхать на него; но коровьякъ сказалъ ему: „не наступай на меня; я также полезное зелье: я помогаю отъ гелы“ (грыжи). Всѣ травы оказались полезными (*Ивановъ*, въ Ветерин. Вѣст. 1886, 2).

„Поможы, Боже, видъ чого гоже“, говорятъ украинскіе „знахари“ и „лѣкарки“, собирая травы или давая ихъ страждущему паціенту. „Не здавайся, та такъ звалялся,“—говорятъ они, принося собранное домой или даря свое зелье знакомымъ про случай.

Въ повѣсти Г. Ѳ. Квитки „Маруся“ отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—„пробигты до знахаркы, щобъ вмыла, або злызала; ,бо се ій мабудь зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть“. Отецъ же Маруси Наумъ „зразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды трошки напытысь, а самъ пидкуривавъ ій херувымськымъ великоднымъ ладаномъ“..

Далѣе, обычными знахарскими средствами лѣченія являются вода, какъ очистительная стихія, зола и угли—по связи ихъ съ другой природной очистительной силой—огнемъ и въ особенности всякаго рода заговоры и шептанія, отчасти построенныя на религіозно-христіанской апокрифической литературѣ, но въ большинствѣ представляющія древнія молитвенныя обращенія къ небеснымъ свѣтиламъ.

Знахари и знахарки встрѣчаются во многихъ мѣстахъ западной Европы, наприм., въ Норвегіи (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 315). Въ Берлинѣ и его окрестностяхъ дѣвушки съ цѣлью приворожить къ себѣ мужчину идутъ къ знахаркѣ и несутъ ей фотографическій портретъ возлюбленнаго, иголку и свою сорочку—знахарка прикалываетъ иглой то мѣсто карточки, гдѣ предполагается сердце, заворачиваетъ карточку въ сорочку и приказываетъ положить ее подъ изголовье. (*Krause*, въ Zeitschr. f. Ethn. 1883, 85).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в.

Не такъ давно предварительный комитетъ Высочайше разрѣшеннаго восьмаго археологическаго съѣзда издалъ небольшую программу вопросовъ, имѣющихъ быть затронутыми на съѣздѣ [1]). Просматривая эту программу, мы нашли въ ней не лишенный интереса вопросъ о *кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка* [2]). Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые по своей общедоступности могутъ стать предметомъ вниманія читающей публики вообще, а не однихъ только спеціалистовъ. Вотъ почему ради сознательнаго отношенія къ тому, что намъ дадутъ новаго на съѣздѣ, мы сочли не лишнимъ и своевременнымъ познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ этого вопроса.

Смута, поколебавшая московское государство въ началѣ XVII в., повела къ коренному перерожденію всѣхъ основъ русской жизни и къ возникновенію могучаго политическаго цѣлаго, составившаго крупное звено въ цѣпи европейской цивилизаціи. XVII-й вѣкъ,—время, послѣдовавшее за смутой, представляетъ эпоху перваго возникновенія этого звена, эпоху, правда нешумной, но за то неустанной работы, благодаря которой въ началѣ XVIII в. московское государство сразу становится уже европейскимъ политическимъ тѣломъ. Невзрачная по наружности Москва XVII

---

[1]) Восьмой съѣздъ археологическій въ Москвѣ 8-го января 1890 г. М. 1889 in 4⁰, стр. 24.

[2]) Ib. стр. 18, вопросъ 47.

в. приняла на себя трудную и черную работу выработать для великаго преобразователя XVIII в. программу новой жизни по европейскому образцу. Выработка этой программы производилась не въ кабинетахъ идеологовъ и не въ клубахъ досужихъ крикуновъ; ею руководилъ здравый и практическій умъ московскаго правительства XVII вѣка, безъ устали шедшій и съ большимъ трудомъ поспѣвавшій за ходомъ новыхъ государственныхъ и церковныхъ потребностей. Послѣднія создали рядъ реформъ въ сферѣ государственной и церковной, проведеніе которыхъ требовало людей науки и практическаго знанія. Это привело правительство къ сознанію необходимости умственнаго и нравственнаго развитія. Такъ, почти исключительно по иниціативѣ правительства, которое въ нашей исторіи нерѣдко шло далеко впереди общества, является *школа*, долженствующая звучать въ ладъ съ практическими нуждами формирующагося европейскаго политическаго тѣла.

Итакъ, московскую школу XVII в. создали не идеальное стремленіе къ просвѣщенію, не потребность въ умственной выправкѣ и эстетическомъ комфортѣ, а простая практическая нужда, нужда въ ученыхъ справщикахъ книгъ священнаго писанія, въ образованныхъ переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ, нужда въ ловкихъ бюрократахъ, въ знакомыхъ съ Европой дипломатахъ. Такой ходъ нашего развитія представляетъ ту рѣзкую индивидуальную особенность, которая отличаетъ Русь отъ ея почтенныхъ коллегъ въ европейскомъ „концертѣ“.

Внимательно изучая исторію заботъ московскаго правительства XVII в. о заведеніи школы, мы замѣчаемъ, что правительственныя школы XVII в. то и дѣло рождаются и умираютъ, на первый взглядъ не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Только одна изъ нихъ уцѣлѣла отъ скораго разрушенія, и то—основанная уже въ концѣ вѣка. Это—такъ называемая славяно-греко-латинская академія царя Ѳедора и царевны Софьи, подъ именемъ московской духовной академіи [1]) дожившая до нашего поколѣнія, какъ живой свидѣтель того, что скромные труды мо-

[1]) Въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

сковскаго правительства XVII вѣка не пропали даромъ. Но если школа XVII в. и не имѣла осязательныхъ результатовъ, то ея скрытое вліяніе было неотразимо. Правительство XVIII в. всецѣло усвоило себѣ идею практической ученой школы, унаслѣдованную отъ XVII в. Изъ всего вышесказаннаго, думаю, до нѣкоторой степени ясно, какое значеніе можетъ имѣть знакомство съ попытками московскаго правительства XVII в. завести школу. Зная эти попытки, осязательнѣе чувствуешь степень напряженія правительства XVII в. въ его трудномъ дѣлѣ и снисходительнѣе, но въ то же время критичнѣе, относишься къ его промахамъ и неудачамъ.

Откуда было взять лицъ, способныхъ принять на себя преподаваніе въ правительственной школѣ? Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, учителей думали найти на православномъ Востокѣ. Первая московская правительственная школа (грекославянская), основанная при патріархѣ Филаретѣ въ 1632 г., и имѣла учителемъ выходца съ Востока—Іосифа, протосингела александрійскаго патріарха. Этотъ Іосифъ, которому поручено было учить греческому языку и грамматикѣ „малыхъ робятъ“ на „учительномъ дворѣ“, недолго жилъ въ Москвѣ. 1 октября 1633 г. умеръ патріархъ Филаретъ; мѣсяца четыре съ небольшимъ спустя (вѣроятно, въ февралѣ 1634 г.) умеръ и первый московскій учитель эллинской мудрости Іосифъ. 24 февраля великій государь указалъ дать „своего государева жалованья въ Симоновъ монастырь по гречинѣ, по протосингелѣ Іосифѣ, вѣчный поминокъ для его многіе службы и иноземства 100 рублевъ“ (приблизительно 1400 р. на нашъ теперешній счетъ). Со смертью Іосифа школа, несомнѣнно, прекратила свое существованіе, такъ какъ: 1) дальнѣйшихъ извѣстій объ этой школѣ до сихъ поръ не найдено, а 2) присылки въ Москву греческихъ учителей (впрочемъ, неудачныя) и усиленные вызовы ихъ московскимъ правительствомъ продолжаются и 3) ко всему этому бывшій въ Москвѣ въ 1645 г. палеопатрасскій митрополитъ обращается въ посольскій приказъ съ челобитной о заведеніи на Москвѣ греческой школы. Значитъ, въ то время въ Москвѣ школы не было, иначе всѣ указанныя явленія оказались бы невозможными. Такъ,

первая московская правительственная школа просуществовала съ небольшимъ годъ. Она предназначалась для „малыхъ робятъ“; учителемъ въ ней былъ монахъ по положенію и грекъ по происхожденію; учили греческому и славянскому языкамъ и „грамматической хитрости“. Учитель получалъ за свои труды квартиру, одежду [1]) и 2500 руб. слишкомъ на наши деньги жалованья; словомъ, матеріально онъ находился въ положеніи теперешняго ординарнаго профессора университета, только работать ему приходилось нѣсколько больше, такъ какъ, помимо преподаванія въ школѣ, учитель числился еще правительственнымъ переводчикомъ греческихъ книгъ вообще и книгъ, написанныхъ на латинскую ересь въ частности. Правительство очень дорожило пріобрѣтеннымъ имъ учителемъ и не скупилось на необходимые расходы; не забыло даже помянуть его значительнымъ поминкомъ по смерти. Школа 1632 г. по происхожденію и обстановкѣ была *духовная*, по направленію *православно-греческая*. Мы ничего не можемъ сказать о непосредственныхъ результатахъ существованія школы, но безъ труда можемъ представить себѣ, чего отъ нея ждали и съ какой цѣлью ее основали. Если прочтемъ грамоту, данную Іосифу, то найдемъ, что школа не предназначалась ни для распространенія простой грамотности, ни для насажденія общеобразовательныхъ идей среди учащейся молодежи, „малыхъ робятъ“, какъ выражается грамота. Она имѣла чисто практическую цѣль. Если припомнимъ нѣкоторые факты изъ тогдашней церковной жизни и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о филаретовской школѣ 1632—34 гг., то легко поймемъ и оцѣнимъ ту практическую цѣль, которую имѣло въ виду московское правительство, заводя „учительный дворъ“. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ фактовъ, ограничимся простымъ указаніемъ на нихъ.

При царѣ Михаилѣ снова поднялся трудный и мучительный вопросъ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, породившій не малую смуту въ началѣ и серединѣ XVII в. и закончившійся отпаденіемъ части членовъ русской церкви отъ

[1]) Каменная келья, да 10 аршинъ камки куфтерю, да сорокъ куницъ на годъ

господствующей церковной власти. Исторія съ преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а также исторія съ патр. Іосифомъ и Никономъ въ особенности достаточно извѣстны всякому, поэтому мы отмѣтимъ только тотъ переломъ въ вопросѣ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, который совершился въ XVII вѣкѣ: 1) признали, что дѣло исправленія церковно-служебныхъ книгъ слѣдуетъ начать съ изученія древне-греческихъ текстовъ (попытка сдѣлана была преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а патр. Никономъ такое исправленіе было объявлено, какъ необходимый законъ) и 2) что справщиками должны быть люди съ обще-богословскимъ развитіемъ и съ достаточнымъ знаніемъ техники того и другаго языка, т. е. славянскаго и греческаго. Это былъ значительный шагъ впередъ въ исторіи нашей культуры. Послѣднее признаніе началось съ рѣзкихъ и страстныхъ нападокъ Арсенія Глухаго на прежнихъ справщиковъ церковно-богослужебныхъ книгъ. То были люди, по мнѣнію старца Арсенія, незнающіе ни православія, ни кривославія, писаніе только по чернилу проходящіе; по мнѣнію же самого церковнаго правительства, оффиціально опубликованному, то были воры и бражники [1]). Характеристика немудреная, но за то приблизительно очень вѣрная. Правительство п. Филарета уже не могло довольствоваться такими своеобразными справщиками. Между тѣмъ, не говоря уже о богословіи и грамматикѣ, простое знаніе языка было распространено очень мало. Было бы очень наивно думать, что греческій языкъ, благодаря традиціоннымъ сношеніямъ съ Византіей, пустилъ у насъ глубокіе корни. Великій князь Василій Ивановичъ за неимѣніемъ человѣка, знающаго греческій языкъ, долженъ былъ обратиться за такимъ на Востокъ, а „византійскій царь на русскомъ престолѣ“, какъ выразился о царѣ Иванѣ II. В. Безобразовъ, посылалъ „робятъ“ учиться греческо-

---

[1]) Акты Арх. экспед. III, № 228; Приб. къ Твор. св. отецъ, III, 152 въ прилож.; *Макарій*, Ист. рус. церкви XI, 189; Правосл. Собес. 1862 г. II, 363; *Соловьевъ*, IX, 385.

Объ Іосифѣ см. *Каптеревъ*, Характеръ отнош. Руси къ прав. Вост. М. 1885 с. 450 и др., *Макарій* l. c. стр. 73, 215; Соловьевъ (впрочемъ, онъ не знаетъ объ учительствѣ Іосифа) IX, 387. Срв. Прав. Обозр. 1887 г. № 1, с. 152.

му языку въ Византію. Любопытно, что этотъ пробѣлъ замѣтили даже со стороны и воспользовались имъ, чтобы очень ядовито и зло посмѣяться надъ нами. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга, очень внимательный наблюдатель нѣкоторыхъ сторонъ современной ему жизни, въ своей книгѣ „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (1577 и 1590 г.г.) писалъ въ порицаніе русскихъ, что у нихъ „и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ старый и новый“. Въ отвѣтъ на этотъ „хульный артикулъ“ какой-то монахъ аѳонскаго монастыря въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Христофоръ, инокъ русскій, во святѣй аѳонстѣй горѣ иночествующій“ (изд. 1608) изложилъ рядъ мыслей о характерѣ ученія, какой долженъ господствовать въ русской школѣ. Христофоръ рекомендовалъ учить дѣтей въ школѣ „правовѣрной“, учить сперва грамматикѣ греческой или славянской, потомъ часослову, псалтырю, октоиху, затѣмъ богословію и толкованію книгъ священнаго писанія, но отнюдь не философіи и діалектикѣ, которыми гордятся латиняне и которыя ведутъ къ ересямъ [1]). Въ этомъ и заключалась вся программа филаретовской школы 1632—34 г.г. Церковное правительство первой половины XVII в. не могло не ухватиться за нее, ибо она съ одной стороны какъ нельзя болѣе удовлетворяла его практическимъ требованіямъ, а съ другой не давала ни малѣйшаго повода опасаться, чтобы отъ такого ученія пострадало русское православіе, заразившись латинскою прелестью. Да и потомъ, когда уже окончательно рѣшились отвѣдать латинскаго суемудрія и философскихъ борзостей, эта программа была излюбленной мечтой нѣкоторыхъ представителей церковнаго правительства какъ на Руси, такъ и на Востокѣ, откуда эту программу прислалъ намъ Христофоръ (напр., патр. Іоакимъ московскій и Досиѳей іерусалимскій). Такова одна сторона ожиданій, которыя питало московское правительство, заводя первый „учительный дворъ“. Онъ имѣлъ цѣлью прежде всего образовать людей, способныхъ сидѣть за исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ и за переводами

[1]) *Макарій* l. c. X, 403.

съ греческаго языка на славянскій. Пока „учительный дворъ“ приготовлялъ такихъ людей, самъ профессоръ этого „двора“ долженъ былъ заниматься, по предписанію правительства, переводами греческихъ книгъ на славянскій языкъ.

Чего еще могло ожидать правительство отъ школы 1632—1634 г.г.? Та же грамота отъ 19 сентября 1632 г. поможетъ намъ выяснить и этотъ вопросъ. Изъ грамоты видно, что Іосифъ долженъ былъ заниматься спеціальными переводами книгъ, написанныхъ противъ латинской ереси. Такимъ образомъ учитель и переводчикъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ играть роль полемиста въ интересахъ православной вѣры противъ иновѣрнаго прельщенія. Мы видимъ предъ собою еще одну чрезвычайно настоятельную нужду церковнаго правительства XVII в. въ людяхъ, способныхъ спорить съ иноземными представителями неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій, а позднѣе, во второй половинѣ XVII в., съ представителями раскола старообрядства, хотя противъ послѣднихъ какъ въ XVII в., такъ и XVIII в. не пренебрегали вмѣсто словесныхъ препирательствъ полемизировать батогами, клещами и ссылкой. Этого рода полемика и вызвала столь знаменитый въ нашей культурной исторіи возгласъ Ѳедосьи Морозовой, ученицы знаменитаго протопопа Аввакума, при видѣ потоковъ крови Марьи Даниловой [1]): „это ли христіанство, чтобъ такъ человѣка мучить!“ Но такого рода полемика не во всѣхъ случаяхъ была возможна да притомъ она и не была особенно желательна московскому церковному правительству, которое ясно сознавало необходимость борьбы посредствомъ словесныхъ препирательствъ и логическихъ, а не палочныхъ доводовъ. Когда основывалась школа 1632—34 г.г., полемизировать нужно было почти исключительно съ протестантизмомъ. О борьбѣ съ католической пропагандой въ это время нечего и упоминать; отъ этой пропаганды пока еще достаточно защищала Москву запретительная политика ея правительства. Въ Москву безусловно былъ воспрещенъ въѣздъ католиковъ [2]). Москва не тер-

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*. Домашній бытъ рус. царицъ с. 141.

[2]) Акты истор. III, № 181, с. 332; Соб. гос. гр. и дог. III, № 85, с. 317 и т. IV, № 203.

пѣла католика. Въ этомъ отношеніи весьма характерно одно преданіе, дошедшее до насъ отъ времени перваго Лжедимитрія. Говорятъ, что на вопросъ одного изъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить въ Москвѣ костелъ для поляковъ, Лжедимитрій отвѣчалъ: „а почему бы мнѣ этого не сдѣлать? Они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили уже имѣть свою церковь и школу еретикамъ“ (т. е. протестантамъ). Это очень любопытныя для насъ слова, ясно обнаруживающія ту политику различенія по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, которой держалось московское правительство и которой далеко не симпатизировалъ Лжедимитрій. Такимъ образомъ возможна была только протестантская пропаганда. Пока довольно трудно сказать, насколько сильна была эта пропаганда. Въ нашей исторической литературѣ господствуютъ относительно протестантской пропаганды въ XVII в. довольно разнообразныя мнѣнія. Покойный Соловьевъ представлялъ себѣ протестантовъ космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ. Соколовъ впадаетъ въ противоположную крайность, говоря, что протестанты разставили тайныя сѣти своей пропаганды на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными [1]). Довольно безпристрастно и цѣльно мнѣніе Д. В. Цвѣтаева, по которому пропаганда велась или отдѣльными лицами, или правительствами протестантскихъ государствъ (славянская типографія въ Стокгольмѣ, заведенная въ 1625 г.; посольство Ганса Мюссенгейма въ 1556 г. отъ датскаго короля Христіана III; Иванъ Рокита въ 1570 г. отъ богемскихъ братьевъ) [2]). Не имѣя собственныхъ полемистовъ, московское правительство должно было довольствоваться переводами съ южно-русскаго. Такъ, въ Москвѣ являются переводы соч. Василія, священника острожскаго, „О единой, истинной православной вѣрѣ и о святѣй, соборной и апостольской церкви“ (въ первомъ десятилѣтіи XVII в.), соч. одного изъ современниковъ Буднаго и Чеховича „О

---

[1]) *Соловьевъ*, Истор. Рос., т. XIII, с. 218—225; *Соколовъ*, Отношеніе протест. къ Россіи, стр. 242.

[2]) *Д. В. Цвѣтаевъ*. Изъ исторіи иностр. испов. стр. 3—4; „Русскій Вѣст.“ 1887 г., № 4, стр. 619.

образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей“ (въ третьемъ десятилѣтіи XVII в.) и др. [1]). Учитель Іосифъ долженъ былъ удовлетворять и этой потребности. Такова другая цѣль школы—приготовить людей, способныхъ вести полемику съ протестантами.

Мы видѣли, что школа 1632 г. была недолговѣчна; послѣ нея школьный вопросъ принимаетъ новое направленіе. Изученіе этого новаго направленія и приводитъ насъ къ вопросу о кіевскихъ и вообще южно-русскихъ инокахъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. Предшествующее изложеніе прямо вводитъ насъ въ самую сущность дѣла.

По смерти учителя Іосифа не разъ посылали за учителемъ на Востокъ, не разъ оттуда являлись въ Москву учителя, но школы все таки не основывалось. Московское правительство находилось въ затруднительномъ положеніи: потребности росли, разнообразились, а удовлетворять имъ не было ни силъ, ни средствъ. Между тѣмъ средства были подъ рукою. Мы ходили за учителями далеко на Востокъ, а этихъ учителей былъ достаточный запасъ въ Кіевѣ, на дорогѣ изъ Москвы въ далекую Византію. Но мы боялись еще нашего юго-запада. Въ 1640 году въ Москвѣ появился посланный кіевскаго митрополита Петра Могилы Игнатій Оксеновичъ Старушичъ съ грамотой отъ митрополита, въ которой читаемъ такое любопытное предложеніе: „повели, пишетъ м. Могила къ царю Михаилу, въ царствующемъ градѣ благодатію и казною своею царскою монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили“. Въ Москвѣ выслушали челобитную митрополита, спросили, въ какомъ городѣ и во имя какого святаго построить монастырь, и, получивъ въ отвѣтъ, что монастырь надо построить въ Москвѣ, а во имя какого святаго „о томъ какъ онъ, государь, произволитъ“, тѣмъ и удовольствовались [2]). Другія просьбы митрополита уважили, намѣстнику со спутниками дали на дорогу государево жалованье, но ни мо-

[1]) Правосл. Обозр. 1887, № 1, с. 156—7; Русск. Вѣстн. 1887, № 5, с. 279 и № 6 с. 711. Мат. для ист. рас. VI, 143.

[2]) Акты южн. и запад. Росс., III, № 33, стр. 39; № 48, с. 54, стат. 4; № 267.

настырь училищный построить, ни ученыхъ иноковъ вызвать съ юго-запада московское правительство не рѣшилось. Между тѣмъ попытка м. Могилы не осталась безплодною. За мысль Петра Могилы ухватилось частное лицо, съумѣвшее осуществить ее на практикѣ. То былъ знаменитый въ нашей исторіи бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Это одна изъ идеальнѣйшихъ личностей XVII в., окруженная цѣлымъ ореоломъ легенды и довольно сбивчиваго въ своихъ показаніяхъ преданія. До насъ дошло, благодаря Н. И. Новикову, любопытное „Житіе милостиваго мужа Ѳедора Ртищева“ [1]). Это горячій панегирикъ Ртищеву, написанный какимъ то противникомъ п. Никона и испещренный похвальными словесами и премудрыми изреченіями; историческаго въ немъ очень мало, но какъ литературный памятникъ, отражающій на себѣ извѣстное настроеніе, онъ очень интересенъ. Если взять за основаніе это „Житіе“, то въ лицѣ Ѳ. М. Ртищева намъ предстанетъ идеальный образецъ истиннаго христіанина, кроткаго, незлобиваго, покорнаго, презирающаго всякія оскорбленія, любящаго науки, съ самоотверженіемъ исполняющаго обязанности государственной службы, помогающаго нищимъ, утѣшающаго скорбныхъ, пользующаго больныхъ, принимающаго странниковъ, нѣжно заботящагося о нуждахъ совершенно чуждыхъ ему людей, выкупающаго христіанъ изъ плѣна агарянскаго, не боящагося сильныхъ міра сего, смѣло встрѣчающаго опасность. „Болѣзни же его и скорби, восклицаетъ панегиристъ Ртищева, кто изчести можетъ? Въ различныхъ бо скорбѣхъ, напастехъ и во искушеніяхъ непреборимъ и въ добродѣтеляхъ своихъ не изнемогаяй, препроводилъ двадесять и пять лѣтъ; ради же оныхъ уврачеванія и никакоже когда восхотѣ пріяти врачеваніе, законному повелѣнію противное“. Таковъ былъ, по преданію старины, человѣкъ, который рѣшился отступить отъ грекоаѳонской школьной программы и воспользоваться предложеніемъ Петра Могилы. Что же собственно предлагалъ московскому правительству южно-русскій митрополитъ?

Митр. Могила предлагалъ царю Михаилу устроить въ Москвѣ довольно обычный на юго-западѣ типъ училищнаго мона-

[1]) Древняя Росс. Вивліоѳика, т. XVIII М. 1791.

стыря, монахи котораго, помимо заботъ о спасеніи своихъ собственныхъ душъ, занимаются просвѣщеніемъ мірскихъ душъ. Обращая вниманіе московскаго правительства на подобный типъ монастыря, Петръ Могила предлагалъ дѣйствительно очень цѣлесообразное средство для удовлетворенія неотложныхъ потребностей московскаго правительства, указанныхъ выше. Выписные южно-русскіе ученые иноки должны были играть роль и учителей, и переводчиковъ, и полемистовъ въ одно и то же время. А эти роли, особенно послѣдняя, были хорошо знакомы южно-русскимъ монахамъ. Любопытно, что въ своемъ предложеніи Петръ Могила умолчалъ о латинскомъ языкѣ: это умолчаніе указываетъ на большой политическій тактъ знаменитаго южно-русскаго митрополита. Мы видѣли, что московское правительство не рѣшалось ни на основаніе монастыря, ни на вызовъ подозрительныхъ для него южно-русскихъ ученыхъ. Но отказаться отъ предложенія совсѣмъ было неразсчетливо, тѣмъ болѣе, что и потребность въ переводчикахъ, справщикахъ, учителяхъ и полемистахъ давала себя знать каждую минуту, православный Востокъ все не доставлялъ подходящаго учителя, а предложеніе было такъ заманчиво, такъ просто. Ѳедоръ Ртищевъ при своей любви къ просвѣщенію могъ явиться удобнымъ посредникомъ между Москвою и юго-западомъ. На что не могло отважиться правительство, то легко было осуществить частному лицу въ интересахъ правительства, какъ послушному орудію въ его рукахъ. Въ случаѣ неудачи предпріятія вина падала не на правительство, а на Ѳедора Ртищева. Такъ по мысли Петра Могилы и при помощи исполнителя этой мысли Ѳ. М. Ртищева явился Андреевскій училищный монастырь на берегу Москвы рѣки близь Воробьевыхъ горъ, воздвигнутый на *частныя средства* Ртищева. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь приходская церковь Воскресенія Христова, что въ Плѣницахъ [1]). Вѣроятно, въ то время это былъ очаровательный уголокъ, способный внушать религіозное одушевленіе вмѣстѣ въ побужденіемъ къ философскому самоуглубленію. Какъ

[1]) Такъ церковь эта названа у *Амвросія*, Ист. росс. іерар. М., 1811, ч. III, стр. 99—100.

идиллическая московская окраина, это мѣсто и теперь не лишено нѣкоторой своеобразной прелести. Основатель монастыря былъ однимъ изъ видныхъ членовъ того любопытнаго кружка людей, который группировался вокругъ молодаго царя Алексѣя. Всѣ члены этого кружка были горячіе борцы противъ недостатковъ и пороковъ современнаго духовенства, люди, стремившіеся къ преобразованіямъ въ сферѣ внѣшняго благочестія и благочинія. Это послѣднее обстоятельство впослѣдствіи разъединило ихъ, сдѣлавъ нѣкоторыхъ непримиримыми врагами другъ друга. Это разъединеніе должно было рѣзко выразиться въ ту минуту, когда одинъ изъ новыхъ членовъ кружка, радикальный Никонъ получилъ возможность смѣло и прямо начать крутое реформаціонное движеніе. Къ составу этого передоваго до извѣстной степени кружка въ самомъ началѣ принадлежали: патріархъ Никонъ и протопопъ Аввакумъ, еп. Павелъ коломенскій и бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и извѣстные впослѣдствіи по расколу попы Иванъ Нероновъ, Даніилъ, Лазарь, Логгинъ. Какъ ни разошлись впослѣдствіи всѣ эти лица, но въ началѣ они были довольно близки другъ къ другу по своимъ основнымъ стремленіямъ. Этотъ кружокъ придумывалъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы истребить „безчинная всякая“.

Монастырь, а съ нимъ и школа, основаны были въ промежуткѣ между 1645 и 1647 г.г.; вызвано было до 30 ученыхъ иноковъ, „изящныхъ во ученіи грамматикѣ словенской и греческой (житіе милостиваго мужа, какъ и предложеніе Могилы, молчитъ о латинской) даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати“. Такъ впервые завелась въ Москвѣ *греко-латинская* (мы сейчасъ увидимъ, что въ ней, вопреки показанію житія милостиваго мужа, учили и полатыни) школа, впервые учителями въ Москвѣ явились подозрительные „изящные“ иноки—малороссы и бѣлоруссы. Но это была не правительственная школа, а частная; удовлетворять же она должна была главнымъ образомъ потребности правительства, а не общества. Учителями этой частной школы были ученые иноки, прибывшіе по частному, а не по правительственному вызову. Трудно

представить себѣ то увлеченіе „изящными“ иноками, которое на первыхъ порахъ охватило передовыхъ людей. Ртищевъ цѣлыя ночи проводилъ въ бесѣдахъ съ малорусскими учеными.

Въ нашей исторической литературѣ господствуетъ довольно смутное представленіе о ртищевской школѣ и ртищевскомъ ученомъ братствѣ. Читатель замѣтилъ, конечно, что предложенное выше изложеніе довольно рѣзко отступаетъ отъ обычнаго и хронологически, и эпизодически. Мы вовсе не упоминаемъ объ Епифаніи Славинецкомъ и объ извѣстномъ указѣ отъ 14 мая 1649 г. Припомнимъ бѣгло, что у насъ обыкновенно повѣствуется объ этой школѣ: Ртищевская школа основана была вскорѣ послѣ 14 мая 1649 г. бояриномъ Ртищевымъ, вызвавшимъ для этой цѣли, въ числѣ 30 иноковъ, и Епифанія Славинецкаго, который только въ 1652 г. взятъ былъ патріархомъ Никономъ для ректорства во вновь основанной имъ школѣ. Весь этотъ разсказъ [1]) есть чистѣйшій вымыселъ, основанный на цѣломъ рядѣ недоразумѣній и довольно невнимательномъ отношеніи къ источникамъ. Въ заблужденіе вводило обыкновенно упомянутое выше „Житіе милостиваго мужа“, о которомъ вообще замѣчено, что оно почти не даетъ ничего положительнаго. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ было не то.

1) Ртищевъ никогда не вызывалъ Епифанія Славинецкаго, послѣдній никогда не былъ ни членомъ ртищевскаго братства, ни учителемъ греко-латинской ртищевской школы. Епифаній Славинецкій пріѣхалъ въ Москву 27 іюля 1649 г. [2]) не по вызову Ртищева, а по указу царя Алексѣя отъ 14 мая 1649 г. (ниже намъ придется еще упомянуть объ этомъ указѣ), вызы-

---

[1]) См. его у *Сахарова* въ „Утренней Зарѣ“ на 1839 г., стр. 9—13.; у *Голикова* т. XIII, М., 1840, с. 143; у *Берха*, Царств. Алексѣя Михайл. II, 18; у *Щапова*, Рус. расколъ старооб. с. 69; у *Соловьева*, Истор. Россіи, изд. 1877 г. Т. X, с. 150; у *Костомарова*, Рус. Ист. вып. V, с. 386—7; у *м. Макарія*, Ист. рус. церкви Т. XII, с. 51. О др. мелкихъ статьяхъ не упоминаю.

[2]) См. реестръ малороссійскимъ дѣламъ, выписанный м. Евгеніемъ изъ бумагъ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ „Молодикѣ“ на 1844 г., изд. И. Бецкимъ, Спб. 1844, стр. 223: „іюня 27 пріѣздъ въ Москву Кіево-братскаго Богоявленскаго монастыря старцевъ Арсенія и Епифанія для риторическаго въ Москвѣ ученія и для переводовъ съ греческаго языка книгъ“.

вавшаго въ Москву Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. Еп. Славинецкій, этотъ любопытный типъ неутомимаго кабинетнаго ученаго, и пріѣхалъ вмѣсто Дамаскина. Явившись въ Москву, онъ поселился не въ Андреевскомъ монастырѣ, а на большомъ посольскомъ дворѣ, гдѣ и жилъ до самаго своего переѣзда въ Чудовъ монастырь, т. е. до основанія чудовской школы [1]).

2) Значитъ, патріархъ Никонъ не могъ въ 1652 г. взять Еп. Славинецкаго изъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ тотъ не былъ, а потому нельзя говорить, что ртищевская школа въ силу этого прекратила свое существованіе именно въ 1652 г.

3) Утверждать, что съ Епифанія Славинецкаго началось преподаваніе въ ртищевской школѣ, значитъ предполагать основаніе этой школы не ранѣе іюля 1649 г. Между тѣмъ какъ на основаніи дѣла по доносу чернеца Саула слѣдуетъ заключить, что школа была основана ранѣе 1649 года (во всякомъ случаѣ уже при ц. Алексѣѣ, т. е. приблизительно въ 1646 г.).

Въ началѣ 1650 г. производилось слѣдствіе по дѣлу объ ученьи у кіевскихъ старцевъ ртищевскаго вызова, изъ котораго видно, что еще лѣтомъ 1649 г., т. е. когда ученые иноки царскаго вызова еще и не пріѣзжали въ Москву или только что успѣли пріѣхать, двое учениковъ ртищевской школы собирались ѣхать въ Кіевъ, чтобы тамъ доучиваться по латыни. Очевидно, что они, эти знаменитые ученики, не могли учиться у Епифанія Славинецкаго.

Итакъ, южно-русскіе иноки *ртищевскаго* вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., иноки *правительственнаго* вызова никогда не были членами ртищевскаго братства. Когда же закрылась ртищевская школа, мы не знаемъ. На основаніи свидѣтельства хорвата Юрія Крижанича [2]), можемъ только сказать, что братство Андреевскаго монастыря существовало еще въ 1666—7 гг., ибо въ это время „бѣлоруски андреевскаго мона-

[1]) См. Малорос. дѣла 1650 г. въ „Правосл. Обозр." 1887, № 1, стр. 163 въ любопытной статьѣ Каптерева.

[2]) Описаніе славянскихъ рукоп. Московск. Синод. Библ. А. Горскаго и К. Невоструева, № 283, стр. 388—397.

стыря отци" присутствовали на большомъ московскомъ соборѣ этихъ годовъ [1]).

Ртищевская школа уже далеко отступаетъ отъ извѣстной намъ греко-аѳонской программы Христофора. Вызовъ южно-русскихъ иноковъ и допущеніе въ Москвѣ преподавать латинскій языкъ — цѣлый поворотъ во внутренней политикѣ московскаго правительства. Можно представить себѣ всю важность и новизну этого поворота, совершившагося въ новое царствованіе. Ртищевская школа начинаетъ непрерывное игнорированіе греко-аѳонской программы, но въ умахъ людей греческаго образовательнаго направленія она остается незыблемой. Въ школѣ учили славянскому, греческому и *латинскому* языкамъ, грамматикѣ и, можетъ быть, риторикѣ и философіи. Что въ школѣ учили по латыни и по гречески, это ясно видно изъ упомянутаго мною дѣла по доносу чернеца Саула. „Лучка Голосовъ говорилъ, читаемъ здѣсь, поѣхалъ де... Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ... *до*учиваться у старцевъ, у кіевлянъ, по латыни". Значитъ, Голосовъ и Зеркальниковъ еще въ Москвѣ начали учиться „полатинямъ". О Ртищевѣ то же дѣло замѣчаетъ: „учится де у кіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ еретичество есть". Что касается риторики и философіи, то о нихъ ничего нельзя сказать положительнаго: этимъ предметамъ можетъ быть учили, а можетъ быть и нѣтъ [2]). Вообще же иноки ртищевскаго вызова, по свидѣтельству „Житія", явились въ Москву для обученія русскихъ „свободнымъ наукамъ". Мы ничего не могли сообщить ни о непосредственныхъ результатахъ школы,

---

[1]) Каптеревъ однако предполагаетъ, что Ртищевъ и не думалъ вызывать южно-русскихъ ученыхъ, а это равносильно непризнанію существованія ртищевскаго братства. Мы видѣли, что дѣло по доносу черица Саула опровергаетъ это предположеніе. См. Прав. Обозрѣніе 1887 г., № 1, стр. 163 прим. 30. Срв. проф. *В. О. Ключевскаго* „Боярская Дума" 2 изд., стр. 389—390.

[2]) *Соловьевъ*, Истор. Росс., т. X, изданіе 1877 г., стр. 150. Соловьевъ повторяетъ, очевидно, предметы, упоминаемые въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ „Житія милостиваго мужа", но тамъ говорится не о дѣйствительной школьной программѣ, а о томъ, что иноки такъ учены, такъ „изящны", что желающимъ *могутъ* преподавать даже риторику и философію. О преподаваніи же латинскаго языка Соловьевъ умолчалъ.

1632—34 гг., ни объ ея ученикахъ; нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ греко-латинской школой Ртищева. Намъ извѣстно нѣсколько учениковъ этой школы: прежде всего, конечно, самъ основатель ея бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, который „тако о разумѣ, о свѣтѣ души словесныя прилежа, яко во днѣхъ служеніе своего чина исполняя, въ нощѣхъ же, презирая сладостный сонъ, со мужи мудрыми и божественнаго писанія изящными, въ любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя нощи бодростнѣ препровождая и паки ко служенію своего чина обращашеся“; потомъ извѣстны Иванъ Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ, на которыхъ школа съумѣла подѣйствовать такъ обаятельно и серьезно, что они захотѣли доучиваться въ Кіевѣ, пользуясь для того покровительствомъ своего товарища по школѣ Ѳ. М. Ртищева; наконецъ, извѣстенъ Лучка Голосовъ, неважный дворянинъ по происхожденію, превратившійся потомъ въ Лукьяна Тимоѳеевича Голосова и думнаго дворянина[1]). Л. Т. Голосовъ былъ невольнымъ ученикомъ школы, говорившимъ о себѣ, чго онъ только манитъ боярину Ртищеву, „а впредь де учиться никакъ не хочу“.

Хотя мы и не знаемъ, какъ долго существовала ртищевская школа, однако можемъ говорить о непосредственныхъ результатахъ преподаванія появившихся впервые въ Москвѣ южнорусскихъ иноковъ, результатахъ очень характерныхъ и любопытныхъ.

1) Видно прежде всего, что школа умѣла завлекать умы учениковъ наукою. Бояринъ Ѳ. Ртищевъ сидитъ у ученыхъ иноковъ „изящныхъ“ цѣлыя ночи напролетъ; Озеровъ и Зеркальниковъ развиваются настолько, что рѣшаются ради еще большей науки ѣхать на родину своихъ учителей, на юго-западъ. Итакъ, школа, въ которой учили южно-русскіе иноки, съумѣла произвести умственное возбужденіе своихъ учениковъ. Мы увидимъ сейчасъ, что преподавателямъ этой школы удалось внести возбудительный элементъ и въ московское общество XVII вѣка. 2) Школа не только возбуждала умы, но и разгорячала страсти; ея преподаватели внесли смуту въ московское общество, заставили

[1]) Срв. *Ключевскій*, Боярская Дума, 2-е изд., стр. 391.

рѣзко обнаружиться извѣстныя образовательныя симпатіи и антипатіи. Южно-русскіе „изящные“ старцы, бывшіе желанными гостями для людей, подобныхъ Ртищеву, оказались терпимыми далеко не всѣмъ составомъ московскаго свѣтскаго, а особливо духовнаго общества. Часть этого общества возстала противъ нихъ подъ видомъ религіозной ревности, въ основѣ которой была добрая доля оскорбленнаго самолюбія. Эта любопытная и весьма поучительная исторія борьбы учителей пришельцевъ съ московскими самоучками можетъ быть предметомъ особой монографіи. Здѣсь важно лишь указать на возникновеніе и ясное выраженіе этой борьбы, которая тянется потомъ чрезъ всю оставшуюся половину XVII вѣка, переходитъ, нѣсколько видоизмѣнившись, въ XVIII вѣкъ и, какъ отдаленное и смутное воспоминаніе, еще разъ появляется въ XIX в. Это страстное возбужденіе московскаго общества особенно усилилось, когда послѣдовалъ второй, уже правительственный, вызовъ южно-русскихъ иноковъ. Но южно-русскіе иноки правительственнаго вызова (Еп. Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій) прибыли въ Москву уже въ такое время, когда начали обнаруживаться слѣдствія дѣятельности южно-русскихъ иноковъ ртищевскаго вызова. Позднѣе приливы южно-русскаго иночества въ Великую Русь пріобрѣтаютъ довольно большіе размѣры. Особенно извѣстенъ приливъ южнорусскихъ иноковъ Кутеинскаго монастыря, изъ Орши, Копыса, Мстиславля. Придворный поэтъ, проповѣдникъ и учитель Alexiani Musei Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій также принадлежалъ къ числу такихъ выходцевъ.

Южно-русскіе иноки, явившись въ Москвѣ, составили себѣ очень незавидную репутацію; ихъ считали не за православныхъ, а за чужеземцевъ, а порою и прямо за еретиковъ, ибо обрядовая сторона ихъ жизни во многомъ отличалась отъ московской: и молились то они не такъ, и пѣли иначе, и постились не какъ слѣдуетъ, не по московски, и философію почитывали, да и еретической „латынской грамоты“ не были чужды. А мы знаемъ, какую роль сыграла въ Москвѣ привычка къ изстари установившемуся, хотя бы и неправильному, обряду. Ни кнутъ, и батоги, ни клещи, ни огонь, ни мягкое и теплое слово увѣщанія не

выбили у многихъ московскихъ людей этой старой привычки къ разъ установившемуся обряду. Да и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Великой Руси южно-русскіе иноки производили то же впечатлѣніе. Нельзя объяснять это явленіе только тѣмъ, что южно-русскіе иноки выступили въ Москвѣ противниками приверженцевъ самобытнаго чисто русскаго просвѣщенія и принципіально разошлись чуть не со всѣми членами упомянутаго выше кружка. Принципіальная рознь играла, конечно, главную, но далеко не исключительную роль. Сюда примѣшались и оскорбленная гордость московскихъ самоучекъ, и неосторожное поведеніе самихъ пришельцевъ. Пришельцы не пошли по пути постепенной и мирной борьбы изъ за принципа. Привыкнувъ у себя дома къ рѣзкой и безпощадной полемикѣ, на которую иногда слишкомъ много тратилось трудовъ и дарованій, они и здѣсь, въ Москвѣ, продолжали эту привычную имъ полемику: перемѣнился только предметъ нападенія. Пришельцы стали гордо и свысока смотрѣть на уважаемыхъ московскихъ учителей-проповѣдниковъ, искоренявшихъ „безчинная всякая“ и пользовавшихся немалымъ уваженіемъ среди недалекаго по своему умственному развитію московскаго общества. Да и ученики этихъ пришельцевъ, по примѣру своихъ учителей, не спускали устарѣвшимъ теперь московскимъ авторитетамъ. Въ дѣлѣ по доносу чернеца Саула мы читаемъ любопытныя строки о Зеркальниковѣ и Озеровѣ, молодыхъ ученикахъ южно-русскихъ иноковъ, отправлявшихся доучиваться въ Кіевъ; эти строки весьма рельефно рисуютъ намъ отношеніе той и другой стороны другъ къ другу. Лучка Голосовъ, невольный ученикъ ртищевской школы, совѣтовалъ воротить Порфирку и съ Ивашкой и не допустить ихъ до Кіева во избѣжаніе великихъ съ ними хлопотъ—„и такъ де они всѣхъ укоряютъ, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракуютъ, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдаютъ, учатъ де, про то ничего не знаютъ, чему учатъ“. Повидимому, и вообще поведеніе южно-русскихъ иноковъ не всегда отличалось достаточною строгостью. По крайней мѣрѣ, одинъ документъ 1669 года въ очень мрачномъ видѣ рисуетъ

намъ поведеніе южно-русскихъ иноковъ. Но мы должны очень осторожно имъ пользоваться, ибо онъ вышелъ изъ не совсѣмъ безпристрастнаго источника. Принимать характеристику, какую дѣлаетъ этотъ документъ, вполнѣ невозможно, но канву, на которой черезъ чуръ усердно подобраны мрачныя краски, мы должны считать болѣе или менѣе прочной. Документъ этотъ— отписка властей Иверскаго монастыря къ архимандриту Чудова монастыря Іоакиму отъ 16 марта 1669 года [1]). Власти Иверскаго монастыря просятъ не присылать къ нимъ бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія. „Тотъ Петроній, читаемъ въ отпискѣ, человѣкъ крамолистой, своеобычной, не общежительной: какъ и прежъ сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякія крамолы чинилъ; а у насъ потому жъ братію учнетъ бунтовать и крамолы чинить, потому что человѣкъ своеобычной, необщежительной; намъ и безъ него братію надобь пасть и воздержать. И прежъ которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они за смуту и за бунтовство высланы изъ монастыря вонъ; и нынѣ того жъ монастыря Андреевскаго іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человѣкъ развратной и своеобычной". Такъ изъ провинціи въ Москву писали, что старцы Андреевскаго монастыря бунтовщики и смутьяны. Пришельцы нарушили спокойное теченіе монастырской жизни по неподвижно установившейся табличкѣ, напали на незыблемые до нихъ авторитеты, соблазняли нѣсколько болѣе свободной жизнью, наконецъ, прямо возбуждали противъ себя нѣчто въ родѣ національной ненависти. О поселившихся въ Иверскомъ Святоозерскомъ монастырѣ инокахъ Оршинскаго Кутеинскаго монастыря иверскіе старцы писали въ Москву: „наша русская грамота съ кутеинскою не сойдется, съ ними вмѣстѣ по ихъ пѣти и чести не умѣемъ, и они нашихъ крылосныхъ людей, священниковъ и дьяконовъ поставили подъ стѣною и ихъ не взлюбили... а священника теперь у насъ въ

[1]) Русск. Истор. Библ. Спб. 1878, т. V, № 276, с. 742—744.

монастырѣ *нашей русской вѣры* нѣту ни единого, и намъ помереть безъ покаянія“ [1]).

Итакъ, въ извѣстной части русскаго духовнаго и свѣтскаго общества установилось чрезвычайно враждебное настроеніе къ южно-русскимъ пришельцамъ: то была вражда по внѣшности чисто религіозная, на дѣлѣ же въ сильной степени происходившая отъ оскорбленнаго самолюбія и фанатической узости взгляда. Любопытно, что наравнѣ съ южно-русскими пришельцами ненависть эту возбуждали и ревнители греческаго ученія, и сами греки. Достаточно даже мелькомъ проглядѣть дошедшія до насъ раскольническія челобитныя, чтобы видѣть всю силу возбужденія противъ грековъ. Особенную извѣстность получили въ нашей литературѣ слова Ивана Неронова, обращенныя къ царю Алексѣю. „Молимъ тя, государя, писалъ Ив. Нероновъ отъ 27 февраля 1654 г., *иностранныхъ* иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истиннѣ неразвратниковъ, благочестію ругателей и ересемъ вводителей въ совѣтъ не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей“. То же выражалъ Ив. Нероновъ и въ личной бесѣдѣ съ патріархомъ Никономъ, бѣжавъ въ Москву изъ Кандалажскаго монастыря. „Святитель, гордо заявлялъ Нероновъ п. Никону, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешь. А мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говорилъ намъ: гречяне де, да и *малые Россіи* потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ“ [2]).

Такимъ образомъ сперва *частный* вызовъ южнорусскихъ иноковъ (между 1645—49 гг.), а потомъ *правительственный* [3]) въ 1649 г. повели къ раздору среди русскаго общества и окончательному сложенію образовательныхъ направленій XVII в. Съ этихъ поръ, т. е. съ половины XVII в., можно о каждомъ изъ образовательныхъ направленій говорить въ отдѣльности. То были: 1) *ультра-русское* направленіе, одинаково ненавидѣвшее и греческую, и латинскую грамоту; его задушевною мечтою было остаться при скудномъ запасѣ тѣхъ образовательныхъ средствъ,

[1]) Ib. № 57, ст. I, стр. 137—8.

[2]) Матер. для исторіи раскола, Т. I, стр. 66, 67, 150.

[3]) П. Соб. Зак. I. № 7.

какія выработала старая Русь; 2) *греческое*, стоявшее за исключительное изученіе греческаго языка и византійской науки и ненавидѣвшее „латинскую ересь“ и 3) *латинское*, стремившееся исключительно къ изученію латинскаго языка и западной науки, презиравшее греческій языкъ и византійскую науку.

Каково же было направленіе южно-русскихъ пришельцевъ? Они первоначально раздѣлились. Часть ихъ, повидимому очень небольшая, съ Епифаномъ Славинецкимъ во главѣ, стала во главѣ греческаго направленія. Большинство было на сторонѣ третьяго направленія. Появленіе этого третьяго направленія довольно вѣрно умѣли объяснять уже въ XVII вѣкѣ. Говоря о происхожденіи неправославныхъ мнѣній среди московскаго общества, патріархъ Іоакимъ такъ объяснялъ себѣ это явленіе: „юноши нѣціи царствующаго града Москвы восхотѣли отъити въ польское кралевство ради ученія латинскаго. Иже отшедши и учащеся въ латинскихъ училищахъ, и яко ученицы въ слѣдъ своихъ учителей ходяще въ костелы латинскія“ [1]) и т. п. Другой причиной появленія неправославныхъ мнѣній было присутствіе въ Москвѣ выходцевъ изъ Польши и юго-западной Россіи.

За какимъ же направленіемъ послѣдуетъ московское правительство XVII в. въ своемъ стремленіи завести школу? Очевидно, что ни за однимъ изъ нихъ исключительно, ибо для правительства XVII вѣка школа не была мѣстомъ для пропаганды того или другаго мнѣнія или направленія, а была только средствомъ для удовлетворенія насущныхъ государственныхъ потребностей. Правительство шло не за *направленіями умовъ общества*, а за *матеріальными его потребностями*. Вотъ почему отъ характера этихъ потребностей зависѣла и программа правительственныхъ школъ.

Актомъ 14 мая 1649 года было признано оффиціальное положеніе южно-русскихъ иноковъ въ Москвѣ; правительство оффиціально и всенародно объявило, что оно нуждается въ нихъ и ищетъ у нихъ духовной помощи. Этотъ актъ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. Онъ узаконилъ частный

---

[1]) Опис. рук. моск. син. биб. II, 3, № 291, стр. 431—432.

ртищевскій вызовъ со всѣми его многообразными послѣдствіями. Съ тѣхъ поръ стали въ Москвѣ безъ страха учиться латинскому языку, стали стремиться на юго-западъ для той же науки. Такова роль и значеніе южно-русскихъ ученыхъ монаховъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Закончимъ нашу статью общей схемой, по какой шло движеніе у насъ образованія въ XVII вѣкѣ. Заботы объ образованіи въ XVII в. возбуждаются главнымъ образомъ путемъ усиленнаго роста государственныхъ и церковныхъ потребностей или отчасти побужденіями извнѣ (съ православнаго Востока). Заботы эти выражаются въ стремленіи основать постоянную школу съ наиболѣе цѣлесообразно для удовлетворенія потребностей выработанной программой (вызовы ученыхъ и учителей) и въ посылкѣ молодыхъ русскихъ за границу въ началѣ и концѣ вѣка.

Потребности же, которыя не давали покоя московскому правительству, заставивъ его до извѣстной степени дѣятельно приняться за народное образованіе, были слѣдующія: 1) потребности церкви: a) въ ученыхъ справщикахъ для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и переводовъ съ греческаго, b) въ просвѣщенныхъ духовныхъ для борьбы съ протестантизмомъ и расколомъ. 2) Потребности государства: a) въ образованной бюрократіи, способной понимать задачи и цѣли государства, b) въ людяхъ для дипломатическихъ сношеній и переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ для посольской канцеляріи.

В. Н. Сторожевъ.

Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны.

2. Матери-преступницы [1]).

I.

Весною 1710 года, на проводной недѣлѣ, мѣщанинъ м. Выжвы [2]) Кирикъ Шумиликъ съ сыновьями пахалъ ниву на своемъ огородѣ, примыкавшемъ къ берегу болотистой рѣчки Выжвы. Не успѣлъ онъ пройти плугомъ и двухъ „упруговъ“, какъ съ другого конца нивы послышался тревожный окликъ его работника:

— Гляньте, паночте, що то нашъ Рябко носыть?

И работникъ указалъ по направленію къ болоту, откуда вышла перепачканная въ грязь большая собака, тащившая въ зубахъ какой то грязный свертокъ, изъ котораго торчала дѣтская ножка. Взобравшись на пригорокъ, собака остановилась въ нерѣшительности, поглядывая по сторонамъ и точно раздумывая, идти ли ей къ хозяевамъ, или повернуть назадъ въ болото.

— Цюцю, Рябко, на!—кричали на нее сыновья Шумилика, бросивъ плуги и направляясь къ берегу. За ними шелъ спотыкаясь по свѣже-вспаханной полосѣ и старикъ отецъ.

Собака радостно взвизгнула и бросилась на встрѣчу хозяевамъ, выронивъ свою добычу. То былъ полусгнившій трупъ

---

[1]) Составлено на основаніи актовыхъ матеріаловъ, большая часть коихъ издана въ 1 т. V ч. „Архива Юго-зап. Россіи“.

[2]) М. Выжва въ ковельскомъ у. волынск. губ., верстахъ въ 30 отъ Ковля.

крохотнаго, повидимому новорожденнаго ребенка, завернутый въ грязную тряпку. Видно, не малое время онъ пробылъ въ водѣ, такъ какъ кожа во многихъ мѣстахъ успѣла облѣзть и приняла грязно-зеленый цвѣтъ. Крохотное личико было до того вздуто, что на мѣстѣ глазъ едва примѣтны были какія-то складки. Отъ трупа несло ужаснымъ смрадомъ.

— Яка жъ оце собача душа провыныла? въ раздумьи проговорилъ старый Кирикъ, слывшій за человѣка строгаго и „вельмы побожного".

Черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ происшествія была уже вся семья Шумилика, прибѣжали и сосѣдки, работавшія въ своихъ огородахъ. Пошли толки и предположенія: чей бы это былъ ребенокъ?

— А вже жъ не чый, якъ не Опраскы Вовчыхы! безаппеляціонно рѣшила Приська, невѣстка Шумилика.—Не дурно жъ вона вси святкы на печи пролежала, що й паскы святои не пекла!

Опраска Вовчиха была сосѣдкой Шумиликовъ и жила съ дочкой-подросткомъ въ покривившейся на бокъ лачужкѣ, настолько ветхой, что сосѣдскія дѣти давно прозвали ее „хаткой на курячихъ лапкахъ". Когда то Вовчиха жила въ относительномъ довольствѣ и „повагѣ": имѣла большую „леваду" и собственное поле, держала двѣ пары воловъ, пять коровъ, носила турецкія „плахты" и красные „саньянци". Мужъ занимался земледѣліемъ, а зимою чинилъ кожи, она же вела мелочный торгъ въ собственной „крамницѣ" на рынкѣ и ѣздила по окрестнымъ ярмаркамъ и базарамъ. Но со смертью мужа все ея благосостояніе пошло прахомъ: поле и левада были проданы, волы и коровы чужіе люди разобрали за долги, а молодая вдова съ горя стала попивать. Въ послѣдніе годы она дошла до такой крайности, что становилась съ нищими на церковной паперти и ходила по обѣдамъ поминальнымъ, а росшая безъ призора дочь ея Христя, буквально пропадавшая съ голоду и холоду, обкрадывала чужіе огороды, за что невѣстка Шумиликовъ Приська частенько бранилась съ Вовчихой и грозила оборвать всѣ „паціоркы" на головѣ ея вороватой дочки. Вотъ почему Приська такъ охотно

готова была бы обвинить несчастную вдову во всевозможныхъ преступленіяхъ.

— Чы то жъ можна, жебъ бидна удова, уже въ подойшлыхъ литахъ, допустылась такого гриха непрощенного!—вступилась было старая Шумилиха, водившая когда то дружбу съ Вовчихой и дѣлившая съ нею хлѣбъ-соль; но Приська и другія молодыя женщины, ея сосѣдки, не дали говорить старухѣ и, перебивая одна другую, начали припоминать цѣлый рядъ ходившихъ въ околоткѣ неодобрительныхъ слуховъ о поведеніи Вовчихи, якобы подтверждающихъ высказанное Присько̀ю подозрѣніе.

Однако, нечего было долго калякать—слѣдовало тотчасъ донести уряду о случившемся.

М. Выжва принадлежала къ числу коронныхъ имѣній, приписанныхъ къ ковельскому старосту, и хотя имѣла собственную „магдебургію“ изъ выборныхъ бурмистровъ и лавниковъ, но высшая административная власть въ мѣстечкѣ принадлежала п. подстаростѣ, каковую должность справлялъ въ то время шляхтичъ Янъ Пулковскій, жившій въ выжовскомъ замкѣ. Къ нему то и отправился съ донесеніемъ старый Кирикъ, приказавъ работнику отнести туда же и трупъ ребенка.

По распоряженію подстаросты, въ тотъ же день были созваны въ ратушу бурмистры и лавники, чтобы въ личномъ его присутствіи приступить къ производству слѣдствія по горячимъ слѣдамъ. Общимъ совѣтомъ было постановлено: пригласить старыхъ, заслуживающихъ довѣрія женщинъ, которыя и сами имѣли дѣтей, и другимъ женщинамъ помогали при родахъ, и поручить имъ производство дознанія. Имъ вмѣнялось въ обязанность подвергнуть „ревизіи“ всѣхъ дѣвушекъ, вдовъ и тѣхъ замужнихъ женщинъ, которымъ со дня брака минуло не болѣе полугода, и о результатахъ экспертизы донести магистрату. „Ревизія“ должна была произойти на другой день, утромъ, для чего оповѣщено было, чтобы ни одна молодая женщина или дѣвушка до полудня не смѣли отлучаться изъ мѣстечка.

Въ тотъ вечеръ сады и левады Выжвы не оглашались обычнымъ пѣніемъ и на улицахъ не слышно было звонкихъ дѣвичьихъ голосовъ и молодого веселаго смѣха. Плохо спалось въ ту

ночь выжевскимъ обывательницамъ и у многихъ тоскливо сжималось сердце въ ожиданіи рокового утра.

Въ полдень магистратъ засѣдалъ въ ратушѣ въ ожиданіи результатовъ „ревизіи“; собралась и „громада“ узнать, чѣмъ окончится это небывалое дѣло. Вотъ, наконецъ, появились бабы-эксперты: Катря Павлыха, Малашка Прокопыха и Орына Виндючыха. Чинно вошли онѣ въ ратушу, поклонились урядникамъ и, призывая въ свидѣтельство имя Божіе, доложили собранію, что добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ порученіе: „обревизовали“ всѣхъ безъ изъятія дѣвушекъ, вдовъ и молодыхъ женщинъ въ мѣстечкѣ, не „фолкгуючи“ (мирволя) даже роднымъ дочерямъ своимъ,—и ни у кого не нашли „знаковъ“ подозрѣваемаго „учынку“, за исключеніемъ лишь Опраски Вовчихи: ея груди оказались полными молока, какъ у недавно родившей, и молоко это такого точно качества, какое требуется для кормленія новорожденнаго дитяти.

— А що, не моя правда!—злорадствовала Приська, толпившаяся въ числѣ другихъ женщинъ подъ окнами ратуши и больше всѣхъ злобствовавшая на то, что изъ-за одной „поганки“ подвергли „сраму“ почти все женское населеніе мѣстечка.

По распоряженію магистрата, Опраска Вовчиха тотчасъ же была арестована и посажена въ заключеніе. Вмѣстѣ съ нею приведена была въ магистратъ ея четырнадцатилѣтняя дочь Христя, которую почему-то сочли нужнымъ первую подвергнуть допросу.

— Повидай намъ, дивчыно, може ты примитыла: зъ кимъ матка твоя злый учынокъ мивала? колы тое дытя породыла и якимъ способомъ его стратыла?

Бойкая Христя „безъ всякой боязни“ (какъ замѣчено въ актѣ допросномъ) отвѣтила на первый вопросъ незнаніемъ, а на два другіе показала слѣдующее: великимъ постомъ, когда онѣ съ матерью проживали въ домѣ мѣщ. Ивана Смоляра, мать ея, уходя однажды изъ дому, сказала, что пойдетъ къ людямъ на работу. Соскучившись быть одной въ избѣ, дѣвочка вздумала навѣдаться зачѣмъ то „въ мисто“ (на рынокъ), гдѣ была у нихъ своя „коморка“ для мелочнаго торга. Отво-

рила она коморку—и замерла отъ страха: на полу лежала ея мать и какъ будто помирала. Христя начала было громко плакать, но мать приказала ей замолчать. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея присутствіи родилось дитя. Христя взяла его на руки, но оно было неживое. Потомъ это дитя около двухъ недѣль лежало въ „коморкѣ“ и куда затѣмъ исчезло оттуда—ей не извѣстно.

Отпустивъ дѣвочку, бурмистры приказали привести ея мать Опраску Вовчиху. Трудно было по первому взгляду опредѣлить возрастъ этой женщины; по виду она казалась довольно пожилой, почти старухой, хотя на самомъ дѣлѣ ей было не болѣе 35-ти лѣтъ. Горе, лишенія и безпорядочная жизнь преждевременно состарили эту когда то красивую женщину, положивъ печать изможденія на ея поблекшемъ лицѣ, худыхъ, опущенныхъ плечахъ и полусгорбленномъ станѣ; и только въ маленькихъ карихъ глазахъ ея, теперь пугливо озиравшихъ грозное собраніе, таился скрытый огонекъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что молодые порывы не совсѣмъ еще умерли въ этомъ дрябломъ тѣлѣ.

Ее подвергли допросу: съ кѣмъ имѣла „грѣхъ“, и нѣтъ ли среди обывателей мѣстечка виновника или участника ея „злого учынку?“

Съ воплями и причитаніями она упала на колѣни и, простирая руки къ судьямъ, клятвенно утверждала, что никто изъ жителей мѣстечка не причастенъ ея „грѣху“, а было де дѣло такъ: прошлымъ лѣтомъ, во время перехода литовскихъ войскъ, когда они постоемъ стояли въ Выжвѣ и „выбирали контрибуцію“ со всего староства ковельскаго, какой то жолнеръ, заставъ ее нечаянно одну въ „коморѣ“, насильно „учинокъ зъ нею пополнилъ“, отъ чего она „понесла“ и на третьей недѣлѣ поста родила мертваго ребенка. Избѣгая огласки и „недоброй славы“, она хотѣла скрыть все, съ нею приключившееся, и въ теченіе двухъ недѣль держала трупъ дитяти въ „коморѣ“, а за тѣмъ, когда рѣка вскрылась, бросила его въ воду.

Стоило лишь взглянуть на лица судей, чтобъ понять, какъ мало вѣры давали они той части показанія обвиняемой, въ которой она старалась представить изъ себя несчастную жертву

насилія. Положимъ, случаи изнасилованія женщинъ проходившими жолнерами искони составляли въ польскихъ областяхъ весьма обычное явленіе, но не было случаевъ, когда бы потерпѣвшія молчали о постигшемъ ихъ насиліи; напротивъ, онѣ оповѣщали о томъ родныхъ и сосѣдей, жаловались пану или своему уряду, требовали возныхъ для удостовѣренія факта насилія, иногда заводили процессъ и хотя никогда не добивались удовлетворенія, но по крайней мѣрѣ смывали тѣмъ позорное пятно, очищали себя въ глазахъ „громады“ и сохраняли свое доброе имя. Кто поступалъ иначе, тотъ терялъ право вчинать искъ о насиліи, или точнѣе, такой запоздалой жалобѣ не придавали никакой вѣры.

Порядокъ тогдашняго уголовнаго слѣдствія требовалъ, въ случаяхъ запирательства подсудимаго или же когда онъ давалъ видимо измышленныя показанія, „отдавать его на муку“, т. е. подвергать пыткѣ; особенною жестокостью въ этомъ отношеніи отличалось магдебургское право, которымъ руководились магистратскіе суды. Но въ данномъ случаѣ о пыткѣ почему то не было даже упоминанія. Записавъ показаніе обвиняемой, ее отвели въ тюрьму, а разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла, въ виду особой его важности, отложили до ближайшаго засѣданія, на которое имѣла быть приглашена „громадская рада“.

Насталъ день суда. Въ среду, 10 мая, въ выжевской ратушѣ, подъ предсѣдательствомъ старшаго бурмистра Григорія Борецкаго, было открыто судебное засѣданіе. На самомъ видномъ мѣстѣ, на особой скамьѣ, покрытой „килимомъ“, усѣлись паны бурмистры или радцы, составлявшіе высшую магистратскую коллегію, вѣдавшую дѣла административныя, полицейскія и отчасти судебныя (по гражданскимъ искамъ); рядомъ съ ними, на другой скамьѣ, помѣстились паны лавники присяжные, представлявшіе другую коллегію въ магистратѣ, спеціально судебно-уголовную. На этотъ разъ, въ виду особой важности „справы криминальной“, обѣ коллегіи составили соединенное присутствіе, на которое были приглашены „паны бурмистры старой рады“, т. е. лица, когда либо служившія въ этой должности по преж-

нимъ выборамъ, и наконецъ—все „поспольство“ м. Выжвы. Такое собраніе называлось „радой громадской“; оно созываемо было лишь въ особенно важныхъ случаяхъ, превышавшихъ компетенцію магистрата, или же когда послѣдній считалъ нужнымъ, чтобы по извѣстному дѣлу было высказано мнѣніе всего населенія. На особой лавкѣ, въ качествѣ вещественной улики, стоялъ простой сосновый гробикъ съ трупомъ ребенка. Ввели подсудимую. Предсѣдатель доложилъ собранію сущность дѣла, а писарь прочелъ весь слѣдственный протоколъ. Обвиняемую снова подвергли допросу:

— Твоя дытына? Съ кимъ добула и на що стратыла?

— Мои паноченьки и батечки и голубчыки! завопила подсудимая: мій грихъ—моя й покута; але жъ я не стратыла своего дытяты: воно ще до пороженья було въ мени нежыве.—И снова Вовчиха повторила прежнее показаніе, клятвенно утверждая, что ребенокъ родился мертвымъ. Какъ ни убѣждали ее назвать отца дитяти, подсудимая упорно стояла на прежнемъ показаніи, что подверглась насилію со стороны перехожаго литовскаго жолнера.

„Радѣ“ предстояло рѣшить два вопроса: виновна ли Опраска Волчиха а) въ прелюбодѣяніи и б) въ дѣтоубійствѣ?

Относительно перваго вопроса не о чемъ было и раздумывать: фактъ прелюбодѣянія ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣній. Болѣе спорнымъ представлялось обвиненіе въ дѣтоубійствѣ. Судебное слѣдствіе не дало никакихъ данныхъ ни за, ни противъ обвиненія. Медицинская экспертиза, въ лицѣ благонадежныхъ и „умѣетныхъ бабъ“, была безсильна, конечно, отвѣтить на вопросъ: живымъ или мертвымъ родился ребенокъ? А въ этомъ вопросѣ таилась вся разгадка дѣла. Магдебургское право вмѣняло женщинѣ въ вину, если она скрывала свою беременность и никого не приглашала для помощи при родахъ, и уже одинъ этотъ фактъ признавало достаточнымъ основаніемъ для обвиненія въ дѣтоубійствѣ; но здравый народный смыслъ не могъ, вслѣдъ за средневѣковыми юристами, въ такой степени отрѣшиться отъ условій дѣйствительности и стать на точку зрѣнія отвлеченныхъ юридическихъ умозаключеній, чтобы одной изъ второстепенныхъ кос-

венныхъ уликъ придавать столь рѣшающее значеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ вопросъ шелъ о жизни или смерти обвиняемой.

Наступили безпорядочные толки, столь обычные при обсужденіи сколько нибудь сложнаго вопроса толпой людей, не привычныхъ къ правильнымъ дебатамъ. Вся ратуша жужжала, какъ потревоженный улей. Когда гулъ сталъ понемногу затихать, предсѣдатель поднялся съ мѣста и обратился къ собранію:

— А що, панове рада, якъ будемо судыты: чы по „праву“, чы по стародавнему звычаю?

Судить „по праву“—это значило судить на основаніи дѣйствовавшаго кодекса, каковымъ для магистратскихъ судовъ признавалось нѣмецкое, или такъ называемое магдебургское право—и то не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ передѣлкахъ польско-литовскихъ юристовъ XV—XVI ст. Но такъ какъ предписанія этого иноземнаго права не всегда совпадали съ обычными правовыми воззрѣніями южнорусскаго народа и часто шли въ разрѣзъ съ его исконными понятіями о правѣ и справедливости, то на практикѣ сплошь и рядомъ бывали случаи, когда магдебургское право терпѣло видоизмѣненіе подъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній и обычаевъ, которые нерѣдко дѣйствовали наряду съ нимъ или даже совсѣмъ замѣняли его. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, магдебургское право, вообще очень строгое, уполномочивало судъ предать смерти подсудимую за одно лишь прелюбодѣяніе, а за дѣтоубійство назначалась не простая даже, а квалифицированная, нарочито жестокая смертная казнь. Но такая жестокость не была въ духѣ южнорускаго народа, вообще добродушнаго и жалостливаго къ преступникамъ. Поэтому, на вопросъ предсѣдателя, „рада“ единогласно отвѣтила:

— Судимо ій по хрыстіянскому звычаю, якъ наши батьки и диды судыли.

При этихъ словахъ магистратскій писарь, готовившійся было прочесть соотвѣтствующіе дѣлу „артыкулы“ изъ магдебургскаго права, закрылъ книгу и сѣлъ на свое мѣсто.

Предсѣдатель приступилъ къ сбору голосовъ въ обратномъ (согласно обычаю) іерархическомъ порядкѣ засѣдавшихъ коллегій:

— А яке буде ваше „вотумъ“, панове лавныкы прысяглые? обратился онъ сперва къ низшей магистратской коллегіи.

Лавники предложили такое рѣшеніе: выставить подсудимую посреди мѣстечка у позорнаго столба, продержать ее тамъ до ближайшаго воскресенія, а въ этотъ день публично высѣчь розгами.

— А ваше „вотумъ“, панове бурмистры? спросилъ предсѣдатель.

Бурмистры присоединились къ рѣшенію лавниковъ, прибавивъ лишь, что въ воскресеніе, прежде чѣмъ сѣчь подсудимую, слѣдуетъ обрѣзать на ней подолъ рубашки и затѣмъ съ позоромъ выгнать изъ мѣстечка.

Очередь была за всей „радой громадской“; ей оставалось утвердить магистратское рѣшеніе, или изречь новый декретъ. Въ толпѣ нельзя было столковаться такъ легко, какъ въ небольшой группѣ; скоро, однако, соглашеніе было достигнуто, и писарю велѣно записать въ книги такой декретъ: такъ какъ судъ не имѣетъ „слушного доводу“ относительно вопроса: живое или мертвое дитя родила обвиняемая Волчиха, до настоящаго же случая за ней не было примѣчено ничего такого, что подтверждало бы обвиненіе ея въ дѣтоубійствѣ, то посему не подвергать ее смерти, какъ о томъ „учитъ право“; признавая же, однако, Волчиху виновною въ прелюбодѣйномъ прижитіи ребенка и намѣреніи скрыть слѣды этого проступка, а также „запобѣгая тому, абы на дальшій часъ такои сваволи не було и турбація мѣсту (городу) зъ коштомъ не приходила“,—выставить обвиненную у позорнаго столба, уводя на ночь въ тюрьму, а въ воскресеніе у того же столба, связавъ, высѣчь при всемъ народѣ и затѣмъ, обрѣзавъ подолъ „кошули“, выгнать прочь изъ города.

Приговоръ этотъ въ тотъ же день былъ утвержденъ подстаростой и приведенъ въ исполненіе.

Несчастная женщина въ теченіе трехъ дней стояла привязанной у столба на базарной площади, при чемъ проходившіе издѣвались надъ ней, уличные мальчишки швыряли въ нее грязью; а въ воскресеніе послѣ обѣдни, въ присутствіи всего почти населенія мѣстечка и ближайшихъ селъ, ее высѣкли розгами, обор-

вали на ней нижнюю часть рубахи и въ такомъ видѣ метлами выгнали изъ мѣстечка, приказавъ ей подъ угрозою смерти никогда не возвращаться сюда, а роднымъ—принимать и укрывать ее.

Такъ строга была народная немезида къ падшимъ женщинамъ, если онѣ ктому же пытались скрыть слѣды своего паденія; но эта строгость—ничто въ сравненіи съ суровостью тогдашняго закона, установленнаго для подобныхъ случаевъ. Народное правосудіе устрашало позоромъ, тогда какъ дѣйствовавшее право жаждало мукъ и крови. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ расплачивались другія, подобныя Опраскѣ Вовчихѣ грѣшницы, когда ихъ судили „по праву“, а не „по стародавнему звычаю“.

II.

Въ апрѣлѣ 1704 г. какая то пани Ярмоховская прислала въ ковельскій магистратъ свою крестьянку Палажку, обвиняя въ томъ, что послѣдняя, будучи замужней женщиной, „впала въ грѣхъ чужеложства“ съ дворовымъ пастухомъ Иваномъ и удушила рожденное отъ этой связи дитя. Лавники свидѣтельствовали принесенный въ кошолкѣ самой обвиняемой трупъ ребенка и нашли на немъ явные слѣды удушенія. Палажка откровенно созналась, что сама удушила дитя: „налегла на него зъ умыслу“ (т. е. намѣренно). Въ виду такого безсердечія глупой матери, магистратъ рѣшилъ примѣнить къ ней, хотя и не въ полной мѣрѣ, строгость дѣйствовавшаго закона, цитаты изъ котораго, прочтенныя на судѣ, гласили слѣдующее: 1) „Уличенный въ чужеложствѣ долженъ быть усѣченъ мечемъ“. 2) „Женщина, истребившая плодъ, рожденный ею живымъ и настолько развитымъ, что можно уже различить на немъ всѣ члены, должна быть, согласно обычаю (нѣмецкому), живою въ землю зарыта и пробита коломъ. Однако, въ предупрежденіе того, чтобы иная, устрашенная строгостью такой кары, не впала въ десперацію, казнь эта можетъ быть замѣнена утопленіемъ въ водѣ. Но въ случаяхъ, когда бы въ какой либо странѣ или городѣ часто приключались подобныя звѣрскія преступленія,—для вящшаго устрашенія и въ примѣръ другимъ злымъ женщинамъ, виновныя

должны быть караемы согласно вышеуказанному обычаю. Если же онѣ будутъ присуждаемы къ утопленію, то предварительно слѣдуетъ рвать ихъ тѣло раскаленными щипцами, какъ это рекомендуется опытными юристами“ [1]).

Ковельскій магистратъ, однако, въ этотъ разъ не послѣдовалъ безчеловѣчнымъ рецептамъ „опытныхъ“ нѣмецкихъ правовѣдовъ и постановилъ декретъ: казнить преступницу мечемъ, а трупъ ребенка, какъ не крещеннаго, похоронить за городомъ, подъ „фигурой“ (крестомъ). Но когда Палажку вели на казнь, явились „велебные отцы“: ксендзъ изъ фарнаго ковельскаго костела и уніатскіе священники: соборной церкви о. Василій и благовѣщенской о. Лука, а съ ними и другія „поважныя особы“ съ ходатайствомъ освободить обвиненную отъ смерти, наказавъ ее инымъ, болѣе мягкимъ способомъ. Магистратъ охотно уважилъ это ходатайство и, отмѣнивъ декретъ, постановленный имъ „по праву“, выдалъ другой „по стародавнему звычаю“: подвергнуть преступницу сѣченію метлами у позорнаго столба, давъ ей полтораста ударовъ, и затѣмъ выгнать изъ города.

Спустя шесть лѣтъ послѣ этого случая, въ м. Выжвѣ судилась за дѣтоубійство Опраска Волчиха, а еще черезъ три года ковельскому магистрату снова пришлось судить подобное дѣло.

Случай произошелъ въ с. Клевецкѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Ковля. Строгія клевецкія матроны, изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ, по пословицѣ, и „шило въ мѣшкѣ не утаится“, подмѣтили какъ то, что вдова Варвара Дмитрыха Дычикова, мать почти взрослыхъ дѣтей и, какъ ходилъ слухъ, любовница мѣстнаго войта, съ нѣкотораго времени начала пріобрѣтать подозрительную полноту. Тотчасъ заговорило о томъ все село. Отважная Дмитрыха вздумала заткнуть глотку досужимъ кумушкамъ: бранилась съ ними на базарѣ, похвалялась публично отшлепать ихъ „черевыкомъ“ по щекамъ и даже грозила привлечь къ суду всѣхъ

---

[1]) Первая цитата взята изъ такъ называвшагося „Саксона“ или „Саксонскаго зеркала“ (Speculum Saxonum), входившаго въ составъ общаго кодекса, именуемаго магдебургскимъ правомъ, а вторая—изъ „магдеб. права“ въ собственномъ смыслѣ.

сплетницъ, которыя смѣютъ распускать про нее дурные слухи. Устрашенныя кумушки притихли, но въ свою очередь рѣшились не спускать очей съ старой грѣшницы. Такъ минуло два-три мѣсяца. Дмитрыха, жившая въ самомъ концѣ села, все рѣже и рѣже стала показываться на улицахъ. Затѣмъ прошелъ слухъ, что она слегла. Сосѣдкамъ, которыя навѣщали ее, она жаловалась, что „подорвалась“ на тяжелой работѣ и оттого заболѣла. Но черезъ два-три дня больная настолько оправилась, что въ ближайшее воскресеніе появилась въ церкви, была на базарѣ, и всѣмъ бросилось въ глаза, что она рѣзко измѣнилась въ лицѣ, а прежней полноты не было слѣда. Заволновались клевецкія матроны: теперь вѣдь и вправду Дмитрыха можетъ привлечь ихъ за клевету! По ихъ наущенію заволновалась вся „громада“ клевецкая, смѣнила войта и обо всемъ донесла старостѣ съ просьбой нарядить слѣдствіе. Изъ Ковля послѣдовалъ приказъ: подвергнуть Дмитрыху осмотру опытныхъ женщинъ, а въ ея домѣ, дворѣ и огородѣ сдѣлать обыскъ, не отыщется ли тамъ живое или мертвое дитя. Дитяти не нашли, но бабки-эксперты единогласно признали Варвару Дмитрыху недавно родившей. Тотчасъ ее посадили въ „колоду“, пригрозили пыткой на „драбынѣ“ и заставили повиниться. И вотъ въ декабрѣ 1713 г. новый клевецкій войтъ съ пятью „мужами громадскими“ привелъ въ ковельскій магистратъ связанную Варвару Дмитрыху и съ нею низложеннаго войта Андруся Морзюка, на котораго она показала, какъ на отца погибшаго дитяти.

На допросѣ Морзюкъ, послѣ долгаго запирательства, сдѣлалъ такое признаніе: ѣздилъ онъ какъ то по дѣламъ своей должности въ м. Миляновичи и на возвратномъ пути заѣхалъ въ домъ къ Варварѣ спросить объ ея постояльцѣ-жолнерѣ. Варвара была одна, приняла войта съ почетомъ, угостила водкой и сама выпила, а когда позднимъ вечеромъ гость хотѣлъ уѣзжать, она, будучи „въ подпиломъ“ состояніи, шепнула, удерживая его: „добре бы тутъ удвохъ спаты!“ Гость, тоже достаточно „подпилый“, не имѣлъ силы противиться искушенію и остался ночевать... А больше никогда не имѣлъ съ нею „грѣха“ и „рады до страченья дитяти“ ей не давалъ.

Дмитрыха, напротивъ, утверждала, что войтъ, какъ лице начальственное, приневолилъ ее къ грѣху, что она просилась у него: „бойся Бога! ты маешъ жену, а я сыновъ дорослыхъ“, на что онъ отвѣтилъ: „не вважай на тое!“ Когда же она почувствовала себя беременной, то страшась и собственнаго безславія, и еще болѣе позора и „зневаги“ для своихъ дѣтей и всего рода, рѣшилась лучше погубить свое здоровье и даже жизнь, только бы освободиться отъ плода, и съ этою цѣлью подымала разныя тяжести: камни, колоды, до тѣхъ поръ, пока родила недоношенное дитя. Она слышала его плачъ, но „черезъ великій встыдъ“ не дала ему никакого „ратунку“ и, оставивъ его въ „коморѣ“, ушла въ избу, никому не сказавъ о случившемся. Черезъ короткое время, вернувшись съ огнемъ, она нашла дитя уже мертвымъ, прикрыла его коробкой и на третьи сутки отнесла на „розстанье“ (гдѣ расходятся дороги) и зарыла въ глинищѣ.

По выслушаніи дѣла, магистратъ, ссылаясь на извѣстные уже намъ „артикулы“ магдебургскаго права, хотя дѣйствуя не во всемъ согласно ихъ предписаніямъ, постановилъ декретъ: обвиняемаго Андруся за то, что онъ, имѣя „шлюбную“ жену, дерзнулъ впасть въ чужеложство съ Варварой Дмитрыхой, подвергнуть публичному наказанію плетьми у позорнаго столба въ Ковлѣ и вторично—среди с. Клевецка, по полутораста ударовъ, послѣ чего онъ обязанъ будетъ испросить прощеніе предъ своей громадой. А что касается Варвары Дмитрыхи, то въ возмездіе за то, что смѣла разныя тяжести носить съ цѣлью повредить собственному здоровью и погубить ребенка, котораго самымъ дѣломъ погубила и зарыла скрытно,—сама она должна быть заживо зарыта въ землю и пробита коломъ.

Въ ближайшую пятницу приступили къ исполненію этого декрета. Весь городъ сошелся поглядѣть на небывалое зрѣлище; цехи явились со своими значками. Когда вели осужденную къ мѣсту казни, во всѣхъ церквахъ звонили, какъ во время похоронъ. Ее сопровождалъ священникъ въ черныхъ ризахъ и всю дорогу громко читалъ молитвы. Далеко за городомъ, среди пустыря, вырыта была могила; здѣсь должна произойти казнь.

Писарь прочелъ декретъ, священникъ окончилъ послѣднее напутствіе—и преступница была предана въ руки палача. Съ связанными руками и ногами ее опустили въ могилу; туда же спустились два „гицеля“, т. е. помощники палача, чтобы придержать жертву въ моментъ исполненія послѣдняго акта правосудія. Когда все было готово, палачъ, стоя на краю могилы, высоко поднялъ дубовый, заостренный колъ и съ размаху опустилъ его внизъ. Раздался страшный, нечеловѣческій вопль... Тысячная толпа всколыхнулась. Вопль повторился... „Швыдче, швыдче!“ командовали бурмистры, понукая „гицелей“, съ юркостью ящерицъ выползшихъ изъ могилы и взявшихся за лопаты. Пока засыпали могилу, палачъ всею тяжестью своей грузной особы налегъ на колъ, который конвульсивно пошатывался. Черезъ нѣсколько минутъ края могилы сравнялись съ землей.

„Со духи праведныхъ скончавшихся“... раздалось пѣніе дьячковъ. Началась панихида. Потрясенная толпа опустилась на колѣни и рада была въ молитвѣ найти исходъ жгучему ощущенію смертной тоски и тревоги. У всѣхъ были блѣдныя и точно виноватыя лица. Женщины рыдали и громко причитывали. За ними почти не было слышно причетниковъ, которые какъ то неестественно торопились и пѣли не своими голосами, точно у нихъ были перетянуты глотки. Среди неулегшагося общаго потрясенія, страннымъ диссонансомъ звучали умилительныя надгробныя пѣсни, наскоро отхватываемыя надъ незаровненной могилой, изъ которой, казалось, все еще неслись леденящіе кровь предсмертные вопли „новопреставленной“.

III.

Когда все это происходило, въ числѣ зрителей, сбѣжавшихся на кровавое зрѣлище, находилась и ковельская мѣщанка Марина Васьчиха, и конечно, ей и въ голову не могло прійти, что пять лѣтъ спустя ее постигнетъ трагическая участь несчастной Дмитрихи, которую она теперь безсознательно оплакивала. Это предсказаніе показалось бы тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что

Васьчиха вовсе не была женщиной легкаго поведенія и незадолго предъ тѣмъ вышла замужъ.

Жили они съ мужемъ очень бѣдно и даже не имѣли собственной хаты. Мужъ служилъ по чужимъ дворамъ въ работникахъ, а она проживала въ домѣ своего брата, ковельскаго мѣщанина Ивана Демидюка. Невѣстка съ ворчаніемъ и ропотомъ сносила присутствіе въ домѣ безполезной нахлѣбницы: слабосильная и вѣчно хворая Марина не была способна ни къ какой работѣ и почти не слѣзала съ печи, пока не угодила отсюда прямо въ тюрьму...

Въ одно ноябрское утро 1718 г. шляхтичъ Колпацкій случайно нашелъ близъ Демидюковой усадьбы трупъ новорожденнаго ребенка, завернутый въ тряпку и едва зарытый въ песокъ. Онъ далъ знать о томъ въ магистратъ, откуда въ тотъ же день были наряжены лавники для производства дознанія. Освидѣтельствовавъ трупъ дитяти, они не замѣтили на немъ никакихъ другихъ знаковъ насилія, кромѣ лишь того, что головка была сворочена на бокъ. Въ числѣ публики, собравшейся на мѣсто происшествія, оказался жолнеръ, квартировавшій въ домѣ Демидюка. Онъ разсказалъ, что прошлой ночью слышалъ въ избѣ какой то подозрительный пискъ, который принялъ онъ за пискъ щенка. Лавники отправились въ избу къ Демидюку и застали тамъ лежавшую на печи больную Марину, которая безъ отговорокъ созналась, что ребенокъ ея, родился живымъ, но тотчасъ умеръ, почему она и зарыла его въ саду. Ее немедленно увели въ тюрьму и подвергли допросу. По ея словамъ, ребенка прижила она съ мужемъ, но никому не говорила о томъ и даже отъ родныхъ скрывала свою беременность. Какъ это случилось, что она зарыла ребенка—она сама плохо помнитъ, потому что находилась въ то время въ состояніи безпамятства и лишь потомъ сообразила, что поступила дурно. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей Иванъ Демидюкъ и его жена показали, что не замѣтили беременности Марины, такъ какъ она постоянно лежала въ „запечку“, сказываясь больной, что во время родовъ не были дома, и только передъ тѣмъ, какъ лавники забирали Марину въ тюрьму, она призналась невѣсткѣ: „если бъ я вамъ

все разсказала, какъ вы шли въ церковь, то застали бъ еще дитя живымъ".

Вторично спрошенная, Марина прибавила: „во время родовъ никого не было въ домѣ, кромѣ одного жолнера, который хотя слышалъ дѣтскій пискъ, но мнѣ не сказалъ ничего. Тогда я не помню, что со мной сдѣлалось: будто сила какая то вытолкнула меня изъ хаты за ворота, и я отнесла ребенка въ садъ, выгребла руками ямку, положила его туда, прикрыла тряпкой и присыпала пескомъ. Сколько еще ни допрашивали подсудимую, она твердила одно: какъ только услышала, что въ избѣ что то запищало, будто курченокъ, въ ту же минуту какая то сила толкнула ее за порогъ... и проч.

Въ показаніяхъ обвиняемой и въ ея поведеніи во время беременности и послѣ родовъ, проглядываетъ какая то ненормальность, свидѣтельствующая или о природномъ скудоуміи подсудимой, или же о болѣзненномъ психическомъ разстройствѣ, столь обычномъ у женщинъ въ ея положеніи. Если Марина прижила ребенка отъ законнаго мужа (а этотъ фактъ на судѣ не былъ подвергнутъ сомнѣнію), то зачѣмъ же она скрывала свою беременность даже отъ близкихъ родныхъ и съ какою цѣлью поспѣшила припрятать ребенка? Вообще, всѣ дѣйствія подсудимой, какъ они изложены въ судебномъ протоколѣ, представляются весьма странными, а ея показанія дѣтски-наивными. Къ несчастью, магистратъ видимо не обратилъ на это никакого вниманія и ни на минуту не усомнился въ томъ, что имѣетъ дѣло съ закоренѣлой преступницей, а не съ психически-больной или же слабоумной женщиной; поэтому онъ, не обинуясь, изрекъ декретъ: „въ виду сознанія подсудимой, что прижитое отъ мужа дитя она осмѣлилась живымъ зарыть въ землю, и сама она за свой звѣрскій проступокъ, согласно праву магдебургскому, имѣетъ быть заживо зарыта въ землю и пробита коломъ".

На третій день лавники донесли магистрату, что его рѣшеніе въ точности исполнено.

Такія жестокія расправы надъ дѣтоубійцами практиковались въ теченіе многихъ столѣтій на всемъ пространствѣ, гдѣ дѣйствовало магдебургское право. А надобно вспомнить, что районъ дѣйствія его не ограничивался политическими предѣлами польскаго государства, но искони распространялся и на восточную часть Малороссіи, такъ называемую „гетманщину", въ которой правомъ этимъ руководствовались не одни магистратскіе и ратушные суды, но отчасти сотенные и полковые уряды. Конечно, не всѣ преступныя матери подвергались именно той нарочитолютой казни, какая положена была по магдебургскому праву: въ Малороссіи обыкновенно казнили ихъ „мечемъ", а часто и вовсе освобождали отъ смерти, замѣняя ее позорнымъ наказаніемъ, какъ то практиковалось нерѣдко на Волыни и Украинѣ. Но все же, еслибъ можно было собрать точныя свѣдѣнія относительно всѣхъ несчастныхъ, подвергшихся погребенію заживо, то получилась бы, полагаемъ, очень внушительная цифра. И несмотря на то, случаи дѣтоубійствъ не прекращались, и даже можно утверждать, что они были болѣе часты, чѣмъ въ нынѣшнее время. Ясно, что кровавый законъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не достигалъ своей цѣли—устрашенія. Блудная жизнь въ городахъ не прекращалась, и страхъ жестокой кары за дѣтоубійство приводилъ лишь къ тому, что преступленія совершались осмотрительнѣе, съ большими предосторожностями; въ руки правосудія попадались лишь весьма неопытныя или наивныя преступницы, въ родѣ Марины Васьчихи, а болѣе умныя и предусмотрительныя искусно заметали слѣды и избѣгали наказанія. Были, слѣдовательно, въ тогдашней общественной жизни какія то скрытыя причины, пересиливавшія устрашающее дѣйствіе жестокихъ наказаній и заглушавшія въ преступницахъ материнскіе инстинкты.

Общими причинами, порождающими тѣ уродливыя и омерзительныя явленія, которыя въ уголовныхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ дѣтоубійствъ, нужно признать: низкій уровень развитія народныхъ массъ и извѣстныя ненормальности въ ихъ соціальномъ строѣ; но, повторяемъ, это—причины общія, существующія и въ наше время ничуть не въ меньшей степени,

чѣмъ сто лѣтъ назадъ. Необходимо, слѣдовательно, предположить въ тѣ времена существованіе иныхъ, болѣе частныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ преступныя матери забывали даже о жестокой расплатѣ, постигавшей ихъ въ случаѣ раскрытія преступленія. Намъ кажется, что такими причинами могли быть: во-первыхъ, слишкомъ неумѣренная строгость къ человѣческимъ слабостямъ, господствовавшая въ тогдашнемъ обществѣ, а еще болѣе—въ законодательствѣ. Даже Лит. Статутъ, столь вообще снисходительный къ шляхетскимъ проступкамъ, опредѣлялъ смертную казнь той дѣвушкѣ („панночкѣ“), которая была бы изобличена въ развратной жизни; тому же подвергалась и замужняя шляхтянка за нарушеніе супружеской вѣрности [1]). Магдебургское право, по которому судили мѣщанъ и крестьянъ, еще строже относилось къ блудникамъ и въ особенности къ блудницамъ, да и народная среда гораздо суровѣе смотрѣла на этотъ грѣхъ, чѣмъ сластолюбивое панство, и если не всегда карала блудницъ смертью, то навѣки клеймила ихъ позоромъ. Вникнемъ же теперь въ положеніе тогдашней женщины, случайно впавшей въ грѣхъ и почувствовавшей себя матерью: если она знала, что законъ и люди никогда не простятъ ей паденія, что въ случаѣ обнаруженія ея проступка ее ожидаетъ смертная казнь или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, выставка у позорнаго столба, урѣзаніе уха, позорное изгнаніе изъ города и исключеніе изъ общины—то что же могло удержать ее отъ искушенія скрыть свой позоръ хотя бы путемъ совершенія новаго, болѣе тяжкаго преступленія? Материнская любовь и жалость къ ребенку? Увы! ей хорошо было извѣстно, какая жалкая, страдальческая жизнь предстоитъ ея дитяти. Надо вспомнить, каково было въ то время положеніе незаконнорожденныхъ, или, какъ ихъ даже оффиціально именовали, „бенкертовъ“, „выблядковъ“. Это были въ полномъ смыслѣ паріи, существа презрѣнныя и безправныя въ общественномъ и гражданскомъ отношеніи. Не было болѣе тяжкаго оскорбленія, какъ названіе кого либо „бенкертомъ“, „не-

[1]) Лит. Статутъ 3-й редакціи, раздѣлъ 14, артыкулъ 30. Мужчина шляхтичъ присуждался къ смертной казни лишь за чужеложство и изнасилованіе; за простой же развратъ ему вовсе не грозило никакое наказаніе.

учтивои матки нечистого ложа сыномъ". Бенкертъ не могъ наслѣдовать ни послѣ отца, ни послѣ матери; онъ не имѣлъ права быть свидѣтелемъ на судѣ; не могъ вести никакого иска, ни подавать жалобы. Самое убійство „бенкерта" не считалось преступленіемъ и не преслѣдовалось уголовнымъ судомъ.—Въ виду такой ужасной перспективы, не долженъ ли былъ умолкнуть материнскій инстинктъ, заглушаемый къ тому же инстинктомъ самосохраненія!.

Итакъ, безправное положеніе незаконнорожденныхъ — вотъ другая, не менѣе важная причина въ ряду тѣхъ, которыя нѣкогда порождали частые случаи дѣтоубійствъ. Что это такъ—доказываетъ фактъ постепеннаго уменьшенія этихъ преступленій по мѣрѣ того, какъ въ общественную жизнь и сознаніе, а чрезъ то и въ законодательство, все болѣе проникаютъ высшія христіанскія начала гуманности, снисходительнаго отношенія къ личнымъ человѣческимъ слабостямъ и признанія всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ за тѣми несчастными, которые въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ несли тяжкую, незаслуженную кару за грѣхи родителей.

О. Левицкій.

О СТАТЬЯХЪ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО (1654 Г.).

Переговоры объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великой, веденные въ 1654 году въ Москвѣ между посланниками запорожскими и московскимъ правительствомъ, и результатъ этихъ переговоровъ—статьи съ указами государя и жалованныя грамоты имѣютъ большой интересъ для своего времени; они указываютъ во 1-хъ, какъ постепенно сближались между собою двѣ части Россіи, бывшія оторванными одна отъ другой въ теченіе 4-хъ вѣковъ,—какъ подозрительно жители Малороссіи, особенно высшіе классы, относились къ московскому правительству; какъ ревниво стояли они за свои прежнія права и привилегіи и какъ осторожно поэтому московское правительство должно было держать себя въ переговорахъ и сношеніяхъ съ Малой Россіей, чтобы укрѣпить возобновившуюся связь; во 2-хъ переговоры и статьи о правахъ, предложенныя запорожскими послами, хорошо объясняютъ намъ отношеніе различныхъ элементовъ населенія Малой Россіи другъ къ другу, именно стремленіе высшихъ классовъ—козачества, шляхетства и духовенства добиться себѣ правъ, привилегій и маетностей на счетъ низшихъ классовъ—мѣщанъ и поспольства. Наконецъ, въ 3-хъ, статьи имѣли и то значеніе, что онѣ, послѣ того какъ были утверждены, установляли извѣстныя отношенія между Малой Россіей и Великой; та и другая сторона постоянно ссылались на эти статьи при возникавшихъ недоразумѣніяхъ.

Въ виду такой важности статей Богдана Хмельницкаго, желательно, конечно, знать первоначальный *подлинный списокъ* ихъ. Но здѣсь то и является разногласіе: съ одной стороны—занимавшіеся этимъ вопросомъ въ литературѣ—*Г. Ѳ. Карповъ* въ статьѣ «Переговоры о соединеніи Малой Россіи съ Великой», помѣщенной въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1871 годъ № 11 и 12, и *г. Буцинскій* въ 8 й главѣ своей книги «О Богданѣ Хмельницкомъ» —на основаніи нѣко-

торыхъ малороссійскихъ лѣтописей (Грабянки, напр. и друг.) и на основаніи статейнаго списка Трубецкаго (1659 г.) полагаютъ, что подлинный списокъ статей Хмельницкаго долженъ состоять изъ 14 статей [1]), хотя подлиннаго то списка, по ихъ же сознанію, нѣтъ, а они возстановляютъ его по позднѣйшимъ спискамъ (напр. Брюховецкаго), съ другой стороны въ переговорахъ объ условіяхъ соединенія Малой Россіи съ Великой въ 1654 году, напечатанныхъ Г. Ѳ. Карповымъ въ 10-мъ томѣ Актовъ ю. и з. Россіи, гдѣ подробно и послѣдовательно излагается весь ходъ переговоровъ, ни слова не говорится объ упомянутомъ спискѣ въ 14 статей, а приводится нѣсколько другихъ списковъ въ 20, 23 и 11 пунктовъ.

Профессоръ *Антоновичъ* въ отзывѣ своемъ о диссертаціи Буцинскаго («Кіев. Ст.» 1883 г.) придаетъ большое значеніе 8-й главѣ диссертаціи, говоря, что она рѣшаетъ запутанный вопросъ о статьяхъ Богдана Хмельницкаго. При такомъ категорическомъ заявленіи о рѣшеніи вопроса относительно статей Богдана Хмельницкаго, не безъинтересна, конечно, будетъ попытка съ нашей стороны дать этому вопросу иное рѣшеніе и во всякомъ случаѣ указать положительную неправильность упомянутаго выше рѣшенія.

Основаніемъ у насъ будутъ служить Акты южной и западной Россіи, томы: 3, 4, 10 и 11 [2]). Поэтому мы по нимъ и изложимъ сперва вкратцѣ ходъ переговоровъ между запорожскими посланниками и московскими боярами въ мартѣ 1654 года.

8-го марта 1654 г. запорожскіе посланники послѣ обѣда у калужскаго воеводы выѣхали изъ Калуги въ Москву. 8-го же марта былъ въ Москвѣ указъ государя «на старомъ монетномъ дворѣ на хоромахъ кровли и около двора заборы и ворота и навѣсы починить и дворъ очистить тотчасъ, для того, что стоять на томъ дворѣ запорожскимъ посланникамъ».

Отъ *11-го марта* читаемъ указъ путивльцу Микитѣ Булгакову, чтобы онъ «завтра» 12-го марта шелъ къ Москвѣ съ запорожскими посланниками и чтобы въ Москву былъ часу въ 6-мъ или 7-мъ дня [3]).

Все это мы привели съ тѣмъ, чтобы показать неправильность, допущенную въ данномъ случаѣ въ книгѣ г. Буцинскаго, который от-

[1]) Перечень ихъ см. *Буцинскій*, гл. 8; *Карповъ* въ *Жур. Мин. Н. Пр.* 1871 г. № 12; и Акты юж. и зап. Россіи т. 4, стр. 262.

[2]) Послѣдними двумя томами г. Буцинскій даже не пользовался, какъ на это указываетъ проф. Антоновичъ и какъ это видно и изъ его сочиненія, хотя томы эти явились гораздо раньше выхода его диссертаціи.

[3]) Акты, т. 10, стр. 422—428.

носитъ пріѣздъ пословъ въ Москву къ 10-му марта; а 10-го же числа они будто бы подали уже и статьи *на письмѣ*; отъ этого, какъ увидимъ ниже, у него произошла путаница въ изложеніи всего хода переговоровъ. Между тѣмъ приведенный указъ государя отъ 11-го марта ясно показываетъ, что послы 10-го числа никакъ не могли пріѣхать; если даже г. Буцинскаго ввело въ заблужденіе неправильное число въ рукописи, то простое соображеніе все таки могло показать невозможность прибытія пословъ изъ Калуги въ Москву 10 марта: послы выѣхали изъ Калуги 8-го марта послѣ обѣда; отъ Калуги до Москвы по самой прямой дорогѣ почти 300 верстъ, слѣдовательно они должны были сдѣлать въ *два дня* 300 верстъ; но этого они при своемъ числѣ—76 человѣкъ, при поклажѣ, да еще на своихъ «шкапахъ», ѣхавшихъ изъ самой Малороссіи [1]), ни въ какомъ случаѣ сдѣлать не могли.

Возвратимся къ нашему изложенію.

13-го марта послы были на пріемѣ у государя въ столовой избѣ. Того же числа, по указу государя, послы были на казенномъ дворѣ у бояръ и думныхъ людей: у боярина и князя А. Н. Трубецкаго, у В. В. Бутурлина, у окольничаго П. И. Головина и у думнаго дьяка Алмаза Иванова и объявили имъ тѣ статьи, о которыхъ наказано имъ бить челомъ государю.

Статьи, объявленныя послами 13-го марта, раздѣлены на 20 пунктовъ, но это раздѣленіе сдѣлано, конечно, московскими приказными людьми во время записи, такъ какъ посланники, на этотъ разъ передавая статьи устно, не могли дѣлить ихъ на пункты. Отъ устной же передачи много зависитъ отсутствіе порядка въ статьяхъ и то, что нѣкоторыя важныя статьи выражены кратко (1-я и 4-я), а сравнительно незначительныя (какъ 10, 17-я) выдѣлены въ особые пункты.

Выслушавъ эти статьи, бояре говорили съ посланниками о предстоящей войнѣ, объ отношеніяхъ гетмана и войска къ крымскому хану, къ ногайскимъ татарамъ и другимъ сосѣдямъ и затѣмъ, отпуская пословъ, бояре велѣли имъ *прислать рѣчи ихъ на письмѣ*.

14-го марта послы прислали уже форменную челобитную отъ имени «гетмана, войска запорожскаго и всего христіанскаго россійскаго міра» объ утвержденіи ихъ правъ и привилегій, которыя излагаются въ той же челобитной ниже. Теперь посланники изложили свои требованія уже по пунктамъ, которые отличаются отъ статей 13-го марта

[1]) Изъ Малороссіи ѣхало 24 подводы да 42 подводы дано изъ Путивля.

большимъ порядкомъ и опредѣленностью, количествомъ (23 п.) и даже составомъ.

1-й пунктъ статей 13-го марта въ статьямъ 14-го марта распался на два пункта: 1-й и 6-й.

2-й и 7-й пункты статей 13 го марта, выраженные запутанно и неясно, въ статьяхъ 14-го марта выражены болѣе опредѣленно и составили 4-й и 16 й п.

4-й п. статей 13 го марта—о жалованьѣ войсковымъ чинамъ распался въ статьяхъ 14-го марта на 5 пунктовъ: 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 21-й.

Пункты 6-й, 10-й, 15-й, 17-й и 19-й опущены вовсе въ редакціи 14-го марта, или по своему очень частному характеру, или потому, что они могли подразумѣваться подъ другими пунктами.

3 й пунктъ о числѣ войска и жалованьѣ ему распался на 2 пункта: о числѣ говорится въ особомъ 2-мъ пунктѣ, о жалованьѣ же въ 21-мъ п., гдѣ говорится также о жалованьѣ и другимъ чинамъ.

Остальные пункты обѣихъ редакцій вполнѣ соотвѣтствуютъ между собою.

Но въ статьяхъ 14-го марта остается еще 2 новыхъ пункта—20-й и 22-й; они явились слѣдствіемъ переговоровъ 13-го марта пословъ съ боярами [1]).

Подъ этими статьями (14 марта) подписаны государевы указы. 11 статей подтверждены безъ всякихъ оговорокъ: «государь и бояре приговорили быть по ихъ челобитью», при чемъ въ статьяхъ о жалованьѣ прибавлено: «давать изъ тамошнихъ доходовъ». 4, 15 и 16-я также подтверждены, только форма указа нѣсколько иная.

Относительно статьи 14-й—о чужеземныхъ послахъ въ указѣ сдѣлано ограниченіе: «государь и бояре приговорили: *послов о добрыхъ дѣлахъ принимать и отпускать*; а о какихъ дѣлахъ приходили и съ чѣмъ отпустили, и о томъ писать къ государю. А которые послы присланы были съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ нихъ государю, а безъ государева указу ихъ не отпускати. *А съ турскимъ султаномъ и съ польскимъ королемъ безъ царскаго указа не ссылаться*».

Подъ 18, 19, 20 и 23 й статьями написано «допросить» пословъ; подъ 21-й «отговаривать»—относительно жалованья войску. Вмѣстѣ съ статьями посланники представили документы, подтверждавшіе тѣ

[1]) Акты т. 10. стр. 442—446.

права и привилегіи, которыхъ они просили; это—привилегіи польскихъ королей.

Хотя указы на статьи и жалованныя грамоты государя еще не были готовы, но 19 марта, въ вербное воскресенье, назначенъ былъ отпускъ запорожскимъ посланникамъ у государя [1]). Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ говорилъ посламъ рѣчь отъ имени государя, которую оканчивалъ объявленіемъ, что государь пожаловалъ велѣлъ подтвердить ихъ права и привилегіи своею жалованною грамотою. «А послѣ того», говорилось въ наказѣ, «подать имъ государева грамота», но этой грамоты въ то время имъ не было, вѣроятно, дано, потому что переговоры еще не окончились и обработка статей, равно какъ и жалованныхъ грамотъ, продолжалась еще нѣсколько дней. Въ тотъ же день (19 марта) посланники ходили за вербою за боярами и ѣли у патріарха за столомъ.

Послѣ же отпуска у государя послы были на казенномъ дворѣ у боярина А. Н. Трубецкаго, В. В. Бутурлина и думнаго дьяка Алмаза Иванова и *бояре объявили на ихъ статьи государевъ указъ*.

Посланники, выслушавъ государевъ указъ, на его государевой милости били челомъ *и по спросу, о чемъ довелось, объявили*: далѣе слѣдуютъ 12 пунктовъ—отвѣтовъ посланниковъ на вопросы бояръ. Эти вопросы и отвѣты большею частью касаются тѣхъ статей (изъ числа 23), на которыя не было положительныхъ указовъ государя за ихъ неясностью или за несогласіемъ московскаго правительства и гдѣ поэтому подписано «допросить» или «отговаривать».

Именно, требовали объясненій статьи: 10-я о судьяхъ; 20 я о томъ, въ какихъ мѣстахъ по рубежу стоять воеводамъ, и 23-я о Кодакѣ. На эти пункты послы отвѣчаютъ теперь болѣе опредѣленно: на 10 й—«судей войсковыхъ 2 человѣка»; на 20-й—«тѣ де люди (украинные) надобны въ то время, какъ ужъ война минется, а нынѣ въ Кіевѣ и на Украйнѣ государевы люди для обереганія есть»; на 23-й пунктъ отвѣтъ пословъ подъ № 11 и 10-мъ. Подъ статьей 12-й (по редакціи 14 марта)—о содержаніи арматы хотя и написанъ уже былъ указъ «давать изъ тамошнихъ доходовъ», но бояре теперь распросили подробнѣе, сколько давалось прежде на содержаніе, въ какихъ мѣстахъ она стояла; посланники говорили: «А быти въ арматѣ для прокормленія въ зимнее время по перемѣнамъ въ жилыхъ мѣстахъ, въ которыхъ бы было дворовъ по 300; а въ то бъ время съ тѣхъ мѣстъ,

[1]) Акты т. 10, стр. 471—475.

въ которыхъ армата учнетъ стоять, податей ни какихъ не имать» (пунктъ 2-й). Замѣтимъ, что посланники точно не опредѣляютъ, гдѣ стоять арматѣ.

Кромѣ того, бояре повторили указъ государя на статью 14-го: «Чтобъ гетману съ польскимъ и съ турскимъ ссылки не держать». Посланники отвѣчали: «о томъ и гетманъ писалъ къ ц. в., чтобъ польскимъ и литовскимъ лестнымъ ссылкамъ не вѣрить» (п. 3).

Въ первый разъ также бояре напомнили отъ себя о воеводахъ: «Чтобъ быть имъ въ Кіевѣ и въ Черниговѣ». Посланники отвѣтили: «въ томъ воля государева» (п. 4). П. 5. Бояре объявили, что отъ кіевскаго митрополита многія неслушныя дѣла чинятся. Посланники отвѣчали: «что они слышатъ, и то гетману скажутъ». Наконецъ, (п. 7) бояре заговорили относительно жалованья войску. Неизвѣстно, сами ли они заговорили объ этомъ, или, быть можетъ, ихъ вызвали на разговоръ послы, которые, какъ увидимъ, остались недовольны этимъ пунктомъ,—только теперь бояре уже не просто отказываютъ въ жалованьѣ, какъ въ указѣ на 21-й пунктъ, а говорятъ: «царское величество хочетъ послать отъ себя... дворянина добраго и велитъ тамошніе всякіе доходы описать и смѣтить, и что по переписи какихъ доходовъ объявится, и въ то время отъ государя и указъ имъ будетъ; а нынѣ посылаетъ имъ государь свое государево жалованье къ гетману золотые, а къ войску запорожскому на всѣхъ 60,000 чел. по чети золотого угорскаго». Къ этому вопросу относится челобитная посланниковъ къ государю о томъ, чтобы войску назначено было жалованье по 30 золотыхъ въ годъ каждому, что безъ этого имъ нельзя будетъ явиться къ войску. Неизвѣстно, раньше или позже переговоровъ 19 марта подана эта челобитная, но только она не имѣла полнаго успѣха,—указъ остался въ томъ видѣ, какъ изложили его бояре въ пунктѣ 5-мъ. Какіе же указы бояре читали посланникамъ и какой смыслъ имѣли переговоры 19 марта? Нужно думать, что бояре читали именно тѣ указы, которые подписаны подъ статьями 14 марта, такъ какъ послы еще не знали, какъ государь отвѣтилъ на всѣ ихъ требованія; но этотъ списокъ статей 14 марта не могъ быть отданъ посламъ, потому что на нѣкоторые пункты еще не было положительныхъ указовъ государя; нужно было еще разспросить кое о чемъ посланниковъ и для этой цѣли имъ приказано быть на казенномъ дворѣ. Отсюда выводъ тотъ, что боярамъ нужно было измѣнить редакцію статей 14 марта сообразно съ послѣдними объясненіями посланниковъ, а потомъ и вообще обработать и статьи, и жалованныя грамоты. Дѣй-

ствительно, мы видимъ, что посланники подаютъ боярамъ новыя статьи—21 марта [1]). Число статей, поданныхъ 21 марта, только 11 [2]); составъ ихъ съ перваго раза представляется непонятнымъ: изъ перечня статей выпущены всѣ статьи о правахъ и привилегіяхъ войска запорожскаго, за исключеніемъ статей о жалованьѣ; выпущена также статья о правахъ шляхты, о пожалованіи Чигирина на гетманскую булаву, т. е. статьи 1-я, 2, 3, 5, 6, 7, 13 и 17-я (по списку ст. 14 марта); затѣмъ нѣкоторыя статьи измѣнены, именно 3 статьи по ред. 14 марта: 4-я, 15 и 16-я соединены въ редакціи 21 марта въ одну 1-ю, а четыре статьи о жалованьѣ: 8-я, 9, 10 и 11-я (по ред. 14 марта) соединены по ред. 21 марта въ двѣ статьи: 2-ю и 3-ю. Остальныя статьи обѣихъ редакцій вполнѣ соотвѣтствуютъ:

4-я (по ред. 21 марта) соотв.	12-й (по ред. 14 марта).
5-я	14-й
6-я	18-й
7-я	19-й
8-я	20-й
9-я	21-й
10-я	22-й
11-я	23-й

Подъ этими статьями мы находимъ указы государя, изъ которыхъ видно, что они подписаны уже послѣ переговоровъ 19 марта, такъ какъ на тѣ статьи, подъ которыми прежде (въ ред. 14 марта) было написано «допросить», теперь даны уже опредѣленные указы (статьи 10, 11 и 3-я); подъ ст. 9-й—о жалованьѣ козакамъ также нѣтъ уже слова «отговаривать», а повторяется указъ государя, написанный подъ ст. 21 (по ред. 14 марта), и то, что говорили бояре посламъ 19 марта въ п. 7-мъ. Посланники, несмотря на то, что были на отпускѣ у государя еще 19 марта, (вербное воскресенье), могли уѣхать изъ Москвы только 27 марта (2-й день пасхи). Причину этой задержки г. Карповъ объясняетъ тѣмъ, что посланники остались недовольны указомъ государя относительно жалованья войску и подали новую челобитную, чтобы жалованье войску было назначено; вообще же переговорамъ послѣ 19 марта г. Карповъ не придаетъ значенія и статьи, напримѣръ, 21 марта онъ считаетъ частными статьями.

---

[1]) Акты т. 10, стр. 477—484.

[2]) Одна статья между 4-ю и 5-ю вычеркнута въ черновомъ спискѣ.

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Карповымъ. Переговоры 19 марта, по нашему мнѣнію, были продолженіемъ прежнихъ, еще неоконченныхъ переговоровъ; статьи 21 марта явились слѣдствіемъ этихъ переговоровъ и имѣли не частный характеръ, а такой же оффиціальный, какъ и прежнія статьи. Преждевременный же отпускъ посланниковъ у государя, непонятный на первый разъ, объясняется тѣмъ, что въ то время наступила страстная седмица, когда царь говѣлъ, проводилъ почти цѣлые дни на церковныхъ службахъ, посѣщалъ тюрьмы и пр., а затѣмъ наступалъ свѣтлый праздникъ, когда царь опять проводилъ все почти время въ пріемѣ и отдачѣ поздравленій, посѣщеніи монастырей, церквей и когда поэтому дѣловыхъ пріемовъ не было въ теченіе всей недѣли [1]). Вотъ этимъ и объясняется, что отпускъ посламъ сдѣланъ въ послѣдній пріемный день—вербное воскресенье. Отлагать же отпускъ до окончанія неприсутственныхъ дней не хотѣли посланники; они спѣшили домой, что видно изъ ихъ челобитной государю (безъ обозначенія числа подачи), въ которой они просили какъ можно скорѣе отпустить ихъ домой, «а какъ вода пустится, тогда будемъ здѣсь въ деревнѣ на дорогѣ медлити, за что отъ его милости пана гетмана и всего войска велику немилость заслужимъ» [2]).

26 марта былъ указъ государя объ отпускѣ пословъ, а 27 марта они выѣхали изъ Москвы. Теперь обратимся къ вопросу о послѣдней редакціи статей.

Были ли послѣдней редакціей статьи 21 марта, какъ это выходитъ по времени подачи ихъ, или послѣ нихъ была еще новая редакція, напримѣръ та, которая состоитъ изъ 14 статей и которую обыкновенно считаютъ послѣднею редакціей?

Вопросомъ о родѣ переговоровъ и о послѣдней редакціи статей, какъ мы выше сказали, занимались въ литературѣ два лица—Г. Ѳ. Карповъ и г. Буцинскій.

Г. Буцинскій въ 8-й гл. своей книги «О Богданѣ Хмельницкомъ», говоря о ходѣ переговоровъ въ Москвѣ и о времени подачи статей, перепутываетъ почти всѣ числа. Онъ полагаетъ, прежде всего, что послы пріѣхали въ Москву 10 марта, чего, какъ мы выше доказывали, быть не могло. Переговоры, по его мнѣнію, начались 12 марта, въ этотъ день, говоритъ онъ, послы подали статьи въ 23

---

[1]) *Забѣлинъ*. Быт. рус. царей, I, гл. 4-я.

[2]) Акты т. 10. стр. 486.

пункта, т. е. тѣ, которыя по актамъ (10 т.) поданы 14 марта. Здѣсь, намъ кажется, двѣ ошибки допущены г. Буцинскимъ; во 1-хъ, вѣроятно, 12-мъ марта въ рукописи помѣчены статьи въ 11 пунктовъ, какъ это видно изъ актовъ, а во 2-хъ г. Буцинскій не воспользовался замѣткою г. Карпова, который отлично доказалъ, что цифра 12 стоитъ на выскобленномъ мѣстѣ ошибочно вмѣсто 21 марта [1]).

Затѣмъ г. Буцинскій говоритъ, что 13 марта *были поданы боярамъ* статьи въ 20 пунктовъ; между тѣмъ изъ актовъ мы видимъ, что эти статьи были изложены посланниками *устно*, а *на письмѣ* поданы на другой день 14 марта; съ этимъ согласенъ и г. Буцинскій: онъ говоритъ, что 14 марта были поданы *«рѣчи на письмѣ»*; число пунктовъ въ этихъ статьяхъ было, по его словамъ, или 5, или 13, а по нѣкоторымъ спискамъ, прибавляетъ г. Буцинскій, статьи эти были *разговорные*. Однимъ словомъ трудно понять порядокъ переговоровъ въ изложеніи г. Буцинскаго. Но особенно курьезно онъ толкуетъ *переговоры у пословъ съ боярами 19 марта*, послѣ отпуска у государя. Отвѣты пословъ на тѣ вопросы, которые имъ предлагали бояре, г. Буцинскій считаетъ за новыя статьи, поданныя будто бы послами въ этотъ день; этотъ промахъ произошелъ оттого, что онъ въ данномъ мѣстѣ не дописалъ, или не дочиталъ *одного слова*; онъ пишетъ на стр. 159: «послы, выслушавъ указъ государя, снова били челомъ» и *«по спросу о чемъ»* объявили новыя просьбы (просьбъ однако не приведено). Между тѣмъ въ актахъ, т. 10, стр. 475, совершенно въ томъ же мѣстѣ мы читаемъ: «и посланники, выслушавъ государевъ указъ, на его государевой милости челомъ били *и по спросу, о чемъ довелось,* объявили»: слѣдуютъ 12 отвѣтовъ пословъ на вопросы бояръ, а частію разъясненія со стороны бояръ. Ясно, что здѣсь посланники отвѣчали на вопросы бояръ относительно тѣхъ статей, которыя требовали разъясненія, т. е. подъ которыми стояло «допросить» и пр., а вовсе не давали новыхъ статей.

О статьяхъ въ 11 пунктовъ г. Буцинскій вовсе не упоминаетъ. Наконецъ, переходя къ вопросу о послѣдней редакціи статей, онъ говоритъ [2]): «не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что число пунктовъ этого договора было именно 14», но при этомъ онъ основывается не на черновыхъ спискахъ ихъ въ архивѣ, что было бы важно въ данномъ случаѣ, а на лѣтописи Грабянки и на статейномъ спискѣ князя

---

[1]) Акты т. 10, стр. 477–478, и его статья въ *Жур. М. Н. Пр.* 1871 г. № 12.

[2]) Стр. 154.

А. Н. Трубецкаго 1659 года. Насколько основаніе это вѣрно, будетъ видно ниже.

Г. Ѳ. Карповъ въ упомянутой статьѣ «Переговоры объ условіяхъ соединенія М. Р. съ В.» говоритъ, что посланники, при отъѣздѣ изъ Москвы, могли имѣть у себя списокъ статей 21 марта въ 11 пунктовъ (слѣдовательно согласно актамъ, гдѣ подъ этими статьями (стр. 484) написано: «таково письмо дано посланникамъ») и кромѣ того, говоритъ онъ, посламъ была дана окончательная редакція въ 14 статей, хотя оригинальнаго списка этихъ статей не находится нигдѣ, ни въ московскихъ, ни въ малороссійскихъ архивахъ и его не было еще въ началѣ XVIII вѣка, такъ что г. Карповъ возстановляетъ этотъ списокъ по подлинному списку статей Брюховецкаго 1665 года. Приводя эти статьи, г. Карповъ *удивляется*, почему москов. правительство въ этой редакціи само формулировало статьи и при томъ въ строгой формѣ, тогда какъ прежде оно цѣликомъ заимствовало просительные пункты изъ войсковыхъ статей и подъ ними подписывало свои указы, и онъ дѣлаетъ по этому поводу только *«гадательное объясненіе»*, именно, что москов. правительство не хотѣло подписывать свои указы подъ статьями, начинавшимися словами: «въ началѣ изволь твое цар. вел. подтвердить права и вольности войсковыя». При объясненіи статей этой редакціи ему также приходитъ дѣлать натяжки, такъ какъ многія статьи послѣдней редакціи находятся въ прямомъ противорѣчіи со всѣми прежними статьями и указами москов. правительства и по содержанію, и по характеру отношенія москов. правительства къ козакамъ и гетману.

Остановимся подробнѣе на этихъ противорѣчіяхъ.

Въ пунктѣ 3-мъ (ред. 14 статей) говорится: «на булаву гетманскую дано староство чигиринское... *да ему же тысячи золотыхъ червонныхъ*». Такого прибавленія о жалованьѣ гетману мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ сохранившихся спискахъ статей 1654 года, и при посылкѣ государемъ жалованья войсковымъ чинамъ и козакамъ и въ грамотахъ государя не упоминается объ опредѣленномъ жалованьѣ гетману; въ Актахъ т. 10 стр. 569 [1]) говорится: «А нынѣ мы в. г. жалуемъ тебя Б. Х. и все войско зап., для службы, указали тебѣ послать собрать *на писаря и на списковыхъ ясауловъ... и на козаковъ 60,000 наше жалованье* Малые Россіи со всѣхъ городовъ... *и раздати имъ, по чему доведется*»; на стр. 692-й моск. посолъ Протасьевъ

[1]) Въ жалованной грамотѣ къ гетману.

повторяетъ предъ гетманомъ то же самое, т. е. что государь указалъ «собрать жалованье *на писаря, на ясауловъ... и козаковъ, а гетману посылаетъ государь жалованье одинъ золотой въ десять золотыхъ и сорокъ соболей въ 100 рублей*». Слѣдовательно, опредѣленнаго жалованья гетману не было въ августѣ 1654 г. [1]).

Пунктъ 6-й этой редакціи—о жалованьѣ простымъ козакамъ находится въ противорѣчіи съ госуд. указами подъ статьями 14-го и 21-го марта, именно въ п. 6-мъ говорится о жалованьѣ простымъ козакамъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ,—«а давати имъ жалованье (30 зол.), сбирая войска зап. съ городовъ, со всякихъ доходовъ ежегодь». Такого указа правительство московское не дало посламъ въ 1654 г. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ актовъ.

1) Въ государевой грамотѣ къ Б. Х., посланной съ гетманскимъ посланцемъ Филономъ Горкушей, въ половинѣ апрѣля 1654 года, *буквально* повторяется о жалованьѣ козакамъ тотъ самый указъ, который подписанъ подъ статьями 21 марта п. 9-й:

«Въ нынѣшнемъ въ 162 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ были у насъ в. г., у нашего ц. в., посланники Самойло Богдановъ да полковникъ Павелъ Тетеря съ товарищи, и били челомъ, чтобъ намъ в. г. пожаловати, велѣти учинити число войска зап. списковыхъ козаковъ 60,000 человѣкъ; а нашего царскаго жалованья велѣти бъ имъ давати по 30 или хотя и по 15 золотыхъ польскихъ человѣку; и отъ насъ в. г. имъ посланникамъ *сказано и на письмѣ дано*, что Малые Росіи въ городѣ и мѣстахъ какихъ доходовъ собирается и про то намъ в. г. невѣдомо и для переписи тѣхъ доходовъ мы в. г. посылаемъ дворянъ; *а какъ тѣ .. дворяне доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ и въ то время о жалованьѣ войску зап., по разсмотрѣнію, нашего ц. в. и указъ будетъ*» [2])...

2) Въ отпискѣ государю посланца Петра Протасьева отъ 5 авг. 1654 г. читаемъ опять,—что опредѣленнаго жалованья войску еще не было назначено, такъ какъ не были еще описаны доходы въ Малороссіи, а государь опять присылаетъ только въ видѣ подарка нѣсколько тысячъ золотыхъ для раздачи войску 42 тысячамъ; но и этого сдѣлать не пришлось, потому что не былъ составленъ еще реестръ войску [3]).

---

[1]) И тогда какъ писарю и др. чинамъ жалованье собиралось изъ „тамошнихъ доходовъ“, гетману шло жалованье въ видѣ подарковъ лично отъ царя.

[2]) Акты, т. 10, стр. 568—569.

[3]) Акты, т. 10, стр. 692–693.

3) Не было этого жалованья и въ 1657 году; именно посолъ Кикинъ, будучи въ Малороссіи, въ разговорѣ съ козаками (августъ 1657 г.) говоритъ о жалованьѣ козакамъ только на то время, когда козаки пойдутъ на службу [1]).

Окончательно этотъ вопросъ рѣшенъ только въ 1659 году при договорѣ съ Юріемъ Хмельницкимъ.

Пунктъ 7-й о томъ, чтобы «арматѣ войсковой быть въ Корсуни», также не могъ находиться въ статьяхъ 1654 года, потому что этотъ городъ отданъ былъ на войсковую армату только по переяславскому договору 1659 года съ Юріемъ Хмельницкимъ [2]).

Совершенно невозможенъ также былъ въ мартѣ 1654 года указъ государя подъ статьею 8-ю (ред. 14 статей) о митрополитѣ: «А митрополиту кіевскому, также и инымъ духовнымъ Малыя Россіи, быть подъ благословеніемъ св. патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Россіи»... Даже во время переговоровъ въ Москвѣ съ посольствомъ отъ малороссійскаго духовенства (въ августѣ 1654 г.) вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ и оставленъ до возвращенія царя изъ войска [3]). А чтобы видѣть, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ былъ до 1659 года, достаточно прочесть слѣд. мѣста изъ актовъ: 1) томъ 4-й, стр. 7—8, № II; 2) т. 4-й, стр. 89, № 53. 3) т. 4., стр. 257, пунктъ 12.

Первое изъ указанныхъ мѣстъ актовъ заключаетъ разговоръ кіевскаго воеводы Андрея Бутурлина съ епископомъ Лазаремъ относительно избранія новаго митрополита, за смертью Сильвестра Коссова. Воевода Бутурлинъ съ товарищи находитъ нужнымъ убѣждать еп. Лазаря, архимандрита печерскаго Гизеля и другихъ, чтобы они «были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго... и нынѣ бъ безъ государева указу по епископовъ не посылали и безъ благословенія в. г. патріарха митрополита не обирали». Епископъ Лазарь на это сказалъ, «что онъ государевой милости и великаго патріарха благословенію радъ, что де ему подумать о томъ съ архимандриты и съ игумены, и что придумаютъ, о томъ скажутъ воеводѣ». Подумавши, епископъ и архимандриты объявили, что они согласились быть подъ благословеніемъ Никона, патріарха московскаго, но что они пошлютъ отъ

---

[1]) Акты, т. 11, стр. 806.

[2]) См. *Костомаровъ*. Гетманство Юрія Хмельницкаго. *Вѣстн. Евр.* 1868 г. № 4, стр. 502.

[3]) См. Акты т. 10, 762, грамота государя къ Б. Х. отъ 11-го августа.

себя нарочнаго въ Москву послѣ погребенія гетмана [1]). Но, какъ видно, дѣло это въ 1657 году не было еще рѣшено, потому что въ январѣ 1658 года гетманъ Выговскій въ письмѣ къ путивльскому воеводѣ Зюзину говоритъ объ этомъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ 1657 году: «Писалъ ты, братъ мой, ко мнѣ, чтобы обраный на митрополію кіевскую Діонисій Балабанъ *не впередъ* до патріарха константинопольскаго на посвященіе слалъ, чтобы у в. г. святѣйшаго Никона, патріарха московскаго... былъ и о томъ самъ изустно говорилъ... И я по письму твоемъ братскомъ пишу къ новообранному митрополиту, чтобы онъ потамѣстъ до константинопольскаго патріарха не слалъ по благословеніе, какъ святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій, съ нимъ, патріархомъ константинопольскимъ, о томъ листами сошлютъ» [2]). Слѣдовательно, и теперь вопросъ этотъ нисколько не подвинулся впередъ. Рѣшенъ онъ былъ только въ 1659 году по переяславскому договору съ Юріемъ Хмельницкимъ и то не сразу. Юрій Хмельницкій въ поданныхъ имъ статьяхъ (п. 12) говоритъ опять, что «митрополиту кіевскому быть по прежнему подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха»; но въ поданныхъ боярами и воеводами 14 статьяхъ, подъ именемъ прежнихъ статей Богдана Хмельницкаго, въ указѣ на 8-ю статью было прибавлено, что митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ патріарха московскаго. Теперь только, когда статьи Юрія Хмельницкаго были отвергнуты и приняты статьи, поданныя боярами, вопросъ о митрополитѣ былъ рѣшенъ въ смыслѣ 8-й статьи.

Наконецъ, пункты 9 и 10-й о пріемѣ пословъ рѣзко отличаются отъ указа государя подъ 5-ю статьею по ред. 21 марта и подъ 14-ю статьею по редакціи 14 марта. Что такихъ указовъ, какъ въ 9 и 10-мъ п., не могло дать московское правительство въ 1654 г., можно доказать во 1-хъ тѣмъ, что статьи 9-я и 10-я противорѣчатъ совершенно тому мягкому характеру отношеній москов. правительства къ козакамъ, который замѣтенъ во все время переговоровъ; во 2-хъ статьи эти заключаютъ противорѣчіе въ отношеніяхъ между козаками и ногайцами. Въ 1654 г. отношеніе ногайцевъ къ козакамъ было самое дружественное, какъ это видно изъ разговоровъ запор. посланниковъ съ боярами въ мартѣ 1654 года [3]); ногайцы свободно ко-

---

[1]) Акты т. 4, стр. 7—8.

[2]) Акты т. 4, № 53.

[3]) Акт. т. 10, стр. 443—445.

чевали около Полтавы и Черкасъ и, по словамъ посланниковъ, они обѣщались быть въ дружбѣ съ гетманомъ и козаками, еслибы даже и крымскій ханъ порвалъ дружбу съ гетманомъ. Между тѣмъ по редакціи «14 статей» отношенія крымскаго хана и ногайцевъ къ козакамъ представляются враждебными. Эта статья, очевидно, вставлена позднѣе, когда отношенія козаковъ къ ногайцамъ измѣнились. Въ 3-хъ, самымъ важнымъ доказательствомъ противъ появленія 9-й и 10-й статей въ 1654 году служитъ то, что во время переговоровъ въ Москвѣ съ гетманскими послами «Павломъ Тетерею съ товарищы» въ 1657 году, бояре о пріемѣ пословъ повторяютъ буквально такъ, какъ это выражено въ 5-й ст. по ред. 21 марта или 14 статьѣ по редакціи 14 марта [1]). «Посланникамъ же говорено: *въ статьяхъ же написано: изъ которыхъ государствъ къ войску запорожскому учнутъ приходить послы и о томъ писать къ его ц. в., а которые послы отъ кого присланы будутъ царю. величеству съ противнымъ дѣломъ и тѣхъ пословъ и посланниковъ въ войскѣ задерживать и писать объ нихъ къ ц. в. о указѣ и безъ указу ихъ назадъ не отпущать.* И гетманъ Б. Х. того по обѣщанію своему не исполнилъ: изъ которыхъ государствъ къ нему послы и посланники пріѣзживали и о добрыхъ дѣлахъ, и онъ объ нихъ государю не писывалъ и принималъ и отпускалъ ихъ безъ ц. в. указу» и т. д. Все это мѣсто, изъ котораго мы привели только часть, самымъ лучшимъ образомъ показываетъ, что еще и въ 1657 году москов. правительство продолжаетъ сохранять въ отношеніи къ гетману ту же осторожность, мягкость, какъ и въ 1654 году. Пересчитавши всѣ случаи нарушенія гетманомъ 5-й статьи, бояре напоминаютъ только объ обѣщаніи гетмана, данномъ имъ предъ евангеліемъ, и предостерегаютъ отъ кары Божіей за нарушеніе клятвы: «И гетманъ бы то памятовалъ: хотя которая его проступка ц. в. милостью и покровенна, только за всякое клятвопреступленіе надобно боятися гнѣва Божія».

Сравните съ этимъ теперь статью 9-ю по редакціи 14 статей: «*Гетману пословъ, посланниковъ и гонцовъ, изъ окрестныхъ и ни изъ которыхъ государствъ къ себѣ не принимать и противъ тѣхъ присылокъ въ окрестныя и ни въ которыя государства пословъ же, и посланниковъ, и гонцовъ отъ себя не посылать для убытковъ денежныхъ и иныхъ всякихъ расходовъ войска запорожскаго* [2]) и т. д. Такая

[1]) Акты т. 11, стр. 745—746.

[2]) Акты т. 11, стр. 264, п. 9.

статья могла явиться уже гораздо позднѣе 1657 года, именно послѣ открытія измѣны гетмановъ.

Итакъ, спросимъ теперь, зачѣмъ же именно эти 14 статей, подлиннаго списка которыхъ не сохранилось и въ которыхъ встрѣчаются такія противорѣчія, считать за настоящія статьи, тѣ именно, которыя даны были изъ Москвы въ 1654 году запор. посланникамъ?

Намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ и даже несомнѣннымъ, что послѣдней редакціей были статьи 21-го марта, какъ это выходитъ и по актамъ, и онѣ однѣ, *какъ дополненіе къ жалованнымъ грамотамъ* государя, даны были вмѣстѣ съ послѣдними посланникамъ изъ Москвы. Для доказательства нашего мнѣнія сличимъ статьи 21 марта (въ 11 пунктовъ) и государевы жалованныя грамоты [1]), помѣченныя 26—27 марта, между собою и съ статьями 14 марта въ 23 пункта.

Грамоты, данныя посламъ 27-го марта, были слѣдующія: 1) войску запорожскому о правахъ войсковыхъ; 2) малороссійской шляхтѣ на ихъ шляхетскія права; 3) о томъ, что чигиринскому старостству быть при гетманской булавѣ; остальныя 3 грамоты имѣли частный характеръ: онѣ даны были гетману Б. Хмельницкому на маетности и для насъ въ данномъ случаѣ не важны.

Посмотримъ теперь содержаніе 1-й грамоты [2]). Въ ней говорится сперва о томъ, какихъ правъ и привилегій просило войско запорожское, и затѣмъ слѣдуетъ подтвержденіе ихъ государемъ [3]): «и мы тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушать ни въ чемъ не велѣли и 1) судиться имъ велѣли отъ своихъ старшихъ по своимъ прежнимъ правамъ. 2) А число войска запорожского указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить спискового 60,000, всегда полное. 3) А буде, судомъ Божіимъ, смерть случится гетману, и мы в. г. поволили войску запорожскому обирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя; *а кого гетмана оберутъ, и о томъ писати къ намъ государю*, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность *вѣру намъ в. государю учинити, при комъ мы в. г. укажемъ* [4]). Также и имѣній козацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитку, отнимать у нихъ и вдовъ послѣ козаковъ осталыхъ, у дѣтей не велѣли, а быти имъ за

[1]) Акты т. 10, стр. 489—502.

[2]) Акты т. 10, стр. 492—494.

[3]) Для ясности мы дѣлимъ отвѣтъ государя по статьямъ.

[4]) А не сказано, что гетманъ по избраніи долженъ ѣхать въ Москву, какъ это говорится въ 4-мъ п. „14 статей“.

ними по прежнему, 5) и прежнихъ ихъ *правъ*, каковы даны *духовнаго и мірскаго чина людямъ* отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушать, 6) и на тѣ ихъ права дати нашу государскую жалованную грамоту, за нашею государскою печатью» ...[1])

«*А о которыхъ иныхъ статьяхъ* намъ великому государю... тѣ посланники Самойло и Павелъ... *челомъ били и подали нашимъ ц. в. ближнимъ боярамъ статьи, и мы в. г. тѣхъ статей выслушали милостиво и что на которую статью наше ц. в. изволенье и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи съ нашимъ ц. в. указомъ велѣли дати тѣмъ же посланникомъ*» [2]).

Если сравнить приведенные *6* пунктовъ грамоты съ статьями 21 марта (въ 11 пунктовъ), то увидимъ, что они тамъ опущены; затѣмъ въ черновомъ спискѣ жалованной грамоты зачеркнуты 2 статьи: о пожалованіи Чигирина на гетманскую булаву и о пріемѣ гетманомъ иностранныхъ пословъ; но изъ этихъ статей одну (2-ю) мы находимъ въ статьяхъ 21 марта подъ № 5-мъ, а на другую дана особая грамота—3-я; точно также и статьи о шляхтѣ нѣтъ въ статьяхъ 21 марта, а на нее есть особая жалованная грамота—2-я. Отсюда можно сдѣлать такой выводъ, что въ число статей 21 марта не вошли всѣ статьи о правахъ войска запорожскаго, о пожалованіи Чигирина, о шляхтѣ,—потому что на нихъ даны особыя жалованныя грамоты государя, а лица, завѣдывавшія редактированіемъ статей, не хотѣли повторяться, что видно изъ тщательнаго исключенія всѣхъ тѣхъ статей, которыя повторяются и въ грамотахъ, и въ спискѣ статей; мы видѣли, что двѣ статьи такимъ образомъ вычеркнуты изъ жалованной грамоты; это же можно замѣтить и въ спискѣ статей 21 марта, если обратить вниманіе на зачеркнутыя мѣста; такъ, на стр. 479-й послѣ 4-й статьи (въ примѣчаніи) мы находимъ, что одна статья зачеркнута и противъ нея, на полѣ, написано: «Ся статья надобь ли? потому что грамоты посылаютъ» и затѣмъ противъ 6-й статьи, на полѣ, написано: «Писать ли о митрополитѣ? потому что грамоты нынѣ не будетъ; а въ письмѣ о грамотѣ написано жъ: только говорили словами» [4]). Это же стремленіе очистить

---

[1]) Акты т. 10, стр. 491.

[2]) Слѣдовательно, здѣсь отдѣляются тѣ статьи, которыя, перечислены въ грамотѣ, отъ тѣхъ, которыя находятся въ особомъ спискѣ.

[3]) См. Акты т. 10, стр. 479—480. Въ данномъ случаѣ нужно благодарить Г. Ѳ. Карпова, что онъ при изданіи не выпускалъ и такихъ, повидимому, мелочей, а между тѣмъ много объясняющихъ дѣло.

статьи отъ всего лишняго видно и въ томъ, что нѣкоторые пункты изъ статей 14-го марта съ одинаковымъ содержаніемъ соединены въ статьяхъ 21 марта вмѣстѣ: такъ 4-я, 15-я и 16-я—въ одну 1-ю; 8-я, 9 я, 10-я и 11-я—въ двѣ: 2-ю и 3-ю.

Принявши все это во вниманіе, мы видимъ, что въ составленіи статей проходитъ одна опредѣленная и строго проведенная мысль—представить возможно болѣе краткую и вмѣстѣ полную редакцію статей, чтобы избѣжать при этомъ всего лишняго, и дѣйствительно ни одна статья изъ 23 статей 14 марта не опущена: на однѣ изъ нихъ,—самыя важныя, даны государевы жалованныя грамоты, а остальныя находятся въ особомъ спискѣ.

Затѣмъ въ концѣ списка статей 21 марта приписано [1]): «*таково письмо дано посланникомъ*». Слѣдовательно, эти именно 11 статей отправлены были вмѣстѣ съ жалованными грамотами къ гетману и о нихъ именно сказано въ припискѣ къ росписи грамотамъ, отправленнымъ съ войсковымъ посольствомъ (стр. 512): «тутъ статьи вклеить, что даны имъ»; и тогда получаютъ смыслъ слова жалованной грамоты: «*А о которыхъ иныхъ статьяхъ посланники били челомъ и подали нашимъ ц. в. ближнимъ боярамъ...*» [2]).

Такимъ образомъ странность состава статей 21 марта объясняется тѣмъ, что московское правительство да и козаки, просившіе грамоть «*за печатями вислыми*», считали болѣе важнымъ документомъ—жалованныя государевы грамоты, а списокъ статей считался только прибавленіемъ и въ немъ помѣщены менѣе важныя статьи.

Остается теперь рѣшить, откуда же взялись и когда составлены «14 статей» Богдана Хмельницкаго?

Если читать безъ предвзятой мысли по актамъ дальнѣйшую исторію событій въ Малороссіи послѣ 1654 года и особенно переговоры московскаго правительства съ представителями козачества, то можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что т. н. «14 статей Богдана Хмельницкаго» явились во время Переяславскаго договора московскихъ пословъ—князя А. Н. Трубецкаго и его товарищей съ Юріемъ Хмельницкимъ и козацкой старшиной въ октябрѣ 1659 г. [3]).

Возстановимъ вкратцѣ эти переговоры Трубецкаго съ Юріемъ Хмельницкимъ.

---

[1]) Акты т. 10, стр. 484.

[2]) См. выше, или Акты т. 10, стр. 493—494.

[3]) См. Статейный списокъ князя А. Н. Трубецкаго—Акты т. 4, № 115, стр. 252—276.

28 сентября 1659-го года изъ Переяславля Трубецкой съ товарищами послали къ Юрію Хмельницкому за Днѣпръ путивльца Зиновія Яцына и съ нимъ писали, чтобы онъ, Юрій, «памятуя великаго государя премногую милость и жалованье къ отцу своему гетману Богдану Хмельницкому и къ себѣ»..., убѣдилъ бы всѣхъ заднѣпровскихъ полковниковъ и козаковъ, чтобы они принесли государю въ винахъ своихъ повиновеніе и «учинились бы у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему».

1-го октября Зиновій Яцынъ возвратился въ Переяславль; съ нимъ прибыли отъ Юрія Хмельницкаго полковникъ Петръ Дорошенко съ сотниками отъ всѣхъ полковъ. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ устныхъ о томъ, кто къ кому долженъ ѣхать для переговоровъ, Юрій ли Хмельницкій въ Переяславль, или князь Трубецкой за Днѣпръ къ Юрію, «полковникъ П. Дорошенко съ товарищи боярину и воеводамъ князю А. Н. Трубецкому съ товарищи *подавали четырнадцать статей* и сказали: прислали де тѣ статьи съ ними Юрій Хмельницкій и полковники и велѣли бити челомъ великому государю царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу всея Россіи..., чтобы в. г. пожаловалъ—велѣлъ имъ быти подъ своею государевой самодержавной высокой рукою *на тѣхъ статьяхъ*. А объявя, тѣ статьи велѣлъ имъ Юрій съ полковники привезти къ себѣ. И боярин и воевода князь А. Н. Трубецкой съ товарищи, тѣхъ статей слушавъ, полковнику П. Дорошенко съ товарищи говорили, что *въ тѣхъ статьяхъ многое написано вновь сверхъ прежнихъ статей, которыя даны прежнему гетману Богдану Хмельницкому* и какъ Юрій Хмельницкій будетъ у нихъ боярина и воеводъ и они о томъ начнутъ говорить съ нимъ Юрьемъ и съ полковниками.

И велѣли съ тѣхъ статей списать списокъ, а подлинныя отдали имъ» [1]). Далѣе слѣдуютъ самыя статьи.

Прежде всего, изъ приведенной рѣчи Дорошенка и разговора бояръ не видно, чтобы поданныя статьи имѣли претензію называться прежними статьями Богдана Хмельницкаго; а содержаніе статей подтверждаетъ это и даетъ даже полное основаніе сказать, что Юрій Хмельницкій и старшина козацкая при составленіи своихъ статей не имѣли въ рукахъ ни прежнихъ статей 1654 года, ни жалованныхъ грамотъ государя. Въ этомъ убѣждаетъ и языкъ польско-украинскій, и самое содержаніе статей, мало напоминающее прежнія статьи, по-

[1]) Акты т. 4, стр. 255—256.

данныя запорожскими послами въ Москвѣ. На статьи московскія даже нѣтъ и ссылки въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго, а дѣлается ссылка только на переяславскіе переговоры Богдана Хмельницкаго съ В. В. Бутурлинымъ въ самомъ началѣ 1654 года.

Изъ 14 статей Юрія только 1, 5, 6, 7, 8, 10 и 12-я напоминаютъ по содержанію статьи, постановленныя въ Москвѣ, а остальныя 7 являются совершенно новыми и потому вызываютъ возраженіе Трубецкаго.

Нельзя сказать что Юрій и его полковники совсѣмъ не знали прежнихъ статей; они слышали ихъ одинъ разъ, именно въ августѣ 1657-го года въ Чигиринѣ при избраніи на гетманство Выговскаго[1]), но чрезъ 2 года содержаніе ихъ было забыто, возстановлено только самое главное и всѣмъ извѣстное—о правахъ и вольностяхъ всякихъ чиновъ людей; а затѣмъ прибавлено то, что считалось почему либо важнымъ для козаковъ въ то время. Число статей (14) здѣсь не имѣетъ никакого значенія, потому что раньше нигдѣ не встрѣчается такого количества статей и въ данное время послѣ Юрія не называютъ предложенныя имъ статьи прежними Богдановыми, слѣдовательно онѣ являются какъ бы новыми.

Князь Трубецкой съ товарищами, вѣроятно, видя, что ни гетманъ, ни козацкая старшина не имѣютъ и не помнятъ подлинныхъ статей Богдана Хмельницкаго, предложили отъ себя Юрію Хмельницкому, когда онъ пріѣхалъ въ Переяславль, прежнія статьи Богдана Хмельницкаго и кромѣ того, еще 19 новыхъ статей, присланныхъ государемъ для утвержденія ихъ войскомъ запорожскимъ. Число прежнихъ статей здѣсь *14* и редакція ихъ та самая, въ которой обыкновенно приводятся эти т. н. «статьи Богдана Хмельницкаго»[2]). Вотъ въ данное время (1659-й годъ) можно допустить появленіе въ прежнихъ статьяхъ 1654 года тѣхъ измѣненій, которыя отличаютъ редакцію 14-ти статей и которыя не могли быть сдѣланы въ 1654 г.

Главныя и болѣе важныя различія въ статьяхъ, поданныхъ отъ имени Юрія Хмельницкаго, и въ статьяхъ, предложенныхъ Трубецкимъ подъ именемъ «прежнихъ статей», касаются вопросовъ—о митрополитѣ, о пріемѣ пословъ и о гетманѣ (т. е. пункты 4, 8, 9 и 10-й статей Трубецкаго); статьи прежнія нѣсколько ограничивали

---

[1]) Акты т. 11, стр. 802.

[2]) Напр. см. у *Карпова въ Журн. Мин. Нар. Просв.* 1871 г. № 12, у Бунинскаго и въ Актахъ т. 4 стр. 262—265.

вольности козаковъ, т. е. собственно гетмана, старшины и духовенства, но за то другія статьи гораздо опредѣленнѣе и полнѣе, чѣмъ статьи Юрія, пересчитывали права и вольности козацкія, поэтому статьи эти понравились старшинѣ и войску, такъ что послѣ прочтенія ихъ на радѣ, «гетманъ Юрій Хмельницкій, и обозный, и асаулы войсковые, и полковники, и старшина, и козаки и чернь на радѣ, выслушавъ тѣхъ прежнихъ статей, били челомъ великому государю... что имъ, всему войску запорожскому, *всѣ тѣ прежнія статьи надобны*» [1]).

Прежнія статьи являются такимъ образомъ здѣсь какъ бы новостью для войска и старшины и они принимаютъ ихъ охотно. А на тѣ важныя отличія, которыя являются въ этихъ статьяхъ, сравнительно съ статьями 1654 года и которыя очень замѣтны для всякаго прочитавшаго тѣ и другія [2]), войско и старшина не сдѣлали никакихъ возраженій; мало того, они согласились еще и на новыя довольно важныя ограниченія, которыя заключались въ поданныхъ вновь на утвержденіе войска 19 пунктахъ [3]). Напримѣръ въ пунктѣ 5-мъ гетманъ и козаки согласились на такую важную уступку, что воеводы московскіе могутъ быть, кромѣ Кіева, еще въ *пяти* городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Бряславѣ и Умани.

Остается еще одинъ, повидимому важный, вопросъ, почему и въ составленномъ московскими послами спискѣ число статей 14: не указываетъ ли это, что именно съ такимъ числомъ статей была первоначальная редакція, данная изъ Москвы?

Вопросъ такой, конечно, можетъ возникнуть, но онъ не имѣетъ за себя никакихъ основаній, развѣ только то, что московскіе бояре—князь Трубецкой съ товарищами—хотѣли, чтобы ихъ списокъ внѣшнимъ своимъ видомъ—количествомъ статей—соотвѣтствовалъ списку, поданному отъ имени Юрія Хмельницкаго. Намъ кажется, что происхожденіе этихъ статей можно доказать болѣе естественнымъ путемъ; именно, кн. Трубецкой съ товарищами, увидѣвши, что гетманъ и козаки совсѣмъ не знаютъ прежнихъ статей Богдана Хмельницкаго и не имѣютъ жалованныхъ грамотъ государя, составили имъ списокъ статей по имѣющимся у нихъ, безъ сомнѣнія, черновымъ спискамъ статей изъ московскаго приказа. Составленіе этихъ статей было самое

---

[1]) Акты т. 4, стр. 265.

[2]) На эти отличія мы указали раньше, когда разбирали „14 статей".

[3]) Акты т. 4, стр. 265—269.

простое; московскіе послы могли просто сократить, напримѣръ, статьи 14 марта (въ 23 пункта).

Сравнивая статьи 14 марта 1654 г. и 14 статей 1659-го года, мы находимъ, что изъ 23 пунктовъ 14 марта выпущены пункты — 19, 20, 22 и 23-й или 7, 8, 10, и 11-й по ред. 21 марта и выпущены потому, что 14 статей написаны въ 1659 году, когда уже нужда въ помощи противъ поляковъ у Смоленска, въ обереганіи границъ отъ Литвы на рубежѣ и отъ крымцевъ миновалась; а статья о Кодакѣ выпущена, вѣроятно, по своей неопредѣленности, на которую указывалось и въ указѣ на эту статью въ 1654 году.

Затѣмъ статьи 8, 9, 10, 11 и 21-я по редакціи 14 марта или 2, 3, 4, и 9-я по ред. 21 марта—о жалованьѣ различнымъ войсковымъ чинамъ и козакамъ, вслѣдствіе одинаковаго содержанія, сокращены по редакціи 14 статей 1659 года въ одну *6-ю* статью. Статья 2-я по ред. 14 марта—о числѣ козаковъ слита въ редакціи 1659 года съ 6-й статьей—о жалованьѣ козакамъ. Статья 11 о пріемѣ пословъ (14-я) разбита въ ред. 14 статей на двѣ—9-ю и 10-ю. Статья 3-я—о шляхтѣ слита въ ред. 14 статей въ одну статью съ правами другихъ сословій (8-ю). Остальныя 12 статей вполнѣ соотвѣтствуютъ.

Редакція 14 марта 1654 г.	*Редакція «14 статей» 1659 г.*
1.	1
4.	2
5.	3
6.	4
7.	5
8, 9, 10, 11 и 21	6
12.	7
13	8
14.	9—10
15.	11
16.	12
17.	13
18.	14

Что дѣйствительно сокращеніе сдѣлано по списку 14 марта въ 23 пункта, на это указываетъ одинъ и тотъ же порядокъ слѣдованія статей, исключая выпущенныхъ по указаннымъ выше причинамъ.

Итакъ, повторяемъ, число статей здѣсь не важно; но не то важно, другое обстоятельство, именно то, что послѣ присяги гетмана, стар-

шины и козаковъ на вѣрность государю и послѣ приложенія рукъ къ клятвенному листу и къ статьямъ—гетмана, полковниковъ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ (стр. 272—273, Акты т. 4), князь Трубецкой приказалъ списать списокъ съ этихъ документовъ и отдалъ его своему товарищу В. Б. Шереметеву для того: «по указу великаго государя, *велѣно съ того списка въ Кіевѣ напечатать многія книги, и тѣ печатныя книги изъ Кіева разослать во всѣ великаго государя черкасскіе полки, чтобъ про тѣ статьи, которыя съ гетманомъ съ Юріемъ Хмельницкимъ и со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ постановлены на радѣ, вѣдомы были во всѣхъ полкахъ всему Войску Запорожскому.* А гетману Юрью Хмельницкому, и обозному, и судьямъ, и ясауламъ, и полковникамъ, и всей старшинѣ и черни бояре и воеводы князь А. Н. Трубецкой съ товарищи дали такову же книгу за своими руками».

Изъ этого указанія становится очевиднымъ, почему редакція въ 14 статей получила такое распространеніе въ Малороссіи, что на нее постоянно ссылались при послѣдующихъ переговорахъ козаки и московское правительство, а также, что позднѣйшіе лѣтописцы Малороссіи указывали на нихъ, какъ на подлинныя статьи Богдана Хмельницкаго. Это и понятно, потому что, какъ мы указывали, статьи и жалованныя грамоты 1654 года козаки слышали всего одинъ разъ только въ 1657 году изъ устъ Выговскаго, а потомъ онѣ вмѣстѣ съ Выговскимъ исчезли, тогда какъ статьи по редакціи 1659 года получили самое широкое распространеніе и при томъ съ названіемъ «прежнія статьи Богдана Хмельницкаго», хотя, какъ мы видѣли, въ этихъ прежнихъ статьяхъ сдѣланы были боярами,—Трубецкимъ и его товарищами, значительныя измѣненія.

Итакъ все разсужденіе наше о статьяхъ Богдана Хмельницкаго сводится къ утвержденію слѣдующихъ положеній: 1) послѣднею редакціей статей во время переговоровъ 1654 года въ Москвѣ слѣдуетъ считать статьи 21 марта въ 11 пунктовъ.

2) Эти статьи служили однако только дополненіемъ къ жалованнымъ грамотамъ государя, которыя были главными документами, утверждавшими права и привилегіи войска запорожскаго.

3) Статей въ 14 пунктовъ въ той редакціи, которая обыкновенно приводится (напримѣръ, въ Актахъ томъ IV-й, у г. Карпова и у г. Бодянскаго), въ 1654 году не было и не могло быть.

4) Такая редакція статей явилась гораздо позднѣе, именно въ 1659-мъ году въ Переяславлѣ во время переговоровъ съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ.

5) Широкое распространеніе и популярность статьи этой редакціи пріобрѣли потому, что онѣ были напечатаны во множествѣ экземпляровъ и разосланы во всѣ черкасскіе полки.

П. А. Шафрановъ.

Анастасія Яковлевна Марченко.

(Т. Ч. или А. ТЕМРИЗОВЪ).

1830—1880.

ОЧЕРКЪ.

I.

Съ появленіемъ повѣстей и романовъ Жоржъ-Зандъ въ европейскую литературу хлынулъ потокомъ новый циклъ мыслей, взглядовъ, убѣжденій. Затронутые ею вопросы жизни назрѣвали и разрѣшались еще въ прошломъ столѣтіи. Вопросъ о женской эмансипаціи поднимался и рѣшался еще во время 1-ой французской революціи,—и рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Но Жоржъ-Зандъ первая въ беллетристикѣ явилась провозвѣстницей части этихъ идей, ихъ популяризаторомъ.

Этого было достаточно, чтобы къ ней приковалось всеобщее вниманіе не только публики, но и литературы. Публика зачитывалась ея романами не въ одной Франціи; исторія литературы занесла ея имя на свои страницы. Во многихъ странахъ писательница нашла своихъ послѣдователей. Одни вторили ей, увлекаясь модой, настраивая себя на модный ладъ; другіе брались за перо въ силу внутренней необходимости, уступая напору собственныхъ чувствъ и мыслей, которыя — оказалось — звучали въ унисонъ съ идеями французской писательницы.

Къ числу такихъ искреннихъ представительницъ въ нашей литературѣ жоржъ-зандовскаго направленія, исповѣдывавшихъ и популяризировавшихъ одни съ нею взгляды, надо отнести весьма

талантливую писательницу конца 40-хъ и 50-хъ годовъ—*Анастасію Яковлевну Марченко*.

Въ тотъ годъ, когда 16-лѣтняя Е. А. Фадѣева у алтаря одной изъ екатеринославскихъ церквей отдавала свою руку П. А. Ганъ, въ этотъ самый годъ—1830-й—на другой окраинѣ Россіи, въ городѣ Ковно—въ Литвѣ—родилась на свѣтъ дѣвочка, выросшая впослѣдствіе въ писательницу Марченко, имя которой было хорошо знакомо читателямъ толстыхъ журналовъ. Она являлась сначала подъ таинственными буквами Т. Ч. и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ [1]) выглянула подъ собственнымъ именемъ, которое въ 60-хъ годахъ снова окутала псевдонимомъ Темризова [2]).

Анастасія Яковлевна была третьимъ ребенкомъ въ семьѣ богатыхъ, широко жившихъ родителей. Отецъ ея былъ малороссъ, мать полька. У отца было свое имѣніе въ кіевской губерніи, близъ Чигирина. Туда изъ Литвы переѣхала жить вся семья Марченковъ.—Здѣсь, среди красивой природы Украины, съ ея темно-синими ночами, пирамидальными тополями и пѣснями чумаковъ,—воспиталась, выросла и возмужала А. Я., живя на просторѣ лѣсовъ, полей и чистаго воздуха.

Съ ея появленіемъ на свѣтъ увеличеніе семейства Марченко не прекращалось. Многочисленная семья подроставшихъ дѣтей требовала заботы о воспитаніи. Отецъ и мать, какъ люди «образованные» [3]), не могли не сознавать необходимости серьезнаго образованія. Переѣзжать ради этого въ городъ представляло не мало затрудненій, и деревня своими удобствами и просторомъ перетянула городъ. Рѣшено было дать дѣтямъ домашнее воспитаніе. Для этого выписаны были учителя и гувернеры изъ Кіева, не скупились выписывать и изъ столицъ.

Ек. Мих. Ильина,—бывшая въ домѣ старшей гувернанткой, которой было поручено воспитаніе, развитіе дѣтей и надзоръ за общимъ ходомъ обученія, ради котораго въ домъ приглашались учителя,—была выписана изъ Петербурга. Она была воспитанница Смольнаго института и хорошо по тому времени знала французскій

---

[1]) Въ первый разъ Марченко выставила свою фамилію въ 1855 году въ От. З. (іюнь) подъ повѣстью: „Вокругъ да около".

[2]) Романъ въ 3 частяхъ „Разлучники". А. Темризовъ. Спб. 1869 г.

[3]) Автобіографическая записка А. Марченко, хранящаяся въ петер. публ. б. За любезное указаніе на нее и за доставленіе съ нее копіи приношу искреннюю благодарность О. П. Конради и И. А. Бычкову.

и русскій языки. Къ тому же она была одна изъ тѣхъ счастливыхъ гувернантокъ, которыя занимаются дѣтьми съ любовью, а не въ силу только необходимости, въ которую ставитъ иногда молодую дѣвушку злая судьба, навязывая скучнѣйшую изъ заботъ—обучать и дѣлать умными чужихъ дѣтей тогда, когда собственная душа переполнена жаждою личной молодой жизни.. Ек. Мих. была большая любительница книгъ; свою страсть къ чтенію она незамѣтно сообщила и воспитанницамъ. Скоро любимымъ занятіемъ маленькой А. Я. стали книги. Изъ русскихъ писателей преимущество отдавалось Лермонтову, Пушкину, Гоголю,—именами которыхъ былъ тогда полонъ самый воздухъ, какъ полонъ онъ въ наше время словами, произведеніями и самой личностью Л. Н. Толстаго. А. Я. читала также и произведенія французской литературы, а подъ вліяніемъ матери знакомилась въ подлинникахъ и съ польскими писателями.

Любившая свое дѣло гувернантка старалась какъ можно упростить изученіе такихъ скучныхъ предметовъ, какъ грамматика и реторика,—которая тогда была въ большомъ ходу. Вмѣсто зазубриванія малодоступныхъ ребенку правилъ, она заставляла при себѣ писать упражненія на эти правила, писать сочиненія, конспекты. Разумѣется, это сильно облегчало и упрощало изученіе. Благодаря такому способу, ничего не приходилось зазубривать, не понимая, и дѣти привыкали незамѣтно одолѣвать трудную механическую сторону передачи мыслей на бумагу.

Еще во время занятій съ Ек. Мих. Ильиной А. Марченко пріучилась безъ труда излагать свои мысли. Отъ частыхъ упражненій незамѣтно самъ собой вырабатывался и слогъ. Этимъ объясняется та стилистическая легкость, помимо красоты, присущей таланту,—которыми отличается самое раннее произведеніе писательницы «Гувернантка» [1]), сложившаяся еще въ дѣтскомъ—14-ти лѣтнемъ возрастѣ.

Развивая любовь и вкусъ къ чтенію, Ек. Мих. считала своею обязанностью наводить учениць на тѣ или другія мысли, бесѣдуя по поводу прочитаннаго. А южная малороссійская природа, ея красота, музыкальность малороссійской народной поэзіи способствовали вмѣстѣ съ систематическимъ музыкальнымъ образованіемъ и развитію вкуса къ изящному.

Забота о музыкальномъ образованіи дочерей лежала на отцѣ. Онъ страстно любилъ музыку, и одной изъ его главныхъ заботъ

[1]) „Путевыя Замѣтки". Т. Ч. 1847 г. Одесса, выпускъ I.

было развить эту любовь въ дѣтяхъ. Онъ нанималъ учителей, слѣдилъ за успѣхами. И заботы его не пропали даромъ: изъ Анастасіи Яковлевны вышла замѣчательная музыкантша. Это отражается и въ ея повѣстяхъ, гдѣ главная героиня часто очень хорошо играетъ, сознательно и съ большимъ пониманіемъ говоритъ о классической музыкѣ и ея композиторахъ [1]), а въ случаѣ крайности, когда должна прибѣгнуть къ заработку, непремѣнно избираетъ преподаваніе музыки [2]).

Учительницы музыки, гувернантки, учителя рисованія, танцевъ довольно часто фигурируютъ въ произведеніяхъ Т. Ч. и всегда пользуются глубокимъ сочувствіемъ, сердечной симпатіей автора. Несомнѣнно, въ этихъ образахъ воплощаются и отражаются впечатлѣнія яснаго дѣтства. Особенно симпатично вырисовывается въ повѣсти «Первый шагъ» —этой первой повѣсти, напечатанной въ журналѣ [3]) и заслужившей похвалы,—добрый, кроткій, любящій до забвенія о себѣ—учитель рисованія Евгеній Семеновичъ, который сильно влюбился въ свою ученицу Ниночку; мучился, страдалъ, никому не жалуясь, когда она спокойно на его глазахъ выходила замужъ за пустаго, безсердечнаго фата. Сколько любви, доброты, утонченной деликатности проявилъ онъ, когда Ниночку постигло горе, когда она вынуждена была покинуть домъ и мужа! Его постоянство, любовь тихая, молчаливая до забвенія себя невольно напоминаетъ любовь рыцаря среднихъ вѣковъ,—въ ней что то романтическое,—это какъ бы любовь Тогенбурга, только совсѣмъ не бездѣятельная, не пассивная.

II.

Анастасія Яковлевна еще съ дѣтства отличалась насмѣшливымъ умомъ, смѣлымъ, гордымъ, настойчивымъ, упрямымъ характеромъ. Трудно было ее—ребенка—заставить сдѣлать то, чего она не хотѣла, что было ей не по душѣ. Строгость, угрозы дѣлали ее только еще упрямѣе, еще настойчивѣе. Надо было особое педагогическое умѣнье ладить съ дѣвочкой даже за классомъ. Чего не хотѣла изучать—нельзя было заставить. Родные, напримѣръ, какъ ни настаивали на изученіи нѣмецкаго языка, А. Я. ни за что не хотѣла ни прислушиваться,

---

[1]) Романъ „Дина"—От. З. 1853. № 3, стр. 49.

[2]) Ниночка въ „Тернистомъ пути", Юлія Михайловна въ „Мыльныхъ пузыряхъ".

[3]) Сѣверное Обозрѣніе 1848 г. № 1.

ни произносить этихъ грубыхъ, тяжелыхъ, шипящихъ звуковъ. Такъ и вышла изъ подъ опеки воспитателей безъ знанія нѣмецкаго языка. За то что нравилось, то изучала со всѣмъ жаромъ.

Ей недолго пришлось быть подъ опекой доброй Екатерины Мих. и учителей. Въ 12 лѣтъ мы ее видимъ уже больнымъ ребенкомъ. Ее везутъ въ городъ къ докторамъ, приглашаютъ докторовъ въ деревню. Совѣщаются, консультируютъ. Доктора предполагаютъ одну изъ страшныхъ болѣзней въ такомъ юномъ возрастѣ—*аневризмъ*. Съ этихъ поръ книги, чтеніе, занятіе музыкой—все запрещено больной дѣвочкѣ. Всѣ въ домѣ не знаютъ, какъ и чѣмъ угодить больному ребенку. Доктора дали совѣтъ—не раздражать, не противорѣчить, иначе грозили плохимъ исходомъ. И каждый въ домѣ, начиная съ отца, кончая прислугой, старался быть мягкимъ, уступчивымъ.—Кроткое обращеніе, ласка подѣйствовали на своенравную, вспыльчивую дѣвочку самымъ благотворнымъ образомъ, она теперь поражала мягкостью, послушаніемъ, теплотой.

Развиваясь на полной свободѣ, она цѣлые дни проводила въ лѣсу съ какой нибудь книгой въ рукахъ или гуляя подъ руку съ гувернанткой,—или же шла въ поле посмотрѣть на полевыя работы, послушать пѣсни украинской или игру наробка на сопилкѣ. Эта жизнь вольная, свободная среди деревенской природы, когда безъ малѣйшаго стѣсненія могли развиваться и крѣпнуть ея нравственныя и умственныя силы, надолго осталась памятна въ душѣ дѣвушки.

„Когда мнѣ было лѣтъ 13—14—15,—говоритъ Ниночка въ повѣсти „Первый шагъ“, сравнивая воспитаніе своихъ дѣтей въ пансіонѣ съ собственнымъ воспитаніемъ, на волѣ, въ деревнѣ:—я подъ руку съ своей гувернанткой, впрочемъ, уже не съ гувернанткой, а съ другомъ бродила по саду въ такую ночь; какъ тогда становилось страшно и пріятно, точно слушаешь сказку о колдунахъ и духахъ. Сторожъ застучитъ сильно въ доску, собака кинется въ кусты, кошка пробѣжитъ по крышѣ,—вздрогнешь, сердце забьется. А если запоетъ соловей, если вдругъ колокольчикъ зальется вдали... Гдѣ то теперь Евгеній Семеновичъ? И онъ любилъ замечтаться, и онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, глядя на луну. Добрая душа! Какъ онъ помогалъ узнавать, различать звуки его, шутя: вотъ становой скачетъ, вотъ военный кто нибудь; то нетерпѣливый, запоздалый гость, то утомленные дорожные... Маменька, маменька! и ты была со мною, маменька!“ [1]).

Много книгъ перечла за это время Ан. Як. вмѣстѣ съ своей любимой наставницей, много переговорила, много переспорила на тему прочитаннаго. Въ этотъ же періодъ она принялась писать стихи.

---

[1]) От. Зап. 1849 г., окт., стр. 185.

Но стихотворенія ея были немногочисленны и не несли въ себѣ ни особенныхъ достоинствъ, ни недостатковъ. Они въ большинствѣ были отзвукомъ, подражаніемъ современной имъ «женской» поэзіи, отражая въ себѣ ея недостатки, но не отличаясь какими нибудь, хотя бы внѣшними, достоинствами. Въ ея стихахъ не было ни особенной музыкальности, ни красоты.

Вотъ стихотвореніе, помѣщенное въ Пантеонѣ [1]):

Садись, работникъ, за работу;
Гляди вновь въ пестрые листы,
Всю сердца нѣжную тревогу
Въ нихъ сохрани на вѣки ты.

Авторъ какъ бы хочетъ въ работѣ заглушить тоску сердца по жизни, по живымъ людямъ.

Или:

Меня опять влечетъ, влечетъ моя судьба!
Куда, зачѣмъ и какъ свершается стремленье—
Не знаю я, но мнѣ ужъ тяжела борьба,
Такъ не боюся я и вѣрю въ назначенье...
Сегодня вихрь крутитъ меня передъ тобой,
А завтра вдаль умчитъ опять безъ сожалѣнья,
Я—мертвый листъ, оторванный грозой [2]).

Попадаются стихотворенія и на патріотическую тему,—такія стихотворенія встрѣчаются съ подписью автора въ Инвалидѣ: «Государю Императору Николаю Павловичу» [3]); стихотвореніе, «посвященное барону Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену» [4]).

Самымъ же удачнымъ, кажется, надо считать стихотвореніе «Сашѣ Лачиновой», гдѣ картина разгульной вакханаліи взята только, какъ символъ, гдѣ подъ пѣнящимся виномъ и подъ дномъ опорожненной чаши надо понимать юность съ ея радостями и ея исчезновеніе.

Сашѣ Лачиновой.

Мы встрѣтились среди гостей шумливыхъ,
На общемъ пирѣ жизни молодой,
Ты полная надеждъ еще счастливыхъ,
Я—съ грустной и болящею душой.
Ко мнѣ съ улыбкой дѣтскаго веселья
Ты протянула жизненный бокалъ,
И чокнуться подъ общій гулъ похмѣлья
Меня твой голосъ звонко приглашалъ.
О чашу, чашу! посмотри, какъ хлещетъ

[1]) 1855. № 7.
[2]) Тамъ же.
[3]) Рус. Инвалидъ 1854. № 62.
[4]) Тамъ же № 104.

И пѣной бьетъ на столъ твое вино,
А у меня, взгляни, давно ужъ блещетъ
Изъ подъ напитка золотое дно.
На встрѣчу дружбѣ не бросаюсь съ жаромъ,
Но въ жизнь твою привязанность волью,
Остатокъ прежняго не трачу даромъ—
Я крѣпкое вино по каплѣ пью.
Товарищъ молодой, давай мнѣ руку!
О чашу, чашу! Станемъ веселѣй,
Ты будешь дѣтской лаской вторить звуку
Всѣхъ нѣжныхъ словъ любви къ тебѣ моей [1]).

Здѣсь и мысль, и избранная, какъ символъ, картина веселья—все выдержано прекрасно, стихъ сильный, живой. Этому стихотворенію уступаютъ не только раннія, но и болѣе поздніе.—Но во всякомъ случаѣ ея стихи не настолько замѣчательны,—да ихъ и немного, чтобы стоило на нихъ останавливаться подробнѣе. Достаточно отмѣтить, что А. Марченко одновременно съ графиней Ростопчиной прибѣгала къ риѳмованной, каденсированной рѣчи и иногда удачно выливала въ ней свои мысли и чувства. Для насъ много интереснѣе ея проза и развитіе ея беллетристическаго таланта.

III.

Первые проблески писательства Ан. Як. относитъ въ своей «Автобіографической запискѣ» [2]) къ черезчуръ раннему возрасту: къ 8 годамъ, когда ею была написана маленькая комедія, а вслѣдъ за комедіей рядъ небольшихъ комическихъ сценъ или отрывковъ. Къ 12 годамъ она принялась за стихи, а отъ стиховъ перешла къ прозѣ,—написала разсужденіе на тему: «О грустномъ положеніи въ обществѣ существа, развитаго душой и умомъ преждевременно».

Въ этой темѣ уже слышатся слѣды вѣяній поэзіи разочарованія, которая была модной въ то время и отъ вліянія которой уберечься было едва ли возможно. На произведеніяхъ Марченко, въ особенности на герояхъ ея повѣстей сильно отразилось вліяніе этой поэзіи.

Написала—и ей захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь тайной своего писательства. И вотъ А. Я. избираетъ въ слушательницы, въ судьи перваго своего прозаическаго опыта не друга—наставницу, Екатерину Михайловну, не мать (о которой въ автобіографической запискѣ

---

[1]) Пантеонъ 1855. № 7.

[2]) Рукоп. въ Пет. П. Б.

почти совсѣмъ не упоминается) и даже не сестру, которая была значительно ея старше;—какъ натура гордая и крайне самолюбивая, она избираетъ того, кто въ семьѣ менѣе всѣхъ могъ бы быть компетентнымъ судьей,—избираетъ дѣвушку, которой занятіе въ домѣ—разливать чай. Что могла понять, замѣтить, сказать «чайная» дама? Развѣ умилиться отъ удивленія, что Настенька—ребенокъ—а можетъ ужъ сочинять, да еще такія мудреныя вещи, въ которыхъ не сразу все поймешь. Во всякомъ случаѣ А. Я. послѣ этого чтенія почувствовала такую бодрость и смѣлость, что принялась писать повѣсть подъ названіемъ «Игрокъ».

Повѣсть готова. Но А. Я. не рѣшается и ее отдать на строгій, безпристрастный судъ наставницы или матери; не читаетъ и «чайной» дамѣ. Въ силу крайне развитаго самолюбія она предпочитаетъ положиться исключительно на собственный судъ. Черезъ годъ я буду умнѣе,—рѣшаетъ она и тщательно убираетъ подъ спудъ первую повѣсть. И только черезъ годъ рѣшаетъ заглянуть въ завѣтную тетрадку и подвергнуть своему собственному суду, который теперь несомнѣнно долженъ былъ сдѣлаться зрѣлѣе, а главное—самое произведеніе на разстояніи годоваго промежутка допускало извѣстную долю объективности, необходимой при сужденіи о собственномъ произведеніи. И «Игрокъ» не выдержалъ суда автора: онъ былъ присужденъ къ немедленному истребленію.

Съ этихъ поръ А. Я устанавливаетъ правило: «судить каждое свое произведеніе собственнымъ судомъ всегда черезъ годъ отъ того дня, въ который оно было написано» [1]).

При такомъ способѣ собственной критики А. Я. уничтожаетъ одну повѣсть за другой. Но—авторъ не унываетъ: прирожденная страсть къ писательству сберегаетъ охоту и энергію писать,—и дѣвушка принимается за новую повѣсть «Гувернантка», которую также тщательно подвергаетъ годовому испытанію.

Ей теперь минуло 14 лѣтъ. Она выросла, окрѣпла; здоровье поправилось. Въ эти года на югѣ дѣвушка считается какъ бы взрослой,—она уже выѣзжаетъ на балы. А—Ѣ Я—Ѣ захотѣлось тоже шуму, блеска, танцевъ—мазурки, захотѣлось восхищать и восхищаться. Раненько бы еще—да все вокругъ занято этими интересами: старшая сестра давно выѣзжаетъ на балы, давно въ домѣ идутъ разговоры о томъ, какъ такой то богатый кавалеръ оказываетъ сестрѣ предпо-

[1]) Тамъ же.

чтеніе, давно высчитываютъ ея успѣхи въ свѣтѣ, судятъ и рядятъ о костюмахъ... Какъ же не захотѣть веселья?

Но ея желанія, даже самыя прихоти давно стали въ домѣ закономъ, и теперь она не встрѣтила отказа своему желанію. Ее повезли въ городъ. Она выѣхала на балъ. За первымъ баломъ, о которомъ съ такимъ наслажденіемъ говоритъ одна изъ героинь въ «Тернистомъ пути» [1]), слѣдовалъ другой—третій...

Такъ незамѣтно, весело проскользнула зима,—а тамъ снова прилетѣли весеннія птицы и еще съ большей силой захотѣлось въ деревню, въ лѣсъ, въ луга—на деревенскій просторъ. И мы видимъ ее снова въ деревнѣ—она весело скачетъ верхомъ на своей лошади въ любимую пасѣку. Здѣсь въ уединеніи, вдали отъ всѣхъ, рѣшила она подвергнуть строгому авторскому суду еще въ прошломъ году написанную повѣсть «Гувернантка».

Словно цѣлый ареопагъ строгихъ, неумолимыхъ судей собрался слушать писательницу,—такъ боязливо, робко развертывала она тетрадку и съ сердечнымъ замираніемъ принималась читать свою повѣсть... По мѣрѣ чтенія она успокоивалась, и улыбка довольства, необычайной радости скользила по лицу. Авторъ не находилъ въ новомъ произведеніи ничего смѣшнаго, что такъ сильно проглядывало въ крайней экзальтаціи раннихъ повѣстей. Она прочла «Гувернантку»—и не присудила ея къ уничтоженію. Повѣсть снова была убрана подъ спудъ съ тѣмъ, чтобы время отъ времени ее перечитывать и исправлять.

Одновременно съ отдѣлкой и выправленіемъ «Гувернантки» писалась другая повѣсть «Три варіаціи на одну тему». Писалась въ промежутки отъ выѣздовъ, бальнаго веселья, которому отдавала молодая дѣвушка уже третью зиму. Съ 14-ти до 17-ти лѣтъ зиму она проводила въ городѣ, весну и лѣто—въ деревнѣ за книгами, съ перомъ или карандашемъ въ рукахъ. Много книгъ было прочитано за эти три года. Но только то были не романы,—ее влекли книги серьезнаго содержанія философскія и даже медицинскія. Такимъ чтеніемъ она развивала и укрѣпляла свой умъ, черезчуръ рано освободившійся отъ всякой посторонней опеки и черезчуръ рано предоставленный саморазвитію. Впрочемъ, такова была судьба почти всѣхъ нашихъ писательницъ. Припомнимъ: Елена Андреевна Ганъ покончила ученье въ тринадцать лѣтъ, ученье граф. Ростопчиной шло безсистемно... и развѣ только Е. Кульманъ составляла исключеніе, но и то печальное.

[1]) От. Зап. 1849, октябрь.

Лѣтніе дни не шли, а мелькали. Мелькали и года. Къ этому времени успѣли подрости и братья А. Я., которые были моложе ея. Ихъ надо было отдавать въ гимназію, надо было везти въ городъ.

Это обстоятельство заставило родныхъ рѣшиться на полное переселеніе изъ деревни въ городъ. Для такого переселенія, разумѣется, требовались большія деньги,—такъ какъ семья Марченковъ, какъ мы видѣли, была многочисленная, при томъ привыкшая къ удобствамъ и даже къ роскоши. И вотъ тутъ то пришлось отцу подвести итоги своимъ приходамъ и расходамъ и неминуемо признать, что расходъ давно въ нѣсколько разъ превышаетъ приходъ,—почему надѣлана масса долговъ,—признать, что имѣніе пришло въ упадокъ, что семьѣ грозитъ быстрое разореніе, а затѣмъ нищета. Онъ увидалъ, что недалеко то время, когда нищета должна будетъ смѣнить довольство, въ которомъ жили и къ которому привыкли, живя на малороссійскомъ просторѣ, его жена, дѣти... Какъ и чѣмъ спасти семью отъ предстоящей грозы? Объявить, открыть всю правду? Но развѣ этимъ поможешь? Только себѣ увеличишь, а имъ ускоришь страданіе. И отецъ рѣшилъ скрывать отъ семьи положеніе дѣлъ; онъ еще надѣялся какъ нибудь собственными силами придумать возможность лучшаго выхода.

Семья, не зная ничего объ угрожающей бѣдѣ, занята хлопотами переѣзда изъ деревни въ городъ. Возня, толкотня, суета съ утра до вечера наполняетъ домъ. Но почему то выбранъ изъ городовъ не Кіевъ, а Одесса,—и семья съ лона красотъ малороссійской природы перекочевываетъ въ Одессу, на берегъ Чернаго моря, гдѣ картины вечерняго заката, освѣщающаго высокія мачты безчисленныхъ кораблей, занимающихъ не только пристань, но и большую часть моря,—конечно, въ силахъ поспорить съ красотой Малороссіи, гдѣ счастливо, весело прожила наша писательница до 17-ти лѣтняго возраста, гдѣ воспитался ея умъ, гдѣ сложились ея первыя появившіяся въ печати произведенія. Любовь къ Малороссіи сказывается у нея не только въ «Автобіографіи», гдѣ она такъ говоритъ о себѣ: «Она выучилась гордиться тѣмъ, что она малороссіянка, и полюбила грустнымъ, страстнымъ чувствомъ и край тотъ, и народъ», но и въ романахъ; напр. въ первой части большаго романа «Мыльные пузыри», гдѣ авторъ прекрасно, живо описываетъ деревенскую ярмарку въ Малороссіи и тутъ же говоритъ: «Но не передать мнѣ того теплаго, синяго неба, тѣхъ яркихъ красокъ, той изумительно полной жизни каждаго ра-

стенія, того ароматнаго дыханія безчисленныхъ, душистыхъ травъ, всего—чѣмъ богата Украйна, чѣмъ даритъ она глаза, нѣжитъ чувства, чѣмъ мила она памяти нашей» [1]).

IV.

Но вотъ синее небо Украины осталось позади, а передъ глазами стелется не менѣе красивая синева Чернаго моря и южной морской дали.

Какъ бы хорошо было здѣсь, если бы не мѣшала общему веселью, общей радости какая то непонятная грусть отца. Что съ нимъ? Какое горе тяготитъ его душу? Здѣсь такъ все ново, красиво, интересно, что только бы жить и радоваться,—здѣсь кромѣ моря, аромата бѣлыхъ акацій, есть и итальянская опера, есть чудныя преданія о незабвенномъ Пушкинѣ... Здѣсь въ самомъ воздухѣ разлиты поэзія, искусство. А отецъ, несмотря на это, цѣлые дни ходитъ пасмурный. Видимо, его тяготитъ какое то горе... И безпокойный видъ отца всѣмъ внушаетъ опасеніе. А тутъ еще его внезапное, ничѣмъ необъяснимое желаніе немедленной, неотложной поѣздки въ Петербургъ. Зачѣмъ? Что заставляетъ ѣхать такую даль? Но разспросы и совѣты не ѣхать только доводятъ его до болѣзненнаго раздраженія,—онъ твердъ въ своемъ рѣшеніи. На этотъ разъ оказалось менѣе твердымъ и менѣе выносливымъ его здоровье. Оно не вынесло всѣхъ нравственныхъ мукъ, какими за послѣднее время переполнена его душа—и желаніе какъ нибудь извернуться, поправить состояніе, и боязнь за судьбу любимой семьи, и желаніе скрыть отъ нея положеніе дѣлъ, а также и свое безпокойство—довели бѣднаго старика до паралича.

Только теперь, когда онъ недвижимо лежалъ въ постели, семья узнала все,—она встала лицомъ къ лицу съ неожиданной дѣйствительностію. Тутъ только узнали, для чего отецъ хотѣлъ пуститься въ далекій путь: онъ надѣялся сдѣлать въ Петербургѣ заемъ и поправить свои денежныя дѣла. Но теперь, когда онъ недвижимый лежалъ въ постели, разумѣется, нечего было и думать о поправленіи дѣлъ. Кое какъ были уплочены долги остатками уцѣлѣвшаго капитала—а на долю семьи оставалась все та же неизбѣжная бѣдность и больной параличный отецъ. Что было дѣлать? Чѣмъ жить? По мо-

---

[1]) Романъ въ 3 ч. „Мыльные пузыри". 1855 г. 24 стр. Часть 1-я.

лодость храбро глядитъ и на трагическое въ жизни. Энергичная, сильная Анастасья Яковлевна не задумалась и еще менѣе склонна была къ унынію. хотя отлично понимала, что семья всею тяжестью своей матеріальной стороны ложилась на ея молодыя, еще не совсѣмъ окрѣпнувшія плечи. Она храбро объявила: будемъ работать и будемъ жить. Ея примѣру послѣдовала и другая сестра, которая была младше ея годомъ,—старшая же въ это время была уже замужемъ.

Но чѣмъ и какъ будутъ заработывать деньги эти обѣ молоденькія дѣвушки, выросшія въ довольствѣ? Единственный трудъ, возможный въ тѣ времена для женщины былъ, разумѣется, трудъ гувернантки. Но, чтобы получить мѣсто гувернантки, надо имѣть дипломъ, а для полученія диплома требовалось выдержать экзаменъ на домашнюю учительницу. И вотъ обѣ дѣвушки твердо рѣшаютъ готовиться къ экзамену.

Теперь въ домѣ на мѣсто прежней роскоши поселилась бѣдность,—потому не было больше ни учителей, ни гувернантокъ; готовиться пришлось безъ всякой посторонней помощи, на собственный страхъ. Младшая сестра, не привыкшая къ такому усиленному труду, не вынесла и слегла отъ нервной горячки; а Ан. Як. въ шесть недѣль приготовилась и отлично держала экзаменъ, несмотря на душевныя безпокойства и хлопоты, которыя еще больше усилились отъ болѣзни сестры. Теперь она была въ новомъ вооруженіи на борьбу и стала искать мѣста гувернантки. Мѣсто скоро нашлось,—но на кого она броситъ своихъ больныхъ? И пришлось отказаться отъ предлагаемаго мѣста. Вмѣсто этого, она взялась давать уроки музыки въ одномъ изъ одесскихъ пансіоновъ. Давала по семи часовъ въ день. Это не могло не отразиться на здоровьи. Черезъ полтора года такого усиленнаго труда—ради семьи и любимаго отца она разстроила здоровье и принуждена была оставить занятіе.

Не въ силу теоретическихъ размышленій—какъ видимъ—пришелъ нашъ авторъ къ необходимости труда для женщины, сама жизнь поставила ему на пути эту задачу,—и онъ разрѣшаетъ ее утвердительно въ силу самой жизненной необходимости. Потому А. Я. ни сама, ни одна изъ ея героинь не смотрятъ на трудъ, какъ на геройство, какъ на признакъ передоваго развитія, какъ относились къ труду литература и сама женщина освободительнаго періода. Эта особенность произведеній А. Марченко, гдѣ не разъ въ холѣ и довольствѣ воспитанная дѣвушка, въ силу надвинувшихся обстоятельствъ, безъ разсужденія и безъ рисовки принимается за педагогію, какъ

Юлія Михайловна въ «Мыльныхъ пузыряхъ», или какъ Елена въ повѣсти «Гувернантка», гдѣ изображается аналогичное съ семьей Марченко обѣдпѣніе отца, — или Ниночка въ «Тернистомъ пути», гдѣ молодая женщина, сдавленная мужемъ и свекровью, пробуетъ взяться за уроки музыки, а за непмѣніемъ ихъ не пренебрегаетъ и рукодѣльнымъ заказомъ въ родѣ дѣланія искусственныхъ цвѣтовъ,— эта особенность должна была дѣйствовать благотворнымъ образомъ и служить лучшимъ подготовительнымъ курсомъ къ тѣмъ проповѣдямъ о трудѣ и женской равноправности, которыя стали громко раздаваться съ конца 50-хъ годовъ.

Марченко въ этомъ случаѣ стояла на почвѣ жизни и практики. Этимъ объясняется и отсутствіе въ ея произведеніяхъ той узкой односторонности, которую неизбѣжно вносили въ жизнь строгіе послѣдователи теоріи эмансипаціи. Героини Марченко, какъ и она сама, принимаясь за серьезный трудъ ради заработка, не отворачивались ни отъ радости жизни, ни отъ жизненныхъ утѣхъ. Онѣ не считали неприличнымъ для себя скользить въ свободныя минуты по гладкому паркету въ освѣщенныхъ залахъ, упиваться галопомъ или кататься на маслянпцѣ съ горъ на Васильевскомъ островѣ...

V.

Та же насущная необходимость, тотъ же недостатокъ матеріальныхъ средствъ, который заставилъ Зенеиду Р—ву печатать свои произведенія, былъ побудительнымъ стимуломъ и для Марченко, чтобы выступить на литературное поприще. Мы помнимъ, какъ еще въ Малороссіи она писала повѣсти и, не показывая никому, прятала завѣтныя тетрадки подальше отъ посторонняго взгляда. Теперь съ переѣздомъ въ Одессу, очутившись со всей семьей среди бѣдности, она рѣшаетъ пустить въ оборотный капиталъ имѣющіяся на готовѣ произведенія. Тщательно перечитывая и исправляя еще и еще разъ свою первую пощаженную отъ истребленія повѣсть «Гувернантку», она рѣшаетъ предложить ее и «Три варіаціи на одну тему» —одному изъ извѣстныхъ тогда въ Одессѣ книгопродавцевъ—Карлу Осиповичу Тотти. Какъ новичекъ, она такъ боязно относится къ возможности выступить передъ публикой, что даже не рѣшается на первый разъ что нибудь просить за свой трудъ, а также и выставить свою фамилію. Почемъ знать, какъ встрѣчены будутъ ея произведенія? А если ихъ ждетъ позоръ?... Тогда пусть ужъ онъ хоть не ложится еще но-

вою тяжестью на больнаго, разбитаго горемъ отца. И Ан. Як. выставляетъ подъ первыми повѣстями среднія буквы своего имени и фамиліи--*Т. Ч.*,—съ которыми долго появляется въ литературѣ во всѣхъ толстыхъ журналахъ.

Тотти не воспользовался неопытностью автора,—онъ дѣлилъ съ ней пополамъ полученную выручку за вышедшую книжку подъ общимъ названіемъ «*Путевыя замѣтки*».

Итакъ--это была первая печатная вещь А. Марченко, вышедшая въ свѣтъ въ Одессѣ въ 1847 году.

Книжка хоть и носила названіе «*Путевыхъ замѣтокъ*», но то было путешествіе по жизненному пути, а не по проселочнымъ или другимъ дорогамъ, съ тоскливыми остановками на грязныхъ станціяхъ. «Тысячи людей путешествуютъ—говоритъ авторъ въ предисловіи: тысячи людей закидываютъ насъ описаніемъ городовъ и мѣстъ, обычаевъ и нравовъ, горъ и восхитительныхъ съ нихъ видовъ; заставляютъ насъ слѣдовать за собой на воды, разсказываютъ ходъ своихъ болѣзней и встрѣчу съ своими знакомыми, томятъ насъ жалобами на трактирщиковъ,—и мы все это читаемъ, и многіе изъ насъ, читая, восхищаются. Какъ будто всѣ мы не тѣ же туристы! Широко стелется передъ каждымъ изъ насъ путь жизни, и на пути этомъ встрѣчаемъ мы не города, не полуразвалившіяся зданія—твореніе рукъ человѣческихъ—встрѣчаемъ другихъ людей, ближнихъ своихъ. Неужели не на чемъ остановиться наблюдательному взору? или человѣкъ не стоитъ нашихъ наблюденій? Или сердце его такъ безцвѣтно, или душа такъ ничтожна, что ничего не прочтешь въ нихъ? Всѣ мы неблагосклонно судимъ родъ людской, забывая, что мы составляемъ незамѣтную частицу «ничтожнаго» цѣлаго. Каждый изъ насъ рѣзко судитъ о людяхъ, забывая, что онъ тотъ же человѣкъ; каждый, втаптывая всѣхъ другихъ въ грязь, считаетъ себя неприкосновеннымъ, чистымъ и тѣшится мыслью и радуется, бросая подобную пищу своему самолюбію.

Подобно всѣмъ вамъ, я путешествую; подобно всѣмъ, встрѣчаю людей»... «Человѣкъ — вѣчный калейдоскопъ. Хорошъ ли, дуренъ ли—онъ всегда разнообразенъ. Внутреннимъ ли міромъ дается ему это разнообразіе, обстоятельствами ли жизни покупается оно,—все равно. Добро или зло въ людяхъ одинаково, но проявленіе этихъ двухъ началъ въ каждомъ человѣкѣ разное. Тѣ, кого я встрѣчала или встрѣчаю, составляли для меня живой предметъ любопытства. Я

стала писать свои путевыя замѣтки и вздумала печатать ихъ. Да не вмѣнится мнѣ въ грѣхъ эта общая слабость всѣхъ туристовъ» [1]).

Кто могъ угадать въ этомъ высоко-гуманномъ и философски настроенномъ авторѣ семнадцати-лѣтнюю дѣвушку? Но авторъ не замаскировывалъ своего платья—онъ какъ въ самыхъ повѣстяхъ, такъ и въ предисловіи выдаетъ себя женщиной.

До 1840-хъ годовъ вся литература наша сосредоточивалась въ столицахъ. Провинція — можно сказать — совсѣмъ не имѣла своей прессы, если не считать двухъ-трехъ журналовъ въ Харьковѣ, Тобольскѣ и около 30 сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ, вышедшихъ внѣ столицы [2]). Писатель, живущій въ провинціи, если хотѣлъ видѣть свое произведеніе въ печати, долженъ былъ для этого тащиться въ Петербургъ или въ Москву на долгихъ по ухабамъ, рытвинамъ и буеракамъ, какіе представляли изъ себя въ то время наши дороги. Внѣ столицъ почти не было типографій. И только съ 40-хъ годовъ начинаетъ развиваться провинціальная пресса,—особенно много въ это десятилѣтіе вышло книгъ въ Одессѣ, которая въ то время была едва ли не самымъ изящнымъ, самая блестящимъ изо всѣхъ провинціальныхъ городовъ,—да къ тому же тамъ было и много литературныхъ преданій.

«*Путевыя замѣтки*» — какъ провинціальное изданіе — возбуждаетъ къ себѣ интересъ столичной прессы: Библіотека для Чтенія, Современникъ, Отечественныя Записки, Финскій Вѣстникъ, Сынъ Отечества, Сѣверная Пчела, Санктъ-Петербургскія Вѣдомости, Сѣверное Обозрѣніе — всѣ разомъ заговорили о «*Путевыхъ Замѣткахъ*» [4]). Одни только хвалили, другіе, какъ Отечественныя Записки и Современникъ, были умѣреннѣе, они рядомъ съ похвалой не забывали указать и на недостатки,—уберечь отъ нихъ автора на будущее время, такъ какъ они видѣли въ немъ несомнѣнный талантъ и желали ему процвѣтанія [5]).

---

[1]) Стр. 5—6.

[2]) Сѣверн. Обозр. 1849, августъ, 545 стр.

[3]) Отч. Зап. 1847 г. № 8; Совр. 1847. № VII; Финскій Вѣст. 1847. № 8; Сынъ От. 1847 № 4; Сѣвер. Пчела 1847. № 281 и т. д.

[4]) Приведу нѣсколько выдержекъ. „Г-жа Т. Ч. заслуживаетъ полной похвалы. Языкъ ея чистъ и разсказъ привлекателенъ... Книга г-жи Т. Ч. есть одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ нашей литературѣ. Не гонялась за рѣшеніемъ современныхъ вопросовъ, она только рѣшаетъ вопросы близкіе женскому сердцу". (Фин. Вѣст. 1847. № 8. стр. 49).

Трудно было дать о книжкѣ плохой отзывъ. Обѣ повѣсти были мило, просто, правдиво написаны,—это были какъ бы картинки съ натуры, растушеванныя талантливой рукой. Въ первой изъ нихъ «*Три варіаціи на одну тему*» разсказывается, какъ молодая дѣвушка влюбилась въ мальчика Лёлю. Но, не встрѣчая отвѣта въ его чувствѣ, вышла замужъ. Но и замужемъ все помнила и думала о Лёлѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она встрѣтилась съ нимъ у своей знакомой, только теперь онъ былъ ужъ не Лёля, а m-eur Alexis. Теперь онъ полюбилъ ее,—онъ сдѣлалъ ей нѣчто въ родѣ признанія. Она стала требовать, чтобы онъ уѣхалъ.—Но уѣзжаетъ она, а не онъ. Ея мужъ заболѣлъ, она везетъ его заграницу. Изъ письма пріятельницы узнаетъ, какъ ее страстно, восторженно любитъ Alexis.—Мужъ вскорѣ умираетъ. Она остается 35 лѣтней вдовой. Несмотря на года, она еще очень привлекательна,—выѣзжаетъ на балы. И разъ на балу у губернатора встрѣчается съ Алексисомъ,—только теперь онъ не Алексисъ, а Алексѣй Петровичъ. Онъ былъ уже женатъ, искалъ связей, былъ тщеславенъ, а на нее взглянулъ, какъ на «допотопную» знакомую.

Повѣсть написана просто, живо, читается съ интересомъ, только одно непріятно: авторъ прибѣгаетъ къ избитому способу знакомить съ героиней посредствомъ ея записокъ. Критика указывала автору на этотъ избитый пріемъ. Но замѣчанія критики не предостерегли А. Марченко отъ ошибокъ въ томъ же родѣ. Черезъ 10 лѣтъ въ повѣсти «*Саламандра*» [1]) всю судьбу, всю жизнь героини мы узнаемъ опять изъ записокъ; тотъ же пріемъ встрѣчаемъ и въ романѣ «*Разлучники*» [2]).

Уже въ «*Трехъ варіаціяхъ*» попадаются длинныя отступленія на тему о любви, объ ея живительномъ, благотворномъ вліяніи на человѣка,—какую полноту жизни даетъ любовь и т. д.

„Въ разсказѣ ея есть теплота, женственность, замѣтны наблюдательность, способность задумывать характеры, склонность входить въ закоулки души въ психологическій анализъ“... „Недосозданность повѣсти скрывается въ случайности столкновенія такихъ, а не другихъ событій жизни; случайность же никогда не возвысится до единства. Милліонъ лицъ, набросанныхъ на полотно безъ необходимой между ними связи, не составитъ группы. Эта то необходимость и составляетъ одну изъ тайнъ искусства, если художественное произведеніе понимать, какъ нѣчто цѣлое, органически развившееся изъ одной идеи“. (Совр. 1847. № 7. Стр. 105).

[1]) От. Зап. 1859.

[2]) Романъ въ 3 частяхъ. Спб. 1869.

Такія большія лирическія отступленія составляютъ какъ бы неотъемлемую принадлежность женщинъ писательницъ. И Зенеида Р-ва, и Ростопчина, и Жоржъ-Зандъ безпрестанно прибѣгаютъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ къ этой манерѣ лирическихъ изліяній. Лирическія отступленія—это ихъ собственные вздохи, это—ихъ душевный отдыхъ, отливъ ихъ собственныхъ переполняющихъ душу чувствъ. Здѣсь онѣ выливаютъ свои жалобы, недовольство, высказываютъ свои радости—и это даетъ имъ силу на борьбу съ жизнью.

Такими отступленіями переполнена и повѣсть «*Гувернантка*», гдѣ красивая Елена, дочь нѣкогда богатыхъ родителей, принуждена силою обстоятельствъ или выдти замужъ за какого нибудь человѣка со средствами, или идти въ гувернантки. «Но выдти замужъ безъ любви за человѣка, который ждетъ любви, который увѣренъ въ ней; бояться убить въ немъ эту увѣренность, бояться оскорбить его равнодушіемъ, и потому отягчить себя вѣчнымъ притворствомъ и вѣчно бороться съ своими чувствами и вѣчно видѣть ту же безотрадность, хотя другаго рода—это было выше силъ Елены. А между тѣмъ остаться въ домѣ родительскомъ она не хотѣла. Что за цѣль, что за будущность! Она уже теперь была безполезной вещью, а въ 20 лѣтъ стала бы тягостью для своего отца. Какъ тяжела, какъ горька эта жизнь, проведенная безъ пользы, въ ничтожествѣ, когда такъ много силъ, и умъ, и душа развиты вполнѣ, кипятъ жизнью, а назначеніе—хоронить ихъ заживо» [1])...

И Елена не хочетъ, она не въ силахъ идти общей колеей притворнаго замужества ради того только, чтобы пристроиться, найти свой стулъ въ обществѣ,—она идетъ въ гувернантки.

Это были смѣлыя мысли, отважные поступки,—ихъ рядомъ съ литературными достоинствами повѣстей нельзя было не замѣтить, не оцѣнить. «*Путевыя замѣтки*» *Т. Ч.* отмѣтилъ даже и Бѣлинскій въ статьѣ: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» [2]). Онъ называетъ книжку А. Марченко единственною замѣчательною вещью по части словесности, вышедшей въ этотъ годъ: «Эта маленькая, красиво напечатанная книжка, вышедшая въ Одессѣ; авторъ—женщина; это видно по всему, особенно по взгляду на предметы. Много сердечной теплоты, много чувства; жизнь—невсегда понятая, или понятая уже

---

[1]) Стр. 65.

[2]) Соч. Бѣлинскаго. Т. II. Стр. 425.

слишкомъ по женски, но никогда не набѣленная, не нарумяненная, увлекательный разсказъ, прекрасный языкъ: вотъ достоинства двухъ разсказовъ г-жи Т. Ч.»

VI.

Такіе отзывы давали, конечно, много бодрости и окрыляли на дальнѣйшій писательскій трудъ. И А. Марченко выступаетъ въ слѣдующій же годъ сотрудницей Сѣвернаго Обозрѣнія [1]) и Современника [2]),—затѣмъ встрѣчаемъ ее въ Отечественныхъ Запискахъ [3]), гдѣ дѣлается постоянной сотрудницей, печатая не только повѣсти, стихотворенія, но и большіе романы. Изрѣдка ея имя появляется и въ Русскомъ Вѣстникѣ [4]), гдѣ авторъ одновременно подписался и буквами Т. Ч. и фамиліей А. Марченко, отождествивъ такимъ образомъ инціалы Т. Ч. съ своей фамиліей, что нѣкоторые относили къ двумъ различнымъ лицамъ. Въ Библіотеку же для Чтенія она попала уже послѣ той хвалебной рѣчи, какою встрѣтилъ рецензентъ этого журнала второй выпускъ *«Путевыхъ замѣтокъ»* [5]), изданныхъ въ 1849 году въ Одессѣ тѣмъ же книгопродавцемъ Тотти [6]). Въ этотъ выпускъ вошли три повѣсти: *«Танцевальный учитель»*, *«Четверть жизни человѣческой»* и *«Поздно»*, помѣщенная раньше въ Современникѣ.

Этотъ томикъ *«Путевыхъ замѣтокъ»* опять былъ встрѣченъ хоромъ похвалъ со стороны тѣхъ же журналовъ,—только Библіотека для Чтенія на этотъ разъ превзошла всѣхъ изысканностью своихъ похвалъ [7]).

---

[1]) 1848 года, № 4, повѣсть „Поздно“.

[2]) 1849 г., № 4, повѣсть „Тернистый путь“, посвященная А. А. Скальковскому.

[3]) 1850 г. № 5. Повѣсть „Тѣни прошлаго“.

1853 г. сент. Два стихотворенія.

1855 г. №№ 1—2—3. Романъ въ 3 частяхъ „Дина“.

1855 г. іюнь,—повѣсть „Вокругъ да около“,—гдѣ въ первый разъ Т. Ч. замѣнены фамиліей.

1856 г. № 8, повѣсть „Горы“.

1858 г. (или 1859), повѣсть „Саламандра“.

[4]) 1858 г. Т. XI, №№ 17, 18—современная повѣсть „На походѣ“.

[5]) Второе изданіе „Путевыхъ замѣтокъ“ вышло въ Петербургѣ въ 1853 г.

[6]) 1853. 121—122: „Умная женщина“.

[7]) Не могу не сдѣлать хоть маленькой выписки: „такъ они (разсказы) милы, такъ тонки, прозрачны, неуловимы: это кружево, плетенное изъ лунныхъ лучей, которое развертывается безконечнымъ серебристымъ узоромъ въ пріятной темнотѣ

Въ небольшой промежутокъ, лѣтъ въ 12, Анастасія Яковлевна написала больше пятнадцати повѣстей и романовъ. Изъ повѣстей назову, какъ лучшія: «*Первый шагъ*» или вѣрнѣй «*Тернистый путь*», куда «*Первый шагъ*» входитъ какъ начало повѣсти, «*Вокругъ да около*», «*Горы*», «*Саламандра*»... Всѣ онѣ съ удовольствіемъ могутъ быть прочтены и въ наше время. Остальныя же не представляютъ ни новыхъ типовъ, ни положеній,—это осколки только что названныхъ произведеній, откуда выглядываютъ все тѣ же герои, только не въ видѣ полныхъ характеровъ, а какъ силуэты или же просто черновые наброски. То же можно сказать и о романахъ, выдѣливъ изъ нихъ романъ «*Мыльные пузыри*», какъ кульминаціонную точку литературнаго и художественнаго развитія писательницы. Напр., первая часть романа «*Разлучники*» есть та же повѣсть «*Саламандра*», только въ значительно худшей редакціи: одно и то же положеніе семейныхъ дѣлъ заставляетъ героиню искать заработка и уйти изъ дому съ любимымъ чоловѣкомъ.

Главный мотивъ всѣхъ повѣстей писательницы—любовь, по преимуществу любовь женская во всѣхъ ея положеніяхъ, изгибахъ и проявленіяхъ. Мужчина выводится только, какъ необходимая принадлежность этой любви,—но какъ самостоятельное лицо, могущее интересовать собою читателя, какъ главное лицо, на себѣ сосредоточивающее интересъ, онъ выводится только въ одной повѣсти «*Тѣни прошлаго*». Едва ли это не самая слабая вещь изъ всѣхъ произведеній Марченко. Герой, какъ и вообще вся повѣсть, носитъ на себѣ сильное подражаніе Пушкину. Герой «*Тѣней прошлаго*» напоминаетъ въ карикатурѣ Онѣгина: онъ играетъ роль, представляется разочарованнымъ, но играетъ такъ неискусно, что не можетъ замаскировать своей игры; это просто глупый и пустой человѣкъ.

Къ тому же этотъ характеръ, какъ и вообще всѣ мужскіе характеры, плохо удается автору. Впрочемъ, на этотъ недостатокъ, какъ общій всѣмъ писательницамъ, указывали давно и указывали справедливо. Справедливость такого замѣчанія не подрываетъ и Жоржъ Зандъ своими многочисленными произведеніями. Ея герои часто безжизненны, созданіе ихъ неполно, они повернуты къ читателю только той стороной, какой мужчина обращается къ женщинѣ. А его общественное положеніе, общественная физіономія почти совсѣмъ не

задумчивости и тоски. Это—воздухъ, въ которомъ по гладкой синевѣ текутъ облака"... Библ. д. Чт. 1849. Сент. 1—2 стр.

интересуетъ писательницу.—Все это можетъ быть съ одинаковой справедливостью отнесено ко всѣмъ произведеніямъ А. Марченко. Какъ Ж. З., такъ и Марченко, задавшись въ жизни и въ литературѣ одними мотивами, одними интересами—любовь во всѣхъ ея проявленіяхъ, не переходящихъ границу чистаго чувства,—онѣ и на мужчинъ смотрѣли только, какъ на предметъ женской страсти, на причину горя и радости женщины. Потому понятно, что у нихъ мужскіе образы выходили односторонни, блѣдны, дѣланны, въ нихъ сказывалась та предвзятая мысль, по которой лѣпился образъ мужчины.

И Ж. З., и Марченко, выступая адвокатами женскаго чувства—за его право свободно жить и развиваться, смѣло, открыто, также какъ общество допускаетъ жизнь любви для мужчины (въ ея лучшемъ смыслѣ),—незамѣтно для себя увлекаются и впадаютъ въ неизбѣжный недостатокъ каждаго адвоката: умалить противника и возвести на недосягаемый пьедесталъ своего кліента. Мужчина повѣстей Марченко всегда уступаетъ женскимъ характерамъ и превосходитъ женщину развѣ только со стороны внѣшности: герой въ повѣстяхъ Марченко почти всегда красивый и молодой, женщина чаще—некрасива и стара. Этотъ красавецъ—герой непремѣнно служитъ въ военной службѣ и занятъ, кромѣ жизненныхъ наслажденій, еще фронтомъ.

Кромѣ каррикатуръ на Онѣгина, Печорина, въ романахъ и повѣстяхъ Марченко мы встрѣчаемся и съ мечтателями въ родѣ Ленскаго, которые чахнутъ отъ самоотверженной, нераздѣленной любви,—каковъ Васильевъ въ романѣ «*Дина*». Всѣ они живутъ, ничего не дѣлая, или наслѣдіемъ отцовъ, или на счетъ благодѣтелей; цѣлые дни проводятъ въ куреніи сигаръ,—отъ скуки развлекаются любовью. Это народъ вялый не только въ моральномъ, но и въ физическомъ отношеніи, больной, разслабленный, живущій исключительно заботою о себѣ,—это неисправимые эгоисты, которымъ ничего не значитъ пошутить съ дѣвушкой въ любовь, а прошла охота—бросить надоѣвшую игрушку, не задумываясь. Таковъ герой повѣсти «*Тѣни прошлаго*». Если же между этими эгоистами выдаются люди, одаренные крѣпостью мышцъ, подвижностью, здоровьемъ, каковъ Борисъ въ повѣсти «*Горы*»,—изъ него выходитъ прекрасный глисёръ; онъ на скачкахъ беретъ первый призъ... Борисъ не задается никакими правилами жизни; съ нравственной стороны онъ эгоистъ много худшей породы, чѣмъ герой «*Тѣней прошлаго*»,—тотъ былъ хоть искрененъ въ чув-

ствѣ, а у этого чувствомъ драпируется или тщеславіе, или матеріальныя выгоды.

И только въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ (*Дина*, *Мыльные пузыри*) выводятся мужчины съ высшимъ образованіемъ. Таковъ Поль, братъ Дины; онъ кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ, вступилъ въ жизнь съ жаждой принести пользу человѣчеству; но что вышло изъ этого пылкаго юноши? Послѣ ряда печальныхъ, но неизбѣжныхъ смертныхъ исходовъ съ его паціентами, которыхъ онъ старался изо всѣхъ сихъ поставить на ноги, онъ увидалъ, что его наука безсильна: смерть уносила у него изъ-подъ рукъ все дорогое, что онъ любилъ, что готовъ былъ спасать цѣною собственной жизни, и онъ пересталъ серьезно смотрѣть на жизнь. Поль—это типъ, довольно часто встрѣчающійся, а еще больше встрѣчавшійся въ жизни среди людей, начинающихъ жить съ идеальными взглядами. Но въ изображеніи Марченко—это не типъ, не живое лицо, даже не силуэтъ, какими выходятъ герои перваго типа,—это только идея.

Вотъ и весь мужской персоналъ повѣстей и романовъ Марченко, если не упоминать о танцевальномъ учителѣ, морякѣ Иванѣ Петровичѣ (въ повѣсти «*Вокругъ да около*»), напоминающемъ Лермонтовскаго Максима Максимовича,—и симпатичнѣйшаго учителя рисованія Евгенія Семеновича, о которомъ говорилось раньше. Любовь послѣдняго не старѣетъ, не слабѣетъ; онъ любитъ съ полнымъ самоотверженіемъ, глядитъ на обожаемую женщину только издали—и незримо для нея играетъ роль ея ангела хранителя. Это, кажется, лучшій мужской типъ повѣстей Марченко—гуманный, самоотверженный; но вѣдь онъ не герой,—это второстепенное, аксессуарное лицо, это—учитель, на котораго тѣ, кого онъ любитъ, не бросятъ вниманія.

VII.

Насколько однообразны и мало удачны въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія мужскія лица въ произведеніяхъ Марченко,—за исключеніемъ «Мыльные пузыри»,—настолько удивляютъ разнообразіемъ, удачею, цѣльностью воспроизведенія женскіе типы, въ особенности тѣ, которые приглашены играть второстепенную роль. Онѣ выходятъ, пожалуй, удачнѣе главныхъ героинь.

Всѣ второстепенныя женскія фигуры служатъ яркимъ доказательствомъ способности автора наблюдать, подмѣчать самыя разно-

образныя способности души, характера, а главное—живо воспроизводить цѣльный женскій образъ послѣ одной—двухъ мимолетныхъ встрѣчъ. Какъ хороша, напримѣръ, въ своей невинности и беззащитности молоденькая съ бѣлыми волосами нѣмочка Эмма въ «*Тѣняхъ прошлаго*», съ которой развлекается герой Березовъ, отъ скуки бросающій на нее молніеносные взгляды, и которая въ него, безъ сомнѣнія, влюбилась. Или въ романѣ «*Дина*» какъ прекрасно удался типъ Вареньки—этой легкомысленной дѣвочки, которая сама не знаетъ, кого любитъ—романтика ли Васильева, или легкомысленнаго, пустаго князя Радуцкаго. И ее не трудно склонить выдти за любаго изъ нихъ. Подумать о нравственныхъ достоинствахъ жениха ей и въ голову не приходитъ, да и молода еще она для этого. Впрочемъ, и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ она думаетъ весьма мало.

Скоро она сдѣлалась женой богатаго князя Радуцкаго,—также скоро мужъ разлюбилъ ее и сошелся съ другой. Варенька недолго грустила: у нея была масса поклонниковъ, но она отдала предпочтеніе красивому, молодому Максу де Вильеръ, который считалъ десятками свои побѣды надъ женщинами. Онъ завладѣлъ ею деспотически, требовалъ, повелѣвалъ,—и въ этомъ рабскомъ поклоненіи она находила свое счастье.

Въ повѣсти «*Горы*», гдѣ не безъ улыбки описывается великосвѣтское петербургское общество, его пустота, безсодержательность, пустая болтовня, сплетни, свѣтскій тактъ,—выводится много женскихъ лицъ: и княгиня бабушка, напоминающая извѣстный Грибоѣдовскій типъ, и безличныя, ради мебели присутствующія въ гостинной дамы, «которыя способны вышивать только англійскимъ швомъ», и Зина, вышедшая замужъ за нелюбимаго человѣка и потомъ отдававшаяся легко всякому летучему чувству...

Всего же больше и разнообразнѣе женскихъ типовъ встрѣчается въ романѣ «*Мыльные пузыри*»; тутъ между прочимъ мелькаютъ типы провинціальнаго общества, напоминающіе гоголевскихъ дамъ—просто пріятную и пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, которыя снуютъ изъ одного дома въ другой и, какъ кружево, плетутъ сплетни. Особенно женскими типами изобилуетъ 2-я часть романа, гдѣ разсказывается о прошломъ героя Салынина. Здѣсь выводятся тѣ женщины, съ которыми онъ встрѣчался. И какъ онѣ прекрасно удаются автору! Какъ рельефно и мѣтко очерчиваетъ онъ эту женщину—кошечку Фанни!—«Она была миніатюрна и слаба; малютка по росту, ребенокъ по силѣ, съ бѣлой и блѣдной кожей, съ сверкающими сѣрыми

глазами, съ улыбкой, пробѣгающей быстрѣе молніи по полненькимъ губамъ, съ граціозными, вкрадчивыми и коварными движеніями красивой кошки» [1]).

Эта женщина кокетничала своею слабостью, завлекала мужчинъ, чтобы поиграть, какъ кошка съ мышкой. «И все это дѣлалось съ такимъ простодушіемъ, во всѣхъ этихъ выходкахъ былъ видѣнъ прелестный избалованный ребенокъ, игрушка блестящая, дорогая и ломкая, которою любуешься и за которую вѣчно боишься» [2]). Мужчину привлекаетъ она «своей женственностью, слабостью, что она вѣчно какъ будто ищетъ опоры, покровительства, защиты, что женщина именно мила свей беззащитностью и отсутствіемъ геройства».

Въ этомъ романѣ даже на обрисовкѣ этихъ второстепенныхъ фигуръ бросается въ глаза значительный ростъ автора. Это уже не силуэты,—это ясно очерченные, опредѣленные типы. Напримѣръ, эта лицемѣрка, разыгрывающая роль женщины долга,—роль молчаливой страдалицы баронесса Ш., которая на самомъ дѣлѣ давитъ въ домѣ всѣхъ своимъ деспотизмомъ, или еще эта чудная наѣздница цирка Гастана Альфино, представленіе которой описано такъ мастерски.

«Гастана, все еще стоя на своей лошади, протянула ногу на ругую; вторую пару прицѣпили къ легкимъ шлеямъ впереди и подали бенефиціанткѣ длинныя возжи, музыка заиграла. Плясали и пѣнились кони. Гастана улыбалась и смотрѣла на публику, стоя спокойно на двухъ лошадяхъ, сдерживая пылъ всей четверни. Она проѣхала четвертую долю арены шагомъ, вторую четверть—рысью, третью—галопомъ, въ бѣшеный карьеръ всей четверни унеслась при крикахъ и неистовыхъ рукоплесканіяхъ зрителей. Толпа вздохнула свободнѣй: во все время этой страшной игрушки не было груди, въ которой бы не сперлось дыханіе, не замерло сердце, не было глазъ, которые покинули бы хоть на минуту это слабое, ничтожное созданіе въ отважной борьбѣ съ четырьмя сильными и разъяренными конями. И когда растянулось каждое изъ гордыхъ животныхъ, когда бѣшено рванулись они и въ неистовый карьеръ понеслись, и взоръ едва могъ замѣтить красную греческую шапочку и тонкую руку, натянувшую длинныя возжи—всѣ невольно крикнули, и всѣ головы, унизывающія циркъ, подались впередъ съ выраженіемъ трепетнаго ожиданія» [3]).

---

[1]) 86—87 стр.

[2]) 90 стр.

[3]) 125 стр.

Умѣнье живо, хорошо описать разговоръ, нарисовать сцену или нѣмую картину—все это было замѣтно у Марченко еще въ первыхъ, даже самыхъ раннихъ повѣстяхъ; но мастерскаго выполненія не только сценъ и картинъ, но изображенія тонкаго психологическаго анализа она достигла въ концѣ 50-хъ годовъ, въ своемъ романѣ *«Мыльные пузыри»*.

VIII.

За то главныя героини повѣстей А. Марченко—или вѣрнѣй—героиня, такъ какъ онѣ почти всѣ составляютъ развитіе одного и того же не только типа, а даже лица—эта героиня головою выше всѣхъ остальныхъ фигурирующихъ въ произведеніяхъ женщинъ и мужчинъ.

Начиная съ самой ранней, еще почти дѣтской повѣсти—*«Гувернантка»*, кончая *«Мыльными пузырями»* и повѣстью *«Саламандра»*, героиней выступаетъ женщина сознательная, думающая,—какъ скоро она выходитъ изъ періода дѣтства. Но и въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ Ниночка въ *«Тернистомъ пути»*, она стоитъ передъ нами чистая, невинная, мягкая, любящая, но какъ ребенокъ еще легкомысленная, съ дѣтской радостью относящаяся къ первому свѣтскому выѣзду—балу, отъ котораго быстро заноситъ ногу на «тернистый путь»—на дорогу замужней жизни, гдѣ ее встрѣчаютъ шипы и тернія. Какъ ребенокъ, она легкомысленно, по дѣтски глядитъ на бракъ; но когда жизнь не щадитъ этого милаго, невиннаго ребенка, она выростаетъ въ женщину, не утрачивая своей способности любить горячо, крѣпко съ чувствомъ всепрощенія.

Въ слѣдующихъ повѣстяхъ главная героиня далеко не въ такомъ раннемъ возрастѣ, какъ Ниночка, выходитъ замужъ: она знакомится съ жизнью и людьми еще до брака. Она, какъ въ романѣ *«Мыльные пузыри»*, успѣваетъ еще до замужества пожить трудовою жизнью. Юлія Михайловна, рано лишившаяся родителей, остается по окончаніи курса въ томъ же пансіонѣ учительницей музыки. Жизнь въ стѣнахъ пансіона, ограждавшая отъ жизненныхъ бурь, разумѣется не тронула ни ея идеальныхъ взглядовъ, ни нарушила ея вѣры въ людей. Такъ что и тутъ, хотя и въ болѣе позднемъ возрастѣ, но въ смыслѣ знанія жизни она выходитъ замужъ такимъ же ребенкомъ, какъ и Ниночка въ *«Тернистомъ пути»*. На этотъ разъ надежды не обманули Юлію Михайловну. Улимовъ—ея мужъ—не чаялъ въ ней души,—за то ее

постигло едва ли не большее несчастіе, чѣмъ Ниночку: любимый ею мужъ на ея глазахъ постепенно и безвозвратно сходитъ съ ума. Какъ прекрасно здѣсь выдержаны всѣ переходы этого злаго недуга отъ самаго незамѣтнаго зарожденія до гигантскаго роста, когда человѣкъ совершенно отдѣляется отъ міра дѣйствительной жизни и уносится окончательно въ созданный болѣзненной фантазіей мірокъ. Прекрасно выдержанъ самообманъ и страхъ больнаго за дорогое существо—за жену, на которую, по его мнѣнію, обратилась наслѣдственность, тяготѣющая надъ родомъ Улимовыхъ. Мысль о наслѣдственности, о больной матери не давала покою Улимову, когда онъ былъ еще маленькимъ. Новое направленіе этой мысли далъ товарищъ Пленчаниновъ въ лѣта юности: онъ сказалъ, что наслѣдственность можетъ перейти на ту женщину, съ которой Улимовъ соединитъ свою жизнь. И эта мысль болѣзненно засѣла въ душу молодаго человѣка. Но тутъ встрѣча съ Юліей Михайловной, любовь, женитьба... какъ бы разсѣяли мрачныя думы. Онъ забылся и былъ счастливъ. Но не надолго. Мысль, та же мысль о переходѣ наслѣдственнаго недуга на горячо любимую жену не давала ему покоя.

Замѣчая его грусть, жена невольно и сама становилась грустна. Это еще болѣе усиливало подозрѣніе мужа на счетъ того, что жена уже захворала ужаснымъ недугомъ. Онъ всѣми силами старается, чтобы другіе этого не замѣтили. Когда замѣчалъ тревожные взгляды жены, устремленные на него самого, онъ приходилъ въ неописанную тревогу: онъ видѣлъ въ этихъ заботахъ наивѣрнѣйшее подтвержденіе своихъ догадокъ, т. е. что женою овладѣваетъ idée fixe—что не она, а мужъ боленъ... И вотъ это то состояніе его съ каждымъ днемъ по пріѣздѣ съ женой за границу становится все тревожнѣе. И наконецъ разростается яснымъ, открытымъ приступомъ сумасшествія,—то было въ театрѣ во время представленія пьесы, въ которой была выведена сумасшедшая жена, не признающая себя больной. Въ пьесѣ много было аналогичнаго съ положеніемъ Улимовыхъ, и Улимовъ, смотря на сцену, пришелъ въ страшное возбужденіе.

Жена, глядя на него, плакала. Мужъ приписалъ ея слезы не сожалѣнію, которымъ она была охвачена, а какъ бы признанію въ героинѣ пьесы собственной своей болѣзни...—Вотъ это qui pro quo до того хорошо выдержано, съ такимъ тактомъ, умѣньемъ, такъ тонко анализировано душевное состояніе больнаго, подозрѣвающаго свою болѣзнь въ другомъ, что положительно эта часть романа могла бы сдѣлать честь перу любаго высокоталантливаго автора съ наклонностью

заглядывать въ душу больныхъ героевъ.—Здѣсь особенно хорошо удается автору дневникъ больнаго, который ведется на протяженіи долгаго времени. Вы видите, какъ болѣзненный зародышъ болѣзненной мысли постепенно ростетъ у васъ на глазахъ и, какъ червь, подтачиваетъ душу, подтачиваетъ все, что въ ней есть здороваго, для котораго уже не остается мѣста. Вотъ что мы читаемъ въ концѣ дневника: «Я знаю, почему чижъ пересталъ пѣть сегодня въ клѣткѣ подъ окномъ нашей привратницы, и почему листья посыпались съ деревьевъ Тюльерійскаго сада. Но это моя тайна, я ее никому не скажу. А продавецъ старыхъ платьевъ, что всегда въ 8 часовъ кричитъ у насъ подъ окномъ, будетъ ангажированъ на слѣдующій сезонъ первымъ теноромъ въ здѣшнюю оперу—это достовѣрно. Журналы еще не говорятъ, боятся прокричать преждевременно, но онъ былъ ученикомъ великаго Дюпре—и вотъ какъ судьба играетъ талантами, людьми съ способностями. Завтрашній день я сойду и буду ждать его появленія, я скажу ему, что знаю его тайну, и посовѣтую непремѣнно принять предложеніе оперной дирекціи. Зачѣмъ ему скрываться передо мной? Я не принадлежу ни къ одной партіи» [1]).

Также удачно изображено и дальнѣйшее развитіе болѣзни, и лѣчебница въ Парижѣ, и больные ея обитатели,—прекрасно изображено, какъ постепенно умираетъ заживо человѣкъ для всѣхъ близкихъ и всего окружающаго.

Но Юлія Михайловна, какъ женщина, привязанность которой неизмѣнна, остается вѣрна своей любви и къ больному мужу. Она слѣдитъ за нимъ, мучается развитіемъ его болѣзни и не покидаетъ его до тѣхъ поръ, пока доктора и свекоръ не заставляютъ помѣстить больнаго въ лѣчебницу душевно-больныхъ въ Парижѣ.

Но, кажется, только Юлія Михайловна и героиня *«Тернистаго пути»* выходятъ замужъ на первыхъ страницахъ разсказа; въ другихъ же, за исключеніемъ *«Дины»* и *«Саламандры»*, гдѣ читатель на послѣдней старницѣ узнаетъ, что героиня вотъ вотъ сейчасъ выйдетъ замужъ—черезъ день, черезъ два, какъ съ ней разстанется читатель,—героини мелькаютъ передъ нами въ моменты тѣхъ тяжелыхъ испытаній, какія имъ посылаетъ свободная любовь: онѣ влюбляются, имъ отвѣчаютъ тѣмъ же,—но ихъ скоро бросаютъ. Чувство въ мужскомъ сердцѣ тухнетъ раньше,—чуть не при самомъ зарожденіи; женщина же долго переживаетъ этомъ ударъ—будетъ ли онъ первымъ, какъ въ

[1]) 190 стр.

повѣсти «*Вокругъ да около*» и въ «*Саламандрѣ*», или вторымъ и третьимъ, какъ въ «*Горахъ*», «*На походѣ*», въ 2-ой и 3-ей части «*Мыльныхъ пузырей*», въ которыхъ каждый разъ любовь кончается разлукой. Эту способность женщины любить глубоко, долго, постоянно авторъ не только отмѣчаетъ, но подчеркиваетъ, выставляетъ на видъ, какъ бы въ укоръ чувству мужчины, который любитъ слабо, поверхностно и чаще, по мнѣнію автора, совсѣмъ не любитъ, а только тѣшится, наслаждается любовью, развлекается ею отъ скуки.

Въ этомъ, а также и въ невысокой нравственности мужчины авторъ усматриваетъ причину его непостоянства. Мы видѣли, мужчина у нея постоянно эгоистъ, занятъ только собой, жалѣетъ только себя. Любитъ онъ или отъ скуки, или подстрекаемый гордостью, недоступностью героини,—и въ послѣднемъ случаѣ онъ направляетъ всю свою энергію къ тому, чтобы вызвать любовь, достигнуть взаимности; а какъ только цѣль достигнута, самолюбіе удовлетворено, всѣ стимулы любить и высказывать любовь исчезли.—Таковъ мужчина въ произведеніяхъ Марченко. Понятно, чѣмъ выше, чѣмъ лучше, чѣмъ развитѣе женщина, встрѣтившая и полюбившая такого мужчину, тѣмъ больше она должна выстрадать и перенести горя. И почти всѣ героини Марченко очень страдаютъ. Онѣ любятъ, страдая, и, страдая, не перестаютъ любить.—Но какъ могутъ онѣ—такія умныя—любить такихъ пустыхъ, такихъ пошлыхъ, больше чѣмъ заурядныхъ, повѣсъ, волокитъ? А гдѣ же было взять лучшихъ героевъ? вѣдь, авторъ жилъ на окраинѣ.

Вспомнимъ, какъ плакалась другая писательница—Зенеида Р—ва, жившая въ екатеринославской губерніи среди общества офицеровъ, товарищей мужа, какъ плакалась, что не съ кѣмъ слова перемолвить, что вокругъ только цѣнители собакъ да породистой лошадиной масти. Взять неоткуда было иныхъ мужчинъ.—Положимъ, впрочемъ, что Марченко въ этомъ отношеніи была счастливѣе Зенеиды Р—вой: Марченко уже съ 17 лѣтъ жила въ Одессѣ, куда наѣзжали, гдѣ жили то тотъ, то другой изъ столичныхъ литераторовъ; въ Одессѣ былъ цѣлый интеллигентный кружокъ педагоговъ, ученыхъ, здѣсь была интеллигентная молодежь—студенты; наконецъ, въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, Марченко переѣхала жить въ Петербургъ... Но Марченко не такъ была требовательна, какъ Зенеида Р—ва. У Марченко мы нигдѣ не встрѣчаемъ жалобы на неудовлетворенность средой или тѣмъ обществомъ мужчинъ, среди которыхъ приходилось жить и вращаться. Только всего разъ въ романѣ «*Разлучники*» она

говоритъ, что не прочь бы была ввести въ свой домъ людей образованныхъ, болѣе подходящихъ къ ней по развитію, уму, чѣмъ общество офицеровъ, товарищей мужа, но она не хочетъ стѣснять мужа своими знакомыми.—За что же она и ея героини такъ любили? Просто потому, что любили; а любили потому, что это была ихъ сфера. Инаго отвѣта вы не найдете у писательницы. Ея героини оскорблялись, мучились, изнывали, видя, какъ чувство мужчины къ нимъ тухнетъ. Но онѣ никогда не упрекали, не мстили любимому человѣку, а продолжали и послѣ этого еще долго беззавѣтно любить и только самихъ себя считали во всемъ виноватыми.

IX.

Главная героиня Марченко нерѣдко живетъ для родныхъ, трудится для нихъ, даетъ уроки; всегда серьезно относится къ жизни и къ людямъ, не увлекается легкими побѣдами, свѣтскимъ успѣхомъ; это человѣкъ почти всегда съ сильнымъ характеромъ и почти всегда симпатичный. Она не легко и не вдругъ поддается чувству: она долго, упорно отталкиваетъ отъ себя надвигающееся счастье, не довѣряя ему,—скептицизмъ въ ней посѣянъ самой жизнью, окружающимъ. Она всегда воспитывается на волѣ и просторѣ, ея молодымъ силамъ и развитію нѣтъ преградъ,—потому она всегда выходитъ сильная, крѣпкая, самостоятельная, энергичная, гордая. Она держитъ себя независимо, не подчиняясь людскому мнѣнію, для нея всего важнѣе ея собственный судъ, ея собственное мнѣніе. Вотъ характерный разговоръ Маргариты Юрьевны въ повѣсти «*Вокруъ да около*» съ другомъ ея отца Иваномъ Петровичемъ, служащимъ въ морской службѣ:

— По моему мнѣнію, сказала Рита (Маргарита), принявъ самый серьезный тонъ: не слѣдуетъ дѣлать только то, что приноситъ вредъ другимъ или дѣлаетъ насъ самихъ дурными. Развѣ я сдѣлаюсь хуже оттого, что буду курить или сдѣлаю этимъ вредъ кому нибудь?

— Конечно, нѣтъ; но знаете ли, какъ непріятно видѣть, когда женщина куритъ, скачетъ на лошади или стрѣляетъ изъ пистолета?

— Кому непріятно? Вѣрно, вамъ только, Иванъ Петровичъ.

— Нѣтъ, всякому благоразумному; а я такъ просто терпѣть такихъ женщинъ не могу.

Рита встала.

— Такъ прошу васъ выбирать себѣ общество женщинъ, которыя плачутъ и падаютъ въ обморокъ отъ каждаго вздора, сказала она, разобиженная не на шутку. Я не курю и курить не стану, потому что это мнѣ не доставляетъ никакого удовольствія; но стрѣляю изъ пистолета очень недурно и мастерски ѣзжу. Если бы вы

были кавалеристомъ, то вѣрно съ радостію бы предложили себя въ спутники на моихъ прогулкахъ, а такъ какъ вы сами на лошади похожи на ночную бабочку, то конечно—не рѣшитесь и найдете, что гораздо красивѣе для женщины править гичкой, нежели лошадью [1]).

Дальше такой свободы, какъ право ѣздить верхомъ, право любить безъ брака, любить безъ мысли о бракѣ,—дальше этого у Марченко свобода женщины не идетъ. Ея Рита по тому времени дѣлаетъ уже большой шагъ, рѣшаясь вступить съ Кермутовымъ, котораго видала только въ театрѣ, въ переписку,—свѣтъ за это, конечно, не преминулъ бы ее наказать или по крайней мѣрѣ осудить. А Рита, какъ видимъ, не придаетъ цѣны мнѣнію свѣта, она спрашивается собственнаго чувства, собственной совѣсти. Если собственное чувство за нее, она не побоится уйти изъ дому и жить съ любимымъ человѣкомъ безъ брака, если его женитьбѣ мѣшаютъ родные или даже просто съ его стороны боязнь испортить карьеру. Авторъ является защитницей такихъ женщинъ, грудью и собственной любовью защищаетъ ихъ отъ нападокъ свѣта, старается указать, какая громадная пропасть лежитъ между этой любящей беззавѣтно женщиной и содержанками, кокотками и т. д. Ея героиня Саламандра, пренебрегшая мнѣніемъ свѣта и ушедшая изъ дома аристократки - благодѣтельницы къ любимому человѣку, — спокойна душей и не краснѣетъ за свою любовь. «Меня никогда никто не могъ убѣдить, пишетъ она въ своемъ дневникѣ, что я должно краснѣть за свою любовь. Я постоянно чувствовала, что съ первой и до послѣдней минуты въ этой любви было полное, безграничное самоотверженіе»..... «Кого могла я бояться, чьего суда трепетать? Суда Божьяго, конечно, и суда своей совѣсти»... «Пусть судятъ меня равнодушные: я чувствовала, что это осужденіе не упадетъ на мою голову, а пролетитъ мимо».

Не слышится ли въ этихъ горячихъ адвокатскихъ рѣчахъ за право женщины любить того, кто любится,—не слышится ли проповѣди Жоржъ-Зандъ? Авторъ осторожно переносилъ эту проповѣдь въ русскую жизнь, не разливая ее въ тотъ безграничный потокъ, какимъ лилась она въ произведеніяхъ Жоржъ-Зандъ, а постепенно примѣняя и приспособляя ее къ русской жизни.—Такая горячая защита высокой, безкорыстной свободной любви, олицетвореніемъ которой является симпатичная фигура Саламандры, разумѣется, была новымъ

[1]) 407 стр.

шагомъ въ нашей литературѣ такъ же, какъ и адвокатская рѣчь за право женщины любить много разъ въ жизни. «Неправильно думаютъ—говоритъ Марченко—что можно любить только разъ въ жизни: для женщины это такъ же невозможно, какъ и для мужчины, но ни въ томъ, ни въ другомъ не должно приписывать этой способности непостоянству вкуса или перемѣнчивости убѣжденій»... [1]). И во всѣхъ такихъ вопросахъ Марченко—подобно Жоржъ-Зандъ—становится защитницей женщины.- Но это ни въ какомъ случаѣ не даетъ права смѣшивать ее съ защитниками и поборниками женскихъ правъ, какіе выступили въ жизни и въ литературѣ въ 60-е годы.—Марченко сама открещивается отъ солидарности съ ними въ своемъ послѣднемъ романѣ «*Разлучники*», собственно въ предисловіи къ нему. «Вотъ эти господа,—говоритъ она—спорятъ тутъ за равноправность мужчины и женщины, а я кладу для насъ—женщинъ—рамки тѣснѣе и горизонтъ уже, я стою только за равноправность мужа и жены, отца и матери семейства» [2]). «Не въ ремеслахъ, не въ должностяхъ гражданскихъ должна только искать женщина своей равноправности: она богата способностями, никто не споритъ, но физической силой она бѣднѣе мужчины, а между тѣмъ физической силы у нея же больше и уходитъ на семейство: таковъ законъ природы; вотъ почему ея равноправность и гражданственность должны быть въ семействѣ и съ семейныхъ ея правъ начинаться»... [3]).

Но авторъ во всякомъ случаѣ не противникъ и дальнѣйшаго расширенія женскихъ правъ, но находитъ, что борьба за первыя нужна настоятельнѣе, неотложнѣе,—съ нихъ должна начаться эмансипація женщины, всецѣло зависящей отъ воли и прихоти мужчины. И самъ авторъ, какъ начинающій проповѣдь о равенствѣ, начинаетъ съ уравненія правъ женщины съ мужчиною на любовь и на одинаковую зависимость другъ отъ друга мужа и жены.

Съ этой стороны А. Я. Марченко по всей справедливости можетъ назваться насадительницей въ нашей литературѣ идей M-me Dudevant, которая несомнѣнно шла гораздо дальше нашей русской Жоржъ-Зандъ, боящейся и ужасающейся мысли о разводѣ.

Къ половинѣ 50-хъ годовъ слѣдуетъ, по всему вѣроятію, отнести переѣздъ Анастасіи Яковлевны въ Петербургъ и ея замужество за Кирѣякова.

[1]) 68 стр.
[2]) Стр. 4.
[3]) Стр. 5.

Съ выходомъ замужъ надолго прерывается ея литературная дѣятельность—и только послѣ ряда долгихъ, семейныхъ неудачъ она пробуетъ опять взяться за перо,—но не ради воспроизведенія тѣхъ или другихъ картинъ, созданія тѣхъ или другихъ образовъ, а ради—обличенія своихъ враговъ—родственниковъ мужа, которыхъ она выводитъ въ романѣ «Разлучники» подъ прозрачными псевдонимами [1]).

Въ литературномъ и художественномъ отношеніи романъ не заслуживаетъ ни вниманія, ни разбора; слишкомъ прозрачно въ немъ желаніе выставить себя прекраснымъ, высоколюбящимъ существомъ и какъ можно сильнѣй унизить родныхъ мужа и все провинціальное херсонское общество, среди котораго жила впослѣдствіи Анастасія Яковлевна Кирьякова. Здѣсь, въ херсонской губерніи, и умерла она въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1880 года.

Читая краткій некрологъ о ней, невольно припоминаешь ея слова на счетъ единственной награды, которая ждетъ художника артиста, писателя за многострадальную, трудную жизнь: «Авторы и композиторы могутъ почувствовать пріятность своей литературной и музыкальной извѣстности хоть одинъ разъ—въ некрологѣ, если только они что либо могутъ чувствовать еще въ пору появленія ихъ некролога. Страницы некролога—это самая утѣшительная будущность для всякаго литератора, одареннаго и талантомъ, и душой; настоящее же его, какъ и слѣдуетъ быть всякому настоящему, уныло. Надо однако надѣяться, что оно пройдетъ мгновенно, а сущность все таки сулитъ некрологъ» [2]).

Молчаніе автора за нѣсколько лѣтъ передъ смертью было причиною, почему не оправдалась его единственная въ жизни награда за его литературную дѣятельность. Пусть же мой очеркъ будетъ тѣмъ некрологомъ на ея могилу, котораго она ждала, какъ должной награды.

Е. Некрасова.

---

[1]) „Новое Время“, 1880 г., № 1685, Некрологъ.

[2]) От. З. 1856. № 8: „Горы“, стр. 134.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія [1]).

1789—1889.

13-го октября кіевская I гимназія ежегодно совершаетъ свой торжественный актъ. Этотъ актъ связывается съ воспоминаніемъ важнаго для кіевскаго общества событія—подписанія императоромъ Александромъ I грамоты на учрежденіе въ Кіевѣ его первой гимназіи. Это было 13-го октября 1811 г. Такимъ образомъ старѣйшее свѣтское учебное заведеніе нашего города закончило 77-й и вступило въ 78-й годъ своей жизни. Но 77 лѣтъ есть возрастъ лишь гимназіи, а первая кіевская гимназія не явилась въ 1811 г. въ видѣ новаго учебнаго заведенія, не имѣющаго прошлаго, а лишь подверглась реформѣ, просуществовавъ до того времени, какъ учебное заведеніе, уже двадцать два года, именно съ 1789 г. Еще до своей реформы гимназія не мало потрудилась въ дѣлѣ просвѣщенія служа образованію кіевскаго населенія, хотя и подъ другимъ названіемъ—«главнаго народнаго училища». Это училище было открыто 1-го мая 1789 г.; съ этого то времени первое свѣтское учебное заведеніе въ Кіевѣ и имѣетъ право начинать свое лѣтосчисленіе. Будемъ надѣяться, что когда нибудь кіевское общество ознакомится съ исторіей просвѣтительныхъ трудовъ

[1]) Пособіями при составленіи этой замѣтки служили: 1) Андріяшевъ, „Историко-статистическое обозрѣніе пятидесятилѣтняго существованія кіевской I-й гимназіи". Кіевъ, 1862; 2) Владимірскій-Будановъ, „Исторія Императорскаго университета св. Владиміра", т. I. Кіевъ, 1884; 3) Графъ Д. А. Толстой, „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II-й". Спб. 1886; 4) Андріяшевъ, „Кіевское главное народное училище" (напечатано въ „Отчетѣ о состояніи кіевской I-й гимназіи за 1885—86 учебный годъ". Кіевъ, 1886.

кіевской первой гимназіи, въ настоящее же время мы хотимъ ознакомить нашихъ читателей съ обстоятельствами возникновенія этого учебнаго заведенія.

Еще въ 1775 году только что созданнымъ тогда приказамъ общественнаго призрѣнія вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность «попеченіе и надзираніе» объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ, при чемъ предписывалось учредить школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ большихъ селеніяхъ. Но результатовъ въ то время не получилось никакихъ. Тогда императрица Екатерина обратилась за совѣтомъ къ извѣстному барону Гримму, и даже предлагала ему взять на себя завѣдываніе учебнымъ дѣломъ въ Россіи. Гриммъ отказался отъ предложенія, хотя и прислалъ императрицѣ записку о школьномъ дѣлѣ. Не задолго предъ этимъ въ Австріи была введена новая система школьнаго образованія. Ознакомившись съ нею при посредствѣ имп. Іосифа II, Екатерина рѣшила принять ее и для Россіи. Въ 1782 г. была открыта коммиссія объ учрежденіи училищъ подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Завадовскаго. Въ эту коммиссію входилъ и Янковичъ де Мирьево, педагогъ, пріобрѣвшій себѣ извѣстность еще въ Австріи и приглашенный теперь въ Россію. Коммиссія рѣшила открыть прежде всего «главное народное училище» въ Петербургѣ, имѣя въ виду сдѣлать его разсадникомъ учителей для училищъ въ имперіи. Это петербургское училище въ протоколахъ коммиссіи носитъ названіе то учительской гимназіи, то учительской семинаріи, но затѣмъ учительская семинарія была отдѣлена отъ главнаго народнаго училища, а позже, при Александрѣ I, преобразована въ педагогическій институтъ. На первыхъ же порахъ коммиссія встрѣтила немалыя затрудненія. Недоставало учителей, не было и руководствъ. Поэтому коммиссія озаботилась составленіемъ учебниковъ, которые и были написаны или профессорами московскаго университета, или учителями учительской семинаріи. Нѣкоторыя руководства были составлены самимъ Янковичемъ де Мирьево.

13-го сентября 1782 г. коммиссія приступила къ выработкѣ общаго плана для народныхъ училищъ. По этому плану всѣ училища дѣлились на малыя, среднія и главныя. Впрочемъ, среднія никогда не были открыты. Малыя училища должны были состоять изъ двухъ классовъ, а главныя изъ четырехъ, при чемъ въ послѣднемъ классѣ курсъ былъ двухгодичный. Сначала были открыты училища въ петербургской губерніи, а въ 1786 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе открыть главныя народныя училища въ 25 губерніяхъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ императрица разослала рескриптъ къ намѣстникамъ губерній, въ которомъ возлагала на нихъ обязанность заботиться объ успѣшномъ ходѣ и развитіи школьнаго дѣла. Она рекомендуетъ имъ побуждать городскія общества къ пожертвованіямъ на великое дѣло народнаго образованія, высказывая, впрочемъ, надежду, что общества эти сами придутъ на помощь правительству въ его благодѣтельномъ, но для того времени гигантскомъ предпріятіи. Создать школьное дѣло, разсыпать училища по всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ городамъ и даже по селамъ,—это дѣйствительно для того времени гигантскій планъ, который могъ быть выполненъ лишь соединенными усиліями правительства и общества (не нужно забывать, что средства государства въ этотъ моментъ были крайне истощены вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ). Къ намѣстникамъ писалъ отъ себя и Завадовскій, обращая ихъ вниманіе на необходимость содѣйствія общества. Въ томъ же 1786 г. было выработано окончательно общее подробное положеніе о народныхъ училищахъ. По этому положенію коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ переименовывалась въ главное правленіе училищъ россійской имперіи, или главное училищное правленіе. Оно состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императрицы, которой и представляло свои доклады. Въ каждой губерніи высшее наблюденіе надъ училищами поручалось генералъ-губернаторамъ, а управленіе ими губернаторамъ, которые становились попечителями училищъ. Училища должны были находиться въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія: приказы обязаны были изыскивать денежныя средства на содержаніе училищъ, устраивать для нихъ помѣщенія, содержать учителей и покупать учебники. Учебная часть ввѣрялась директору народныхъ училищъ, который назначался генералъ-губернаторомъ. Ученіе было безплатное. Экзамены происходили два раза въ годъ: предъ Новымъ годомъ, съ 26 декабря по 6 января, и послѣ Петрова дня, съ 29 іюня по 9 іюля. 5-го августа 1786 г. «Уставъ народнымъ училищамъ въ россійской имперіи» былъ утвержденъ императрицей. 3-го ноября 1788 г. повелѣно было учредить народныя училища въ тѣхъ губерніяхъ (числомъ 14), въ которыхъ они не были еще открыты. Въ числѣ этихъ губерній были и южныя: новгородсѣверская, черниговская, кіевская и харьковская. Въ 1789 г. послѣдовало и самое открытіе училищъ. Еще въ 1788 г. были отправлены изъ кіевской духовной академіи въ Петербургъ четверо молодыхъ людей для приготовленія въ тамошней учительской семинаріи къ занятію преподавательскихъ должностей въ предполагаемомъ глав-

номъ народномъ училищѣ. Въ 1789 г. они возвратились въ Кіевъ, и вслѣдъ затѣмъ правитель кіевскаго намѣстничества назначилъ директоромъ училища Петра Ивановича Симоновскаго. Зданіе для училища было приготовлено на Подолѣ, въ то время самой населенной и важной по торговлѣ части города.

Когда все было готово, правитель намѣстничества объявилъ черезъ управу благочинія жителямъ Кіева о времени открытія училища. Въ 10 часовъ утра 1-го мая 1789 г. двинулась торжественная процессія изъ зданія училища въ Успенскую церковь на Подолѣ, гдѣ совершены были обѣдня и молебенъ. По возвращеніи оттуда, митрополитъ Самуилъ совершилъ водоосвященіе въ самомъ училищномъ зданіи. Затѣмъ были произнесены рѣчи: протоіереемъ Левандой «о важности открываемаго училища» и учителемъ Карабановскимъ «о пользѣ наукъ». Послѣ водоосвященія было провозглашено многолѣтіе императицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, при чемъ произведенъ былъ тридцать одинъ выстрѣлъ изъ магистратскихъ пушекъ. Послѣ этого начато было ученье при всей собравшейся публикѣ, а въ заключеніе вновь принятый ученикъ Семенъ Калиновскій говорилъ рѣчь. Такъ было открыто кіевское главное народное училище и началось въ немъ ученіе.

Въ первомъ классѣ обучали чтенію и письму, а также латинскому языку и одному изъ новыхъ; во второмъ классѣ изучались, кромѣ предметовъ I класса, еще катехизисъ, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, священная исторія, ариѳметика и новые языки; въ III классѣ проходили: пространный катехизисъ и изъясненіе евангелія, россійскую грамматику, ариѳметику, географію, исторію, латинскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ; въ IV классѣ были слѣдующіе предметы: географія, естественная исторія, русская грамматика, латинскій языкъ, одинъ новый языкъ, геометрія, архитектура, механика и физика. Занятія происходили утромъ и вечеромъ, кромѣ среды и субботы, когда послѣобѣденное время полагалось на отдыхъ. Каникулы были лѣтнія и зимнія; лѣтнія продолжались всего одинъ мѣсяцъ. Полугодовыя испытанія происходили торжественно въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ и публики. Предъ началомъ этихъ испытаній кто нибудь изъ учениковъ говорилъ привѣтственную рѣчь, а по окончаніи ихъ произносилась рѣчь благодарственная. Обыкновенно каждый годъ на этихъ экзаменахъ происходилъ также разговоръ между двумя учениками о пользѣ наукъ. Иногда произносились оды, какъ напр. въ 1791 г., когда публика слушала оду «Просвѣтительницѣ россовъ». За успѣхи ученики награждались книгами и похваль-

ными листами. Бывали случаи, что объ успѣхахъ учениковъ публиковалось въ газетахъ. Бывали награды и особенныя. Такъ, въ 1790 г. генералъ-губернаторъ Кречетниковъ за привѣтственную рѣчь, произнесенную ученицей Авдотьей Шишкиной, приказалъ сдѣлать ей платье, а другому ученику «за порядочное чтеніе» пожаловалъ два червонца. Иногда произносили рѣчи и учителя, а позже учитель физики нерѣдко занималъ публику показываніемъ физическихъ опытовъ, что доставляло ей величайшее удовольствіе. Эти опыты производились также и самими учениками.

Въ числѣ учащихся въ главномъ народномъ училищѣ были и дѣвочки, но онѣ заканчивали курсъ двумя низшими классами. Впрочемъ, надо сказать, что и ученики не всегда проходили весь пятилѣтній курсъ. Очевидно, причины этого явленія въ Кіевѣ были тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1789 г. былъ посланъ для осмотра училищъ совѣтникъ академіи наукъ О. П. Козодавлевъ, бывшій нѣкоторое время директоромъ учительской семинаріи въ Петербургѣ, и вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ въ своемъ отчетѣ: «во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученіе въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными, или по крайней мѣрѣ ненужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно *одно токмо чистописаніе*, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы, слѣдственно главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы». Объяснивъ вѣрно причину ухода учениковъ изъ училища до окончанія курса, Козодавлевъ сильно ошибался относительно приносимой училищами пользы. Польза отъ нихъ была, ибо выходило все таки сравнительно небольшое количество учениковъ, а большинство кончало курсъ. Главное же заключалось въ томъ, что были брошены въ русскую почву сѣмена народнаго образованія. «Съ теченіемъ времени, говоритъ графъ Д. А. Толстой, учительская семинарія возвысилась до педагогическаго института, *а главныя народныя училища возросли до*

степени гимназій, что дало учебному вѣдомству возможность наполнить учащими и учащимися въ началѣ этого столѣтія, при существованіи тогда только трехъ гимназій, два университета, харьковскій и казанскій, а впослѣдствіи и петербургскій.

Основаніе въ Кіевѣ главнаго народнаго училища встрѣтило полное сочувствіе въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ, что и выразилось тотчасъ же разнообразными пожертвованіями для бѣдныхъ учениковъ и въ библіотеку училища. Книги для библіотеки пріобрѣтались, кромѣ того, и покупкою приказомъ общественнаго призрѣнія. Эти книжныя покупки и пожертвованія легли въ основаніе библіотеки кіевской I-й гимназіи, такъ какъ библіотека главнаго народнаго училища цѣликомъ перешла къ ней.

Въ такомъ видѣ кіевское главное народное училище существовало съ 1789 по 1803 г., когда начинается постепенный переходъ его въ гимназію. 9-го марта 1803 г. изъ приказа общественнаго призрѣнія получено въ главномъ народномъ училищѣ предложеніе, въ которомъ значилось, что впредь сіе училище будетъ состоять въ вѣдѣніи не приказа, а виленскаго университета. Затѣмъ 29-го іюня того же года новое извѣщеніе, что суммы на содержаніе училища будутъ идти уже изъ казенной палаты, въ размѣрѣ 3736 р. 46 к. Въ это время попечителемъ виленскаго учебнаго округа былъ назначенъ кн. Адамъ Чарторыйскій, ректоромъ виленскаго университета—князь Стройновскій, а визитаторомъ училищъ губерній кіевской, волынской и подольской—Ѳаддей Чацкій. Въ 1804 г. Чацкій въ первый разъ посѣтилъ кіевское главное народное училище и внесъ въ книгу актъ своего посѣщенія *на польскомъ языкѣ*. Чацкій высказываетъ въ своей визитѣ *неудовольствіе*, что учителя не знаютъ *по польски*, что въ библіотекѣ училища нѣтъ *польскихъ книгъ*, а только русскія,—замѣчанія, бывшія началомъ новаго, антиисторическаго направленія въ жизни старѣйшаго кіевскаго учебнаго заведенія, направленія, продолжавшагося до перехода гимназіи въ вѣдѣніе харьковскаго учебнаго округа. Чацкій по отношенію къ вопросу о народномъ образованіи въ юго-западномъ краѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія исключительно польской. Всѣ мѣропріятія его, какъ визитатора училищъ, клонились къ ополяченію края путемъ школьнаго образованія. Во время его правленія русскіе учителя подвергались преслѣдованію. Русскій языкъ разсматривался на равнѣ съ языками иностранными. Взглядъ Чацкаго на нашъ край лучше всего выясняется его собственными словами, въ которыхъ высказывается негодованіе на направленіе школьнаго

преподаванія въ Кіевѣ до его визитаторства. Вотъ эти замѣчательныя слова: «*исторіи россійской учились, а народной исторіи польской почти нигдѣ не преподавали*, полагая, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ уже совсѣмъ не зналъ *собственной* провинціальной исторіи, и что ему слѣдуетъ внушать привязанность къ новому правительству посредствомъ презрительнаго забвенія *собственной земли и собственныхъ предковъ*». Выходитъ, что поляки—предки малороссовъ! И этотъ то историческій абсурдъ былъ положенъ въ основаніе школьнаго дѣла въ южной Россіи.

Впрочемъ жизнь кіевскаго главнаго народнаго училища текла нѣкоторое время по прежнему. Но уже въ томъ же 1803 г. началось назначеніе учителей для гимназіи. Они пока прикомандировывались къ училищу. Такъ продолжалось до 1809 г., когда визитаторъ Чацкій далъ знать училищу о назначеніи директоромъ кіевской гимназіи и училищъ кіевской губерніи нѣкоего Мышковскаго, воспитанника іезуитскихъ школъ. 5-го ноября 1809 г. III и IV классы кіевскаго главнаго народнаго училища составили I классъ гимназическаго отдѣленія. Учителя въ гимназію были назначены частью новые, частью остались старые. Это были: Василій Берлинскій для преподаванія исторіи натуральной, технологіи, онъ же, за неимѣніемъ пока учителя словесности, долженъ былъ преподавать логику и общую грамматику; Холщевниковъ назначался для преподаванія всеобщей исторіи, географіи и статистики; Шульговскій опредѣленъ учителемъ математики и физики; Орловскій—латинскаго языка; Грекко—нѣмецкаго и Ванновскій—французскаго языка. Вотъ составъ кіевской I-й гимназіи или преобразованнаго главнаго народнаго училища тотчасъ послѣ реформы. Всѣ учебныя пособія, вся библіотека училища перешли въ гимназію. Реформа эта была введена директоромъ Мышковскимъ, при чемъ для успѣшнаго начала новаго періода жизни учебнаго заведенія было отслужено молебствіе священникомъ Дмитріемъ Иванишевымъ, законоучителемъ гимназіи.

До 1812 г. гимназія существовала на прежнемъ мѣстѣ, на Подолѣ. Но все это время кіевское общество находилось въ возбужденіи: рѣшался вопросъ, гдѣ быть помѣщенію гимназіи—на Подолѣ, на Печерскѣ или въ Липкахъ. Происходилъ споръ между визитаторомъ Чацкимъ, который вмѣстѣ съ дворянствомъ хотѣлъ помѣстить гимназію въ Липкахъ, чтобы поставить ее подъ польское вліяніе магнатовъ, населявшихъ эту часть города, и городскимъ обществомъ, желавшимъ сохранить гимназію средн православнаго населенія Подола.

Гражданское начальство, кажется, предполагало помѣстить гимназію на Печерскѣ. Но дворянство, внесшее въ пользу гимназіи капиталъ въ 450,000 рублей, приносившій 5% ежегоднаго дохода, одержало верхъ. Въ Липкахъ находился домъ, принадлежавшій духовному вѣдомству. Это зданіе осталось отъ бывшаго здѣсь нѣкогда Кловскаго монастыря. Теперь, по Высочайшему повелѣнію, оно было передано въ вѣдѣніе учебнаго начальства. 13-го октября 1811 г. императоръ Александръ Павловичъ утвердилъ грамоту, предоставлявшую гимназіи особыя преимущества, которыя состояли въ расширеніи курса наукъ и въ предоставленіи окончившимъ курсъ гимназіи правъ дѣйствительныхъ студентовъ университета. Въ курсъ гимназіи должны были входить въ то время слѣдующіе предметы: языки—латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, русскій и польскій; высшая математика, химія, физика, технологія, архитектура, естественное право, римское, русское право, политическая экономія, коммерція, статистика, естественная исторія, сельское хозяйство, всеобщая литература, русская и польская литература, нравственная философія, логика, психологія и эстетика. Такъ обширенъ былъ курсъ первой кіевской гимназіи при преобразованіи ея изъ главнаго народнаго училища. Вполнѣ естественно, что преподаваніе не могло быть успѣшно: не было по всѣмъ предметамъ ни необходимыхъ пособій, ни подготовленныхъ преподавателей. Въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ входили также танцы, фехтованье, музыка и рисованье. Въ началѣ курсъ былъ четырехгодичный, на его обширность вызвала вскорѣ учрежденіе приготовительнаго класса. Всѣ науки предписывалось преподавать на русскомъ языкѣ, а преподаваніе польскаго языка вводилось на томъ же основаніи, какъ и новѣйшихъ языковъ. Въ этомъ случаѣ совершилось не то, чего желали Чацкій и польское дворянство. Въ началѣ послѣднее за свои пожертвованія требовало, «чтобы знатная часть наукъ въ сей гимназіи преподавалась на польскомъ языкѣ». Когда послѣдовало возраженіе со стороны министра народнаго просвѣщенія, то Чацкій не задумался отвѣчать, что «пріобрѣтеніе свѣдѣній въ россійскомъ языкѣ для польскаго юношества облегчено будетъ тѣмъ, что предполагается обучать оному въ первыхъ четырехъ классахъ, и при томъ завести классъ латинской словесности и филологической грамматики славянскихъ діалектовъ; а между тѣмъ россійское юношество изучилось бы польскому языку, могущему быть ему полезнымъ по сосѣдству съ жителями, его употребляющими». Задняя мысль, при всей изворотливости отвѣта, видна

здѣсь сама собой. Къ счастью, вспомнили во время, что Кіевъ русскій городъ, и отстояли русскій языкъ въ его первой гимназіи. Но все же она оставалась въ вѣдѣніи виленскаго университета, отъ котораго зависѣло и назначеніе учителей.

Въ гимназіи должны были происходить педагогическія собранія учителей; вѣдѣнію этихъ собраній предоставлялись дѣла учебныя и хозяйственныя. Гимназіи предоставлялось право имѣть свою типографію.

Торжественное открытіе кіевской первой гимназіи произошло 30-го января 1812 г. Въ этотъ день въ 9 часовъ утра раздалось три пушечныхъ выстрѣла. Тотчасъ директоръ гимназіи, Мышковскій, съ восемью учениками и учителями вошелъ въ гимназическій залъ, чтобы привѣтствовать визитатора Чацкаго. Затѣмъ гимназическій священникъ, Дмитрій Иванишевъ, поднесъ гимназіи поставной крестъ съ рѣзьбою изъ слоновой кости. Явились делегаты отъ духовной академіи съ префектомъ ея во главѣ и члены волынской коммиссіи, учрежденной для выясненія училищныхъ фундушей. Въ это самое время маршалы и дворянство съѣзжались къ губернскому маршалу, графу Потоцкому. Передъ домомъ генералъ-губернатора Милорадовича собирались мѣщанскіе цехи со своими хоругвями. Въ 10 часовъ послѣдовалъ второй пушечный выстрѣлъ, и тотчасъ члены всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и городскаго магистрата съѣхались къ губернатору, а духовенство собралось въ церковь Кіево Печерской лавры. Въ домъ графа Потоцкаго въ это время прибыла изъ гимназіи процессія въ такомъ порядкѣ: восемь учениковъ изъ дворянства, учителя, директоръ съ делегатами академіи, Чацкій съ членами фундушевой коммиссіи. Эта процессія была встрѣчена въ залѣ губернскимъ и повѣтовыми маршалами и съѣхавшимся начальствомъ. Затѣмъ всѣ, здѣсь находившіеся, поѣхали въ домъ генералъ-губернатора. Козацкія и полицейскія команды встрѣтили ихъ и проводили до крыльца генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ всѣхъ принимали и провожали чиновники губернатора. Въ залѣ, на подушкѣ малиноваго бархата, лежала Высочайшая грамота. Чацкій обратился къ генералъ-губернатору съ просьбой о передачѣ грамоты. Тогда генералъ губернаторъ вручилъ ее губернскому маршалу Потоцкому и визитатору училищъ Чацкому для перенесенія въ гимназію. Былъ данъ новый пушечный сигналъ, и началось шествіе въ Кіево-Печерскую лавру. Во время этого торжественнаго хода Высочайшая грамота была везена въ парадной каретѣ визитаторомъ и членами фундушевой коммиссіи. По

прибытіи къ святымъ воротамъ лавры, грамота была вынута и несена Чацкимъ на подушкѣ, кисти которой несли два маршала и два члена фундушевой коммиссіи. Во все время движенія процессіи войска отдавали честь оружіемъ и музыкой. При входѣ процессіи въ храмъ, митрополитъ Серапіонъ благословилъ её. Когда окончилась литургія и молебенъ, процессія въ такомъ же порядкѣ, какъ и прежде, двинулась въ зданіе гимназіи, которое было разукрашено фестонами и транспарантами для иллюминаціи. Ученики были расположены по обѣимъ сторонамъ лѣстницы, ведущей въ залъ, гдѣ грамота была положена предъ портретомъ государя. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ гимназію митр. Серапіонъ съ духовенствомъ. Послѣ совершенія водосвятія и окропленія комнатъ святою водою, директоръ Мышковскій прочелъ Высочайшую грамоту, послѣ чего провозглашено многолѣтіе императору Александру Павловичу, что сопрождалось сто однимъ выстрѣломъ изъ пушекъ. Торжество закончилось обѣдомъ, даннымъ въ гимназическомъ залѣ Чацкимъ, и баломъ у генералъ-губернатора. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Предъ гимназіей были зажжены вензеля. Одинъ изъ нихъ, на балконѣ, представлялъ въ лучахъ имя «Александръ I» съ надписью: «Отцу будущихъ родовъ»; надъ воротами изображался жертвенникъ съ надписью: «благодѣтелямъ просвѣщенія»; третій вензель представлялъ старика Днѣпра и нерендъ рѣкъ Роси и Русавы, «взирающихъ на торжество со вниманіемъ, какъ на происшествіе, подобное временамъ греческой славы»; на четвертой картинѣ Хронось открываетъ завѣсу времени, представляя взорамъ храмъ о семи столпахъ, осѣненный внутри именемъ «Александръ I»; на жертвенникѣ и на подножіи его знаки наукъ съ рогомъ изобилія; при ступеняхъ храма лицо кіевской губерніи въ мантіи и со щитомъ своего герба; внизу надпись: «для потомковъ россоланскихъ», а въ воздухѣ надъ всѣмъ этимъ паритъ Фама съ трубой.

Во время торжества говорилось много рѣчей, но въ особенности обращаетъ на себя вниманіе рѣчь Чацкаго. Она дышетъ примиреніемъ, высокой любовью къ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней ясно проглядываетъ основной взглядъ Чацкаго на нашъ край и народное образованіе въ его предѣлахъ; онъ говоритъ: «почитайте славу и несчастія *даже участію отечества однихъ*, уважайте отечество другихъ. Докажите, что *въ этомъ общемъ уже государствѣ* есть Монархъ, котораго благодѣянія обязываютъ насъ къ благодарности».

Кіевская первая гимназія пробыла въ вѣдѣніи виленскаго университета до 1813 г., когда была подчинена непосредственно министер-

ству народнаго просвѣщенія; затѣмъ она снова была причислена къ виленскому университету, а съ 1818 г. къ харьковскому учебному округу. Наконецъ, съ назначеніемъ въ Кіевъ попечителемъ фонъ-Брадке, первая гимназія перешла въ вѣдѣніе кіевскаго учебнаго округа, при чемъ она подчинялась и попечителю, и университету, а съ 1837 г. одному попечителю.

Садовскій.

Еще объ Иванѣ Поповичѣ.

Статья г. Лясковронскаго «Паволоцкій полковникъ Иванъ Поповичъ» въ «Кіевской Старинѣ» 1889 г., т. XXV, май—іюнь, стр. 570—577, раньше прочитанная авторомъ въ историческомъ общ. Нестора Лѣтописца, нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ, а можетъ быть и поправкахъ. Г. Л-скій основалъ свою работу на нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ, разбросанно упомянутыхъ у двухъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, на лѣтописи, составленной цѣлымъ полувѣкомъ позже, и на мемуарахъ, хотя и современныхъ, но авторъ которыхъ, по тенденціозности не только своихъ личныхъ взглядовъ, но и всей той среды, къ которой принадлежалъ и въ которой вращался, не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ, безъ подтвержденія его словъ другими источниками: онъ не могъ всегда быть таковымъ, даже при всемъ его желаніи, по одному уже отсутствію безпристрастія, а главнымъ образомъ потому еще, что самыя извѣстія о событіяхъ далеко не всегда доходили къ нему въ точности, а нерѣдко съ преувеличеніями, съ искаженіями въ подробностяхъ, вообще въ видѣ «слуховъ», прошедшихъ уже нѣсколько инстанцій и получившихъ при этомъ и наращенія, и разнообразно тенденціозную окраску. Главныя дополненія, приводимыя ниже, извлечены изъ документовъ, вышедшихъ изъ печати въ началѣ нынѣшняго года, и неудивительно, что они г. Л—скому при составленіи реферата не были еще извѣстны; но онъ, къ сожалѣнію, упустилъ изъ виду и нѣкоторыя документальныя данныя, обнародованныя раньше, а равно и показаніе другаго южнорусскаго лѣтописца, такого же современника, какимъ былъ и Ерличъ, считаемаго наиболѣе достовѣрнымъ (хотя авторитетъ его, можетъ быть, нѣсколько и преувеличенъ), но съ Ерличемъ кое въ чемъ несогласнаго.

Г. Лясковскій говоритъ, что Поповича встрѣчаемъ впервые, уже паволоцкимъ полковникомъ, въ концѣ 1662 или въ самомъ началѣ 1663 года, основываясь на показаніяхъ Ерлича. Но именно въ послѣднемъ (XIV) томѣ «Актовъ ю. и з. Россіи» встрѣчаемъ нѣсколько упоминаній о лицѣ того же имени, датированныхъ 7—8-ю годами раньше; конечно, здѣсь можетъ возникать еще сомнѣніе о тождествѣ самой личности, такъ какъ совпаденія прозвищъ и именъ среди многотысячной козацкой массы, въ особенности такого шаблоннаго прозвища, какъ «Поповичъ», и такого шаблоннаго имени, какъ «Иванъ», не только весьма возможны, а даже болѣе чѣмъ вѣроятны, и едва ли можно надѣяться отыскать съ достовѣрностью занимающую насъ личность въ «Регистрахъ» 1649 г., изданныхъ Бодянскимъ. Соображенія, по которымъ тождественность одноименныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ 1654—55 гг., а потомъ въ 1663, можетъ считаться доказанною, изложимъ ниже, а прежде приведемъ свѣдѣнія о Поповичѣ, какія встрѣчаемъ въ упомянутыхъ «Актахъ», проставляя ихъ даты по времени написанія документовъ, а не такъ, какъ дѣлаетъ ихъ редакторъ, ставящій въ заголовкахъ актовъ помѣту о времени ихъ полученія въ той или иной канцеляріи [1]).

Письмо Ив. Золотаренка отъ 16 августа 1654 г. о сдачѣ ему 13 ч. Гомеля было послано съ нѣжинскимъ сотникомъ Ив. Борсукомъ, менскимъ сотн. Степ. Даценкомъ и *Иваномъ Поповичемъ, обознымъ*. Какимъ именно обознымъ былъ тогда Поповичъ, въ письмѣ не упомянуто, но едва ли войсковымъ, такъ какъ имя его поставлено *послѣ* сотниковъ даже (ст. 145). Впрочемъ, возможно и то, что на эту формальность этикета не обратили вниманія въ козацкой канцеляріи, еще въ томъ не искусившейся, а придали ей значеніе только дьяки, составляя роспись жалованья. Когда пріѣхалъ къ государю подъ Смоленскъ самъ Золотаренко, со свитою, и на отпускѣ его, 27 сентября, раздавали имъ всѣмъ государево жалованье, то въ числѣ поименованныхъ лицъ встрѣчаемъ и Ив. Борсука, слѣд. тутъ же былъ и Поповичъ, но не въ числѣ тѣхъ 166 простыхъ козаковъ, которые получили только по «меньшему золотому», а въ числѣ тѣхъ «13 человѣкъ ко-

[1]) Вслѣдствіе такого ненаучнаго пріема, читатель актовъ, редактированныхъ Г. Ѳ. Карповымъ, получаетъ иногда неожиданные сюрпризы. Такъ, подъ 15 августа помѣщено „Письмо къ государю наказнаго гетмана Ивана Золотаренка“: посылаетъ онъ къ государю часть своего войска, но самъ, не взявши Гомеля, идти не рѣшается (столб. 139—140), а черезъ страницу (стр. 143) оказывается, что Гомель сдался еще 13 числа.

заковъ и сотниковъ», которымъ дано «по парѣ соболей по 2 рубли пара, да по парѣ жъ соболей по полутора рубли пара человѣку» и которыхъ имена почему то оставлены при изданіи росписи ненапечатанными (ст. 180).

Полугодомъ позже упоминается безъ фамиліи обозный войсковой Иванъ, котораго г. Карповъ вполнѣ основательно отождествилъ въ своемъ указателѣ съ Поповичемъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ видимъ его исполняющимъ эту обязанность. 10 мая 1655 г. Золотаренко, послѣ побѣды надъ отрядомъ («заставою») изъ корпуса гетмана Раздивила, отсылалъ царю взятаго «языка», нѣкоего Домбровскаго, и трофеи,—«четыре знамени и литавры двои, съ послы своими, съ Васильемъ Никифоровичемъ, полковникомъ нѣжинскимъ, съ братомъ своимъ, да съ полковникомъ менскимъ, съ Пашкомъ, да съ *обознымъ войсковымъ Иваномъ*» (603). Въ Смоленскъ они прибыли 18 ч., всѣмъ имъ было дано жалованье, и отпущены безъ задержанья, но что именно получилъ каждый, изъ письма объ этомъ думнаго дьяка Лар. Дм. Лопухина къ З-ку, отъ 23 мая, не видно (612).

Вскорѣ наказной гетманъ, вызванный самимъ государемъ, прибылъ къ нему въ Шкловъ, въ сопровожденіи большой свиты, въ числѣ которой помянуты: протопопъ Максимъ, двое судей, три полковника (Василій З-ко нѣжинскій, два другіе—Иванъ Поповичъ и Юхно Коробка), и сынъ Ивана, Данило, «гетмановичъ». Гетману пожалованъ на пріемѣ 10 іюня «кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею» (въ прошлый разъ такой же подарокъ показанъ въ росписи цѣною въ 180 рублей), четыре сорока соболей (прошлый разъ только два), всѣмъ остальнымъ упомянутымъ по одному сороку (690). Изъ одной позднѣйшей справки узнаемъ, что протопоповы соболи стоили 80 рублей, а полковничьи по 60 р. (778).

Изъ другого документа, отъ 2 іюля, узнаемъ, какимъ полковникомъ былъ Поповичъ: именно, *черниговскимъ*, и въ этомъ званіи, командуя самостоятельнымъ передовымъ отрядомъ, успѣлъ оказать крупное отличіе, которое нак. гетманъ описываетъ государю отъ 2 іюля такъ: самъ онъ, «скоро рушився о(тъ) Березынѣ (направляясь къ Минску), напредъ себе послався Ивана Поповича, полковника черниговского, придавъ ему товарышства нѣсколко сотъ. Тогда... мѣсто Свислочь знатное, въ которомъ было немало непріятелей и недруговъ в. ц. величества, тогда то мѣсто взявъ черезъ мечь и немало въ ней (sic) непріятелей будучихъ всѣхъ подъ мечь пустили, а самое мѣсто и замокъ огнемъ безъ остатку сожгли, въ которомъ городѣ

и языка подлинного и вѣдомого о всякихъ дѣлахъ служилыхъ людей взяли Максима Клиновскаго, которой служилъ при пану Галабурдѣ. Для чего, не задерживая у себя, того жъ часа посылаю до в. ц. в-ва». О томъ же совершенно согласно доноситъ и находившійся при З-кѣ стольникъ Михаилъ Дмитріевъ (ст. 743—748).

Послѣднія въ настоящемъ томѣ упоминанія о Поповичѣ представляютъ особый интересъ. Еще въ бытность свою въ іюнѣ у государя, Золотаренко испросилъ, между прочимъ, разрѣшеніе подвигать свой корпусъ налегкѣ, одну конницу, оставляя всѣ тяжести въ таборѣ, позади, подъ охраной особаго отряда (694—695). Мотивомъ конечно, выставлялась скорость и успѣшность дѣйствій противъ непріятеля, задняя же мысль заключалась въ томъ, чтобы опережать московскія войска и первымъ захватывать неразоренныя еще войною и неразграбленныя мѣста. Кромѣ погони за добычей, къ такимъ захватамъ понуждала и необходимость, такъ какъ для сбора кормовъ каждая мѣстность отводилась тѣмъ именно войскамъ, которыя заняли ее первыми. 11-го іюля состоялся приказъ: идти Ивану гетману съ княземъ Черкасскимъ на Вильно, а брату его съ княземъ Трубецкимъ за Нѣменъ (747—748). Оба они двинулись безъ обозовъ. При такого рода форсированныхъ маршахъ, какъ знаемъ изъ постоянныхъ упоминаній въ другихъ подобныхъ случаяхъ, отправлялся «людъ перебраный», т. е. отборное по личнымъ военнымъ качествамъ и по вооруженію войско, а все менѣе годное оставлялось для охраны табора, по современной терминологіи вагенбурга, гдѣ находились также больные и раненые. Начальствованіе таборомъ, стоявшимъ неподалеку Вильна, въ селѣ Жупряничахъ, поручено, на правахъ самостоятельно дѣйствующаго обознаго, черниговскому полковнику Поповичу. Онъ и обращается, 25 іюля, непосредственно къ государю, прося распоряженій. «Вѣдомо чиню о томъ, пишетъ онъ, что меня оставя при обозѣ съ раненымы и зъ болными людми... гетманъ наказный... пошолъ... со всѣми ратными людми подъ городъ Вилню. А я нынѣ, при тѣхъ болныхъ людяхъ остався,... прошу..., изволь... государь, указъ свой царской дать, какъ, здѣ осталой, что имѣю дѣлать». Отвѣтъ ему гласилъ: «Ты бъ съ нашими... войска запорозского ратными людми, которые при тебѣ въ обозѣ оставлены, стоялъ крѣпко и осторожливо, а для... кормовъ посылалъ отъ себя на чаты, чтобъ нашимъ людямъ въ селахъ и (въ) конскихъ кормахъ скудости никакіе не было. А то бы еси заказалъ подъ смертною казнью, чтобъ селъ и деревень не жгли и крестьянъ, которые не бьются, не побивали, а

также женской полъ и ребятъ никово однолично не побивали. А какъ... отпишетъ къ тебѣ... нак. гетманъ,... велитъ тебѣ съ нашими ратными людми и обозомъ куда идти, по тому и дѣлай» (899—902). Предостерегательное приказаніе Поповичу о недопущеніи мародерства и ненужныхъ жестокостей вызвано было дошедшими до государя свѣдѣніями, что вообще Золотаренково войско ведетъ себя непозволительно даже и для тѣхъ временъ. «Вѣдомо намъ учинилось, писалъ царь за недѣлю раньше, 17 ч.., что твоего полку козаки мѣста, и села, и деревни жгутъ, и женской полъ, и дѣвицъ, и малыхъ робятъ сѣкутъ и побиваютъ до смерти». Далѣе предписывается «козакомъ учинить заказъ крѣпкой, подъ смертною казнью», чтобы поселеній не пустошили, «для того, что намъ государю со всѣми нашими ратми въ здѣшнихъ мѣстахъ зимовать»; воспрещеніе жестокостей противъ мирнаго населенія изложено въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ грамотѣ Поповичу (753—754). Скоро однако оказалось, что если золотаренковцы на походѣ грабили, жгли и убивали, неразбирая ни пола, ни возраста, не щадя мирныхъ жителей на равнѣ съ вооруженнымъ непріятелемъ, то въ бездѣйственно стоявшемъ отрядѣ Поповича завелись еще и другіе пороки, особенно претившіе благочестивому Алексѣю Михайловичу. Уже 30 іюля, подтвердивъ Поповичу приказъ противъ жестокостей и воспрещая опустошеніе жилыхъ мѣстъ въ виду предстоящей зимовки, государь добавляетъ: «А будетъ, которые воры будутъ непослушны, и ты бъ тѣхъ вѣшалъ безо всякіе пощады. А что у васъ въ полкѣхъ жонокъ и дѣвокъ, и ты бъ однолично велѣлъ ихъ изъ обозу выбить, для того, что мы великій государь идемъ, за милостію Божіею, на недруга своего со всѣми вами нашего ц. в—ва ратми, и за блудные дѣла, кто, забывъ страхъ Божій, такое скверное дѣло творитъ,—Богъ не помогаетъ». (901—902).

Этимъ благочестивымъ размышленіемъ «тишайшаго» царя заканчивается XIV томъ Актовъ ю. и з. Р. и исчерпываются заключающіяся въ немъ свѣдѣнія объ Иванѣ Поповичѣ, черниговскомъ полковникѣ и обозномъ въ арміи Золотаренка. Впрочемъ, надо еще упомянуть о подписяхъ въ приведенномъ письмѣ его къ государю. Въ началѣ письма, въ челобитьи, онъ называетъ себя «Иванъ Аврамовичъ полковникъ черниговскій», а въ концѣ подписался: «Иванъ Поповичъ Абрамовъ рукою». Оказывается, что искать въ другихъ источникахъ Поповича можно еще и подъ именемъ Абрамова или, по отечеству, Ивана Аврамовича. И точно, въ каталогахъ Максимовича (Сочиненія, т. I, стр. 695), къ сожалѣнію, безъ всякой ссылки на источникъ

лѣтописный или документальный, въ ряду полковниковъ черниговскихъ, какъ разъ въ данное время, съ 1654 по 1662 г. находимъ *Ивана Аврамовича*, только опять подъ новымъ прозвищемъ, *Выбельскаго*. Впрочемъ, здѣсь въ тождествѣ лица сомнѣніе едва ли умѣстно, въ виду полнаго совпаденія имени и отчества черниг. полковника Выбельскаго, и полковника, вступившаго въ эту должность, по актамъ, именно съ 1654 или первой половины 1655 г. подъ именемъ то Поповича, то только Ивана Аврамовича, то даже просто обознаго Ивана. Полковники не заурядные козаки, ихъ такъ немного и люди они замѣтные, что предполагать какое либо совпаденіе здѣсь—слишкомъ мало вѣроятно. Прозваніе «Выбельскій» обозначаетъ, можетъ быть, происхожденіе, а скорѣе всего только мѣсто жительства, осѣдлость, нисколько не противорѣча въ такомъ случаѣ утвержденію Ерлича о происхожденіи Ив. Поповича изъ Ходоркова.

Гораздо труднѣе доказать, что лицо, извѣстное въ Черниговщинѣ подъ именемъ Ивана Аврамовича, онъ же Поповичъ, и онъ же Выбельскій, то же самое, которое принимаетъ участіе въ паволоцкой трагедіи подъ вторымъ изъ этихъ именъ. Единственное пока косвенное указаніе имѣемъ только во времени оставленія первымъ званія полковника черниговскаго и появленія втораго въ томъ же званіи въ Паволочи. Этому противорѣчитъ какъ будто указаніе Ерлича на «молодость» этого втораго Поповича, заставлявшую его дорожить жизнью, тогда какъ первый былъ уже человѣкомъ заслуженнымъ, а попасть въ полковники невозможно было какому нибудь юношѣ, которому должны бы въ такомъ случаѣ подчиняться сѣдоусые ветераны изъ козацкой вольницы. Но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. И теперь въ сельскомъ быту пятидесятилѣтній возрастъ считается еще молодымъ, инымъ не могли считать его ни козаки XVII вѣка, ни шляхтичи-земледѣльцы въ родѣ Ерлича. Поповичу могло быть лѣтъ около сорока, когда онъ началъ выслуживаться среди козачества Золотаренковой арміи,—возрастъ достаточно зрѣлый, «статечный», чтобы получить возможность командованія другими, и въ томъ случаѣ ему могло не быть еще пятидесяти при поступленіи въ Паволочь. Ерличъ не могъ выразиться иначе о человѣкѣ такихъ лѣтъ, какъ только, что онъ «był jeszcze w młodych niecnota leciech», и напрасно г. Лясковронскій понялъ его слова слишкомъ буквально, прилагая при томъ къ нимъ мѣрку современной городской интеллигенціи. Самое намѣреніе Поповича принять священство показываетъ, что онъ былъ уже человѣкомъ не первой моло-

дости,—иначе такое намѣреніе не могло бы способствовать возбужденію участія къ нему. Замѣтимъ мимоходомъ, что смѣна сабли на рясу и обратно не была тогда явленіемъ исключительнымъ. Въ ту самую почти пору преобразился извѣстный интриганъ нѣжинскій сотникъ Ракушка сразу въ брацлавскіе протопопы, а позже, уже въ XVIII в., ставшій еще болѣе извѣстнымъ своими безчинствами новгородсѣверскій сотникъ Лисовскій правилъ свою военно-административную должность, не снявъ священнаго сана (1716 г.).

Гораздо важнѣе для насъ другая подробность въ изложеніи Ерлича. Тетеря раньше уже хотѣлъ было казнить Поповича за то, что онъ «оскорблялъ и билъ шляхтичей», а главное, что «сносился съ московскимъ воеводою въ Кіевѣ». Поповичъ обращается къ «полковникамъ, сотникамъ, наконецъ къ митрополиту и чернецу—Хмельниченку», встрѣчаетъ вездѣ сочувствіе и заступничество. Между тѣмъ, по г. Л—скому, до 1663 г. онъ совершенно неизвѣстенъ; но и въ полковники люди попадали не сразу, о многихъ изъ нихъ имѣемъ и прямыя указанія, что они раньше служили на низшихъ должностяхъ, только Поповичъ паволоцкій является сразу, какъ deus ex machina, и сразу же пріобрѣтаетъ всеобщую популярность. Неестественность подобнаго факта заставляетъ насъ не только предположить, а прямо утверждать, что въ данномъ случаѣ мы *навѣрно* имѣемъ дѣло съ *кѣмъ либо* изъ лицъ, знакомыхъ уже раньше подъ тѣмъ или другимъ именемъ. Если между дѣятелями недавняго прошлаго встрѣчаемъ лицо не только одноименное, но и по всѣмъ другимъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствующее будущей роли паволоцкаго полковника, одного изъ руководителей новаго возстанія противъ польской власти, то столь же естественно предположить, что именно это и есть искомая для насъ личность. Не настаиваемъ пока на этомъ *предположеніи*, быть можетъ, найдутся и доказательства болѣе прямыя.

Разсмотримъ теперь изложеніе тѣхъ же событій въ *современной* лѣтописи «Самовидца»: быть можетъ, она дастъ намъ возможность опредѣлить, на чьей сторонѣ болѣе правды въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ показанія *современника* Ерлича и *позднѣйшей* лѣтописи Грабянки разногласятъ между собою, а г. Лясковронскій отдаетъ безусловное предпочтеніе первому. Разногласія ихъ относятся ко *времени* втораго возстанія Поповича, къ *характеру* этого возстанія и *связи* его съ событіями по лѣвой сторонѣ Днѣпра, самой *сдачи* или *выдачи* Поповича Тетерѣ, наконецъ, *казни* его и ея *времени*.

Г. Лѣскоронскій категорически утверждаетъ, что возстаніе Поповича, уже ех-священника, относится къ началу мая, такъ какъ разсказъ о немъ помѣщенъ у Ерлича подъ 4 ч. того же мѣсяца, а 8 іюня писалъ о томъ же къ царю Брюховецкій, какъ о недавнемъ фактѣ. Указаніе Ерлича, говорящаго здѣсь же и о событіяхъ болѣе раннихъ, само по себѣ было бы мало убѣдительно: приводя свои замѣтки въ окончательный порядокъ, Ерличъ одинаково могъ пріурочить *обѣ* записи и ко времени болѣе поздней изъ нихъ, и ко времени болѣе ранней, т. е. къ первымъ враждебнымъ шляхтѣ шагамъ Поповича, до священства еще его, когда онъ «szlachtę znieważał i bijał», т. е. побивалъ, и когда хотѣлъ въ первый разъ Тетеря предать его смертной казни. Столь же неопредѣленно и показаніе времени въ письмѣ Брюховецкаго отъ 8 іюня, т. е. передъ черною радою, состоявшейся 17 и 19 или 20 числа. Впрочемъ, всѣ эти даты не противорѣчатъ другимъ показаніямъ, и потому могутъ быть приняты. Во всякомъ случаѣ, судъ надъ Поповичемъ состоялся *позже* этой рады, провозглашенія гетманомъ Брюховецкаго и заключенія подъ стражу Сомка, Васюты Золотаренка и ихъ сторонниковъ. Дату суда Ерличъ обозначаетъ 15 іюля, но и это еще не даетъ права заключать, какъ дѣлаетъ г. Л—скій, что и самая казнь совершена тогда же, а не черезъ большій или меньшій промежутокъ времени. По Ерличу, Поповичъ былъ выданъ новолоцкими мѣщанами, вмѣстѣ съ пятнадцатью главными сообщниками, по Грабянкѣ—сдался лично и добровольно. О самой казни Ерличъ сообщаетъ возмутительныя подробности, равно какъ о предшествовавшихъ ей пыткахъ и допросахъ Поповича лично Тетерею. У Грабянки объ этомъ не находимъ ни слова. Лѣтопись Самовидца (по кіев. изд. 1878 г., подъ ред. О. И. Левицкаго, с. 78) передаетъ эпизодъ о Поповичѣ въ очень сжатомъ видѣ, но сообщаетъ указанія по всѣмъ этимъ сомнительнымъ пунктамъ:

«Того жъ лѣта (1663), *под часъ тоей рады* (т. е. черной, о которой только что разсказано весьма подробно), у Паволочи перше билъ полковникомъ Іванъ Поповичъ, а напотомъ сталъ священникомъ; и, же оному чинили укоризну жиды и инніе, знову, хотячи ся привернути до Кіева, узялся за полковництво и жидовъ казалъ усѣхъ вибити; толко ж оному *не дано помочи* с Кіева, *и Сомка узято*, на которого мѣлъ надѣю. И такъ пришло войско *от* Тетери гетмана, и оний (т. е. Поповичъ), *не хотячи мѣста згубити, здался*, которого страчено: бо *тіе посланци* от того *паволоцкого попа* до *Бруховецкого* удалися о помочъ, але оній ничого не далъ помочи Паволочи, а ру-

шивши с под Нѣжина под Переясловле, и тамъ стоялъ з войскомъ у Креста, на которого татаре приходили, але нѣчого не вскурали».

Подчеркнутыя нами мѣста въ изложеніи современнаго, и потому имѣющаго передъ Грабянкою преимущество, малорусскаго лѣтописца нѣсколько разъясняютъ темные вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно подрываютъ авторитетъ Ерлича. Необходимо, однако, комментировать ихъ нѣсколькими замѣчаніями.

Изъ словъ «под часъ тоей рады» нельзя выводить, будто авторъ относитъ самое *начало* возстанія Поповича ко второй половинѣ іюня. Изъ далі нѣйшаго видно, что оно началось раньше, и Поповичъ послалъ просить о помощи въ Кіевъ и къ Сомку, слѣд. считалъ послѣдняго еще въ силѣ; но тѣ же посланцы его прибыли въ Нѣжинъ уже послѣ рады и заключенія Сомка подъ стражу, почему и обращались со своимъ порученіемъ къ Брюховецкому. Этимъ объясняется и неточность Грабянки, который посылку Тетерею войскъ противъ паволочанъ относитъ ко времени *послѣ казни* Сомка: это могло имѣть мѣсто въ промежутокъ времени *между* его арестованіемъ и казнью, если принять даже показаніе Ерлича о датѣ суда (15 іюля); во всякомъ случаѣ это показываетъ, что Тетеря не рѣшался на крутыя мѣры противъ Поповича до исхода партійной борьбы за Днѣпромъ, въ которой и самъ былъ заинтересованъ, а весьма возможно, что принималъ и тайное участіе. Въ этомъ, думается, и отвѣтъ на недоумѣніе г. Ляскоронскаго: «едва ли бы гетманъ Тетеря, находившійся въ ту пору на лицо въ правобережной Украинѣ, дозволилъ открыто возставшему Поповичу безнаказанно хозяйничать въ паволоцкомъ полку въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ». Конечно, Тетеря не потерпѣлъ бы того и раньше, если бы не опасался вооружить противъ самого себя партію Сомка и склонившагося на его сторону Васюты, которая была сильна и на правобережьи. Этимъ только и можно объяснить снисходительность Тетери къ Поповичу въ болѣе раннее время: она черезчуръ исключительна и непонятна въ эпоху, когда въ Заднѣпровьи, подчиненномъ Москвѣ, не стѣснялись рубить головы сподвижникамъ и родичамъ Б. Хмельницкаго, а въ Украинѣ, признававшей власть Польши, простой полковникъ Маховскій судилъ сенатора Рѣчи Посполитой Выговскаго и разстрѣливалъ его на мѣстѣ. Но она становится вполнѣ объяснимой и естественной, если за виновнымъ лицомъ стояла могущественная партія. Это даетъ намъ, между прочимъ, путь, гдѣ именно слѣдуетъ искать заступниковъ и покровителей, а можетъ быть даже и подстрекателей Поповича.

Сдача Поповича, чтобы не губить города и населенія, констатируется, вопреки Ерличу, Самовидцемъ, и соотвѣтствующее мѣсто у Грабянки составляетъ только риторическую перифразу словъ современника. Любопытнѣе же всего, что ни послѣдній, ни южнорусскій лѣтописецъ позднѣйшій, оба враждебные полякамъ и не упускающіе случая выставить какъ можно рѣзче на видъ каждую жестокость съ ихъ стороны (Грабянка приводитъ и преданія легендарнаго характера), рѣшительно ничего не говорятъ о тѣхъ мученіяхъ, какимъ подвергали, по словамъ лѣтописца—шляхтича, паволоцкаго полковника при допросахъ и во время самой казни. Если бы о такихъ варварскихъ пыткахъ разсказывали лѣтописцы козацкіе, а молчалъ о нихъ Ерличъ, дѣло было бы понятное, хотя самый фактъ затемнялся бы, и приходилось бы рѣшить вопросъ: или истязанія Поповича имѣли мѣсто въ дѣйствительности, но шляхетскій лѣтописецъ замалчиваетъ жестокость представителя своей партіи; или же, наоборотъ, ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было, мученія выдуманы врагами поляковъ и Тетери, чтобы очернить и омерзить ихъ въ глазахъ народа. Мимоходомъ замѣтимъ, что одна изъ подробностей казни, «aby pierwey koronę albo plesz rozpaloną cegłą albo kamieniem starto», должна была изображать кощунственную пародію на обрядъ лишенія священнаго сана, разстриженія. Слова Самовидца набрасываютъ сомнѣніе и на то, что самъ будто бы гетманъ Тетеря осаждалъ Паволочь,—онъ говоритъ только о посланномъ отъ гетмана войскѣ. Подробности допросовъ, якобы снимаемыхъ лично Тетерею, наединѣ, отсылая каждый разъ въ сторону даже палача, на нашъ взглядъ носятъ прямо апокрифическій характеръ, какой мы и признаемъ за всѣми росказнями Ерлича объ этой сторонѣ дѣла. Но эти росказни имѣютъ иное значеніе: онѣ показываютъ степень страха мѣстной шляхты передъ каждымъ народнымъ волненіемъ, хотя бы только мѣстнымъ и незначительнымъ. Шляхтичи не безъ основанія видѣли во всемъ южнорусскомъ населеніи своего времени одну громадную массу горючаго матеріала, для котораго въ высшей степени опасна каждая малѣйшая искра. Тѣмъ болѣе должно было возбуждать опасеній возстаніе Поповича, о которомъ было извѣстно, что ему покровительствуютъ люди гораздо болѣе вліятельные,—Сомко былъ гораздо популярнѣе, чѣмъ самъ Тетеря, которому, поэтому, и приписана личная роль въ раскрытіи посредствомъ пытокъ широкаго заговора. Таковой несомнѣнно существовалъ, хотя Поповичу едва ли были извѣстны его размѣры и развѣтвленія: руководящія нити должны были сосредото-

чиваться у Самка, и даже ослабленная его смертью партія старшинская или, что то же, сторонники автономіи Украины на основаніяхъ гадяцкихъ пактовъ, въ слѣдующемъ же году пыталась взять на себя руководящую роль, въ лицѣ Выговскаго, недаромъ сносившагося съ Сѣркомъ и Сулимой, и не разъ еще подавала признаки жизни въ Заднѣпровьи, до Мазепы включительно и даже гораздо дальше. Первоначально она возненавидѣла родовитую олигархію Польши, но желала сама занять ея мѣсто, подъ покровительствомъ Москвы. Въ рецензіи тѣхъ же Актовъ ю. и з. Р. («Кіев. Старина», сентябрь) мы отмѣтили уже очень раннія попытки старшинъ къ созданію латифундій, къ превращенію самихъ себя въ тѣхъ же королятъ, противъ которыхъ первоначально поднято возстаніе Богданомъ Хмельницкимъ. Но разочаровавшись съ этой стороны въ содѣйствіи ихъ видамъ со стороны Москвы, убѣдившись, что ея нивеллирующій централизмъ одинаково оказываетъ давленіе и на нихъ самихъ,—старшинская партія возненавидѣла было и Москву, пока не съумѣла приладиться къ новымъ условіямъ и возродиться въ позднѣйшихъ «высокородныхъ» дворянахъ-душевладѣльцахъ...

Въ 1663 году, конечно, стремленія партіи еще не объединились, пути къ ихъ достиженію не выяснились достаточно, образцомъ служила та же польская олигархія, а южнорусскіе поклонники ея идеаловъ, при условіи осуществленія ихъ въ собственную пользу, чуть не ежедневно мѣняли подданство и возбуждали возстанія то въ Заднѣпровьи противъ Москвы, то на правой сторонѣ Днѣпра противъ Польши, надѣясь выиграть въ этой борьбѣ сосѣднихъ государствъ на счетъ ихъ обоихъ.

Въ паволочскомъ возстаніи мы видимъ одно изъ проявленій этой гибельной для страны политики, а въ Иванѣ Поповичѣ орудіе старшинской партіи. Связи его съ Самкомъ одинаково удостовѣряются всѣми. Если удастся доказать его связь и съ Васютою, то можно признать его безъ колебаній за одно лицо съ Поповичемъ, черниговскимъ полковникомъ 1654—55 годовъ, подначальнымъ Ивана Никифоровича Золотаренка, сослуживцемъ Василія Никифоровича, т. е. именно Васюты, полковника нѣжинскаго, и двоюроднаго ихъ брата, Тимофея Оникіевича Золотаренка, на ту пору полковника стародубскаго.

Ив. Н.

Библіографическія замѣтки.

I.

Рѣдкое старопечатное евангеліе.

Въ «Кіевской Старинѣ» (іюль 1889 г., стр. 289—290) было сообщено г. О. Л. *любопытное* извѣстіе о томъ, что въ библіотекѣ владиміро-волынскаго братства есть чрезвычайно любопытное старопечатное евангеліе. Въ этой статьѣ оно описано такъ: «Евангеліе средняго формата, довольно крупной печати, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа и потому мѣсто и время его изданія неизвѣстны, но внизу по листамъ идетъ собственноручная запись жертвователя о томъ, что онъ «положилъ» это евангеліе «до церкви» св. Николая (въ с. Будятычахъ) «лѣта ҂зо҃в (7072) мѣсяца марта ке҃ день» т. е. въ 1564 г. Надпись эта по своимъ палеографическимъ признакамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтствія тому времени, какое въ ней означено, и буквы года ҂зо҃в—(7072) такъ ясно и отчетливо написаны, что иначе и прочесть ихъ нельзя. Между тѣмъ до сихъ поръ первенцемъ западно-русской печати признается *Заблудовское евангеліе учительное* 1569 г. Первое же славянское евангеліе было издано лишь въ 1575 г. въ Вильнѣ у братьевъ Мамоничей. А будятычское евангеліе уже въ началѣ 1564 г. было пожертвовано въ церковь, слѣдовательно издано еще раньше. Признать же его изданіемъ Скорины невозможно, какъ по языку (чистый славянскій языкъ), такъ равно по формату и шрифту,—въ послѣднемъ отношеніи оно болѣе всего имѣетъ сходство съ изданіемъ Мамоничей. Предлагаемъ эту загадку вниманію историковъ западнаго и южно-русскаго книгопечатанія».

Заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, мы попросили одного изъ профессоровъ московской духовной академіи выписать означенное евангеліе для подробнаго изслѣдованія онаго нами и убѣдились, что это евангеліе принадлежитъ къ числу тѣхъ *трехъ* старопечатныхъ евангелій, безъ выходныхъ листовъ, которыя уже давно обратили на себя вниманіе нашихъ библіографовъ и описаны подробно въ извѣстномъ сочиненіи И. Каратаева: «Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I. Съ 1491 по 1652 г.» С-Петербургъ. 1883 г.

Вышеупомянутыя евангелія безъ выходныхъ листовъ описаны у И. Каратаева подъ № 64, 65 и 66. Будятычское евангеліе по типографскимъ признакамъ есть то самое евангеліе, которое описано у него подъ № 66-мъ. А такъ какъ тамъ значится всего лишь

четыре экземпляра онаго: въ Спб. въ публичной библіотекѣ, въ Москвѣ въ библіотекѣ общ. исторіи и древн. Рос. и въ публичн. и румянц. музеѣ, въ Вильнѣ, въ публичн. библіотекѣ, слѣдовательно будятычское евангеліе есть *пятый* экземпляръ старопечатнаго евангелія № 66.

Это евангеліе описано у И. Каратаева слѣдующимъ образомъ: (стр. 151): № 66. Четвероевангеліе, въ листъ. Выходнаго листа во всѣхъ извѣстныхъ экземплярахъ нѣтъ. Всѣхъ 397 листовъ, не имѣющихъ нумераціи, и по какому то странному случаю, въ книгѣ нѣтъ необходимой въ типографическомъ дѣлѣ сигнатуры тетрадей, что составляетъ такую особенность, которой нельзя видѣть ни въ одной славянской старопечатной книгѣ кирилловскаго шрифта. Это отсутствіе нумераціи листовъ, а главное сигнатуры тетрадей, доказываетъ ничто иное, какъ неопытность трудившихся въ изданіи. Четвероевангеліе это напечатано, вѣроятно, во второй половинѣ XVI вѣка. Полный наборъ страницы составляютъ 18 строкъ. Шрифтъ довольно красивъ. Въ этомъ изданіи попадается буква *о*, имѣющая въ срединѣ иногда двѣ точки, а иногда крестикъ. Заглавныя надписанія, прописныя и мѣстами строчныя буквы печатаны киноварью. Предъ каждымъ началомъ четырехъ евангелій отпечатано по фигурной, черной заставкѣ; въ одной изъ нихъ, у ев. Матѳея, въ срединѣ помѣщено изображеніе этого святаго, сидящаго у стола и пишущаго. Еще пять заставокъ, меньшаго размѣра, находятся предъ оглавленіями къ евангеліямъ и предъ соборникомъ. Каждое изъ четырехъ евангелій, начинается большой фигурной черной буквой. Содержаніе *соборника* такое же, какъ и у предъидущихъ двухъ (№ 64 и 65) также безъ выходныхъ евангелій. Въ евангеліи Іоанна въ концѣ 45 зачала, съ боку столбца, находится изображеніе креста, напечатанное черною краской». Далѣе, въ описаніи псалтири № 68 (стр. 153) И. Каратаевъ замѣчаетъ: «Эта псалтирь, какъ и сходное съ нею по шрифту вышеназванное евангеліе (№ 66),—*изданіе виленское*, и такъ же, какъ это послѣднее, *всего вѣроятнѣе относится къ древнѣйшей эпохѣ виленской типографіи, прежде виленскаго изданія 1575 г.*» Итакъ, догадка О. Л., что будятычское евангеліе должно быть виленской печати (братьевъ Мамоничей), оказывается справедливой, а извѣстіе о его вкладной записи 1564 г. въ свою очередь подтверждаетъ догадку И. Каратаева.

Въ этомъ экземплярѣ въ концѣ не достаетъ двухъ конечныхъ листовъ (должно быть 397, а на лицо 395).

Приведемъ двѣ вкладныхъ записи онаго: Первая письма XVII в. русская—латинскими буквами. Вторая 1564 г. славянскими буквами.

1) «Ta Ewanielia jest Cerkwi Butiatyckiej».

2) „лѣта ҂зобго мца марта ке
дно на благовещеніе прест
кладычицы нашиѧ бцы и
Двы марей полажи сі
еванглька уніе...“

Послѣ настоящаго открытія о будятичскомъ евангеліи съ большею достовѣрностію можно выразиться относительно времени и мѣста напечатанія всѣхъ трехъ евангелій, описанныхъ у И. Каратаева подъ № 64, 65 и 66.

а) Евангеліе № 64 (извѣстно въ 4 экзем., одинъ изъ коихъ со вкладною записью 1563 г.), *несвижской печати*, не позже 1563 года.

б) Евангеліе № 65. (извѣстно въ 3 экз., одинъ изъ коихъ со вкладною записью 1569 г.), московской печати Ивана Федорова 1566, или 1567 г. См. о немъ мою статью съ рисунками: «Евангеліе, напечатанное въ Москвѣ 1564—1569» (Памятники древней письменности, 1883 г.).

в) Евангеліе № 66, виленской печати, не позже 1563 г., доселѣ извѣстно *пять* экз. онаго, къ числу которыхъ принадлежитъ и *будятичское* (со вкладною записью 25 марта 1564 года), хранящееся въ библіотекѣ владиміро-волынскаго братства.

II

Типографія въ Угорцахъ (деревня въ Галиціи въ самборскомъ округѣ) іеромонаха Павла Домжива-Лютковича.

Библіографы признаютъ, что первая книга, вышедшая изъ этой типографіи, есть:

1) *Выкладъ вѣры*, изд. 1611 года (форматъ неизвѣстенъ. Вишневскій, Исторія польской литературы, т. VIII, стр. 434. Головацкій со ссылкою на Вишневскаго. Голубевъ, Библіографич. замѣчанія, стр. 42. И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ т. I, 1883 г., стр. 319).

2) Събраніе въкратце словесъ отъ Божественнаго писанія и з'объясненіемъ изложенія святыхъ Апостолъ, двунадесяти Артикуловъ Православной вѣры. Выдруковано коштомъ и накладомъ благо-

честиваго Его М. Пана Александра Шептицкаго з'Шептицъ. Працею і стараньемъ Іеромонаха Павла Домжива-Лютковича, Іеродіякона Селивестра. Въ Угорцахъ року 1618 мѣсяца марта 30 день.

(И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I, стр. 346).

3) Апостолы и Евангеліа чрезъ всѣ Неделѣ и празд: и избрани ст. на весь годъ. Первое изобразися В'Угорцахъ року 1620.

На оборотѣ заглавнаго листа гербъ съ надписью «гербъ ясневелможныхъ Шептицкихъ». Слѣдующая часть этой книги издана иждивеніемъ того же пана Александра Шептицкаго, на оборотѣ послѣдняго листа, въ концѣ: въ Угорцахъ, в'друкарни іеромонаха Павла Домжива Лютковича, року 1620.

(И. Каратаевъ, Описаніе славяно-русскихъ книгъ т. I, стр. 362).

И такъ, доселѣ библіографы знали лишь *три* изданія, вышедшія въ *Угорцѣ* изъ типографіи іеромонаха Павла Домжива Лютковича съ 1611 по 1620 годъ включительно.

Очевидно, что здѣсь что нибудь да не такъ [1]): или первое изданіе этой типографіи вышло гораздо позже, или извѣстны доселѣ далеко не всѣ изданія оной,—первое предположеніе, полагаемъ, имѣетъ болѣе вѣроятности, хотя и второе, какъ увидимъ ниже, тоже не лишено основанія.

Въ недавнее время намъ случилось открыть еще одно изданіе угорецкой типографіи 1619 года:въ одной рукописи конца XVII или начала XVIII вѣка (родословной) встрѣтили мы статью: «Краткій хронологической лѣтописецъ», въ концѣ коей значится, что онъ выписанъ въ Козловѣ и списанъ съ книги «Литовскихъ печатей, печати *Пана Шептицкаго въ Угорцахъ, лѣта Господня 1619 года,* а та книга находится у Алаторца у Кузьмы Власева».

Заглавіе книги тутъ не показано, но очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о книгѣ историческаго, а не богословскаго содержанія (Лѣтописецъ или Синопсисъ). Во всякомъ случаѣ это извѣстіе указываетъ на существованіе такого изданія въ *Угорцахъ* 1619 г., о которомъ доселѣ не было ничего извѣстно нашимъ библіографамъ и которое если поискать, можетъ быть найдено.

При этомъ нельзя не замѣтить, что открытіе новаго, доселѣ неизвѣстнаго изданія типографіи въ Угорцахъ 1619 года ведетъ къ

---

[1]) Если первое изданіе угорцкой типографіи относится къ 1611, а второе къ 1618, спрашивается, отъ чего же типографія эта бездѣйствовала въ теченіе цѣлыхъ 7 лѣтъ?

заключенію, что первое изданіе этой типографіи «Выкладъ вѣры» едва ли не должно быть тоже пріурочено къ 1617—1620 год., или, говоря другими словами, что типографія эта существовала въ Угорцахъ не болѣе четырехъ лѣтъ (1617—1620) и что всѣ вышедшія изъ нея въ этотъ періодъ изданія были сдѣланы на иждивеніе благочестиваго пана Александра Шептицкаго. Благочестивый (православный)' панъ Александръ Ѳедоровичъ Шептицкій скончался въ концѣ 1621 года, судя потому, что книга «Казанье на чиненю памяти по зешломъ (т. е. отшедшемъ) его милости пану Александрови Ѳеодоровичу Шептицкомъ, презъ отца Павла Домжива Лютковича игумена мѣнскаго (минскаго) отправованое мѣсяца декабря 20 дня» (вѣроятно въ день годовой памяти), вышла въ свѣтъ въ 1622 году и при томъ безъ означенія мѣста печати (вѣроятно въ Минскѣ, гдѣ тогда находился отецъ Павелъ въ Петропавловскомъ монастырѣ).

Въ 1625 году типографія отца Павла Домживы Лютковича и самъ онъ съ своимъ товарищемъ іеродіакономъ Сильвестромъ уже находились въ Четвертнѣ (на Волыни) и тамъ продолжали печатаніе церковно-славянскихъ книгъ на иждивеніе князя Григорія Четвертинскаго.—(См. у И. Каратаева стр. 378, № 296).

Архимандритъ Леонидъ.

Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ.

Въ журналѣ «The Academy» за настоящій годъ (Aug. 17, № 902, p. 105) помѣщена небольшая замѣтка В. Н. Александренка: «Запорожскіе козаки въ описаніи англійскаго посла при русскомъ дворѣ 1736 г.». При занятіяхъ своихъ въ британскомъ государственномъ архивѣ авторъ изслѣдованія «Англійскій тайный совѣтъ и его исторія» встрѣтилъ любопытное донесеніе англійскаго резидента въ С.-Петербургѣ Клавдіуса Рондо лорду Гаррингтону отъ 24 апрѣля 1736 г. объ обычаяхъ и устройствѣ запорожской военной общины, которая принимала въ ту пору участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ Россіи противъ турокъ и поэтому остановила на себѣ вниманіе англійскаго дипломата; донесеніе это и приведено г. Александренкомъ цѣликомъ въ помянутой замѣткѣ. Не прибавляя ничего существенно новаго къ нашимъ свѣдѣніямъ объ устройствѣ Новой Сѣчи и основанное на данныхъ, почерпнутыхъ изъ вторыхъ рукъ, извѣстіе Рондо не лишено нѣкотораго интереса: оно показываетъ, что Сѣчь еще и въ

то время считали важнымъ факторомъ въ военномъ отношеніи, что въ козакахъ нуждались и потому стремились уразумѣть строй ихъ жизни,—именно въ это время русское войско подвигалось къ Азову. Новая Сѣчь, которую характеризуетъ Рондо, какъ извѣстно, была основана въ 1734 году, послѣ ухода запорожцевъ изъ крымскихъ предѣловъ и окончанія т. наз. вавилонскаго плѣненія въ Алешкахъ и Каменкѣ. Тяжелыя условія жизни сѣчевиковъ подъ турецкой властью вынудили ихъ вновь перейти на русскую сторону, такъ какъ иначе предстояла горькая перспектива воевать за Польшу. Устроенная въ Омиловомъ, на балкѣ Каменкѣ, а затѣмъ нѣсколько повыше у р. Пидпильной, Новая Сѣчь закончила свои дни катастрофой 4 іюня 1775 г. при имп. Екатеринѣ II. Въ эти 40 лѣтъ Запорожье играло чисто служебную роль, но, какъ видно отчасти и изъ донесенія Рондо, основныя начала сѣчеваго устройства продолжали твердо держаться въ сознаніи сѣчевиковъ и даже безучастнаго наблюдателя поражали своею цѣльностью и своеобразною законченностью.—Предлагаемъ здѣсь полный переводъ донесенія Рондо.

Н. Молчановскій.

«Такъ какъ нынѣ много говорятъ о запорожскихъ козакахъ, которые заселяютъ нѣсколько небольшихъ острововъ въ устьѣ рѣки Днѣпра или Борисѳена, а фельдмаршалъ Минихъ часто упоминаетъ о нихъ въ своихъ реляціяхъ, и по всей вѣроятности здѣшній дворъ съ пользою употребитъ ихъ противъ турокъ, то, надѣюсь, послѣдующее описаніе этихъ козаковъ не будетъ неумѣстнымъ.—Запорожскіе козаки представляютъ весьма сильное и неутомимое племя. Ихъ кошевой (Cashevoy) или генералъ имѣетъ отдѣльное помѣщеніе размѣромъ около десяти квадратныхъ футовъ, но прочіе живутъ въ обширныхъ избахъ, называемыхъ куренями, въ каждомъ изъ коихъ находится около шести или семисотъ человѣкъ; всякій желающій явиться въ курень можетъ жить и ѣсть съ ними безъ всякихъ разспросовъ или благодарности за гостепріимство. Такъ какъ весь народъ представляетъ необыкновенное племя, болѣе привычное къ жизни въ полѣ, нежели въ постоянныхъ жилищахъ, то обыкновенно при каждомъ куренѣ находится четыреста или пятьсотъ человѣкъ, живущихъ подъ открытымъ небомъ, но имъ вольно являться въ избу, когда пожелаютъ, безъ всякаго стѣсненія. Запорожцы представляютъ родъ рыцарей, которые не допускаютъ въ своей средѣ женщинъ, потому что если обнаруживается, что кто либо изъ нихъ держитъ у себя женщину, то такой побивается камнями. У нихъ нѣтъ писаннаго права, а всѣ дѣла рѣшаются шестью или семью лицами, которыхъ они избираютъ для этой цѣли, но рѣшеніе послѣднихъ не можетъ

быть исполнено, пока не будетъ утверждено братствомъ. Если у нихъ случится кража и похититель захваченъ, его немедленно вѣшаютъ за ребра. Обнаруживъ убійцу, выкапываютъ яму, кладутъ убитаго на убійцу и зарываютъ ихъ разомъ. Запорожцы исповѣдуютъ греческую вѣру, и пока они находились подъ властью турокъ, священниковъ назначалъ имъ константинопольскій патріархъ; но въ послѣдніе два года, когда они подчинены царицѣ, священниковъ присылаетъ имъ митрополитъ (въ текстѣ—Arch-bishop) кіевскій. У нихъ лишь одна церковь, гдѣ служитъ игуменъ (an Abbot) и нѣсколько священниковъ, которымъ не разрѣшено вмѣшиваться въ какія либо мірскія дѣла, исключая заступничества за преступниковъ и присутствованія при публичномъ покаяніи ихъ въ церкви въ случаѣ учиненія послѣдними какихъ либо неважныхъ правонарушеній. Запорожцы допускаютъ въ свое братство всѣхъ вообще, безъ различія національности, если поступающіе принимаютъ греческую вѣру и согласны подвергнуться семилѣтнему искусу ранѣе полученія званія рыцаря. Если кто либо изъ братства уходитъ, такихъ не преслѣдуютъ, но считаютъ ихъ недостойными своего общества. Богатства запорожцевъ заключаются въ скотѣ, особенно лошадяхъ, нѣкоторые имѣютъ свыше ста головъ, и едва ли найдется хоть одинъ козакъ, у котораго не было бы десяти или двадцати штукъ. Хотя козаки владѣютъ многими тысячами лошадей, которыя ходятъ табунами въ открытыхъ поляхъ, но конокрадство у нихъ почти неизвѣстно, ибо такая кража считается въ этомъ народѣ непростительною. Запорожцы не сѣютъ хлѣба: во время войны они грабятъ всевозможные запасы у враговъ, а въ мирное время вымѣниваютъ все, что необходимо, на лошадей и рыбу. Они ловятъ множество рыбы, особенно осетрину въ Днѣпрѣ. Для своихъ конскихъ заводовъ запорожцы пользуются турецкими и черкесскими жеребцами. Оружіе свое, состоящее изъ карабиновъ (Rifled Guns) и сабель, они изготовляютъ сами. Къ званію рыцаря допускаются въ ихъ обществѣ только люди очень сильные и хорошо сложенные, но каждый можетъ быть принятъ въ качествѣ холопа (cholopp) или слуги, и нѣкоторые держатъ ихъ по два или по три. Запорожцы никогда не заботятся считать, сколько рыцарей числится въ ихъ братствѣ, и на вопросъ объ этомъ отвѣчаютъ, что не могутъ опредѣлить, такъ какъ число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ; но, говорятъ, ихъ болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Извѣстно, что большую часть этого народа составляютъ козаки, бѣжавшіе изъ Украины, но холопы или слуги въ большинствѣ поляки. Запорожцы подѣлены на тридцать большихъ избъ или куреней, каждый курень имѣетъ своего командира или атамана, которые тѣмъ не менѣе всѣ обязаны повиноваться кошевому или генералу. Всѣ рыцари имѣютъ право голоса при выборѣ генерала или кошеваго; если послѣдній держитъ себя ненадлежаще, его смѣняютъ и выбираютъ другаго, какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нынѣшнимъ

кошевымъ (Иваномъ Милашевичемъ?), который былъ смѣщенъ и избранъ другой, затѣмъ умершій, послѣ чего нынѣшній выбранъ вновь. Умирая, запорожскій рыцарь можетъ оставить своихъ лошадей и все вообще имущество кому пожелаетъ, но обыкновенно болѣе всего получаетъ церковь для содержанія священника».

Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг.

Настоящія письма писаны къ намъ во время нашего студенчества, въ отвѣтъ на тѣ вопросы, съ которыми мы обратились къ О. М. Бодянскому, какъ знатоку малорусской старины. Простота и сердечность отвѣтовъ малознакомому студенту другаго университета могутъ послужить дополненіемъ къ представленію о личности достопамятнаго ученаго. Въ четвертомъ письмѣ говорится о небольшой библіографической нашей работѣ, которая была посвящена О. М. Бодянскому. Правописаніе сохранено подлинниковъ.

А. Л.

1) Сердечно благодарю васъ за присланныя вами малороссійскія пѣсьни. Хоть онѣ и не цѣльныя, но все же и обломки нерѣдко годятся къ дѣлу. Впрочемъ не изъ такихъ ли нецѣльностей строятъ намъ мозаичныя картины? Будемъ благодарны и за то, что дошло къ намъ и въ етомъ видѣ. Всѣ почти етѣ обломки мнѣ давно уже извѣстны; а все же чѣмъ больше, тѣмъ больше и лучше для человѣка, занимающагося такимъ, какъ я, дѣломъ. Есть изъ чего повыбрать, знаешь, что и какъ портилось, передѣлывалось и т. под. Что до намѣренія вашего издать текстъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, то, во первыхъ я бы непомѣстилъ послѣднихъ съ первыми. Пословица сама по себѣ, а поговорка сама по себѣ, хотя обѣ иногда трудно бываетъ отличить между собою; но въ томъ то и хытрость вся, чтобъ не смѣшать ихъ. Во вторыхъ: я самъ больше 1500 имѣю пословицъ, совсѣмъ приготовленныхъ къ печати, а все таки не рѣшаюсь то сдѣлать, безпрестанно пополняя свой сборникъ новыми. Лучше поздно, чѣмъ плохо и скоро. Примѣръ тому видите сами на сборникѣ Харьковскомъ, который когда то (лѣтъ 20 или около того) я разбиралъ въ Телескопѣ почти въ ету пору года, и принужденъ былъ вступить въ перестрѣлку, по етому случаю, съ однимъ изъ теперешнихъ моихъ сокаѳедренниковъ. А впрочемъ вольному воля, а спасенному рай. Sumite materiâ, viribus vestris, aequâ, кажется Горацій сказалъ гдѣ-то. Стало возможная полнота и вѣрность подобнаго

рода вещей первое достоинство изданія ихъ, а ето достигается исподоволь, временемъ да временемъ. Знайте, что народныя произведенія никогда не теряютъ своего вѣса. Я не раскаяваюсь, что по сю пору не выдалъ еще ни пѣсень, ни пословицъ: когда подумаю, въ какомъ видѣ явилось бы то и другое 10-ть лѣтъ тому назадъ, и въ какомъ теперь—слова тѣ Христе! Конечно жизнь человѣческая яко цвѣтъ польный; но жывый жыве й гадае.

Будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго вамъ отъ души, вашего покорнѣйшаго слугу О. Б.

Авг. 14 дня 1855 г.

2) Спѣшу отвѣчать на послѣднее ваше письмо, отъ 21-го, полученное мною лишь 25-го текущаго мѣсяца, и отвѣчать въ томъ порядкѣ, какъ вы предлагаете мнѣ вопросы. Издатель малороссійскихъ пословицъ, явившихся когда то въ Харьковѣ, есть какой то *Смирницкій*, кандидатъ тамошняго университета, по крайней мѣрѣ, такъ онъ названъ на подносномъ екземплярѣ своему цензору въ то время, видѣнномъ мною на свѣжихъ порахъ. Впрочемъ объ етомъ вамъ болѣе можетъ сообщить Измаилъ Ивановичъ вступавшійся за него въ перебранкѣ со мной, по поводу разбора, написаннаго тогда мною въ Телескопѣ. Такъ по крайности, говорилъ мнѣ въ ту пору издатель Телескопа. Противъ посвященія вашего «Указателя» мнѣ я не имѣю ничего возразить, кромѣ, развѣ, благодарить васъ за вниманіе къ моимъ посильнымъ когда то трудамъ на полѣ родной старины. Долженъ также сердечной благодарностью вамъ и за намѣреніе ваше касательно присоединенія собранныхъ вами пословицъ къ сборнику моему, а также и за вновь сообщенныя (6-ть) малороссійскія пѣсьни. Изъ нихъ дѣйствительно подъ № 2-мъ и мнѣ не извѣстна: жаль, что она только въ отрывкѣ; прочія же всѣ имѣются у меня; однако, не смотря на то, нѣкоторыя съ замѣчательными разнорѣчіями. Что до пѣсьни: «Ихавъ козакъ за Дунай», то она, какъ показываютъ самый устрой и стихъ ея, не есть произведеніе народа, но точно принадлежитъ «письменному», какъ увѣряетъ Максимовичъ въ своемъ сборникѣ «Малороссійскихъ пѣсень». Москва, 1827, стр. 216, тому самому, котораго вывелъ на сцену кн. Шаховской въ своемъ водевилѣ, кажется, «Козакъ стихотворецъ». Наконецъ: «Стихотворенія Іосифа Олова», можетъ быть и были писаны Гоголемъ, а можетъ быть и нѣтъ. Что то и я слышалъ объ етомъ въ Бѣлокаменной; при первомъ же свиданіи съ его племянникомъ, который теперь здѣсь и занимается изданіемъ 1-ой части «Мертвыхъ душъ», равно какъ и

слѣдующихъ томовъ его «сочиненій», спрошу хорошенько о томъ; статься можетъ, онъ что нибудь о томъ знаетъ. Современемъ, при случаѣ, извѣщу и васъ, буде что откроется занимательнаго по етому случаю. Затѣмъ будьте здоровы, благополучны и не забывайте преданнѣйшаго вамъ отъ души, вашего покорнаго слугу О. Б.

У насъ наклевывается новый журналъ, который будетъ издаваться «Общиной», подъ редакціей Каткова. Говорятъ что и о другомъ сильно хлопочетъ другая «Община», совершенно противоположная первой. Въ добрый часъ!

30 октября 1855 г.

3) Сердечно благодарю васъ за ваше обязательное письмо и при немъ тетрадку малороссійскихъ пѣсень. Между ними есть нѣсколько довольно милыхъ, хоть вообще извѣстныхъ. Впрочемъ, найдется 3—4 такихъ, что годятся въ разнословія. Чѣмъ больше послѣднихъ, тѣмъ лучше. Жалѣю что вы не завернули ко мнѣ проѣздомъ черезъ Бѣлокаменную. Мы бы потолковали объ Украини на чужыни.

Читаете ли вы въ Бесѣдѣ «Дни и мѣсяцы въ Малороссіи?» Не пропускайте ихъ; они стоятъ нашего вниманія. Въ слѣдующей книжкѣ явятся «Филологическія письма къ Погодину», того же самаго сочинителя: не поздоровится отъ нихъ многимъ и многимъ.

Наши студенты тоже затѣваютъ какой то журналъ, въ родѣ вашего; но, сказать правду, я мало проку вижу въ етой «пробѣ пера и чернила, какова въ нихъ сила». Не ето намъ нужно; прошла уже та пора, и прошла безвозвратно, когда нужно было пряниками подстрекать молодежь взбираться на Парнасъ, Геликонъ и подобныя тому холмы и горы. Скорѣе нужна всѣмъ намъ выдержка, впрочемъ, безъ задержки. Кто же одержимъ противнымъ духомъ, въ любомъ журналѣ можетъ пріютиться, съ личиной и безъ личины, ища себѣ славы, а князю чти, какъ говорится въ нѣкоемъ Словѣ о полку Игоревѣ. А впрочемъ, что голова, то разумъ, и проч. Вѣдь на вкусъ да на цвѣтъ уставу нѣтъ! Весь вашъ отъ души О. Б.

Октября 23 дня, 1856 г.

4) Когда вы будете читать етѣ строки, ровно минетъ тому мѣсяцъ, какъ я получилъ ваши, въ которыхъ столько для меня лестнаго, а главное теплаго, участія. И, однако же, при всемъ желаніи моемъ, я никакимъ образомъ не въ силахъ былъ отвѣчать вамъ ранѣе сегодня. Причиной тому многое и многое, въ особенности же выпускъ 2-ой книги «Чтеній». Вы не повѣрите, чего они мнѣ теперь

стоятъ. Прежде я (десять лѣтъ тому назадъ) издавалъ каждый мѣсяцъ по такой книжкѣ, а нынче и въ *три* не въ состояніи сколотить, не смотря на то, что въ ревности къ тому не только не охолодѣлъ, но еще пуще окрѣпъ; что готоваго запаса на 2 года, если бы пришлось издавать даже по прежнему (по 9-ти книжекъ въ годъ); что таже типографія и почти тѣже наборщики; что словомъ вся обстановка старая, *да ба!* Вчера покончилъ 2-ую книгу, и первымъ же дѣломъ, которое лежало у меня цѣлой мѣсяцъ на сердцѣ (отвѣтъ на ваше обязательное письмо)—отповѣдь на него вамъ сегодня. Надѣюсь вы сколько нибудь извините мою невольную неточность въ етомъ случаѣ. Сердечно благодарю васъ за присылку екземпляра изданного вами «Указателя источниковъ для изученія Малороссійскаго края»; давно въ немъ настояла нужда; давно слѣдовало бы за него взяться кому ни есть изъ малороссіянъ. На первой разъ вы сдѣлали ето прекрасно, сколько то позволяли вамъ ваши средства. Совершенствованіе какъ его, такъ и послѣдующихъ вашихъ и нашихъ работъ—въ будущемъ: много значитъ начало, особливо толковое, обдуманно и ревностно исполненное начало. Dimidium facti habet, qui bene coepit. Недостатковъ въ комъ нѣтъ? Дожидаться, пока ихъ не будетъ, можетъ привести, пожалуй, къ тому, что желаннаго нами и вовсе не будетъ, какъ ето и видимъ довольно таки частенько на требователяхъ совершеннаго. Что до листика въ вашемъ «Указателѣ», слѣдующаго за заглавіемъ непосредственно, то мнѣ остается только вамъ подяковаты щыро та пильно (?) за такую смачную цяцю. Мабуть, и наша денежка не щербата, або якъ кажуть то: «Нàте й мій глекъ на капусту, щобъ и я Настя була», може той, до которого те надписаньня касаетьця, сказаты, та й письля того замовчаты. Дяковаты, дяковаты, нызенько дяковаты! Съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда вашего въ Бѣлокаменную. Побачемось и де що побалакуемо. А до того жъ бувайте соби жывенькы, здоровенькы, та й не забувайте вашого щырого земляка О. Б.

8 іюня 1858 г.

Образцы старо-семинарской поэзіи.

Какъ извѣстно, въ нашихъ старыхъ духовныхъ школахъ въ большомъ ходу было обыкновеніе подносить начальствующимъ лицамъ поздравительныя стихотворенія на дни праздниковъ и на раз-

ные случаи въ ихъ жизни.—Предлагаемыя ниже стихотворенія составляли изящную тетрадку съ красивою виньеткою и изображеніями разныхъ миѳологическихъ божествъ. Протоіерей Ѳеодоръ Домонтовичъ, которому тетрадка была поднесена, начальствовалъ въ переяславской семинаріи въ званіи префекта съ 1786 года, ректоромъ же онъ былъ переименованъ въ 1802 году.—Одинъ изъ студентовъ—поэтовъ Леонтій Савичъ, перу котораго принадлежитъ большая часть прилагаемыхъ стихотвореній, по окончаніи курса семинаріи и затѣмъ кіевской академіи, проходилъ при переяславской семинаріи до 1817 г. должность учителя поэзіи и извѣстенъ какъ большой любитель поэзіи и какъ глубоко преданный своему предмету наставникъ.

П. Левицкій.

Его высокопреподобію, переясловскія семинаріи ректору, Богословіи учителю, и каѳедральнаго собора протоіерею, отцу Ѳеодору, милостивѣйшему благодѣтелю господину Домонтовичу. Въ знакъ чувствительнѣйшей благодарности, усердія и высокопочитанія за отеческія его милости, сіи стихотворенія приносятъ и посвящаютъ всепокорнѣйшіе слуги студенты богословіи 1802 года іюня 8 дня.

О д а.

Сойди о! муза съ мѣстъ Парнасскихъ
Отъ сферъ небесныхъ гдѣ живешъ
Оставь на мигъ утѣхи райски
Гдѣ нектаръ сладостей піешъ;
Сойди, чтобъ пѣть меня наставить
Чтобъ слабой разумъ мой направить,
Почтить, прославить, восхвалить
Щастливаго отца рожденье;
Когда небесъ благоволенье
Ему здѣсь указало жить.

—

Отверзлась дверь... неизмѣримость!
Всеобщаго паденья мать,
Мать Кронова непостижимость
Всѣхъ смертныхъ ярый, злобный тать,
Се вѣчность! длани простираетъ
Твой годъ какъ сына принимаетъ,
И прячется въ пучинахъ тьмы
Гдѣ цѣлы вѣки погрязаютъ
Быстро—орлиными крыльми.
Куда всѣ времена мелькаютъ

—

Но се! Господь ниспосылаетъ
Тебѣ знакъ милостей своихъ,
Се! новый годъ твой наступаетъ
Се! даръ для подвиговъ твоихъ
Се! Ангелъ тезоименитый
Твой ревностный стражъ знаменитый
Пришелъ тебѣ днесь возвѣстить
Отраду, щастье, славу нову,
Жизнь мирну, сладку, милость многу,
И въ новый годъ велитъ вступить.

—

За подвиги твои велики
За трудъ, за истощенье силъ
За милости ко всѣмъ толики
За потъ, кой ты до нынѣ лилъ,
Чтобъ щастье устроять врученнымъ,

Сію награду Богъ излилъ;
Да вяще ты ихъ умножаешъ
Да вяще щастье устраяешь
Тѣхъ, коихъ онъ тебѣ вручилъ.

—

О! годъ златый о! день блаженный
Тебя мы жаждали узрѣть
Тебя надеждой окрыленны
Давно готовы были срѣсть;
Да во твои часы священны
Въ твои минуты драгоцѣнны,
Врученные сему отцу,
Сыновней радостью взыграемъ
Въ восторгѣ духа въ выспръ взываемъ
О здравіи сего къ Творцу.

—

Но се! какъ Фебъ съ высотъ эфирныхъ
Чело лазурью кроя горъ
Нисходитъ къ намъ въ долины мирны
И гонитъ мраковъ прочъ соборъ
Такъ ты желанный! къ намъ приходишь
Въ восторгъ сердца и духъ приводишъ
Кой мы не могши внутрь сокрыть
Тебѣ нашъ милый покровитель,
Отецъ, наставникъ, попечитель!
Пришли сердечно изъявить.

—

О ты! въ покровъ чей прибѣгаютъ
Соборы музъ и сей Парнассъ
Чье имя всѣ въ немъ прославляютъ
Во дни, въ нощи, на всякой часъ,
Среди твоихъ благодѣяній
Средь всѣхъ отличій достояній,
Пріими достойнѣйшій вѣнецъ,
Во мѣсто лавровъ и трофеевъ
И въ мѣсто звучныхъ арфъ Орфеевъ,
Нелестны чувствія сердецъ.

—

Да будетъ жизнь твоя цвѣтуща,
Красна, какъ роза при водахъ
Какъ лилія средь травъ, растуща,
Прекрасна, какъ тюльпанъ въ садахъ,
А силы, бдѣньемъ изнуренны
Какъ юность орля обновленны,
Да будутъ вновъ до поздыхъ лѣтъ,
И здравіе твое священно
Да будетъ вѣчно совершенно
Пока ты прейдешъ въ горній свѣтъ.

—

О ты! Творецъ всея природы,
Творецъ міровъ, Господь временъ,
Кого чтятъ славятъ всѣ народы
Дая различныхъ тьмы именъ:
Услыши насъ тебя молящихъ
Отъ сердца и души просящихъ
И къ счастью къ пользѣ общей насъ,
Храни ревнителя къ успѣхамъ
Пока сведешь его къ утѣхамъ
Небесный населять Парнассъ.

Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Акростихъ.

Послалъ Творецъ сей день желанный
Единъ день радости приспѣлъ
Рожденья ангелъ твой избранный
Ефирныхъ на крылахъ слетѣлъ,
Яснѣйшими лучами блещетъ,
Свѣтъ яркій онъ веселья мещетъ,
Ліетъ въ сердца отраду всѣхъ.
Ахъ! день пріятный, день утѣхъ,
Въ душахъ горитъ чистѣйша радость,
Смущенья гонитъ всюду прочь;
Какая въ чувства льется сладость!
Оставя насъ пасмурна ночь,
И се спѣшатъ сыны усердны,
Спѣшатъ, любовію возженны,

Единственно къ тебѣ, отецъ,
Младыхъ наставнику сердецъ,
И ты, зиждитель благоденства,
На верхъ ведешъ насъ въ щастья храмъ,
А паче вѣчнаго блаженства
Разженъ даешъ свѣтилникъ намъ,
І такъ въ сей день благословенный
Излити жаръ, въ душахъ возженный,
Раскрывъ сердца, къ тебѣ спѣшимъ
Единодушно и гласимъ:
Ко щастью нашему о! Боже
Творецъ! Ѳеодора храни:
Онъ есть всего для насъ дороже;
Распространяй его ты дни,
Услыши, Господи! въ сей часъ,
храни его, храни для насъ.

Сочинилъ *Данило Максимовичъ*.

Рондо.

Кто нища милуетъ, кто сиру пособляетъ,
Невинность страждущу въ бѣдахъ кто защищаетъ,
Не претикаяся въ законѣ кто течетъ,
Во ономъ Богъ живетъ.
Кто истину хранитъ ненарушимо свято,
Услуги обществу приноситъ кто богато,
Въ примѣръ Христа себѣ во всѣхъ дѣлахъ беретъ,—
Во ономъ Богъ живетъ.
Чья жизнь — спасенію другихъ служить и слово
Горитъ желаніемъ и всякой часъ готово,
Кому отъ суеты земной препоны нѣтъ,—
Во ономъ Богъ живетъ.
Но ты Отецъ! въ себѣ—въ себѣ все возмѣщаешъ
Другъ добродѣтели, другихъ ты просвѣщаешъ:
Такъ неприлично ли нашъ духъ тебѣ поетъ
Что Богъ въ тебѣ живетъ.

Сочинилъ *Данило Максимовичъ*.

Рондо.

Тебѣ, о ректоръ нашъ! тебѣ, драгой наставникъ,
Достойну честь воздать спѣшимъ, наукъ участникъ.
Мы щасливы тобой—душа такъ всѣхъ гласитъ—
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ съ небеснаго эфира,
Среди утѣхъ земныхъ, при вертоградѣ мира,
Потоки счастья льетъ, и благодать даритъ
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ, наукамъ посвященно,
Въ трудахъ и подвигахъ всегда неутомленно,
Которое для насъ блаженство здѣсь творитъ—
Твое Богъ сердце зритъ.
Твое Богъ сердце зритъ, и ангелъ твой хранитель
Не уснетъ тя храняй, отъ бѣдъ нашъ покровитель,
Да благостью своей Богъ вѣкъ твой озаритъ
и міръ познаетъ, что Твое онъ сердце зритъ.

Сочинилъ *Василій Зеленскій*.

К а н т ъ.

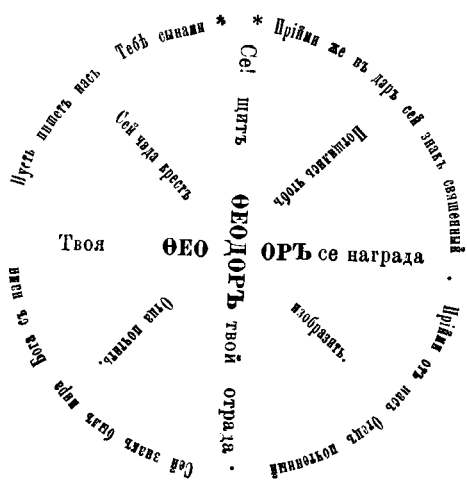
Взыграйте, Музы, пѣснь согласно,
Плещите въ радости своей,
Трубой гласите громогласно—
Се день! щастливѣйшій всѣхъ дней.
Се день! въ которой попечитель
Принялъ щитъ вѣры, крестъ Христа,
Въ кой геній, общій покровитель,
На прагѣ міра жизни сталъ.

Парнассъ воспой сей день прекрасной,
Вину блаженства твоего,
Бряцай на арфѣ стройно-гласной
Отца наставника сего.
И вы, о сироты, теките!
Вы, коимъ сущій онъ отецъ,
Предъ нимъ падите и гласите:
«Да сохранитъ тебя Творецъ».

Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Applaudant manibus puris nunc sidera coeli
Terraque cum maribus condita magno Deo;
Nam Musae praeclaro die, dulcique fruuntur,
Nam fortuna illis dat bona multa sua.
Magnus Praeceptor novos ingreditur annos,
Qui nervos animi acuit—illuminat.
Ingreditur Rector, fert qui subsidia magna
Adversis rebus periculisque hominum
Et bona quis oculis videns haec non fateatur
Contentas Musas esse felices las?
Certe te magno Theodore! Rectore nostro
Contenti sumus, nam bonitate tua
Nos fruimur semper qui te salutamus,
Ut salvus tu sis incolumisque diu.

Exarauit *Sophronius Cochnovsky*.



Сочинилъ *Леонтій Савичъ*.

Для справокъ.

— **Съ Высочайшаго соизволенія открыта подписка для составленія капитала на учрежденіе при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ преміи и медали имени Николая Михайловича Пржевальскаго.**

Пожертвованія принимаются въ конторѣ нашего журнала или адресуются непосредственно:

С.-Петербургское Императорское Русское Географическое Общество.

Имена жертвователей будутъ опубликованы.

Библіографія.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора—Лѣтописца. Книга 3-я. Издана подъ редакціею Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1889 года.

Вслѣдъ за второй книгой «Чтеній» въ обществѣ Нестора—Лѣтописца, о которой мы сообщили недавно, появилась и третья, благодаря заботливости и неутомимой дѣятельности секретаря общества проф. Н. П. Дашкевича, ибо редакція книги лежала всецѣло на немъ одномъ. Подобно предъидущей книгѣ, настоящая заключаетъ въ себѣ два отдѣла: 1) свѣдѣній о засѣданіяхъ и личномъ составѣ историческаго общества въ 1888 году и 2) изслѣдованій; сверхъ того въ третьей книгѣ есть еще и приложеніе.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ служатъ непосредственнымъ продолженіемъ такихъ же свѣдѣній во второй книгѣ; они обнимаютъ полный годъ дѣятельности общества. Втеченіе истекшаго года было прочтено 20 сообщеній [1]) въ восьми засѣданіяхъ. Прочтенные рефераты касались разныхъ періодовъ исторіи и ея вспомогательныхъ наукъ, именно: къ *археологіи*, имѣвшей предметомъ не только бытъ населенія въ до-историческую эпоху, но и въ велико-княжескій періодъ, относились три реферата проф. В. Б. Антоновича, съ замѣчаніями къ одному изъ нихъ проф. В. З. Завитневича, и одинъ проф. Ѳ. И. Кнауэра. Проф. *В. Б. Антоновичъ* представилъ характеристику древлянскихъ могильниковъ по своимъ послѣднимъ раскопкамъ, которыя онъ произвелъ лѣтомъ 1887 года; кромѣ опредѣленія бытовыхъ чертъ древлянскаго населенія по добытымъ въ могилахъ предметамъ, расположеніе кургановъ позволило референту установить фактъ, что южная

[1]) Къ числу сообщеній должно отнести, что мы и дѣлаемъ, въ виду ихъ величины, возраженія и замѣчанія В. З. Завитневича на доклады А. И. Соболевскаго и В. Б. Антоновича.

граница древлянскихъ поселеній проходила по теченію рѣкъ: Ирпеня, Упавы, Каменки и Растовицы. Во второмъ чтеніи В. Б. Антоновичъ обратилъ вниманіе на состояніе вопроса о городищахъ въ русской археологіи и предложилъ программу ихъ изученія, по которой имъ и изслѣдовано въ томъ же 1887 году 24 городища; онъ дѣлитъ ихъ на двѣ группы: одну по р. Растовицѣ и другую по р. Тетереву и его притокамъ; городища первой группы онъ считаетъ черно-клобуцкими и берендичекими, а городища второй—древлянскими IX и X вв. дохристіанской эпохи. Въ третьемъ своемъ рефератѣ о городищахъ—майданахъ В. Б. Антоновичъ указалъ на малоизслѣдованность ихъ и отсутствіе достовѣрныхъ свѣдѣній о нихъ въ археологіи; изслѣдовавъ рядъ майдановъ по линіи Золотоноша—Кременчугъ на разстояніи 10 верстъ отъ Днѣпра, референтъ пришелъ было къ выводу, что это сторожевые пункты литовскаго періода; но его догадка рушилась при изученіи имъ майдановъ по р. Собу, перемѣшивающихся съ скиескими курганами.

По поводу майдановъ *В. З. Завитневичъ* въ своемъ возраженіи высказалъ мысль, принявъ во вниманіе связь ихъ съ могилами, что они могли быть священными мѣстами, въ родѣ, напр., коллективныхъ могилъ или мѣстъ для отправленія религіозныхъ обрядовъ, всенародныхъ пиршествъ и т. п. Проф. *Ѳ. И. Кнауэръ* сообщилъ, что раскопанные имъ пять кургановъ у села Сарата, аккерманскаго уѣзда, въ Бессарабіи онъ считаетъ принадлежащими гуннамъ.

Къ церковной археологіи относился рефератъ проф. *П. А. Лашкарева* объ остаткахъ церкви, сооруженной кн. Владиміромъ Мономахомъ въ Переяславлѣ.

Древнѣйшаго періода русской исторіи касались доклады проф. А. И. Соболевскаго и В. З. Завитневича о времени крещенія Руси и кіевлянъ. Разбирая вторую книгу «Чтеній», мы сообщили мнѣнія обоихъ ученыхъ и теперь не будемъ поэтому возвращаться къ нимъ. Этого же періода касался рефератъ проф. *И. И. Малышевскаго*, который подвергъ весьма основательному и подробному разсмотрѣнію извѣстіе ново-открытаго архим. Леонидомъ владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи княгини Ольги и нашелъ его мало вѣроятнымъ.

Изъ *средняго періода русской исторіи* проф. *В. С. Иконниковъ* обратилъ вниманіе общества: 1) на напечатанный въ «Рус. Архивѣ» документъ, изъ котораго можно заключить о существовавшемъ у Дмитрія Самозванца планѣ начать войну съ Польшей, и 2) на новые

матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ, отмѣтивъ на ихъ основаніи новыя черты въ характерѣ и дѣятельности Никона.

Исторія русскаго права нашла себѣ выраженіе въ сообщеніяхъ: 1) проф. *В. С. Иконникова*, который открытымъ недавно документомъ доказалъ, что X-я глава «Наказа» вошла, послѣ закрытія екатерининской коммиссіи, въ дѣйствительную силу и пріостановила пристрастные допросы и пытки, 2) проф. *А. В. Романовича-Славатинскаго* о комитетѣ, учрежденномъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сент. 1826 года, и о первой исторіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, вышедшей въ Харьковѣ въ 1816 году и авторомъ которой былъ М. Грибовскій, докторъ обоихъ правъ, и 3) проф. *И. В. Лучицкаго* о сябринномъ землевладѣніи, имѣющемъ въ своей основѣ начало семейное; оно отличается и отъ общинной, и отъ подворной формы землевладѣнія.

По исторіи церкви сдѣланы доклады проф. *А. А. Дмитріевскимъ* объ открытомъ имъ документѣ, который доказываетъ, что настоящій типъ богослуженія въ страстную и пасхальную седмицы установился приблизительно въ началѣ IX или первой половинѣ X вѣка, и *М. И. Лилеевымъ* о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ; по мнѣнію референта, поселеніе московскихъ раскольниковъ относится къ концу шестидесятыхъ или началу семидесятыхъ годовъ XVII вѣка и стало усиливаться во время стрѣлецкихъ и раскольничьихъ движеній при Софьѣ Алексѣевнѣ и въ эпоху преобразованій Петра В., а въ XVII вѣкѣ, несмотря на удаленіе и запрещеніе, они продолжали увеличиваться въ числѣ.

Къ *бытовой исторіи* должно отнести рефератъ проф. *С. Т. Голубева*, въ которомъ онъ изобразилъ матеріальное положеніе профессоровъ кіевской духовной академіи въ XVIII в. и ихъ отношеніе къ ректору.

По *архивовѣдѣнію* проф. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ свѣдѣнія объ архивѣ государственнаго совѣта, указавъ на значеніе хранящагося въ немъ матеріала, и прочиталъ нѣкоторыя извлеченныя имъ оттуда письма графа Блудова.

Наконецъ, по *статистикѣ* мною сообщены цифровыя данныя о количествѣ еврейскаго населенія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. Изъ перечисленныхъ рефератовъ значительная часть напечатана была въ «Кіевской Старинѣ».

Въ *личномъ составѣ* произошла слѣдующая перемѣна: избрано 6 почетныхъ членовъ и 5 дѣйствительныхъ, выбыло за смертью два

члена. Къ началу 1889 г. общество состояло изъ 18 почетныхъ и 89 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ отдѣлѣ «Изслѣдованій» помѣщено таковыхъ два; оба высокаго достоинства и большой важности:

Проф. *Н. П. Дашкевича*: *Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.* Авторъ, принявъ во вниманіе, что до сихъ поръ историческое значеніе нашей былевой поэзіи признается не всѣми историками, произвелъ для выработки опредѣленной точки зрѣнія наблюденія надъ историческими народными пѣснями и пришелъ къ выводу, что онѣ имѣютъ несомнѣнно историческую основу; Н. П. Дашкевичъ подтверждаетъ свой выводъ анализомъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на св. Руси; онъ останавливается на этихъ былинахъ потому, что вопросъ о нихъ не былъ разсмотрѣнъ во всей полнотѣ, не были представлены вполнѣ отчетливо всѣ моменты развитія былинъ объ Алешѣ и кончинѣ богатырей. Авторъ подвергаетъ этотъ вопросъ новому и самому подробному пересмотру и находитъ разительное совпаденіе былины объ Алешѣ съ лѣтописными извѣстіями объ Александрѣ Поповичѣ и былины о кончинѣ богатырей съ лѣтописнымъ сказаніемъ 1223 г. о калкскомъ побоищѣ. Анализируя былины и лѣтописи, авторъ касается и общаго хода развитія нашего былеваго эпоса. По мнѣнію Н. П. Дашкевича, былевой эпосъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ, которое вызывали крупныя историческія событія, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній; былевой эпосъ сохранился на далекихъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ. Въ южной Руси общерусскій былевой эпосъ началъ вымирать въ половинѣ XVII вѣка, когда южнорусскому народу пришлось напрягать всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе; къ старымъ врагамъ, татарамъ, заступившимъ мѣсто печенѣговъ и половцевъ, присоединились новые—турки. Подъ вліяніемъ усиленной борьбы съ тѣми и другими былины начали переходить въ думы; съ теченіемъ времени былины получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ козацкій оттѣнокъ. При этомъ авторъ задается вопросомъ: «подпадалъ ли въ этомъ случаѣ богатырскій эпосъ вліянію козацкаго или, наоборотъ, самъ составлялъ переходъ къ этому послѣднему?» и думаетъ, что современныя былины, кажется, проникліись отчасти козацкимъ духомъ на Дону; въ южной Руси могло происходить такое же примѣненіе древняго эпоса и постепен-

ное замѣщеніе старыхъ героевъ его новыми; рядомъ съ остатками древняго творчества должно было имѣть мѣсто новое, но и въ немъ по временамъ слышались отголоски стараго эпоса княжескаго періода.

Второй замѣчательной работой въ отдѣлѣ изслѣдованій является монографія проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: «*Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства*». Такъ какъ имущественныя права на землю въ литовско-русскомъ государствѣ въ древнюю эпоху представляютъ загадку, то являясь принадлежащими князю, безъ воли котораго частныя лица не могли распорядиться находившейся въ ихъ владѣніи землей, то принадлежащими частнымъ лицамъ, которыя могли свою землю продавать, дарить, завѣщать и т. п., то авторъ, имѣя въ виду важность разрѣшенія этихъ противорѣчій для исторіи права, посвящаетъ этому вопросу настоящій трудъ свой. Прежде всего онъ указываетъ на всѣ до сихъ поръ напечатанныя акты по землевладѣнію въ ихъ незначительномъ количествѣ и останавливается на анализѣ одного документа, заключающагося въ III-ей книгѣ Записей Литовской Метрики. Авторъ занялся изученіемъ настоящаго акта во 1-хъ за его типичность, во 2-хъ потому, что при изложеніи, онъ имѣетъ въ виду и нѣкоторые другіе источники, и въ 3-хъ потому, что, при большомъ разнообразіи формъ землевладѣнія, приблизиться къ ихъ полному изученію можно только такимъ детальнымъ изученіемъ отдѣльныхъ источниковъ; такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія думать, что выводы автора недостаточно обоснованы или преждевременны. А выводы эти слѣдующіе: а) условность и ограниченность правъ на имущества въ литовскомъ государствѣ отнюдь не есть результаты мнимаго литовскаго завоеванія; б) тѣ же свойства имущественныхъ правъ, и даже въ высшей степени, нужно предположить въ обще-русскомъ правѣ въ эпоху Русской Правды; в) условность и ограниченность правъ первоначально простирается не на одни жалованныя имущества въ точномъ смыслѣ, но и на всѣ прочіе виды ихъ; г) причина ограниченности имущественныхъ и другихъ правъ частныхъ лицъ лежитъ въ глубинѣ до-историческихъ явленій (зависимости лицъ отъ общества) и съ теченіемъ исторіи не возрастаетъ, а ослабляется; лицо постепенно завоевываетъ себѣ самостоятельность въ правѣ; д) процессъ возвышенія правъ частнаго лица начался съ древнѣйшихъ временъ и ни въ эпоху Русской Правды, ни въ литовскомъ государствѣ типъ помѣстнаго права или жалованныхъ вотчинъ отнюдь не есть единственный типъ вещныхъ

отношеній къ землѣ; е) путь возвышенія правъ частнаго лица есть путь естественнаго роста этихъ правъ и не зависитъ отъ политическихъ переворотовъ или имущественныхъ законодательныхъ мѣръ. Эти послѣднія могутъ лишь ускорить естественный ходъ процесса или задержать его; первое случилось въ литовскомъ государствѣ (для одного высшаго класса) вслѣдствіе сближенія съ Польшею; второе—въ московскомъ государствѣ. Нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться ни съ правильностью указанныхъ выводовъ, ни съ толкованіями авторомъ отдѣльныхъ мѣстъ избраннаго имъ документа.

Въ «Приложеніи» буквально «приложена» брошюра, вышедшая въ Кіевѣ еще въ 1881 году, подъ заглавіемъ: «Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ». Она состоитъ изъ некролога А. А. Котляревскаго, четырехъ поминальныхъ рѣчей и списка сочиненій покойнаго профессора. Списокъ является наиболѣе интересной и нужной частью брошюры; въ настоящее время онъ выходитъ безъ малѣйшихъ измѣненій, слѣдовательно пропусковъ въ немъ при первоначальномъ составленіи не оказалось.

Такова третья книга «Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца». По составленію отдѣла протоколовъ засѣданій она оказывается болѣе обстоятельной въ сравненіи съ предъидущей, а по важности статей въ отдѣлѣ изслѣдованій въ высокой степени цѣнной.

И. Каманинъ.

Лопатинъ Н. М. и Прокунинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть 1 и 1-й выпускъ второй части. Москва. 1889.

Настоящее изданіе д. б. любопытно для нашихъ читателей не только потому, что въ него попало до десятка пѣсенъ, усвоенныхъ малорусскимъ населеніемъ воронежской губ. (острогожскаго у.) и потому принявшихъ нѣсколько и малорусскую окраску въ языкѣ и напѣвѣ, о чемъ ниже, но и по тому новому пути, на который начинаетъ вступать русская этнографія. Пришло, повидимому, время подвергнуть извѣстной обработкѣ, тотъ значительный сырой матеріалъ, какой заключается въ многочисленныхъ сборникахъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому приходилось слѣдить за этими послѣдними и изучать ихъ, тотъ не могъ не прійти къ заключенію о крайнемъ однообразіи нашихъ сборниковъ пѣсенъ. Почти всѣ они въ значительной части своего содержанія повторяютъ другъ друга, такъ что

изслѣдователю невольно приходитъ въ голову мысль о совершенно напрасной огромной тратѣ силъ и времени, потребованныхъ этими сборниками, и о крайней важности въ этнографическомъ дѣлѣ во 1-хъ объединенія трудовъ отдѣльныхъ дѣятелей, а во 2-хъ болѣе основательнаго ознакомленія ихъ съ работами соратниковъ. Кромѣ того, почти всѣ сборники представляютъ изъ себя только, такъ сказать, первую ступень въ этнографіи, въ полномъ смыслѣ слова сырой матеріалъ, безъ всякой почти попытки къ обработкѣ его. Названное выше изданіе представляетъ собою первую попытку разобраться какъ нибудь въ огромномъ множествѣ собраннаго матеріала, дать ему извѣстное объясненіе, поставивши въ связь съ данными быта, распредѣлить по категоріямъ понятій, словомъ внести стройность и порядокъ въ хаосъ сыраго матеріала. Дѣло это, несомнѣнно, крайне трудное и требуетъ отъ посвятившаго себя ему дѣятеля, кромѣ необычайной тщательности въ изученіи, еще и самыхъ разносторонникъ познаній и способностей; кромѣ историческихъ и филологическихъ свѣдѣній, кромѣ основательнаго знакомства съ бытомъ населенія, ему необходимо еще обладать и значительными познаніями въ музыкальной теоріи, о которыхъ можно сказать, что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше для дѣла. Понятно, что сочетаніе такихъ разнообразныхъ свѣдѣній и способностей и вообще встрѣчается не часто, а у насъ на Руси и подавно. Вотъ почему нисколько неудивительно, что разсматриваемое нами изданіе ведется двумя лицами, изъ которыхъ одно (Прокунинъ)—присяжный музыкантъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что въ дѣлѣ объясненія и разработки народныхъ пѣсенъ, а еще болѣе въ дѣлѣ записыванія ихъ непосредственно изъ народныхъ устъ сотрудничество двухъ лицъ, этнографа и музыканта—является обстоятельствомъ въ высокой степени важнымъ, можно сказать, даже неоцѣнимымъ въ смыслѣ успѣха. Пишущему эти строки самому пришлось на опытѣ убѣдиться въ этомъ, во время его совмѣстной съ чешскимъ музыкантомъ Л. Кубою поѣздки для собиранія народныхъ пѣсенъ. Дѣло идетъ чрезвычайно успѣшно и быстро, такъ такъ каждый изъ сотрудниковъ, работая исключительно надъ своимъ дѣломъ: одинъ надъ записью словъ пѣсни, а другой надъ воспроизведеніемъ напѣва, имѣютъ полную возможность не развлекаться и потому наиточнѣйшимъ образомъ заносить на бумагу исполняемую народнымъ пѣвцомъ пѣсню. Кто знаетъ, съ какими почти неодолимыми затрудненіями приходится иногда встрѣчаться записывателю народныхъ пѣсенъ, тотъ вполнѣ согласится съ нашимъ мнѣніемъ-

Сборникъ Лопатина и Прокунина состоитъ изъ 5 отдѣловъ, одинаковыхъ въ обѣихъ частяхъ: художественно-бытовой и собственно музыкальной, связанныхъ также и тождественностью расположенія пѣсенъ и ихъ нумераціи. Отдѣлы эти (общелирическія (?), мужескія пѣсни, разбойничьи, женскія и пр.) раздѣлены на подъотдѣлы, въ которыхъ сведены и сравнены пѣсни, болѣе или менѣе однородныя по содержанію (Горы [1]), Поле, Кубань (Донъ и Уралъ) Степь, Дороженька, Ночи, Снѣги и пр.). Нѣкоторые подъотдѣлы, намъ кажется, можно было бы безъ ущерба для дѣла и съ очевидною выгодою въ смыслѣ уменьшенія излишней пестроты, соединить съ другими; такъ, напр., подъотдѣлъ VIII въ отдѣлѣ I «Поднялась погодка» (непогодка), состоящій всего изъ одной пѣсни (!), легко могъ бы быть соединенъ съ XIII «Подуй непогодка», состоящимъ всего изъ 3 пѣсенъ. Да и вообще подъотдѣлы, состоящіе всего изъ одной пѣсни (напр. XX «Жавороночекъ» (разбойничья), XIX «Не шуми мати», XVIII «Усы», и др.) слѣдовало бы или дополнить другими однородными пѣснями, или соединять съ другими подъотдѣлами; такъ, XIX и XX очень легко соединяются.

Обѣ части, и чисто этнографическая, и музыкальная, снабжены предисловіями, объясняющими тотъ способъ и характеръ работы, какой былъ принятъ составителями; первой части, кромѣ того, предпослано введеніе, довольно обширное (1—48 стр.), гдѣ сдѣлана недурная и въ общемъ вѣрная характеристика русской народной пѣсни, предложены нѣкоторые практическіе пріемы и указанія при записываніи пѣсенъ, сдѣланы правдивыя замѣчанія о причинахъ замѣны старыхъ народныхъ пѣсенъ новыми плодами заводской и солдатской цивилизаціи, разсмотрѣны всѣ предыдущіе печатные сборники пѣсенъ, начиная съ половины 18 вѣка.

Во введеніи этомъ отмѣтимъ слѣдующій довольно любопытный эпизодъ. Говоря о необыкновенной способности народныхъ пѣвцовъ быстро схватывать любой напѣвъ и развивать его контрапунктически, путемъ такъ называемыхъ подголосковъ, составитель приводитъ въ примѣръ случай, бывшій съ нимъ. 18 человѣкъ пѣсеннаго солдатскаго хора, частію малороссовъ, частію тамбовцевъ, послѣ перваго же исполненія на фортепьяно никогда ими дотолѣ неслыханной пѣсни «Эй ухнемъ», заявили, что они «пѣсню понимаютъ» и могутъ пѣть;

[1]) Между пѣснями этого подъотдѣла не можетъ не отмѣтить первую же пѣсню „Горы вы моя“ (adagio), съ чрезвычайно красивою хоровою разработкою.

заучивъ слова, хоръ спѣлъ пѣсню очень увѣренно и строго соблюдая ритмъ.

Для всѣхъ, занимающихся этнографіею, и для лицъ, вообще, интересующихся способами записи и разработки народной пѣсни, разсматриваемое нами изданіе можетъ быть очень пригодно, тѣмъ болѣе, что бытовыя и художественныя объясненія пѣсенъ сдѣланы въ общемъ толково и правдоподобно и могутъ для лицъ неопытныхъ послужить недурными указателями того, какъ дѣлать такія объясненія народной пѣсни. Въ частности же для читателей «Кіевской Старины» должны быть особенно любопытны, повторяемъ, тѣ пѣсни воронежскаго края, которыя могутъ служить прекраснымъ примѣромъ измѣненія великорусской народной пѣсни подъ довольно сильнымъ вліяніемъ малорусской народности. Вотъ, наприм., характерное окончаніе пѣсни № 14 «За рѣчкою за быстрою добрый молодецъ гулялъ, комишъ травочку ирвалъ»:

Не кажи же ты, мой конь, что убитой я лежу,
А кажи же ты, мой конь, что засватаный хожу.
Якъ засватала мене пуля быстрая, сабля острая,
А звинчала мене мать сырая земля.

Такихъ пѣсенъ записано издателями до десятка, и онѣ, вмѣстѣ съ тѣми малорусскими пѣснями, какія распространились у великоруссовъ [1]), могутъ послужить любопытнѣйшимъ матеріаломъ для опредѣленія степени и характера взаимнаго вліянія двухъ русскихъ племенъ.

Это вліяніе еще далеко не изучено и не изслѣдовано, несмотря на кажущуюся легкость этого дѣла и на близость района изслѣдованія, т. е. мѣстностей, гдѣ сталкиваются двѣ народности, каковы,

---

[1]) Мнѣ лично приходилось, напр., слышать въ орловской губ. извѣстную украинскую пѣсню „Ой не спыться, не лежыться, и сонъ мене не бере“ (см. напр. Сборникъ Гулака-Артемовскаго) въ слѣдующемъ видѣ:

Ой не спится, не лежится, и сонъ меня не беретъ,
Пошелъ бы я и къ дѣвчинѣ, такъ не знаю, гдѣ живетъ.
Попросилъ бы товарища, пущай меня отведетъ,
Такъ товарищъ красивѣе, онъ дѣвчину отобьетъ. и т. д.

Какъ видитъ читатель, здѣсь произошло только звуковое приспособленіе пѣсни къ своему нарѣчію (пишовъ бы я до дивчыны, такъ не знаю, де жыве. Попросывъ бы товарыша, нехай мене одведе, такъ товарышъ краще мене, винъ дивчыну одибъе). Напѣвъ былъ нѣсколько измѣненъ; ему былъ приданъ болѣе грустный и протяжный характеръ. Содержаніе пѣсни, сравнительно съ малорусскою, нѣсколько расширено.

напр., курская, воронежская губ. А между тѣмъ вопросъ о взаимодѣйствіи русскихъ племенъ представляетъ собою одинъ изъ основныхъ и любопытнѣйшихъ въ русской сравнительной этнографіи [1]).

А. Степовичъ.

Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ пользу свято-владимірскаго братства составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889.

Два года тому назадъ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ учреждено церковное православное св. владимірское братство, по примѣру братствъ въ другихъ городахъ сѣверо и юго-западной Россіи. Если братства другихъ городовъ по своимъ задачамъ и имѣютъ въ виду, кромѣ удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ своихъ церквей и прихожанъ, распространеніе образованія среди населенія въ школахъ, то молодое владимірское братство дѣлаетъ шагъ впередъ, ставя въ число своихъ задачъ «ознакомленіе мѣстнаго населенія съ памятниками древняго православія» не только одними владимірскими, но и всей нашей юго-западной окраины. Для исполненія этой задачи, которая сама по себѣ должна будетъ принять очень широкіе размѣры, предполагается изданіе ряда небольшихъ очерковъ по исторіи и археологіи и прежде всего Волыни. Братство ставитъ, такимъ образомъ, своей цѣлью, между прочимъ, развитіе мѣстной науки; а что служеніе наукѣ будетъ достойно полнаго уваженія, въ этомъ убѣждаетъ насъ разбираемый первый выпускъ изъ предполагаемаго ряда ихъ [2]); онъ касается исторіи православныхъ церквей и составленъ съ полнымъ знаніемъ предмета: г. Дверницкій не только воспользовался лучшими и важнѣйшими существовавшими уже, работами, но произ-

---

[1]) Изъ статей, посвященныхъ въ „Кіевской Старинѣ“ этому вопросу, отмѣтимъ особенно „Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности“ г. Т—ова (1882 г. кн. 11), гдѣ читатель съ удовольствіемъ встрѣчаетъ уваженіе автора къ истинно научнымъ пріемамъ, стремленіе примѣнять ихъ къ дѣлу и правильный взглядъ на недостаточность сравнительно историческихъ изслѣдованій взаимнаго вліянія разныхъ вѣтвей русскаго племени. Для этихъ изслѣдованій не пройдутъ безслѣдно и замѣтки самого г. Т—ова, гдѣ обстоятельно разсмотрѣнъ одинъ частный случай.

[2]) Въ іюльской книжкѣ нашего журнала было уже сообщено о полезной въ этомъ направленіи дѣятельности братства, благодаря иниціативѣ его предсѣдателя, автора настоящей книжки; тогда было указано на устройство археологическаго музея и библіотеки.

водилъ изслѣдованія и розысканія въ мѣстныхъ архивахъ (церковныхъ и духовн. правленія) и имѣлъ въ своемъ распоряженіи выписки изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіев. центральн. архива, сообщенныя ему членомъ кіев. археологич. коммиссіи О. И. Левицкимъ; слѣдовательно, авторъ имѣлъ возможность сообщить совершенно новыя историческія данныя о владимірскихъ церквахъ, и онъ ихъ дѣйствительно сообщаетъ не мало; эти данныя устанавливаютъ время сооруженія церкви, говорятъ о ея судьбѣ, характеризуютъ обычаи церковные своего времени [1]). Перечисленіе всѣхъ этихъ новыхъ данныхъ заняло бы у насъ слишкомъ много мѣста; можно даже, пожалуй, сказать, что здѣсь многое ново даже для тѣхъ, кто не затрудняется и интересуется чтеніемъ такого тяжеловѣснаго и обстоятельнаго изданія, съ актами на древне-русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, какъ «Архивъ юго-западной Россіи», издаваемый кіевской археографической коммиссіей, и все ново, все поучительно для обыкновеннаго читателя. Напр., едва ли кто думалъ, что въ такомъ маленькомъ городкѣ, каковъ нынѣшній Владиміръ Вол., въ теченіе X—XVII вв. было сооружено 20 православныхъ храмовъ; они существовали, конечно, не всѣ одновременно: одни лежали въ развалинахъ, когда другіе воздвигались; но этотъ одинъ фактъ указываетъ уже на значеніе города, какъ очага православія на далекомъ западѣ Россіи. По времени же упоминанія въ историческихъ памятникахъ о томъ или другомъ храмѣ (но не по времени сооруженія его, которое не всегда можно опредѣлить съ точностью) они по вѣкамъ могутъ быть распредѣлены такъ: въ X—XI вв. упоминается о 3-хъ храмахъ, въ XII—о 2-хъ, въ XIII—о 5-ти, въ XIV—о 2 хъ, въ XV—объ 1-мъ, въ XVI—о 6-ти и въ XVII—объ 1-мъ [2]). Однѣ эти голыя цифры какъ бы говорятъ, что до татарскаго нашествія число храмовъ быстро возрастало; послѣ него возрастаніе сильно уменьшилось; наканунѣ уніи оно снова поднимается, а послѣ нея сооруженіе новыхъ храмовъ совершенно прекращено; ergo: для православія унія была губительнѣй татарщины. При шести храмахъ изъ 20-ти

[1]) Напр. особенно любопытны факты о безправномъ положеніи православнаго священника въ XVI вѣкѣ (стр. 36) и такомъ же положеніи церквей, при которомъ онѣ изъ общественной собственности переходили въ частную, подвергаясь продажѣ или передачѣ по завѣщанію отъ отца къ сыну (стр. 40—54).

[2]) Намъ кажется, что церковь XVII в. и часть упоминаемыхъ въ XVI в. надо отнести къ болѣе раннимъ вѣкамъ, тогда мы получимъ, что въ каждомъ столѣтіи сооружалось приблизительно три церкви, что могло соотвѣтствовать росту населенія въ городѣ въ періодъ отъ нашествія татаръ и до усиленія уніи.

существовали монастырскія общежитія. Итакъ, 6 монастырей и 14 церквей до уніи, а съ тѣхъ поръ и по сей день ни одной новой! Уніатами, правда, сооружены въ XVII в. два храма, изъ коихъ одинъ былъ совершенно закрытъ, а другой переданъ православнымъ. Тяжелое воспоминаніе о быломъ! Православное населеніе (3122 д.) удовлетворяется теперь соборною церковью, каковою служитъ каплица Іосафата Кунцевича, извѣстнаго гонителя православія, да древнею Васильевскою церковью. И только! Вотъ какую ужасную и горькую истину выразила высокоцѣнная книжка г. Дверницкаго! Мы увѣрены, что и послѣдующія книжки прольютъ столь же много свѣта на наше прошлое, и какъ настоящая. Какъ же не пожелать послѣ этого полнаго успѣха начинающему братству въ его благихъ намѣреніяхъ? Какъ же не пожелать, чтобы наше общество откликнулось на призывъ братства и помогло бы, если не создать новые храмы, то возобновить хотя важнѣйшіе древніе? Отъ всей души поэтому желаемъ автору продолжать начатое дѣло и начатое такъ удачно и съ такой доброй цѣлью, какъ польза братства. Подъ удачей мы разумѣемъ не только внутреннія достоинства книги, о которыхъ говорили выше, но и внѣшнія: прекрасное изложеніе, ясное и мѣстами живое и картинное, прекрасную печать, прекрасныя гравюры древнихъ храмовъ и проч. То и другое дѣлаетъ изданіе г. Дверницкаго весьма полезной, пріятной вещью, и мы тѣмъ болѣе желаемъ самаго широкаго распространенія ея, что небольшая сумма отъ продажи увеличитъ хотя сколько нибудь средства братства и послужитъ на благое дѣло, ради котораго г. Дверницкому пришлось безвозмездно и безвозвратно затратить съ своей стороны не мало труда и денежныхъ средствъ. Пожелаемъ также, чтобы подобныя настоящему изданія, посвященныя мѣстнымъ древностямъ, поскорѣе явились и въ другихъ волынскихъ городахъ: Луцкѣ, Острогѣ, Кременцѣ, Ковлѣ, Овручѣ и др., гдѣ также сохранилось не мало памятниковъ православно-русской старины.

И. Каманинъ.

Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ членъ совѣта, инспекторъ классовъ кіевскаго института М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889. Стр. 163.

Книга эта отпечатана съ разрѣшенія совѣта института и принадлежитъ къ разряду т. наз. юбилейныхъ изданій. Всякому извѣстно,

что юбилейныя рѣчи, по свойственной людямъ слабости, обыкновенно не блещутъ безпристрастіемъ изложенія и трезвой оцѣнкой фактовъ и лицъ, но качества эти безспорно, совершенно необходимы для изданій, имѣющихъ притязаніе на занятіе мѣста въ священномъ храмѣ исторіи. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, «Исторія» г. Захарченка представляетъ, на нашъ взглядъ, крайне печальное явленіе.

Книга состоитъ изъ пяти главъ: возникновеніе института, первое его 50 лѣтіе, штаты института и ихъ исполненіе, личный составъ института, 50-лѣтній юбилей института. Собственное изложеніе г. Захарченка занимаетъ около 50 страницъ,—остальное мѣсто занято голыми списками, таблицами, юбилейными и др. рѣчами, телеграммами и т. п. Существенные факты, которые сообщаетъ нашъ авторъ, сводятся къ нижеслѣдующему: кіевскій генералъ-губернаторъ гр. Левашевъ, убѣдившись въ недостаточности женскаго образованія въ краѣ и въ необходимости обрусѣнія послѣдняго, испросилъ въ 1833 г. разрѣшеніе на открытіе въ Кіевѣ института благородныхъ дѣвицъ. Составленный въ слѣдующемъ году проектъ устава вручалъ управленіе этой закрытой школой высшимъ представителямъ мѣстной администраціи и дворянства, учебную часть попечителю округа, хозяйственную—члену совѣта, воспитательную—начальницѣ. Цѣлью заведенія, по проекту, было «внутреннее образованіе» дѣвицъ, «не оставляя безъ вниманія и наружнаго ихъ образованія»: такъ, преподаваніе исторіи было ограничено только фактами важнѣйшими или разительными въ нравственномъ отношеніи; географія должна была сообщать одни предметы важные, примѣчательные и любопытные; ариѳметику положено было преподавать болѣе практически; учителя физики и естественной исторіи должны были сообщать ученицамъ только самое любопытное и полезное въ общежитіи и домашнемъ быту, и т. д. Институтъ предположено было открыть на 120 воспитанницъ: 60 пансіонерокъ приказовъ общественнаго призрѣнія трехъ юго-западныхъ губерній и 60 своекоштныхъ дворянокъ тѣхъ же и смежныхъ губерній, съ платою по 800 р. ас. въ годъ. 5 ноября 1834 г. уставъ утвержденъ, а 22 августа 1838 г. институтъ былъ открытъ временно въ губернаторскомъ домѣ. Благодаря тѣснотѣ помѣщенія пріемъ учащихся былъ на первыхъ порахъ ограниченъ, но съ переходомъ института въ собственное зданіе въ 1843 г. и съ постепеннымъ открытіемъ классовъ число воспитанницъ постоянно возрастало и къ 1866 г. штатъ былъ разсчитанъ уже на 200 восп., а ко дню

юбилея въ институтѣ числилось 253 восп. Въ 1852 г. разрѣшено принимать въ заведеніе дочерей почетныхъ гражданъ и купцовъ 1 гильдіи. До начала шестидесятыхъ годовъ учителя института получали крайне недостаточное содержаніе, обыкновенно 114—200 рублей въ годъ при 4—7 урокахъ. Въ составѣ преподавателей преобладали на первыхъ порахъ профессора университета, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ знаменитаго историка Костомарова. Въ 60-хъ годахъ институтъ былъ преобразованъ изъ трехкласснаго (съ двухлѣтнимъ курсомъ) въ семиклассный; для обезпеченія исправности платежа потребованъ въ теченіе всего курса денежный залогъ въ размѣрѣ полугодовой платы; прекращенъ пріемъ воспитанницъ на счетъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія; плата за ученіе возвышена съ 230 на 280, а при урокахъ музыки—на 330 рублей; содержаніе учителей возвышено до 60 рублей за урокъ; управленіе институтомъ было преобразовано: во главѣ заведенія поставлена начальница, инспекторъ классовъ и управляющій хозяйственной частью. Какъ видно изъ Высочайшаго рескрипта, въ началѣ 70-хъ годовъ институтъ находился въ состояніи неудовлетворительномъ до такой степени, что, напр., въ 1872 г. число воспитанницъ упало до 158, тогда какъ въ 1866 г. ихъ было 219. Въ 1878 году разрѣшено принимать въ институтъ дѣвицъ всѣхъ неподатныхъ сословій и смягчены нѣсколько правила объ отпускахъ. Въ настоящее время комплектъ воспитанницъ доведенъ до нормы, далѣе которой идти нельзя безъ ущерба для воспитательной стороны дѣла: въ каждомъ классѣ числится до 40 восп. Плата за обученіе и содержаніе въ институтѣ постоянно возрастала: въ 1838 г. она равнялась 800 р. ас., съ 1842 г.—230 р., съ 1867—280 р., съ 1871 г.—300 р. и съ 1878 г.—350 р. сер. въ годъ безъ уроковъ музыки, за которые платилось особо около 50 руб. въ годъ.

Таковы основные и существенные для исторіи школы факты, которые возможно извлечь изъ изложенія нашего автора. Конечно, большинство ихъ не новость: они находятся въ брошюрѣ пок. Шульгина, изданной въ 1871 г. Но будь и эти скудныя данныя изложены въ правильномъ порядкѣ и естественномъ освѣщеніи—слѣдовало бы лишь поблагодарить г. Захарченка за поднятый имъ на себя трудъ. Къ сожалѣнію, «Исторія» нашего автора пестритъ особенностями крайне утомительными для безпристрастнаго читателя. Г. Захарченко не ограничивается перечисленіемъ внѣшнихъ фактовъ въ жизни заведенія: онъ стремится уяснить ихъ, гдѣ они представляются неожиданными, поставить ихъ въ связь съ движеніемъ общественной жизни

и мысли; не уклоняется онъ и отъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Задача весьма похвальная, и намъ остается лишь послушать рѣчи автора.

Если вѣрить изложенію г. Захарченка, вся 50-лѣтняя жизнь института протекла въ процвѣтаніи просто невѣроятномъ въ нашей юдоли плача и скорбей. Освѣщая факты, г. Захарченко такъ живописуетъ развитіе школы. Вслѣдъ за открытіемъ института къ нему «съ разу же» привлечены были «симпатіи и полное довѣріе всего мѣстнаго населенія: вслѣдствіе чего» уже въ 1839 г. пришлось принять среди курса пять воспитанницъ сверхъ комплекта (стр. 27. Соблюдаемъ пунктуацію автора). Послѣ перваго выпуска воспитанницъ въ 1844 г., «общество воочію убѣдилось въ превосходствѣ институтскаго образованія сравнительно съ воспитаніемъ въ частныхъ женскихъ заведеніяхъ» (32). Институтъ «скоро сталъ настолько славенъ», что считалось очень лестнымъ преподавать въ немъ. «Конечно, всѣ эти силы привлекались въ институтъ сознаніемъ пользы послѣдняго, его благоустройствомъ и высокими качествами лицъ, стоявшихъ во главѣ заведенія: потому что... служба въ институтѣ не представляла матеріальныхъ выгодъ: какъ это, напримѣръ, мы можемъ видѣть изъ распредѣленія уроковъ и вознагражденія за нихъ, при полуторачасовой ихъ продолжительности, первымъ преподавателямъ и учителямъ института, въ 1840 году, когда было еще только два коренныхъ класса» (37). Слѣдуетъ перечисленіе размѣровъ поурочной платы и затѣмъ: «такъ, благодаря дружнымъ усиліямъ всего служебнаго персонала кіевскаго института, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росла слава послѣдняго. Только въ 1849 году совершенно случайнымъ обстоятельствомъ была нѣсколько нарушена мирная жизнь заведенія:» случился, извольте видѣть, ураганъ, испортившій трубы, заборъ и оконныя рамы. «Со вступленіемъ въ 50-е годы въ институтѣ произошла затѣмъ полная перемѣна въ главныхъ его руководителяхъ. Но къ счастью заведенія новые члены совѣта оказались вполнѣ достойными своихъ предшественниковъ: такъ что общество не только не охладѣло къ кіевскому институту, но еще болѣе усилился приливъ желавшихъ помѣстить въ него своихъ дѣтей (38). Приходится ли ходатайствовать объ открытіи параллельнаго отдѣленія, учреждается ли частнымъ лицомъ стипендія—все это для нашего автора служитъ доказательствомъ «полнаго довѣрія» родителей или общества къ заведенію. И немудрено, въ самомъ дѣлѣ. «В. Я. Шульгинъ составилъ цѣлую эпоху въ жизни кіевскаго института...

Будучи самъ блестящимъ преподавателемъ и высоко держа знамя науки (?!), В. Я. Шульгинъ старался привлечь къ преподаванію въ институтъ всѣ лучшія педагогическія силы Кіева. Между ними встрѣчаемъ цѣлый рядъ славныхъ именъ»,—слѣдуетъ перечисленіе славныхъ именъ, изъ коихъ многія принадлежатъ и донынѣ благополучно процвѣтающимъ въ Кіевѣ лицамъ: это уже по меньшей мѣрѣ нескромно. (42).

Эпоха 60-хъ годовъ заслужила неодобреніе нашего автора. Это была трудная эпоха. Она была «ознаменована вообще нѣкоторою шаткостью учебно-воспитательнаго направленія и быстро чередовавшеюся ломкою въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній». Тѣмъ не менѣе, «благодаря опытности и усердію членовъ совѣта, при всѣхъ этихъ реформахъ столь трудной эпохи шестидесятыхъ годовъ, ознаменованной», какъ сказано, шаткостью и быстро чередовавшеюся ломкою, «институтъ, не отрицая основныхъ началъ прежней своей системы, съумѣлъ измѣнить у себя постепенно нѣкоторыя устарѣвшія частности, приглядываясь къ чужимъ опытамъ» (47). Въ этомъ запутанномъ и малограмотномъ экскурсѣ авторъ намъ перифразируетъ собственно слова Шульгина, очевидно не выразумѣвъ ихъ смысла. Въ чемъ вина злосчастной эпохи? Въ упрекъ ей ставится «происшедшая въ это время перемѣна экономическихъ условій, грустныя событія въ краѣ», возвышеніе платы до 280 рублей, требованіе залога, прекращеніе пріема пансіонерокъ приказовъ общ. призрѣнія и, наконецъ, даже открытіе женскихъ гимназій,— «все это, конечно, должно было неблагопріятно отразиться, какъ на самомъ составѣ (?) воспитанницъ, такъ равно и на ихъ количествѣ». Таковъ пассивъ этой эпохи, не особенно грозный, какъ видно. Если бы нашъ авторъ внимательно просмотрѣлъ свою книгу, то вспомнилъ бы при этомъ, что плата за обученіе въ институтѣ возростала постоянно, что колебанія въ числѣ воспитанницъ бывали постоянныя и особенно рѣзкія въ концѣ 50-хъ и началѣ 70-хъ годовъ (84, 85). Между тѣмъ именно въ 60-хъ годахъ улучшено распредѣленіе и порядокъ занятій въ институтѣ, преобразовано его прежнее анархическое управленіе, увеличена норма пріема, повышена плата учителямъ и, наконецъ, какъ безграмотно перифразируетъ г. Захарченко слова Шульгина, «вслѣдствіе всего этого въ результатѣ получилось то, что... мы уже видимъ въ институткахъ позднѣйшаго времени вмѣсто той сантиментальности и восторженности, которыя проглядывали въ нихъ прежде, столь свойственныхъ впрочемъ и вообще дѣвицамъ стараго

времени,—большую готовность и лучшую подготовку, когда то понадобится, потрудиться и для себя, и подчасъ для семьи своей. И все это достигнуто .. осмотрительнымъ чуткимъ прислушиваніемъ къ потребностямъ идущей впередъ жизни и дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ къ сближенію школы и семьи» (47). Отсюда выводъ: заимствовать чужія мысли нужно «осмотрительно—чутко», иначе выходитъ нехорошо.

Но послѣдуемъ за нашимъ авторомъ. «Переживъ счастливо всѣ реформы шестидесятыхъ годовъ, кіевскій институтъ вступилъ въ семидесятые годы», и разумѣется все пошло превосходно. Правда, число воспитанницъ въ 1872 году, при начальницѣ Шидловской, упало до 158, но виной тому, по остроумному объясненію нашего автора, была смѣна главныхъ руководителей и возвышеніе платы «до 300 рублей въ годъ, а съ музыкой до 350 рублей». Лишь случайно, изъ рескрипта начальницѣ А. А. Родзянко, узнаемъ, что заведеніе до 1872 года находилось въ состояніи не вполнѣ удовлетворительномъ, но въ чемъ состояли эти недостатки, авторъ не объясняетъ любопытному читателю. Только изъ перечня такъ наз. «преуспѣяній» позднѣйшаго времени возможны нѣкоторыя заключенія по этому немаловажному вопросу. «Въ 1883 году приказано сумму, расходовавшуюся на образцовую кухню, обратить на улучшеніе стола воспитанницъ, особенно на продовольствіе слабыхъ молокомъ» (sic. Стр. 51). Значитъ, продовольствіе было плоховато и образцовая кухня безполезна? Въ 1887 году замѣчено «его высокопревосходительствомъ господиномъ главноуправляющимъ статсъ-секретаремъ Иваномъ Николаевичемъ Дурново переутомленіе воспитанницъ, особенно въ выпускномъ классѣ, во время экзаменовъ, по причинѣ обширности программъ», почему программы сокращены и приказано при экзаменахъ «обращать вниманіе въ каждомъ изъ предметовъ только на существенное» (51). Значитъ, программы то были плоховаты и экзамены производились безтолково? «Въ 1871 году, съ устройствомъ въ городѣ водопровода, послѣдній былъ проведенъ и во всемъ зданіи института, что дало, конечно, возможность пользоваться большимъ количествомъ воды и лучше поддерживать чистоту въ заведеніи». Въ 1872 г. поднятъ потолокъ въ одномъ изъ дортуаровъ, а въ 1883 году только расширены дортуары. Въ 1884 передѣлана лѣтняя галлерея въ саду, «прежде неохотно посѣщавшаяся дѣтьми и служившая скорѣе складомъ для старой мебели, а нынѣ, послѣ исправленія, составляющая излюбленное мѣсто воспитанницъ во время лѣтнихъ ихъ занятій». Съ 1888 года «расширенъ дѣтскій

садъ, присоединеніемъ къ послѣднему бывшихъ садиковъ инспектора классовъ, эконома, старшаго служителя и другихъ» и тогда же устроенъ отдѣльный рисовальный классъ. Въ лазаретѣ не имѣлось до послѣдняго времени особаго отдѣленія для заразныхъ больныхъ. Оконныя рамы во всемъ главномъ зданіи пришли въ совершенную ветхость и только въ прошломъ году приступлено къ ремонту. Классы переполнены: «теперь въ среднихъ классахъ очень часто скопляется (sic) по 45 и болѣе воспитанницъ» (53). Наконецъ, до послѣдняго года воспитанницы во время богослуженія «стояли въ холодной части храма, которая была окружена до сихъ поръ пятью большими окнами и обогрѣваніе которой было невозможно» (53). Перечисливъ распоряженія, изъ коихъ мы случайно узнаемъ всѣ эти прискорбныя вещи, г. Захарченко беззаботно пишетъ въ заключеніе своего краснорѣчиваго очерка: «Такъ счастливо протекло первое пятидесятилѣтіе существованія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ»... Своею полувѣковою дѣятельностью кіевскій институтъ, такимъ образомъ (cur, quomodo, quibus auxiliis?), подобно другимъ такимъ же заведеніямъ, несомнѣнно, очень много *способствовалъ* смягченію нравовъ въ югозападной окраинѣ нашего отечества, далъ значительный контингентъ благовоспитанныхъ и образованныхъ учительницъ и воспитательницъ, и тѣмъ хотя отчасти *способствовалъ* вытѣсненію господствовавшихъ у насъ подчасъ невѣжественныхъ иностранокъ, и наконецъ, своимъ фактическимъ существованіемъ не мало *способствовалъ* сознанію необходимости для русской женщины серьезнаго образованія» (54). Темно, очень темно!

На стр. 65 и 66 нашъ авторъ производитъ разсчетъ общаго денежнаго оборота школы за истекшее 50-лѣтіе и приходитъ къ заключенію, что институтъ—благотворительное заведеніе, такъ какъ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи приплатило на каждую воспитанницу около 80 рублей въ годъ. Весьма возможно, что это справедливо, но изъ приведенныхъ г. Захарченкомъ цифръ этого рѣшительно не видно. Дѣло въ томъ, что нашъ авторъ, слагая суммы, сдѣлалъ ариѳметическую ошибку болѣе чѣмъ на $1^1/_4$ мил. рублей и потому понять его разсчетъ нѣтъ никакой возможности. Этого мало. Изъ книжки г. Захарченка видно, что институтъ былъ основанъ на средства московскаго опекунскаго совѣта, который по повелѣнію императора Николая долженъ былъ отпустить для этого 500 тыс. руб. сер. Изъ этихъ денегъ въ 1838 г. выдано институту 259 тыс. руб. Послѣднюю сумму г. Захарченко внесъ въ счетъ общаго оборота за-

веденія за 50 лѣтъ и затѣмъ сдѣлалъ свой выводъ о благотворительномъ характерѣ этой школы. Такимъ образомъ, и ариѳметика, и бухгалтерія нашего автора оказываются весьма шаткими и, такъ сказать, фантастическими.

Чтобы нѣсколько «способствовать» нашему историку къ исправленію его неистоваго стиля и грамматики, укажемъ, въ заключеніе, еще на нѣкоторые драгоцѣнные въ этомъ отношеніи перлы, въ ужасающемъ изобиліи разсыпанные на каждой страницѣ его повѣствованія. Вотъ образцы этого style perlé или, если хотите, flamboyant. Отдѣлъ характеристикъ: «Предшественница ея (Голубцовой), взявъ отъ родителей дитя ихъ, на немъ сосредоточивала все свое вниманіе и всю свою любовь. Голубцова, сама мать многочисленнаго семейства, мать, у которой билось сердце той матери, которая любитъ дѣтей именно потому, что она мать. Голубцова входила въ положеніе не одного ребенка, лишеннаго родной матери, но и матери, лишенной роднаго дитяти... И странно: воспитанная подъ вліяніемъ мистическаго настроенія послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра, эта довольно идеализированная воспитательница содѣйствовала, «побуждаемая материнскимъ сердцемъ, къ практически-полезнымъ результатамъ воспитанія» (40). Ад. Ал. Родзянко «показывала примѣръ рѣдкаго въ наше время уваженія къ казенной собственности» (48). «А Г. Петровъ, человѣкъ очень опытный въ веденіи педагогическаго дѣла и вполнѣ подходившій къ этой должности по своей благонадежности» (35). Отдѣлъ описаній: «Для каждаго класса было положено по двѣ дамы, которыя должны были дежурить посуточно и безотлучно, замѣняясь въ случаѣ необходимости пепиньерами» (14). «Учебный годъ положено было начинать въ институтѣ съ перваго августа и длить по первое іюля... День институтскій распредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ утра положено было вставать воспитанницамъ, а въ 6 съ половиной собираться въ общую залу для молитвы, послѣ чего давался завтракъ; отъ 7 до 8 часовъ было свободное время отъ всякихъ умственныхъ занятій; отъ 8 до 9 часовъ было назначено время для приготовленія къ урокамъ, а отъ 9 до 12 ч. въ каждомъ классѣ было по два полуторачасовыхъ урока, отъ 12 до 1 ч. по полудни было время обѣда, послѣ чего слѣдующій часъ предназначался для отдохновенія; отъ 2 до 3 часовъ по полудни шло приготовленіе къ послѣобѣденнымъ урокамъ; а отъ 3 до шести часовъ п. п. во всѣхъ классахъ положено было по два также полуторачасовыхъ урока. Отъ 6 до 7 часовъ вечера было

время отдыха, въ продолженіе котораго раздавался воспитанницамъ полуденникъ... въ 9 часовъ вечера былъ ужинъ; послѣ ужина слѣдовала вечерняя молитва и получасовый отдыхъ, послѣ чего всѣ воспитанницы ложились спать» (15). «Вслѣдъ за симъ графъ Левашовъ сталъ искать подходящаго мѣста для института, и остановился на одномъ изъ отроговъ сѣверо-западной части печерской возвышенности» etc (16). Да не посѣтуетъ на насъ читатель за эти выдержки: мы твердо надѣемся, что онѣ, быть можетъ, «возспособствуютъ» къ искорененію въ россійской словесности того стиля, который еще Ломоносовъ именовалъ «подлымъ».

Въ книгѣ г. Захарченка приложены портреты нынѣ царствующихъ государя и государыни, имп. Николая I и Александра II съ ихъ супругами, портреты начальницъ института, нѣсколько фотографическихъ снимковъ институтскаго зданія и наконецъ планъ институтской усадьбы. Должно пожалѣть, что хорошо исполненные снимки украшаютъ столь неизящную и малограмотную «Исторію», которая сама по себѣ составляетъ крайне печальную страницу въ исторіи института.

Н. М.

Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріи и практики. Выдаютъ: д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д-ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1–4. Львовъ, 1 цвѣтня 1889.

Мало знакомые съ доходящими до насъ рѣдко и случайно галицкими изданіями вообще, русскіе читатели едва ли что нибудь знаютъ о трудахъ галицкихъ юристовъ. Если историку, этнографу, лингвисту при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной старины и народности, необходимо считаться съ жизнью Галицкой Руси и ея литературой, то русскіе юристы могутъ заниматься своимъ дѣломъ и не подозрѣвая о существованіи галицкой юридической литературы. И при томъ эта литература находится въ совершенно зачаточномъ состояніи. Вся она (если не считать сочиненій, изданныхъ галицкими писателями на иностранныхъ языкахъ) заключается въ небольшомъ числѣ книгъ, преимущественно популярныхъ, изъ которыхъ лучшею считается вышедшая года четыре тому назадъ книга: «Русскій правотарь домовый» В. Лукича и Ю. Семигиновскаго (Львовъ, 1885), о которой одинъ изъ галицкихъ юристовъ К. Левицкій, давая

отзывъ, выразился, что «се першій правотарь, якимъ не можутъ повеличатися иншй народы словяньскй». Кромѣ этой книги, представляющей въ первомъ, до сихъ поръ вышедшемъ томѣ популярное изложеніе гражданскаго права, слѣдуетъ упомянуть сочиненія *Ин. Гальки*: «О правахъ въ громадѣ, повѣтѣ, краю и державѣ» (1875) и «О правахъ и повинностяхъ въ громадѣ» (1881), Стеф. *Тихого*: «О опѣкунахъ и кураторахъ» (1880) и «О пожичкахъ», *К. Левицкаго*— «Нашъ законъ громадскій, або якй мы маемъ права и повинности въ громадѣ» (1889) и другія.

Никакихъ періодическихъ изданій, которыя были бы посвящены изученію права, до сихъ поръ въ Галиціи не было, и только съ апрѣля текущаго года началъ выходить во Львовѣ первый юридическій журналъ, названіе котораго мы выписали и первая книжка котораго вышла за четыре мѣсяца вмѣстѣ.

Прежде всего въ книгѣ этой напечатано краткое «*Слово вôдъ выдавцывъ*», въ которомъ издатели говорятъ о трудностяхъ предстоящаго имъ новаго дѣла по изданію перваго юридическаго журнала и, заявляя просьбу о доставленіи имъ статей теоретическихъ и практическихъ, выражаютъ желаніе, чтобы журналомъ ихъ живо интересовались юристы, гдѣ бы они ни были: въ Галичинѣ, въ Буковинѣ, Угорщинѣ, Украинѣ, или Босніи и Герцеговинѣ. Въ особенности же издатели обращаются къ юристамъ украинцамъ съ такимъ заявленіемъ: «Вôдкликуемъ ся головно до братôвъ правникôвъ на Украинѣ, котрыхъ вѣсти про тамошный устрôй правный були бы для насъ поучаючй, а се тымъ бôльше, що захôдно—европейска література правнича майже жодныхъ жерелъ не подае про розвитокъ и станъ правознавства въ далекôй державѣ россійскôй».

Не совсѣмъ понятнымъ кажется, почему галицкіе писатели ожидали, чтобъ западно-европейская литература познакомила ихъ съ нашими правовыми порядками и развитіемъ у насъ правовѣдѣнія, и почему они не обращались для этого къ русской литературѣ, если такое ознакомленіе было для нихъ желательно. Нельзя однако объяснять это однимъ отсутствіемъ вниманія къ русской литературѣ. Нельзя упускать изъ виду, что, если мы можемъ гораздо легче получить какую нибудь нѣмецкую или французскую книжку, трактующую о Галиціи, чѣмъ книжку того же самаго содержанія, изданную на родномъ языкѣ въ Галиціи, то въ такомъ же самомъ положеніи находились и галичане относительно книгъ, выходившихъ на русскомъ языкѣ въ Россіи. Съ какими затрудненіями не только галичанамъ, а

вообще обитателямъ австрійской имперіи, и въ томъ числѣ серьезнымъ ученымъ, приходилось бороться, чтобъ получить какую нибудь книгу, изданную въ Россіи, видно между прочимъ изъ писемъ Фр. Миклошича къ М. П. Погодину [1]). Вслѣдствіе этого, галиційскія библіотеки не могли какъ слѣдуетъ пополняться русскими изданіями.

Съ другой стороны, юристовъ—практиковъ двухъ мѣстностей раздѣляютъ различные законы, которые имъ приходится примѣнять и толковать. Понятно, что, какъ мы не пойдемъ ни къ нѣмцамъ, ни къ галичанамъ искать разрѣшенія разныхъ юридическихъ вопросовъ, касающихся примѣненія къ практикѣ нашего законодательства, такъ точно и галичане не могли за разрѣшеніемъ подобныхъ же вопросовъ о примѣненіи дѣйствующихъ у нихъ законовъ обращаться къ тѣмъ писателямъ, которые сами никогда этихъ законовъ не примѣняли.

Во всякомъ случаѣ, изъ какихъ бы причинъ это ни происходило, но не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что какъ мы очень мало знаемъ о трудахъ галицкихъ юристовъ, такъ точно и послѣдніе совершенно незнакомы съ русской юридической литературой. Это видно какъ изъ приведеннаго заявленія издателей, такъ и изъ содержанія статей, помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Часописи правничой». Разрѣшая въ этихъ статьяхъ разные теоретическіе и практическіе юридическіе вопросы, авторы сличаютъ постановленія римскаго права, древнее германское право, уставы: австрійскій, прусскій, саксонскій, ганноверскій, баварскій, ольденбургскій, венгерскій, французскій, итальянскій, но нигдѣ, ни въ одной строкѣ не упоминаютъ о русскомъ законодательствѣ. Равнымъ образомъ, ссылаясь на авторитеты разныхъ писателей, авторы приводятъ цѣлые десятки именъ иностранныхъ писателей, преимущественно нѣмецкихъ, но нигдѣ не упоминаютъ ни объ одномъ русскомъ писателѣ. Очевидно, что и русскіе законы, и русская юридическая литература для галицкихъ писателей —terra incognita. И издатели сами въ этомъ сознаются, заявляя юристамъ украинцамъ просьбу познакомить ихъ съ нашими правовыми порядками. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту просьбу.

---

[1]) См. „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель“ (Москва, 1880), стр. 458.

Свое вступительное слово издатели оканчиваютъ такимъ заявленіемъ относительно языка, котораго они будутъ придерживаться: «Въ кôнци заявляемъ симъ, що въ справѣ нашои терминологіи правничои будемъ зъ всею строгостію стеречи чистоты нашои рôднои бесѣды рускои на основѣ нашихъ богатыхъ памятникôвъ літературныхъ якъ такожъ устнои простонароднои словестости. *Хочемъ писати живымъ рускимъ словомъ—кождому зразумѣлымъ*» (курсивъ въ подлинникѣ).

Однако не все, что помѣщено въ первой книгѣ журнала, наши читатели найдутъ написаннымъ языкомъ «кождому зрозумѣлымъ», и пожалуй многіе читатели не поймутъ нѣкоторыхъ статей, если не запасутся предварительно словарями латинскимъ и нѣмецкимъ. Не говоря о томъ, что почти всѣ страницы журнала испещрены пространными выписками на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ и законодательныхъ кодексовъ, сами издатели журнала въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1-й книгѣ, несмотря на обѣщаніе «стеречи чистоты рôднои бесѣды рускои», безпрестанно пересыпаютъ свою «рускую» рѣчь такими терминами, какъ слѣдующіе: делятъ, диферентъ, авскультантъ, екстрема, опінія, инвазія, дискусія, интенція, интервенція, санація, каденція, консеквенція, екстрикація и проч. и проч.

Конечно, выполнить обѣщаніе, о которомъ упомянуто выше, не такъ легко, какъ дать его. Начиная издавать на мѣстномъ нарѣчіи первый юридическій журналъ, при зачаточномъ состояніи юридической литературы, издателямъ приходится во многихъ случаяхъ впервые устанавливать юридическую терминологію и вырабатывать юридическій языкъ, а это—задача трудная. И можетъ быть, еслибъ юристы украинцы исполнили ту просьбу, съ которою къ нимъ обращаются издатели, то своимъ сотрудничествомъ въ журналѣ они могли бы принесть значительную долю пользы, содѣйствуя галицкимъ писателямъ въ дѣлѣ выработки правильнаго юридическаго языка. По крайней мѣрѣ, можно бы было надѣяться, что юристы украинцы въ изложеніи своихъ мыслей обошлись бы безъ «опініи», «екстрикацій» и т. п. нескладныхъ терминовъ, безъ всякой надобности вводимыхъ изъ иностранныхъ языковъ.

Что касается затѣмъ до содержанія статей, помѣщенныхъ въ первой книгѣ «Часописи Правничой», то только одна изъ нихъ имѣетъ мѣстный интересъ, именно—«*Галицке судовництво и справа его реформы въ законодавчихъ тълахъ*» А. Горбачевскаго. Въ ней

идетъ рѣчь о неудовлетворительномъ состояніи судебной части—въ Галиціи, выясняются причины такого состоянія и указывается на необходимость реформы, которая и была уже предметомъ обсужденія въ мѣстныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ 1-ой книгѣ, статья Ол. Огоновскаго разсматриваетъ интересный вопросъ о значеніи заблужденія или ошибки при заключеніи договоровъ; статья К. Левицкаго трактуетъ о значеніи присяги; статья Е. Олесницкаго посвящена исторической школѣ въ политической экономіи (по поводу 50 лѣтняго юбилея В. Рошера). Кромѣ того, въ первой книгѣ имѣются воспоминанія о Фр. Гольцендорфѣ, практическія замѣтки, выписки изъ судебныхъ рѣшеній и краткій отдѣлъ библіографіи.

Не считаемъ нужнымъ вдаваться въ бо́льшія подробности относительно содержанія упомянутыхъ статей, какъ посвященныхъ предметамъ, изслѣдованіе которыхъ не входитъ въ кругъ задачъ «Кіевской Старины».

Н. Шугуровъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 193—221. 194. Корреспонденція изъ Ровно, волынской губ., о празднованіи 50-лѣтія ровенскаго реальнаго училища.

195. Библіографическая замѣтка о книгѣ И. П. Матченка св. равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.

196. Извѣстіе о появившейся въ слоб. Ямной богодух. у. новой сектѣ.

197. Извѣстіе о найденномъ въ кіевской губерніи бронзовомъ старинномъ кувшинѣ.

204. Замокъ кн. Симеона Олельковича. Докладъ В. И. Гошкевича въ церковно-археологич. общ. объ осмотрѣнномъ имъ городищѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра, немного выше с. Вигуровщины. На мѣстѣ городища стоялъ, по мнѣнію референта, замокъ Симеона Олельковича, выстроенный въ свою очередь на мѣстѣ болѣе древняго поселенія.

— Находка свайныхъ построекъ. О найденныхъ доцентомъ кіевской духовн. академіи Завитневичемъ на Князь или Жидъ озерѣ минской губ. мозырскаго уѣзда свайныхъ постройкахъ.

208. Некрологъ А. П. Вальтера, бывшаго профессора университета св. Владиміра.

215. Годичный актъ въ коллегіи Павла Галагана.

— Засѣданіе историческаго общества. Отчетъ о докладѣ проф. В. Б. Антоновича объ археологическихъ изысканіяхъ на берегахъ р. Тетерева.

217. Интересная находка. Извѣстіе объ открытіи во дворѣ дома Посудзѣвскаго на Софійской ул. вертикальной трубы изъ кирпичныхъ плитъ стариннаго типа.

— Извѣстіе о поступленіи въ одесск. общ. ист. и древностей плана г. Каменецъ-Подольска 1672 г.

219. 25-лѣтіе кіевскаго свято-владимірскаго братства.

— Замѣтка о свв. кн. Ѳеодорѣ Острожскомъ и княжнѣ Іуліаніи Гольшанской.

220. Отчетъ о торжественномъ собраніи членовъ свято-владимірскаго братства.

— Замѣтка о найденныхъ на Александровской площади въ Кіевѣ остатковъ старинныхъ водопроводныхъ сооруженій.

221. Замѣтка о раскопкахъ въ усадьбѣ Посудзѣвскаго (см. № 217).

Кіевское Слово 762—793. 765. Замѣтка о 150-лѣтіи взятія Хотина

— Забытыя древности. Замѣтка о печальномъ состояніи развалинъ Свято-Васильевскаго златоверхаго храма въ г. Овручѣ волынск. г.

770. Развалины замка кіевск. князя Симеона Олельковича. Замѣтка.

772. Изъ историч. журналовъ. Выдержки изъ воспоминаній акад. Трутовскаго (Кіевская Старина 1889 г., кн. 9).

773. Археологическое открытіе. О развалинахъ замка Симеона Олельковича.

783. Отчетъ о засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 1 октября.

786. Разныя суевѣрія угроруссовъ.

787. Интересная раскопка. О раскопкѣ во дворѣ дома Посудзѣвской на Софійской ул. въ Кіевѣ.

— Извѣстіе о находкѣ въ г. Острѣ въ усадьбѣ мѣстнаго казначея серебряныхъ монетъ XVII в.

791. Корреспонденція съ Полѣсья (волынск. г. ровенск. у.) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя этнографическія данныя.

793. Замѣтка объ имѣющемъ быть открытымъ въ Харьковѣ художественно-промышленномъ музеѣ.

— Актъ 1-й кіевской гимназіи.

— Современная курганоманія. Изложеніе статьи И. А. Линниченка подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатанной въ Газетѣ Гатцука.

— Корреспонденція изъ Винницы о суевѣрныхъ обрядахъ, употребляемыхъ крестьянами для избѣжанія воинской повинности.

Волынь №№ 160—176. 160. Въ статьѣ: «Изъ писемъ народнаго учителя» изображается состояніе школъ и положеніе учителей на Волыни.

170. Корреспонденція изъ Кіева о выставкѣ-базарѣ, о народныхъ чтеніяхъ проф. Н. А. Хржонщевскаго, о предполагавшихся новыхъ кіевскихъ изданіяхъ: «Кіевскомъ Листкѣ Объявленій» г. Жуковскаго, «Юго-Западномъ Вѣстникѣ» г-жи Китченко и «Искусство и театръ»; два первыя не разрѣшены, судьба третьяго пока не извѣстна и сомнительна.

— Выдержки изъ сочиненія прот. А. Ѳ. Хойнацкаго: «Исторія православной церкви и древняго православія на Волыни»: 1) препод. Ѳеодоръ, кн. Острожскій, въ монашествѣ Ѳеодосій и 2) св. Іуліанія дѣва изъ Домбровицы, княжна Ольшанская (окончаніе въ №№ 171 172 (отъ 5 октября).

172. Передовая статья по поводу перенесенія въ Житомиръ частицъ мощей кн. Ѳеодора Острожскаго и кн. Іуліаніи Ольшанской.

— Описаніе торжества перенесенія мощей.

174. Слово, сказанное въ житомирскомъ каѳедральномъ соборѣ свящ. Михаиломъ Щегловымъ 8-го октября по случаю торжества перенесенія мощей этихъ святыхъ.

Волынскія Губенскія Вѣдомости №№ 40—73. 67, 70, 71. Остатки волынской старины. Историческо-археологическія замѣтки. Братчикова.

73. Къ житомирской хроникѣ. Братчикова. Свѣдѣнія о мощахъ преп. Ѳеодора Острожскаго и преп. Іуліаніи и о перенесеніи частицъ ихъ въ г. Житомиръ.

Волынскія Епарх. Вѣдомости №№ 27—28. 27—28. Историко-статистическое описаніе церкей и приходовъ волынской епархіи.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 38—40. 38. Борьба мѣстной епархіальной власти съ языческимъ чествованіемъ древней богини Цереры.

39. Корреспонденція изъ Тульчина о празднованіи 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ и объ актѣ въ мѣстномъ женскомъ духовномъ училищѣ.

39—40. Изъ записной книжки преподавателя духовной семинаріи. О штундѣ.

40. Празднованіе 25-лѣтія подольскаго училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства.

Одесскій Листокъ 1889 г. №№ 137—272. 229. Для чего Богъ посылаетъ громъ (народное повѣрье), *Д. Ѳедоровъ.*

№ 241. 150-лѣтіе со дня взятія Хотина. *Е. Василевскаго.*

№ 244. О каменныхъ бабахъ. *Д. Эварницкаго.*

№ 245. Юбилейный: столѣтіе взятія Хаджибея.

Одесскій Вѣстникъ №№ 246—272. 246. Празднованіе 100-лѣтія завоеванія Хаджибея.

— Извѣстіе изъ «Новостей» о подаркѣ художникомъ Х. Гусиковымъ 70 портретовъ Т. Г. Шевченка въ пользу племянницы послѣдняго, И. Ковтуновой.

— Перепечатка изъ «Кіевскаго Слова» о слѣпыхъ племянницахъ Т. Г. Шевченка.

247—271. Бессарабская сельско-хозяйственная и промышленная выставка.

248. Краткое извѣстіе о спектакляхъ въ г. Елисаветградѣ малороссійской труппы Скорбинскаго.

249. О состояніи медицины въ одесскомъ уѣздѣ. Статья написана по поводу вышедшаго въ свѣтъ «Медицинскаго и санитарнаго отчета по одесскому уѣзду за 1888 г.».

252. Краткія біографическія свѣдѣнія о литераторѣ Н. Г. Вучетичѣ.

272. Къ исторіи женскихъ гимназій въ г. Николаевѣ.

Новороссійскій Телеграфъ № 4523. Статья: Резеши и резешское землевладѣніе.

4536. Фельетонъ: Къ столѣтнему юбилею Одессы со дня завоеванія крѣпости Хаджибея.

4534—35. Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея.

4549—4550. Херсонское дворянство и херсонская губернія въ 1862 г.

Елисаветградскій Вѣстникъ. №№ 181—219. 182. Присказка до нюхарей. (Перепечат. изъ Екат. Губ. Вѣд.).

186. Историческій очеркъ г. Балты. (Перепеч. изъ Под. Епарх. Вѣд.).

189. Коротенькое извѣстіе о новой піесѣ М. Старицкаго «Богданъ Хмельницкій» (еще въ рукописи).

190. Маленькая замѣтка о новой малорусской труппѣ, давшей 27 авг. въ Елисаветградѣ первое представленіе; шла піеса «Сватання на Гончаривци».

194. Замѣтка по поводу представленія въ г. Елисаветградѣ малорусской драмы «Невольникъ» новой труппой подъ управленіемъ г. Скорбинскаго.

214. Разборъ 4-го тома Матеріаловъ для оцѣнки земель херс. г., заключающаго въ себѣ статистико-экономическое описаніе тираспольскаго уѣзда.

215. О драматическомъ представленіи въ Елисаветградѣ малорусской труппы (драма Карпенка-Караго «Наймычка»).

217. То же о драмѣ Карпенка-Караго «Розумный та дурень».

218. То же о драмѣ Карпенка-Караго «Безталанна».

— Тутъ же напечатано малорусское стихотвореніе, сочиненное въ Полтавѣ въ честь М. К. Заньковецкой.

219. То же о комедіи Карпенка-Караго «Мартынъ Боруль».

Крымъ №№ 113—120. 118 Разборъ книги А. В. Абрамова: «Вниманію интеллигентныхъ провинціаловъ». (Изъ обществ. жизни г. Харькова).

Кубанскія областныя Вѣдомости № 41. 40. Празднованіе 100-лѣтней годовщины пораженія Баталъ-паши русскими войсками. В. Галкина.

Курскій Листокъ № 117—109. Прошлое Одессы.

113, 116, 117. Курскіе кустари. I. Производство скатертей. II. Кожевенное и сапожное производство.

Минскій Листокъ №№ 73—78. 78. Изложеніе содержанія изслѣдованія проф. С. А. Бершадскаго: «Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады вел. княж. литовскаго»; сочиненіе это было помѣщено въ «Кіевѣ Старинѣ».

Варшавскій Дневникъ №№ 205—226. 205. Статья о положеніи греко-уніатскаго духовенства въ Галиціи.

Корреспонденція изъ Лѣсны о состояніи православной лѣсненской женской обители.

209. 210. Историч. замѣтка по поводу столѣтія г. Одессы.

222. Извѣстіе объ открытіи развалинъ замка князя Симеона Олельковича, правившаго Кіевомъ во второй половинѣ XV вѣка.

223. Отчетъ о защитѣ врачемъ В. В. Святловскимъ диссертаціи на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: «Фабричный рабочій»; сочиненіе это имѣетъ предметомъ изслѣдованія санитарное состояніе фабричныхъ рабочихъ въ Малороссіи и Привислинскомъ краѣ.

Червоная Русь 194—215 193, 194, 201, 202. Домашній промыслъ въ Галичинѣ. Гонтарство. Боднарство.

199. Замѣтка о № 8 «Наука».

201. Народныя школы въ Галичинѣ.

— Замѣтки о № 18 «Страхопуда» и № 18 «Новаго Галичанина».

212. Замѣтка о раскопкахъ проф. Шараневича на мѣстѣ древняго Галича.

215. Середніи школы въ Галичинѣ.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Бентовскій И. В. Гребенцы. Историческое изслѣдованіе. Изданіе 2 е. 8 д. 39 стр.

Werygo. Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie lidzkim, gub. wielińskiej. Odb. ze Zb. wiad. antrop. kraj. t. XIII. Kr. 1889. 20 str. 8 d.

Гульдманъ В. К. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изданіе подольскаго губернскаго статистическаго комитета.

Каменецъ-Подольскъ. 8 доля 414 + 63 + 1 + 26 + 2 + IV страницъ и IX табл.

Доброво М. Изъ малорусскаго быта. Разсказы. Кіевъ. 8 д. 158 стр.

Иванова Е. Путевыя воспоминанія о Крымѣ. Москва. 8 д. 41+1 стр.

Музыкантовъ П. И. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. Кіевъ. 8 д. 58 стр.

Панченко М. Бури у сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря. Одесса. 8 д. 28 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1889 г.

		стр
I.	Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. **Б. С. Познанскаго.**	225—256
II.	Воспоминанія **М. К. Чалаго.**	257—280
III.	Культурныя переживанія. LXXXVII—CVIII. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	281—327
IV.	Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. **В. Н. Сторожева**	328—349
V.	Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. **О. И. Левицкаго**	350—368
VI.	О статьяхъ Богдана Хмельницкаго (1654 г.). **П. А. Шафранова**	369—391
VII.	Анастасія Яковлевна Марченко. (Т. Ч. или А. Темризовъ). Очеркъ. **Е. С. Некрасовой**	392—422
VIII.	Документы, Извѣстія и Замѣтки. Столѣтіе кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія **Садовскаго**. Еще объ Иванѣ Поповичѣ. **Ив. Н.** Библіографическія замѣтки. **Архим. Леонида.** Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. **Н. В. Молчановскаго.** Четыре письма О. М. Бодянскаго. 1855—58 гг. **А. Л.** Образцы старо-семинарской поэзіи. **П. Левицкаго.**	423—455
IX.	Для справокъ	455
X.	Библіографія. Чтенія въ историч. общ. Нестора Лѣтописца. Книга 3-я. **И. М. Каманина.** Лопатинъ Н. М. Прокудинъ В. П. Сборникъ русскихъ народныхъ ли-	

стр.

рическихъ пѣсенъ. 2 части. Часть I и 1-й выпускъ второй части. **А. Степовича.** Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. **И. М. Каманина.** Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1838—1888 г. Составилъ М. М. Захарченко. **Н. М.** Часопись Правнича. Мѣсячникъ для теоріѣ и практики. Выдаютъ д-ръ К. Левицкій, д-ръ А. Горбачевскій и д ръ Е. Олесницкій. Рочникъ I, числа 1—4. **Н. В. Шугуровъ.** Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года, касающіяся ю. Россіи 456 484

XI. Объявленія . . . . . 1—4

Приложеніе: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

на 1890 годъ.

„Судебная Газета“ будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, при чёмъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права — матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ. Памятуя ближайшія задачи спеціальнаго органа, газета наша будетъ охотно отводить у себя мѣсто разнымъ юридическимъ замѣткамъ и вопросамъ, имѣющимъ цѣлью выясненіе темныхъ сторонъ права, чѣмъ значительно облегчится положеніе провинціальныхъ практиковъ, которые, какъ можно судить изъ поступающихъ къ намъ заявленій, особенно часто нуждаются въ совѣтѣ и обмѣнѣ мыслей.

(Просимъ обратить особенное вниманіе на слѣдующее):

Въ каждомъ № „Судебной Газеты“ подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными, то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія „Судебной Газеты“.

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и другихъ Департаментовъ Сената производится въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода № газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще и стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ „Отвѣты редакціи" или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ **7** руб.; на 6 мѣсяцевъ **4** руб. **50** коп.; на 3 мѣсяца **3** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** руб. Заграницу **10** руб. въ годъ,

ПОДПИСКА принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца

ЗАГРАНИЦУ подписка въ разсрочку не принимается.

РАЗСРОЧКА въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится **4** рубля и остальные **3** рубля не позже 20-го іюня.

ПРИ ПРОСРОЧКѢ втораго взноса высылка газеты съ 1-го іюля прекращается.

ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ РАЗСРОЧКОЮ необходимо при присылкѣ перваго взноса заявлять о своемъ желаніи пользоваться разсрочкою; одна же простая присылка 4 рублей или присылка ихъ съ объясненіемъ, что они высылаются за первую половину года, повлечетъ за собою зачисленіе такого подписчика въ разрядъ четырехмѣсячныхъ.

Иногородные адресуются *исключительно* въ главную контору редакціи: С.-Петербургъ, Моховая улица, № 38; городскіе—въ отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ юридической литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій проспектъ, д. № 57.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

№ 1. 3—1. Редакторъ-Издатель *Ф. В. Де Вени.*

Объ изданіи журнала „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ".

Съ 1-го января 1890 года будетъ издаваться, подъ редакціей ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета **Н. Д. Сергѣевскаго** и при ближайшемъ, постоянномъ сотрудничествѣ **Н. Ѳ. Дерюжинскаго, А. А. Исаева** и **Н. М. Коркунова**, ежемѣсячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ". Задачею журнала поставляется, вопервыхъ, научная разработка и историческое освѣщеніе правовыхъ и экономическихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для нашей современной общественной жизни; вовторыхъ, ознакомленіе читателей съ важнѣйшими явленіями въ сферѣ законодательства, судебной практики и науки права. Сообразно этому, „ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" будетъ заключать въ себѣ:

I. Самостоятельныя (иногда переводныя) научныя статьи по вопросамъ право- и государствовѣдѣнія;

II. Хроники: законодательную, судебную и научную;

III. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы.

„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ" выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ 4 до 6 листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собою одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Анисимова, Большая Садовая, № 12; Цинзерлинга, Невскій проспектъ, № 46; Мартынова, Большая Морская, № 30.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію „ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛѢТОПИСИ", С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, по 3 линіи, д. № 26.

№ 2. 3 – 1.

ОБЪ ИЗДАНІИ въ **1890 году** ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ ДЕСЯТИ книгъ въ годъ, до ДВАДЦАТИ листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С-Петербургѣ безъ доставки 8 р.	съ пересылкою въ другіе города . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова рядомъ съ Публичною Библіотекою, Мартынова, Б. Морская, 30 и Чичинадзе М. Морская, 9; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1889 гг. по 9 руб., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: *В. М. Володимировъ.*

№ 3. 1—3. (по отдѣлу гражд. права) *А. Х. Гольмстенъ.*

Съ 1-го ноября 1889 г. будетъ выходить безъ предварительной цензуры

новый журналъ:

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ,

при участіи Московскаго Психологическаго Общества,

Подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. Изданіе А. А. Абрикосова.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ,—опытная и физіологическая психологія, психопатологія: 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ; 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи, и библіографія; 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія; 5) Переводы на русскій языкъ классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Въ журналѣ, между прочимъ, предполагаютъ принять участіе слѣдующія лица: 1) изъ числа спеціалистовъ по философіи: проф. А. А. Козловъ, проф. М. М. Троицкій, проф. М. И. Владиславлевъ, проф. Г. Е. Струве, проф. М. И. Каринскій, проф. Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, Влад. С. Соловьевъ, кн. С. Н. Трубецкой, П. Е. Астафьевъ, іеромонахъ Антоній, А. И. Введенскій, А. Н. Гиляровъ, А. П. Казанскій, Н. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, кн. Д. Н. Цертелевъ, Е. И. Челпановъ, В. Ф. Лютославскій (магистръ дерп. ун.), Ѳ. О. Масарикъ (проф. пражскаго унив.) и др. лица,—2) слѣдующіе члены психологическаго общества: графъ Л. Н. Толстой, Н. П. Аксаковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. А. П. Богдановъ, проф. Н. В. Бугаевъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, О. П. Герасимовъ, В. А. Гольцевъ, В. А. Гримгмутъ, Д. А. Дриль, проф. Г. А. Звѣревъ, Н. А. Иванцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. И. Ф. Огневъ, Л. Е. Оболенскій, д-ръ А. А. Токарскій, Н. Н. Страховъ, проф. Ѳ. П. Шереметевскій, Н. И. Шишкинъ, В. И. Штейнъ, 3) проф. В. И. Данилевскій, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками по 12—15 печатныхъ листовъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** въ годъ 6 р., и 6 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою въ другіе города Россіи; для членовъ Психологическаго Общества, для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и воспитанниковъ духовныхъ семинарій—4 р., съ дост. и перес. 4 р. 50 к.—Подписка принимается съ 1 сентября нын. г. въ помѣщеніи редакціи (Новинскій бульваръ, д. Котлярева, кв. Николая Як. Грота), въ редакціяхъ: журнала „Русская Мысль“ и „Газеты А. Гатцука“, и въ магазинахъ „Новаго Времени“, (А. С. Суворина) въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ; В. П. Карбасникова въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, и Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ.

Въ 1-й номеръ журнала войдутъ статьи Владиміра Соловьева (Красота въ природѣ), проф. А. А. Козлова (Размышленія по поводу неожиданнаго голоса изъ области естествовѣдѣнія), кн. С. Н. Трубецкого (О природѣ сознанія), Н. Н. Ланге (О дѣйствіи гашиша: психологическая замѣтка), Н. Я. Грота (Отчетъ о съѣздѣ физіологической психологіи въ Парижѣ) и другія.

усталыхъ членовъ и для омовенія въ банѣ. Предводители козацкіе, исполненные удивленія, по скромности долго отказывались отъ подарка, но должны были уступить настойчивымъ просьбамъ господаря и молдавскихъ вельможъ. Они поблагодарили за такую щедрость, встали съ мѣстъ и объявили, что въ присутствіи господаря они не осмѣлятся сѣсть. Ивонія пригласилъ ихъ на правое крыло лагеря, гдѣ назначена была стоянка козакамъ; туда онъ послалъ шесть большихъ амфоръ прекраснаго вина и 600 талеровъ, прося козаковъ выпить за его здоровье. Въ сосудахъ этихъ обыкновенно сберегается вода для солдатъ, которые, во время похода черезъ безводныя степи, сильно страдаютъ отъ жажды. Затѣмъ господарь прикомандировалъ къ козакамъ отрядъ фуражировъ, которые должны были заботиться о продовольствіи людей и лошадей. На разсвѣтѣ Ивонія самъ посѣтилъ козацкихъ предводителей и пригласилъ ихъ въ свою палатку для совѣщанія совмѣстно съ молдавскимъ совѣтомъ о важномъ дѣлѣ. Когда козаки явились, Ивонія сказалъ имъ слѣдующую рѣчь на польскомъ языкѣ: „Храбрые рыцари! я бы не рѣшился вызывать васъ изъ вашего отдаленнаго отечества для помощи въ столь трудномъ и опасномъ дѣлѣ, еслибы я не былъ увѣренъ въ вашемъ мужествѣ и стойкости; но убѣдившись въ этомъ непреклонно, я пригласилъ васъ для того, чтобы вы оказали мнѣ содѣйствіе военными трудами и вашею опытностью въ предстоящей войнѣ съ моимъ жестокимъ врагомъ, султаномъ Селимомъ. Назначая вамъ жалованье, я опасаюсь лишь того, чтобы вознагражденіе не оказалось ниже заслугъ вашихъ; во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ войны съ грознымъ врагомъ, я вамъ доставлю въ изобиліи денегъ, провіанта и корма для лошадей. Я увѣренъ, что, сохраняя вашу прежнюю доблесть, вы въ предстоящей войнѣ будете дѣйствовать соотвѣтственно заслуженной вами повсемѣстно репутаціи, которой я всецѣло довѣрился. Искренно благодарю васъ за то, что вы, христіанскіе воины, прибыли ко мнѣ, христіанскому владѣтелю; я всегда буду съ благодарностью вспоминать вашъ поступокъ. Хотя число вашего войска слишкомъ незначительно въ виду предстоящей опасности, тѣмъ не менѣе приходъ вашъ обнадежилъ меня болѣе,

чѣмъ присылка любаго вспомогательнаго отряда въ 20,000 человѣкъ. Я охотно обязываюсь уплачивать вамъ жалованье, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы сами потребуете. Я не желалъ бы изображать вамъ турецкія силы непобѣдимыми, но я долженъ признать, что понынѣ судьба имъ постоянно благопріятствовала; происхожденіе турокъ ничтожно и презрѣнно, а между тѣмъ они снискали такое могущество, что неимовѣрный ростъ его слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ коварству и преступленіямъ, чѣмъ ихъ доблести. Я полагаю, что Господь тѣмъ долѣе терпитъ безнаказанно ихъ злодѣянія, чѣмъ тяжелѣе ихъ преступленія и чѣмъ строже уготовленное имъ возмездіе; если понынѣ турки пользовались постояннымъ успѣхомъ, то это было слѣдствіе воли Господней, дозволившей имъ возвыситься для того, чтобы паденіе ихъ было тяжелѣе. Не стану далѣе распространяться. Расположеніе мое къ вамъ вы достаточно чувствуете и сознаете; какую участь ни готовила бы намъ судьба, я ее охотно раздѣлю съ вами".

Свѣрчовскій отвѣчалъ отъ имени своихъ товарищей краткою, но энергичною, какъ подобало воину, рѣчью: „Не жалованье твое, Ивонія, привлекло насъ сюда, ибо о немъ мы менѣе всего думаемъ, но рыцарскій порывъ къ борьбѣ съ жестокимъ и тягостнымъ врагомъ христіанства. Мы не настаиваемъ на количествѣ платы, пусть прежде исходъ войны рѣшитъ нашу участь. Лучшая для насъ награда будетъ состоять въ томъ, если мы успѣемъ вытѣснить врага изъ твоей страны и принудить его къ заключенію мира на справедливыхъ условіяхъ. Сопровождая насъ, ты раздѣлишь нашу участь. Мы не страшимся турецкаго могущества, надежду на успѣхъ возлагаемъ на волю Провидѣнія и смѣло выступимъ противъ врага, чтобы отразить его нападеніе на твои владѣнія". Ободренный рѣчью Свѣрчовскаго, Ивонія пригласилъ къ себѣ на обѣдъ козацкихъ начальниковъ, на другомъ же столѣ логофетъ Іеремія, начальникъ молдавской конницы, угощалъ молдавскихъ сенаторовъ. Встрѣча эта происходила марта 20 числа.

Селимъ, услышавъ отвѣтъ Ивоніи, воспламенился гнѣвомъ, который старался еще болѣе усилить его посолъ (обиженный тѣмъ,

что не получилъ обычнаго подарка). Султанъ немедленно отправилъ въ Валахію 30,000 турокъ и 2000 венгерцевъ и приказалъ волошскому господарю [1]) присоединить къ этому войску свои силы, схватить Ивонію и доставить его въ Константинополь, молдавское же господарство предоставить своему брату. Господарь немедленно поднялъ всѣ свои силы и, соединившись съ турками и венграми, переправился черезъ рѣку Молдаву. У него была армія численностью почти въ 200,000, которая не только была достаточна для того, чтобы изгнать Ивонію изъ Молдавіи, но могла побѣдоносно сразиться съ силами могущественнѣйшаго монарха. Армія эта, утомленная форсированнымъ маршемъ впродолженіе сутокъ, не ожидая нападенія со стороны Ивоніи, безпечно расположилась на берегахъ рѣки и выгнала лошадей на окружающіе лагерь луга. Между тѣмъ разъѣзды извѣстили Ивонію во время обѣда, что большая армія турецкая, которой число трудно точно опредѣлить, повидимому болѣе чѣмъ въ 100,000 человѣкъ, переправляется черезъ Молдаву, что она расположилась въ лагерѣ безпечно: люди отправились спать, лошадей же выгнали на пастбища; что Ивоніи легко будетъ разгромить враговъ, если онъ произведетъ быстрое нападеніе. Ивонія встрѣтилъ это извѣстіе съ восторгомъ. Онъ тотчасъ отправилъ Свѣрчовскаго съ козаками и 6,000 молдаванъ, которые, зная турецкій языкъ, легко могли собирать нужныя извѣстія; самъ же господарь съ тяжело вооруженными отрядами отправился вслѣдъ за Свѣрчовскимъ.

Свѣрчовскій заявилъ своимъ подчиненнымъ, что для успѣха предпріятія они должны хранить во время похода глубокое молчаніе, чтобы не встревожить непріятеля. Подступивши къ стоянкѣ враговъ, онъ замѣтилъ волошскій караулъ, состоявшій изъ 40 человѣкъ, которому поручено было оберегать безопасность лагеря; козаки окружили этотъ отрядъ и забрали его въ плѣнъ. Плѣнниковъ допросили сначала благосклонно, потомъ съ угрозою, о расположеніи и

[1]) Господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II (1567—1577); онъ, по примѣру дѣда своего Мирчи III и отца Петра II Хромаго, велъ съ помощью турокъ ожесточенную борьбу съ боярами; молдавское господарство онъ желалъ доставить своему брату Петру, поддерживавшему его весьма усердно въ этой борьбѣ.

намѣреніяхъ враговъ; устрашенные угрожавшею имъ опасностью, они покорно пали на колѣни и сказали, что волохи и турки сильно утомлены продолжительнымъ и труднымъ походомъ, что они безпечно расположились для отдыха, вовсе не ожидая нападенія Ивоніи, и что ихъ легко побѣдить, захвативши въ расплохъ; численность арміи они опредѣлили слѣдующими цифрами: волоховъ 70,000, турокъ 30,000, венгровъ 3,000. Собравъ эти свѣдѣнія, козаки отправили гонца къ Ивоніи, чтобы сообщить ему извѣстія о состояніи врага; они понуждали его ускорить походъ въ виду легкой побѣды, сами же залегли вблизи непріятельскаго лагеря, сохраняя полную тишину, дабы не разбудить враговъ и не подать имъ повода къ опасенію. Ивонія, освѣдомившись о состояніи дѣлъ, явился усиленнымъ маршемъ; онъ поручилъ Свѣрчовскому аттаковать лагерь, свои же довольно значительныя силы онъ придвинулъ съ трехъ сторонъ къ лагерю, остававшемуся безъ всякой охраны и защиты. Съ четвертой стороны произвелъ нападеніе Свѣрчовскій, бросившись на враговъ стремительно съ громкимъ крикомъ, чѣмъ произвелъ въ лагерѣ страшное смятеніе. Непріятели, проснувшись отъ неожиданнаго страшнаго шума, не могли опомниться; они недоумѣвали: обратиться ли въ бѣгство, хватать ли оружіе, или принимать другія мѣры. Всѣ кричали, но никто не становился въ боевой порядокъ, между тѣмъ козаки устремлялись отовсюду, разнося страхъ и смятеніе; когда безпорядокъ и паника враговъ достигла высшей степени, появился Ивонія съ своимъ войскомъ и отовсюду окружилъ и сжалъ обращенныхъ уже въ бѣгство противниковъ; всякая возможность бѣгства исчезла, тѣмъ болѣе, что лошади волоховъ находились далеко на пастбищѣ. Лагерь наполнили стоны отчаянія; никто почти не былъ въ состояніи спастись; съ большимъ лишь трудомъ волошскій господарь и его братъ Петръ, претендентъ на молдавское господарство, успѣли отыскать своихъ лошадей и бросились бѣжать; они переправились въ бродъ черезъ озеро, соединяющееся съ Дунаемъ, и спаслись въ крѣпость Браиловъ, гдѣ начальствовалъ комендантъ, назначенный Селимомъ. Остальное войско было перебито и сдѣлалось достояніемъ хищныхъ птицъ. Поразительное зрѣлище представляло

обширное поле, усѣянное воинами или убитыми, или ранеными, которые не были въ состояніи ни бѣжать, ни предпринять что либо существенное для своего спасенія, землю устилали трупы и оружіе и обагряли потоки крови. Значительную добычу, взятую въ лагерѣ, Ивонія распредѣлилъ солдатамъ и особенно козакамъ, которые достаточно ею обогатились. Ивонія простоялъ въ лагерѣ четыре дня, желая доставить отдыхъ солдатамъ, утомленнымъ походомъ и битвою; все это время онъ приказалъ старательно, хотя напрасно, разыскивать трупы волошскаго воеводы и его брата.—Затѣмъ со всѣмъ войскомъ онъ двинулся въ Валахію, сталъ занимать города и замки, которыхъ никто не защищалъ; онъ приказалъ истреблять всѣхъ встрѣтившихся жителей безъ различія пола и возраста; села и города опустошалъ и предавалъ пламени. Занятая имъ часть Валахіи представляла печальную картину: вся она дымилась пожарами, стариковъ и дѣтей предавали смерти, матроны и дѣвицы дѣлались жертвами насилія. Ивонія поощрялъ солдатъ, благодарилъ ихъ и утверждалъ, что они имѣютъ право на захватъ добычи послѣ успѣшно одержанной побѣды. Такимъ образомъ войско, угнетая беззащитное населеніе, опустошило страну до границъ Трансильваніи. Здѣсь Ивонія узналъ, что волошскій господарь и братъ его Петръ скрылись въ браиловской крѣпости и немедленно повелъ туда свое войско.

Городъ Браиловъ расположенъ на берегу Дуная; въ немъ былъ обширный замокъ, лежавшій въ мѣстности, защищенной самою природою и снабженный сильнымъ гарнизономъ. Ивонія расположилъ свой лагерь недалеко отъ города и замка, на такомъ однако отъ нихъ разстояніи, чтобы крѣпостная артиллерія не могла причинять ему вреда. Онъ отправилъ письмо къ коменданту замка, требуя выдачи волошскихъ бѣглецовъ: своего непримиримаго врага—господаря и брата его Петра, которые, безъ всякаго съ его стороны повода, затѣяли съ нимъ войну и, потерпѣвъ пораженіе, спаслись бѣгствомъ и укрылись въ Браиловѣ. Онъ заявилъ, что не прекратитъ осады, пока его требованіе не будетъ исполнено, и силою добьется удовлетворенія. Комендантъ замка прислалъ отвѣтъ черезъ четырехъ турокъ (двое изъ нихъ были браиловскіе мѣщане, двое же замковые

служители). Посланные принесли Ивоніи 10 большихъ и 10 малыхъ пушечныхъ ядеръ, двѣ стрѣлы и слѣдующій отвѣтъ: „Ты выдаешь себя за вассала и слугу Селима и уже потому требованіе твое весьма странно и неудобоисполнимо—между тѣмъ до меня дошло извѣстіе, что ты разгромилъ значительное султанское войско, которому поручено было водворить Петра на молдавскомъ господарствѣ—потому я тебѣ объявляю, что если ты немедленно не прекратишь осады и не отступишь, я тебя угощу лакомствами, образецъ которыхъ посылаю, и надѣюсь, что они въ достаточной мѣрѣ насытятъ тебя и твоихъ подчиненныхъ“. Отвѣтъ этотъ непомѣрно раздражилъ Ивонію; онъ приказалъ схватить посланныхъ, обрѣзать имъ ноздри и уши и повѣсить передъ крѣпостью вверхъ ногами. Это ужасное зрѣлище должно было служить угрозою, что такая же участь предназначается коменданту и скрывшимся у него бѣглецамъ. Исполнивъ этотъ жестокій и омерзительный поступокъ, Ивонія приказалъ немедленно придвинуть къ стѣнамъ, окружавшимъ городъ, заготовленныя лѣстницы и пѣхотѣ идти на приступъ. Приказаніе его было исполнено: пѣхота бросилась на стѣны съ громкими криками и овладѣла ими столь быстро, что гарнизонъ не успѣлъ принять нужныхъ мѣръ для защиты. Стѣны были тотчасъ разрушены и все войско молдавское вступило въ городъ.

Послѣдовало страшное истребленіе турокъ; пощады никому не было; кровь убитыхъ жертвъ ручьями текла въ Дунай; убивали даже грудныхъ младенцевъ, исторгая ихъ изъ рукъ матерей. Убійства эти продолжались втеченіе четырехъ дней; тщательно осмотрѣли всѣ укромныя мѣста и спрятавшихся въ нихъ жителей извлекали и предавали смерти; страшную месть закончили тѣмъ, что разорили и сожгли городъ, на развалинахъ котораго не осталось не только живаго человѣка, но даже и собаки. Въ добычу солдатамъ досталось множество золота, серебра, жемчугу, денегъ; сокровищъ этихъ награблено было очень много, такъ какъ городъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ въ этой странѣ, ибо послѣ завоеванія турками греческой имперіи, онъ наслаждался постояннымъ спокойствіемъ и первый разъ только подвергся разграб-

ленію. Побѣдители не оставили ни одного дома, все было разорено и сравнено съ землею, за исключеніемъ замка, въ которомъ затворился немногочисленный гарнизонъ. Ивонія побуждалъ свое войско идти на приступъ къ замку, обнадеживая, что онъ не замедлитъ сдаться несмотря на сильныя укрѣпленія.

Когда войско Ивоніи было занято грабежемъ покореннаго города, лазутчики извѣстили господаря о приближеніи 15,000 турокъ, которые усиленнымъ маршемъ спѣшили на выручку Браилова. Не смущаясь численностью этого отряда, Ивонія отправилъ ему на встрѣчу Свѣрчовскаго съ козаками и восьмитысячною дивизіею молдаванъ. Свѣрчовскій, встрѣтивъ враговъ, немедленно ударилъ на нихъ и нанесъ имъ пораженіе раньше, чѣмъ они успѣли развернуть свои силы и стать въ боевой порядокъ; только одна тысяча турецкой конницы спаслась бѣгствомъ. Козаки пустились въ погоню за разсѣянными врагами и многихъ перебили. Всѣ, успѣвшіе убѣжать, укрылись въ Тегини [1]), крѣпости, лежащей въ турецкихъ предѣлахъ; у этого города расположена была турецкая армія и татарская орда. Свѣрчовскій отправилъ немедленно гонца къ Ивоніи съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ; онъ сообщилъ господарю надежду на счастливый исходъ дѣла, но совѣтовалъ ему оставить осаду браиловскаго замка и со всѣмъ войскомъ двинуться къ Тегини. Ивонія, получивъ радостное извѣстіе, прекратилъ осаду Браилова, которая требовала большихъ усилій и представляла значительныя опасности, и поспѣшилъ соединиться съ отрядомъ Свѣрчовскаго. Вслѣдствіе ихъ совѣщанія, вся армія двинулась къ Тегини; городъ былъ взятъ безъ особыхъ усилій и жители его были также перебиты безъ различія пола. Въ этомъ дѣлѣ Свѣрчовскій много способствовалъ побѣдѣ; козацкая конница сражалась въ первомъ ряду и рѣшила битву рукопашною схваткою; при этомъ козаки расположили свой строй такимъ образомъ, что въ серединѣ линіи помѣстили людей вооруженныхъ мушкетами, которые учащенною стрѣльбою должны были разстроить турецкую линію; на правомъ крылѣ стали

[1]) Тегинь—нынѣ Бендеры; Бѣлгородъ—Аккерманъ.

лучники, выпускавшіе на враговъ градъ стрѣлъ, на лѣвомъ же копейщики, прикрывавшіе молдаванъ какъ бы непреодолимою стѣною копій. Послѣ взятія Тегини отрядили 600 козаковъ на бѣлгородскую крѣпость, которую они сожгли, обогатившись при этомъ значительною добычею.

Эти постоянныя побѣды сильно утомили армію Ивоніи, что заставило его втеченіе восьми дней остановиться для отдыха у разоренной тегинской крѣпости. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что новый отрядъ турокъ и татаръ приближается со стороны Бѣлгорода, но что враги эти не подозрѣваютъ близости молдавской арміи и потому идутъ безпечно, раздѣлившись на мелкія партіи, которыя разсѣялись въ различныхъ направленіяхъ. Козаки обратились къ Ивоніи съ просьбою, чтобы онъ предоставилъ исключительно имъ истребленіе этихъ враговъ; Ивонія въ отвѣтъ на эту просьбу отвѣтилъ слѣдующее рѣчью, которую мы заимствуемъ изъ сочиненія Бартоша Папроцкаго: „Храбрые поляки! Вы заявили столь невѣроятное мужество, такую военную отвагу и увѣнчались такими успѣхами, что я не въ состояніи отказать вамъ ни въ какомъ вашемъ желаніи. Ступайте, истребите съ Божескою помощью вражеское войско, пользуясь пріобрѣтенною вами опытностью. Тебѣ, Свѣрчовскій, я поручаю начальство надъ отрядомъ и я увѣренъ, что ты съумѣешь распорядиться имъ самымъ лучшимъ образомъ, смотря по тому, какъ этого потребуютъ обстоятельства“. Сказавъ это, Ивонія отдалъ, кромѣ козаковъ, въ распоряженіе Свѣрчовскому отрядъ молдаванъ въ 3,000 человѣкъ. Свѣрчовскій благодарилъ господаря за выгодное о немъ мнѣніе и обѣщалъ приложить всѣ старанія, дабы оправдать таковое. Онъ не смѣшалъ молдаванъ съ козаками, но составилъ изъ нихъ отдѣльный отрядъ, который помѣстилъ въ арріергардѣ; своихъ же 1200 козаковъ онъ распредѣлилъ на три партіи: изъ нихъ 400 человѣкъ, вооруженныхъ круглыми щитами, онъ помѣстилъ впереди для защиты отъ турецкихъ копейщиковъ; 400 лучниковъ подъ его личнымъ начальствомъ составили правое крыло; остальные, вооруженные копьями, помѣстились на лѣвомъ крылѣ. Турки, встрѣтивъ это войско, расположились также въ

боевой строй. Свѣрчовскій приказалъ конницѣ, стоявшей въ центрѣ, открыть ружейный огонь, въ то же время съ лѣваго крыла полетѣлъ градъ стрѣлъ на отборную турецкую рать, съ праваго же крыла пошли въ аттаку копейщики, которымъ приказано было спѣшиться. Турки въ самомъ началѣ битвы потеряли надежду на успѣшный ея исходъ; столпившись въ кучу, они хотя и пытались защищаться, но дали возможность козакамъ свободно выбирать слабыя стороны для нападенія. Въ началѣ битвы побѣда колебалась на обѣ стороны, но вскорѣ въ дѣло вступили молдаване, находившіеся въ резервѣ сзади за козацкою конницею; они бросились въ аттаку съ громкимъ крикомъ и отчаянно налегли на отборную турецкую конницу, которая расположена была въ перемежку съ пѣхотою; конница эта первая обратилась въ бѣгство и стала давить собственную пѣхоту, которая въ свою очередь побѣжала въ разсыпную. Эта блестящая побѣда стоила немногихъ жертвъ: въ битвѣ погибли только три козака и около 100 молдаванъ. Ивонія смотрѣлъ лично издали на ходъ битвы. Лагерь и обозъ турокъ были взяты; богатая добыча досталась въ раздѣлъ солдатамъ, все же остальное было уничтожено. Двѣсти плѣнниковъ, подобно стаду, были пригнаны къ Ивоніи; онъ приказалъ гнать ихъ сквозь строй своей пѣхоты и они погибли всѣ подъ ударами косъ, имѣвшихся при арміи для съемки травы. Начальникъ побѣжденнаго войска былъ взятъ въ плѣнъ поляками; это былъ человѣкъ внушительной и благородной наружности, которая располагала въ его пользу; при томъ онъ былъ очень богатъ и обѣщалъ дать за себя выкупъ въ шесть разъ больше обыкновеннаго: онъ предлагалъ одну мѣру жемчугу, двѣ мѣры золота и три мѣры серебра, лишь бы его не выдавали Ивоніи. Но поляки предпочли этимъ богатствамъ сохраненіе вѣрности, въ которой они поклялись Ивоніи, при томъ они уже имѣли большой запасъ золота и серебра, доставшійся имъ въ качествѣ добычи, взятой у турокъ; потому они пренебрегли его обѣщаніями и выдали его Ивоніи. Господарь втеченіе нѣсколькихъ дней допрашивалъ его о состояніи турецкихъ дѣлъ и потомъ приказалъ своей пѣхотѣ изрубить его въ куски. Затѣмъ Ивонія передвинулъ свое войско

къ крѣпости своей, называемой Уссенъ (Яссы), и расположилъ его для отдыха послѣ столь утомительнаго похода и трудныхъ битвъ.

Селимъ былъ сильно встревоженъ столь блестящими успѣхами Ивоніи; онъ боялся потерять не только Молдавію, но даже Грецію, и искалъ утѣшенія въ молитвѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ краткій, довольно поверхностный, исполненный неточностей и ошибокъ, очеркъ исторіи турецкой монархіи и мугаметанскихъ государствъ и народовъ вообще. Очеркъ этотъ, не представляющій научнаго интереса и составляющій вводный эпизодъ, неимѣющій непосредственной связи съ разсказываемыми событіями, мы пропускаемъ.

Одержавъ три раза побѣду надъ турками, Ивонія вызвалъ къ себѣ Іеремію Черневича, хотинскаго баркалаба (титулъ этотъ по молдавски значитъ комендантъ крѣпости) и обратился къ нему публично съ слѣдующею рѣчью: „Судьба понынѣ благосклонно покровительствуетъ нашимъ усиліямъ въ борьбѣ съ жестокими врагами нашими—турками: мы должны вѣчно воздавать хвалу всевышнему, милосердному Господу за то, что онъ благоволилъ оказать намъ заступничество передъ врагами и ниспослалъ намъ важныя многократныя побѣды. Теперь намъ предстоитъ распустить по домамъ войско, изнуренное продолжительными трудами, предписавъ ему быть наготовѣ къ сбору при полученіи перваго извѣстія о новомъ вторженіи турокъ. — Тебѣ, доказавшему мнѣ вѣрность и постоянство, я вручаю начальство надъ остальнымъ войскомъ (оно состояло изъ 30,000 молдаванъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу). Поручаю тебѣ расположиться на берегахъ Дуная и защищать переправу черезъ эту рѣку въ случаѣ, если турки задумаютъ новое вторженіе въ нашу страну. На турецкомъ берегу Дуная ближайшая къ нашимъ предѣламъ крѣпость Мачинъ [1]); постарайся занять ее и, если турки попытаются переправляться черезъ Дунай въ другомъ мѣстѣ, извѣсти меня какъ можно поспѣшнѣе объ ихъ намѣреніяхъ“. Когда Ивонія произносилъ эту рѣчь, многіе проливали слезы умиленія. Затѣмъ онъ обнялъ Черневича, который, ставъ на колѣни, принесъ присягу въ непоколебимой вѣрности.

---

[1]) Въ текстѣ она по ошибкѣ названа Облачимъ.

Сдавши начальство Черневичу, Ивонія распустилъ по домамъ остальное войско для того, чтобы воины укрѣпили отдыхомъ свои силы, разсчитывая, что по первому сигналу они вновь явятся для борьбы съ врагомъ. Между тѣмъ Черневичъ, исполняя данное ему порученіе, отправился на берега Дуная и, занявъ указанныя позиціи, сталъ зорко слѣдить за движеніями турокъ и оберегать переправу черезъ рѣку. Дѣйствительно, значительная турецкая армія приблизилась къ Дунаю, но въ виду его войска не осмѣливалась переправляться. Тогда паши отправили къ Черневичу довѣренныхъ лицъ, предлагая ему 30,000 венгерскихъ червонцевъ за то, чтобы онъ явился къ нимъ для секретныхъ переговоровъ. Прельстившись крупною суммою, Черневичъ рѣшился на подкупъ; онъ принялъ присланныя деньги и тайно отъ своихъ отправился для переговоровъ къ Петру [1]), господарю волошскому, который съ значительнымъ своимъ войскомъ находился въ турецкомъ лагерѣ за Дунаемъ. Петръ изложилъ ему положеніе дѣлъ: онъ доказывалъ, что дѣло Ивоніи нужно считать несомнѣнно проиграннымъ, что Селимъ до того озлобленъ его успѣхами и гибелью своихъ войскъ въ борьбѣ съ вассаломъ, что не приметъ никакого другаго удовлетворенія, кромѣ головы Ивоніи; послѣднему, несмотря на всѣ усилія, невозможно удержать за собою молдавское господарство, которое навѣрно вскорѣ перейдетъ въ другія руки. „Въ виду такого положенія дѣлъ, говорилъ онъ, если ты человѣкъ разсудительный, ты долженъ пользоваться удобнымъ временемъ для того, чтобы серьезными услугами снискать расположеніе Селима. Сообрази, что легко начать войну, но трудно ее выдержать впродолженіе долгаго времени; въ началѣ всегда проявляется больше энергіи, чѣмъ впослѣдствіи, между тѣмъ существенное значеніе имѣетъ не первоначальный успѣхъ, а окончательная побѣда. Мы теперь сознаемъ необходимость войти съ тобою въ сношенія и заключить дружбу, которая для тебя будетъ выгоднѣе войны; правда, Ивонія расточаетъ деньги, но ты сообрази, что не слѣдуетъ жертвовать прочною выгодою изъ за

[1]) Выше уже было замѣчено, что господарь Валахіи Александръ II ошибочно названъ Петромъ.

сомнительнаго дѣла. Ты уже получилъ 30,000 червонцевъ, вскорѣ можешь получить гораздо больше, но внемли моему искреннему совѣту и не связывай своей судьбы съ дѣломъ Ивоніи, которое обречено на вѣрную гибель. Пропусти черезъ Дунай безпрепятственно сильную турецкую армію, которой Селимъ приказалъ занять Молдавію и арестовать Ивонію. Когда страна эта будетъ покорена, ты и твои друзья будете пользоваться высочайшими милостями. Необходимо только, чтобы ты на нѣкоторое время скрылъ отъ Ивоніи переправу турокъ черезъ Дунай, когда же она будетъ благополучно совершена, легко будетъ захватить въ расплохъ бунтовщика, разсѣять его силы и однимъ ударомъ отмстить за нанесенныя имъ пораженія". Эти льстивые совѣты Петръ высказывалъ со слезами на глазахъ, стараясь всѣми мѣрами убѣдить Черневича, чтобы онъ отодвинулъ свои войска отъ Дуная и не препятствовалъ туркамъ переправиться черезъ эту бурную рѣку. Черневичъ, прельщенный обѣщаніями, согласился на предложенныя условія и измѣнилъ присягѣ, которую недавно принесъ Ивоніи. Онъ отстранилъ свои войска отъ береговъ Дуная, которые зорко сторожилъ до того времени, и предоставилъ туркамъ возможность безпрепятственной переправы. Турки перешли рѣку въ числѣ 200,000 съ огромными обозами и со значительнымъ количествомъ тяжелой осадной артиллеріи. Когда переправа была окончена, они приказали Черневичу извѣстить о ней Ивонію. Онъ отправился лично къ господарю и разсказалъ ему, что турки нагрянули столь громадными силами, что онъ не имѣлъ возможности остановить ихъ; онъ совѣтовалъ спѣшить на встрѣчу врагамъ для того, чтобы затруднить въ самомъ началѣ ихъ дѣйствія. Ивонія выслушалъ спокойно это извѣстіе и вовсе не падалъ духомъ; онъ разспрашивалъ Черневича о числѣ турецкаго войска и освѣдомился объ именахъ начальниковъ. Перкалабъ отвѣтилъ, что турецкая армія состоитъ пока изъ 10 или 12,000 тысячъ человѣкъ, но что къ ней подходятъ постоянно новые отряды, такъ что она выростетъ вѣроятно до 15,000, пока господарь успѣетъ выйти ей на встрѣчу. Въ то время Ивонія съ козаками осаждалъ крѣпость Тейницу,—онъ тотчасъ созвалъ сенатъ и спросилъ его мнѣ-

нія: слѣдуетъ ли прежде взять крѣпость, или же оставить осаду и поспѣшить на встрѣчу грозному врагу и попытаться разсѣять его полчища? Всѣ признали единогласно, что слѣдуетъ прежде разсѣять враговъ, а потомъ уже заняться осадою крѣпости.

Господарь внялъ этому совѣту, выплатилъ жалованье пѣхотѣ и на четвертый день выступилъ изъ своей стоянки при звукѣ трубъ и роговъ, направляясь къ непріятельскому лагерю, находившемуся въ 12 миляхъ. Девятаго іюня онъ расположилъ свой станъ въ трехъ миляхъ отъ непріятельскаго; здѣсь къ нему явились козацкіе предводители для рѣшительнаго совѣщанія. Въ козацкихъ рядахъ слышались одушевленные возгласы, требовавшіе немедленнаго нападенія на грознаго врага, смущеннаго уже значительно столь частыми пораженіями.

Впрочемъ козаки высказывали нѣкоторое смущеніе: они не могли лично провѣрить извѣстій за незнаніемъ турецкаго языка и не довѣряли приближеннымъ Ивоніи. „Господарь, говорили они, колеблется и довѣряетъ болѣе всего лицу, которое мы считаемъ подозрительнымъ. Вслѣдствіе этихъ недоразумѣній, весьма опасныхъ въ настоящемъ положеніи дѣла, намъ необходимо лично объясниться съ Ивоніею“. Предводители козаковъ, вслѣдствіе этой молвы, поспѣшили явиться къ Ивоніи и Свѣрчовскій, попросивъ слова, сказалъ отъ имени всѣхъ товарищей слѣдующую рѣчь: „Уважаемый господарь! Мы понынѣ были тебѣ непоколебимо вѣрны и ты самъ прекрасно знаешь, какія услуги мы оказывали тебѣ въ совмѣстной борьбѣ съ свирѣпымъ врагомъ. Мы вновь готовы сражаться по твоему призыву до послѣдней капли крови, такъ что враги проникнутъ въ Молдавію развѣ по нашимъ трупамъ; но мы считаемъ необходимымъ хорошо сообразить и обдумать дѣло, мы не желаемъ бросаться въ битву наобумъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о количествѣ, ни о планѣ дѣйствій врага; бросившись неосмотрительно, мы можемъ попасть въ ловушку, въ которой насъ перебьютъ подобно безсмысленному стаду. Потому ты долженъ намъ обстоятельно изложить свои намѣренія относительно предстоящей кампаніи“.

Ивонія, тронутый словами Свѣрчовскаго, глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ: „Храбрые рыцари! Вы для меня дороже жизни; я умѣю вполнѣ оцѣнить вашу храбрость, которую я лично видѣлъ на дѣлѣ, и заслуги, оказанныя вами въ минувшей кампаніи. Я менѣе всего желаю легкомысленно бросать васъ въ жертву врагамъ, но я долженъ заботиться о томъ, чтобы замыслы непріятеля не увѣнчались успѣхомъ. Вблизи отъ насъ расположено мое войско подъ начальствомъ Черневича; онъ первый встрѣтилъ враговъ и успѣлъ хорошо развѣдать ихъ замыслы. Это важное порученіе я возложилъ не на первое встрѣчное лицо, но именно для этой цѣли я выбралъ человѣка, который доказалъ мнѣ вѣрность и преданность среди обстоятельствъ весьма тяжелыхъ и неблагопріятныхъ, который былъ товарищемъ моимъ въ изгнаніи и ссылкѣ. Лично отъ него я знаю, что количество турокъ не превосходитъ 15,000 человѣкъ, но если даже допустимъ, что ихъ вдвое больше, то я полагаю, что мы успѣемъ съ Божьею помощью справиться съ ними". Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Свѣрчовскій просилъ Ивонію, чтобы онъ совокупилъ всѣ свои силы въ одно мѣсто и чтобы разрѣшилъ козакамъ отправиться въ разъѣздъ подъ его начальствомъ съ цѣлью захватить въ плѣнъ кого либо изъ турокъ и такимъ образомъ получить возможность выпытать точныя свѣдѣнія о количествѣ турецкой арміи и о планахъ ея дѣйствій. Ивонія охотно согласился съ этимъ предложеніемъ и отправилъ вмѣстѣ съ Свѣрчовскимъ начальника своей конницы Іеремію съ 6,000 отрядомъ молдаванъ. Посланные наткнулись на пути на разъѣздъ турецкій, состоявшій изъ 6,000 отборной конницы; произошла незначительная стычка; турки очень скоро разсѣялись и обратились въ бѣгство. Въ плѣнъ захваченъ былъ одинъ изъ турокъ, израненный и почти умиравшій; онъ разсказалъ, что турецкая армія весьма малочисленна; но козаки сообразили, что онъ говоритъ неправду, ибо сама численность отряда, посланнаго въ разъѣздъ, указывала на то, что армія должна быть весьма значительна. Они изложили Ивоніи свои соображенія, совѣтуя ему серьезно обдумать свое положеніе и провѣрить правдивость сообщеній Черневича, которому онъ довѣряетъ слишкомъ слѣпо. Ивонія, какъ сказываютъ, отвѣтилъ кратко: „Не-

чего смущаться и страшиться. Я знаю самъ, кому долженъ довѣрять; мы вскорѣ убѣдимся, какова численность непріятельской арміи; что до меня касается, то я прибылъ сюда для того, чтобы защищать мое отечество отъ враговъ до послѣдняго издыханія".

Вслѣдъ за тѣмъ Ивонія придвинулъ свой лагерь къ озеру, соединяющемуся съ Дунаемъ, и распорядился, чтобы доставлены были свѣжія лошади для той конницы, которая въ предъидущую ночь ходила въ разъѣздъ противъ турокъ, для того, чтобы она не отставала отъ остальнаго войска. Вблизи непріятельскаго лагеря возвышался холмъ: Ивонія въѣхалъ на его вершину съ своею свитою, желая обозрѣть расположеніе враговъ, но это оказалось невозможнымъ, потому что турецкій лагерь былъ прикрытъ другою, болѣе къ нему близкою возвышенностью. Онъ увидѣлъ только въ четырехъ различныхъ мѣстахъ турецкіе пикеты, которые передвигались вокругъ своего лагеря, стараясь укрываться за возвышенностями отъ взоровъ молдаванъ. Въ виду близости непріятеля Ивонія раздѣлилъ все свое войско (которое состояло изъ 30,000 солдатъ и множества челяди) на 30 отдѣльныхъ отрядовъ; предъ каждымъ изъ нихъ онъ расположилъ большія осадныя орудія, выбрасывавшія огненныя ядра; такихъ орудій онъ имѣлъ 80. Многочисленную свою пѣхоту онъ отдѣлилъ отъ конницы и предполагалъ самъ оставаться возлѣ нея; но пѣхота, увидѣвъ это намѣреніе и заботясь о его безопасности, обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ переѣхалъ подъ защиту польскихъ козаковъ, гдѣ его жизнь и свобода будутъ гораздо лучше обезпечены; ибо молдавская пѣхота состоитъ изъ крестьянъ, вооруженныхъ весьма плохо, почти исключительно косами, луками, кривыми турецкими саблями и дубинами: крестьяне эти отличались особенною преданностью Ивоніи.

Когда войско было устроено въ крѣпкомъ боевомъ порядкѣ, Ивонія, раньше чѣмъ приказалъ подать сигналъ къ аттакѣ, въѣхалъ еще разъ на вершину возвышеннаго холма, для того, чтобы разсмотрѣть расположеніе непріятелей; онъ увидѣлъ такое огромное количество враговъ, которое превосходило всякое ожиданіе; теперь только онъ убѣдился, что Черневичъ измѣнилъ ему и завлекъ его въ засаду,

онъ немедленно приказалъ призвать его, но Черневичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ явиться, потому, что уже отправляется на бой съ турками за интересы господаря—подъ его предводительствомъ находилось 13,000 прекрасной, пріученной къ бою конницы. Наконецъ данъ былъ боевой сигналъ и Черневичъ первый вступилъ въ битву. Турки ожидали сраженія, выстроивъ свои силы въ боевой порядокъ. При первомъ столкновеніи Черневичъ, условившійся съ врагами, приказалъ своему отряду опустить знамена, снять шлемы и, положивъ на землю копья и мечи, преклонить головы. Турки, увидѣвъ, что отрядъ этотъ сдается добровольно, подняли вверхъ оружіе и приказали сдавшимся вступить въ свой лагерь. Измѣна Черневича наполнила ужасомъ остальное войско Ивоніи; оно подалось назадъ; господаря извѣстили о случившемся, заявивъ ему, что все потеряно. Но извѣстіе это не поколебало его рѣшимости, онъ сохранилъ въ несчастіи богатырскій духъ, ободрилъ своихъ солдатъ и приказалъ атаковать турокъ. Но турки, увидѣвъ отступленіе и колебаніе молдавскаго войска, уже налегли на него всѣми силами и стали его гнать передъ собою; увидѣвъ бѣгство своихъ передовыхъ отрядовъ, Ивонія воспылалъ яростью и приказалъ открыть по нимъ пушечный огонь; такимъ образомъ эти отряды молдаванъ подверглись двойной опасности: отъ турокъ и отъ своихъ. Между тѣмъ турки выдвинули впередъ сдавшихся молдаванъ, и прикрываясь ихъ рядами, по трупамъ ихъ двигались на центръ арміи Ивоніи черезъ ручьи молдавской крови. Въ это время козаки по своему обычаю ударили съ боковъ на турокъ и произвели значительное замѣшательство въ ихъ рядахъ. По слѣдамъ ихъ многіе молдаване, отличавшіеся лучшимъ вооруженіемъ или большею тѣлесною силою, успѣли проложить себѣ путь и храбро напали на враговъ. Смѣшались крики команды, возгласы радости, стоны раненыхъ, бряцаніе оружія, свистъ стрѣлъ, сыпавшихся градомъ съ обѣихъ сторонъ; облака отражали этотъ смѣшанный гулъ. Турки, не будучи въ состояніи выдержать напора молдаванъ, начали было отступать; уступая отчасти страху, отчасти же надѣясь на военную хитрость, они разсѣялись въ разныя стороны, разсчитывая увлечь молдаванъ въ засаду, подъ выстрѣлы пушекъ,

расположенныхъ въ закрытой позиціи, но Свѣрчовскій угадалъ опасность и громкимъ голосомъ приказалъ остановиться польскимъ и молдавскимъ отрядамъ. Тогда турки вновь ударили на нихъ свѣжими силами, но молдаване мужественно отразили аттаку и возвратились въ лагерь невредимыми. Ивонія, обрадованный успѣхомъ, выстроилъ молдаванъ и поляковъ около своей артиллеріи—всѣ они наполнили колчаны стрѣлами, приготовили копья и стали ожидать нападенія враговъ. Турки, получивъ новыя подкрѣпленія, ободрились и вновь повели сильную аттаку; составивъ густую колонну, они сломили безстрашно линію молдаванъ. Послѣдніе бросились впередъ и завязался кровавый рукопашный бой съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ; турки и молдаване валились съ коней, люди выбивались изъ силъ, оружіе притуплялось; туманъ пыли и дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ солнце; въ общемъ смятеніи нельзя было разслышать ничьего голоса; сражавшіеся не видѣли другъ друга и артиллеристы потеряли возможность направлять выстрѣлы. Ивонія, не потерявшій бодрости духа, среди горячей схватки, громкимъ голосомъ приказалъ своимъ войскамъ отступить подъ прикрытіемъ пушекъ и собраться у своихъ знаменъ. Тогда турки отступили. Жители Мачина, смотрѣвшіе на битву съ городскихъ стѣнъ, увидѣвъ, что молдаване осиливаютъ турокъ, стали бѣжать изъ города, исполненные страха, и искали спасенія во внутреннихъ турецкихъ областяхъ, ибо этотъ городъ лежитъ по ту сторону Дуная на турецкой территоріи.

Послѣ этой битвы, обѣ стороны, будто по условію, прекратили военныя дѣйствія. Разразилась страшная гроза и проливной дождь хлынулъ на оба войска. Дождь этотъ причинилъ молдаванамъ большую потерю, ибо подмочилъ порохъ и пушки, оказывавшія имъ въ битвѣ самую существенную пользу [1]).

Когда буря миновала, турки и молдаване возобновили битву съ удвоенною энергіею; 20,000 турокъ, образовавъ колонну, напали

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ разсужденіе объ исторіи изобрѣтенія пороха и о боевомъ значеніи огнестрѣльнаго оружія, которое мы опускаемъ, какъ эпизодъ, не имѣющій непосредственной связи съ историческимъ разсказомъ.

на ту позицію, гдѣ стояла молдавская артиллерія, теперь уже безвредная, вслѣдствіе порчи подмокшаго пороха; тѣмъ не менѣе молдаване мужественно сомкнули ряды и стали храбро отражать напоръ турокъ. Въ это время появились новые турецкіе отряды и татарская орда, которая, видя, что ей болѣе не угрожаютъ пушечные выстрѣлы, оставила позицію, въ которой до тѣхъ поръ укрывалась, и вступила въ бой. Татары бросились на молдаванъ съ пронзительнымъ крикомъ, оттиснули ихъ отъ пушекъ и обратили въ бѣгство. Бѣглецовъ, разсѣявшихся по обширному полю, турки умерщвляли подобно безоружному стаду. Только 250 козаковъ остались въ строю. Такимъ образомъ, вслѣдствіе измѣны Черневича, рѣшена была судьба войны и послѣдовала окончательная гибель Ивоніи. Господарь между тѣмъ ушелъ къ своей пѣхотѣ, къ которой примкнулъ и упомянутый выше отрядъ 250 козаковъ, которыхъ турки не осмѣлились тронуть во время погони за молдавскою конницею. Прибѣжавъ къ нимъ, Ивонія сказалъ: „Вижу я, храбрые воины, что измѣна Черневича причинила намъ совершенную погибель; увѣряю васъ лишь въ томъ, что трупъ мой ляжетъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы погибнете отъ оружія враговъ, и души наши вмѣстѣ улетятъ въ лучшій міръ“. Свѣрчовскій ему отвѣтилъ: „Приближеніе смерти нисколько меня не смущаетъ: совершенно естественно воину ожидать смерти на полѣ битвы; но для того, чтобы смертью нашею не доставить лишняго торжества врагамъ христіанскаго имени, я полагаю, что намъ слѣдуетъ отступить, пока еще имѣемъ для этого время“. Козаки немедленно спѣшились и, ставъ въ ряды пѣхоты, стали помогать тащить большія осадныя пушки, которыхъ было у Ивоніи 60 штукъ. Самъ Ивонія потащилъ лично одну изъ нихъ, подъ которую обыкновенно запрягали 12 лошадей, ибо онъ обладалъ изумительною силою; видя это, поляки выхватили у него эту пушку, предоставивъ ему другую, болѣе легкую. Такимъ образомъ Ивонія сталъ отступать съ 20,000 отрядомъ своей пѣхоты, но вскорѣ оказалось, что пушки слишкомъ тормозятъ отступленіе, потому ихъ бросили, предварительно испортивъ такъ, чтобы онѣ не годились туркамъ для стрѣльбы. Дѣй-

ствительно, когда турки, овладѣвъ ими, попытались употребить ихъ въ дѣло, то онѣ отъ перваго же выстрѣла потрескались.

Между тѣмъ Ивонія, истощенный и павшій духомъ, отступалъ съ своею пѣхотою, остатками конницы и нѣсколькими пушками; отступленіе его происходило весьма медленно и было затруднено грудами труповъ, валявшихся на полѣ битвы. Въ этотъ день онъ успѣлъ пройти едва 1,000 шаговъ; онъ остановился на мѣстѣ, покрытомъ развалинами недавно сожженнаго села; здѣсь онъ расположилъ свой лагерь, окруживъ его валами во избѣжаніе внезапнаго нападенія турокъ. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ ошибку, хотя, можетъ быть, онъ и не могъ поступить иначе, окруживъ себя укрѣпленіями въ мѣстности, совершенно лишенной воды, ибо вскорѣ непреодолимая жажда должна была побудить къ сдачѣ его войско. Іюня 10-го, при закатѣ солнца, турки, преслѣдовавшіе бѣжавшихъ молдаванъ, наткнулись на лагерь Ивоніи и осадили его. Очевидцы разсказываютъ, что ихъ было такое множество, что нельзя было усмотрѣть конца ихъ арміи. Осажденные были окружены столь тѣсно, что никто не могъ выйти изъ лагеря, и они были совершенно отрѣзаны отъ сосѣднихъ селъ, въ которыхъ можно было надѣяться найти провіантъ; турки сожгли ночью эти села, устроивъ большіе костры изъ строеваго матеріала и поддерживая ихъ въ теченіе всей ночи для того, чтобы осажденные не воспользовались темнотою для бѣгства или для внезапнаго нападенія. На разсвѣтѣ 11 іюня турки открыли пушечный огонь по лагерю Ивоніи, но ядра не причиняли особеннаго вреда, ибо валы были достаточно высоки; перестрѣлка эта продолжалась три дня съ значительнымъ уронomъ турокъ, которыхъ молдаване и поляки разили изъ за валовъ мѣткими выстрѣлами. Непріятели, сообразивъ, что нелегко будетъ овладѣть лагеремъ, вступили съ Ивоніею въ переговоры; они требовали, чтобы господарь сдался немедленно, положившись на милосердіе турокъ и оставивъ надежду на свои разстроенныя военныя силы; ему представляли, что раньше или позже онъ долженъ будетъ сдаться, такъ какъ помощи ему не откуда ждать; потому онъ поступитъ благоразумно, если, обдумавъ свое положеніе, немедленно положитъ оружіе, не проливая напрасно крови ни своего, ни турец-

каго войска. На предложенія эти Ивонія отвѣтилъ: „Я вижу ясно крайность своего положенія, хотя еще могу долго защищаться съ своею пѣхотою, причиняя вамъ немаловажный вредъ; но отчетливо понимая безвыходное состояніе, въ которомъ я нахожусь, я изъявляю готовность къ сдачѣ, но не приступлю къ ней прежде, чѣмъ начальники ваши поручатся за мою неприкосновенность и принесутъ семикратную присягу въ томъ, что они сохранятъ предложенныя мною условія капитуляціи". Сказавъ это онъ приказалъ проводить изъ лагеря парламентеровъ, которые обѣщали вскорѣ принести отвѣтъ на его предложенія. Затѣмъ Ивонія, созвавъ поляковъ и молдаванъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею примѣрно рѣчью: „День этотъ горестенъ для насъ, храбрые воины! Мы должны или сдаться, или погибнуть отъ жажды среди этихъ укрѣпленій. Рѣшайте, что для васъ желательнѣе: или сдаться, или затворить лагерныя ворота и готовиться къ неминуемой погибели, или выйти на бой и славно умереть, причинивъ врагу возможный вредъ? Смерть безъ сомнѣнія служитъ исходомъ всякаго бѣдствія: она освобождаетъ тѣло отъ мученій и взоры наши отъ позорныхъ зрѣлищъ; она переселяетъ насъ въ вѣчную жизнь, гдѣ мы будемъ лицезрѣть величіе Господа!" дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы; тогда поляки сказали ему въ отвѣтъ: „для насъ, Ивонія, смерть никогда не была и не будетъ устрашеніемъ; потому, если ты рѣшился выйти на послѣдній бой съ врагами, мы также охотно примемъ въ немъ участіе и предпочтемъ славную смерть плѣну, въ которомъ насъ ожидаетъ также гибель среди мученій и издѣвательствъ, ибо турки не имѣютъ обыкновенія сдерживать обѣщанія, данныя христіанамъ". Но молдаване, не чувствуя влеченія къ славной смерти, совѣтывали сдаться, если только Ивонія имѣетъ основанія полагать, что турки исполнятъ принятыя ими на себя обязательства, если же онъ сомнѣвается въ ихъ искренности, то они предпочитаютъ остаться вѣрными господарю и рисковать жизнью вмѣстѣ съ поляками, чѣмъ предательски подвергнуться турецкому плѣну.

Ивонія остался въ нерѣшимости и нѣкоторое время колебался, но наконецъ сожалѣніе о горестномъ положеніи его войска заста-

вило его принять окончательное рѣшеніе; дѣйствительно солдаты гибли отъ жажды и смертность увеличивалась съ каждымъ днемъ; господарь съ горечью созналъ сдѣланную имъ ошибку, вслѣдствіе которой онъ основалъ свой лагерь въ неудобномъ мѣстѣ. Горько рыдая, онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью: „Предпочитаю сдаться въ плѣнъ врагамъ и подвергнуться участи, опредѣленной мнѣ судьбою, нежели быть виновникомъ гибели многихъ тысячъ людей; я немного только еще протяну дѣло въ надеждѣ, что турки подтвердятъ присягою условія, которыя я имъ предложилъ, и лишь только они принесутъ присягу, мы положимъ оружіе". Онъ приказалъ призвать турецкихъ парламентеровъ. которые ожидали отвѣта за лагерными валами, и сказалъ имъ: „Ступайте къ начальникамъ вашимъ, скажите имъ, что, хотя силы мои еще настолько значительны, какъ сами вы видѣли, что бы отразить ваше могущество, но я рѣшаюсь преклониться предъ волею судьбы; я сдамся, если всѣ вожди ваши обяжутся семикратною присягою исполнить слѣдующія условія капитуляціи:

1) Вы дозволите безпрепятственно возвратиться на родину польской конницѣ, явившейся сюда по моему приглашенію и заслужившей вѣрностью и мужествомъ всеобщее уваженіе у всѣхъ народовъ. Вы дозволите ей съ лошадьми и багажами переправиться черезъ Днѣстръ.

2) Меня живаго и невредимаго вы препроводите къ султану Селиму, моему повелителю.

3) Молдаванъ, когда они сдадутся, вы пощадите—впрочемъ это будетъ въ вашихъ же интересахъ, ибо если вы посягнете на ихъ свободу или жизнь, вы принесете этимъ ущербъ султану, котораго они подданные, или тому лицу, которое султанъ назначитъ правителемъ Молдавіи.

Когда парламентеры предложили эти условія турецкимъ вождямъ и комендантамъ замковъ. они всѣ приняли ихъ охотно и каждый, по турецкому обычаю, семь разъ поклялся въ ихъ исполненіи отъ имени своего и своихъ подчиненныхъ. Тогда Ивонія вышелъ безъ всякаго смущенія къ турецкимъ начальникамъ и сказалъ имъ

въ присутствіи поляковъ; „Находясь по волѣ всевышняго и милосердаго Бога, въ вашей власти, я прошу васъ во имя вашей вѣры, присяги и рыцарской чести, чтобы вы позволили польскимъ воинамъ съ лошадьми и имуществомъ ихъ свободно возвратиться домой; ибо они достойны уваженія и почета всѣхъ народовъ. Если вы питаете къ нимъ непріязнь, то обратите месть вашу на меня, ибо я готовъ претерпѣть за нихъ всякую крайность". Затѣмъ, обратившись къ сопровождавшимъ его полякамъ, онъ сказалъ: „Тяжкая судьба разлучаетъ насъ, храбрые воины! каждому изъ васъ я пожимаю руку и заявляю вамъ, что пока сохраню душу въ смертномъ тѣлѣ, буду вспоминать съ благодарностью ваши имена". Поляки выслушали, рыдая, слова его и оросили слезами руку господаря. Когда они отошли уже отъ лагеря на разстояніе трехъ выстрѣловъ, Ивонія обратился къ молдаванамъ и также со слезами простился съ ними, раздавъ имъ бывшіе при немъ деньги и драгоцѣнности; затѣмъ онъ вновь обратился къ полякамъ, раздарилъ имъ свое оружіе и сказалъ со слезами: „Если бы отрядъ вашъ былъ вдвое численнѣе или еслибы онъ, по крайней мѣрѣ, весь оставался невредимымъ, я не сомнѣваюсь, что еще до заката солнца я поразилъ бы невѣрныхъ псовъ и изналъ бы ихъ изъ этой страны, которой нынѣ Господь лишилъ меня ради великихъ моихъ прегрѣшеній. Но если Богу благоугодно будетъ спасти меня отъ свирѣпыхъ и жестокихъ враговъ, если паши исполнятъ данное ими обѣщаніе и препроводятъ меня къ Селиму, то я клянусь, что въ такомъ случаѣ я еще возвращусь въ Молдавію. Прошу васъ сохраните пока добрую обо мнѣ память, въ случаѣ же моего возврата, всѣ мои сокровища, какія успѣю сохранить, я предоставлю вамъ и всѣ высшія должности раздамъ людямъ вашего народа, потому что я испыталъ въ несчастіи вашу вѣрность, мужество и постоянство". При этомъ онъ подарилъ полякамъ послѣднія, оставшіяся у него цѣнныя вещи и прибавилъ: „Не хочу чтобы вещи эти достались моимъ дикимъ врагамъ, вамъ же дарю ихъ въ награду за вашу храбрость, за вашу вѣрность и достойную удивленія преданность, которую вы оказывали мнѣ до конца; благодарность къ вамъ я сохраню до послѣдняго издыханія,

въ чемъ свидѣтелемъ да будетъ мнѣ Господь, котораго покровительству я васъ поручаю". Поляки, тронутые его словами, прощались съ нимъ исполненные благодарности. Ивонія же, снявъ съ себя оружіе, въ качествѣ плѣнника вступилъ въ турецкій лагерь въ сопровожденіи поляка Осмальскаго, съ которымъ бесѣдовалъ еще въ продолженіе трехъ часовъ.

Капуданъ-паша вступилъ въ разговоръ съ Ивоніею, но, раздраженный его словами, забывъ свои обѣщанія и рыцарское слово, онъ обнажилъ мечь и ударилъ его въ лицо и въ животъ. Раненаго Ивонію схватили янычары и полумертвому отсѣкли голову, тѣло же его растерзали, привязавъ къ двумъ верблюдамъ и части его разбросали въ добычу хищнымъ звѣрямъ. Голову воткнули на копье [1]), кости же турки раздѣлили между собою; кровью Ивоніи они намазывали острія сабель и примѣшивали ее къ водѣ, которою поили лошадей въ увѣренности, что вмѣстѣ съ кровью къ нимъ перейдетъ мужество и рыцарское одушевленіе убитаго. Такова была смерть Ивоніи, постигшая его вслѣдствіе жестокости и вѣроломства турокъ; я, впрочемъ, полагаю, что это бѣдствіе не постигло бы его, еслибы онъ самъ не измѣнилъ христіанской вѣры и еслибы относился болѣе добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Его печальная судьба да послужитъ примѣромъ превратности человѣческой жизни: вначалѣ онъ пользовался неимовѣрнымъ успѣхомъ и одерживалъ блестящія побѣды, потомъ, какъ бы въ доказательство непрочности человѣческой судьбы, онъ растратилъ пріобрѣтенныя силы и средства и подвергся жестокой и позорной смерти.

Послѣ горемычной кончины Ивоніи, турки напали на молдаванъ, вышедшихъ изъ своего лагеря и умерщвляли ихъ, какъ скотъ. Польскіе всадники, видя турецкую измѣну, поняли, что имъ не дозволятъ безопасно возвратиться домой; они попытались отступить въ укрѣпленный лагерь, но оказалось, что онъ былъ уже занятъ тур-

---

[1]) Голова Ивоніи была отправлена въ Букарештъ и прибита къ городскимъ воротамъ: два года спустя ее видѣлъ тамъ, проѣзжая съ посольствомъ въ Константинополь, польскій историкъ Стрыйковскій.

ками. Увидѣвъ это, они, молча, построились въ боевую линію и ринулись въ густую толпу турокъ; истребивши ихъ значительное количество, они почти всѣ погибли, за исключеніемъ немногихъ, тяжело раненыхъ, которые были взяты въ плѣнъ. Турки были поражены удивленіемъ при видѣ столь малочисленнаго польскаго отряда, богатырски бросившагося на несмѣтныя турецкія силы; многіе изъ нихъ, несмотря на смертельныя раны, продолжали сражаться, врѣзываясь больше въ турецкіе ряды и впослѣдствіи, несмотря на эти необычныя усилія, они не умерли, но вылѣчились отъ ранъ.—Вотъ имена болѣе значительныхъ поляковъ, попавшихъ въ плѣнъ; Свѣрчовскій, который снискалъ въ этой кампаніи особенно громкую славу храбростью и опытностью въ военномъ видѣ, Козловскій, Садовскій, Янчикъ, Залѣсскій, Копытскій, Земковскій, Соколовскій, Либишовскій, Цишовскій, Суцинскій, Богшицкій [1]). Всѣ они впослѣдствіи были выкуплены изъ плѣна родственниками за значительныя денежныя суммы [2]). Турки предлагали имъ принять магометанство и принести присягу на вѣрность султану, обѣщая, что въ такомъ случаѣ они получать отъ Селима богатыя помѣстья, въ которыхъ они будутъ проводить жизнь въ довольствѣ. Но они съ презрѣніемъ отвергали предложенія турокъ и предпочли убогую жизнь на родинѣ, богатствамъ, сопряженнымъ съ потерею душевнаго спасенія. Турки съ похвалою отзывались объ ихъ качествахъ и выказывали предположеніе, что они вѣроятно самые воинственные и храбрые мужи во всемъ польскомъ королевствѣ. Но польскіе плѣнники отвѣчали имъ: „Мы, напротивъ того, гораздо хуже другихъ, ибо мы были на ро-

[1]) Имена, приведенныя Горецкимъ, ясно свидѣтельствуютъ, что отряды такъ называемыхъ козаковъ, ходившіе на службу къ Ивоніи, состоили изъ польскихъ шляхтичей. Самъ Свѣрчовскій, по свѣдѣніямъ Симона Старовольскаго, былъ родомъ изъ Мазовецкаго воеводства: „Ioannes Svierszczovius..... equestri familia in Mazovia natus“. Simonis Starovolskii—Sarmatiae bellatores. Wratislaviae 1734 стр. 102.

[2]) Старовольскій утверждаетъ, что 30 только поляковъ взято было въ плѣнъ. Свѣрчовскій излѣчился отъ ранъ въ Константинополѣ и попалъ затѣмъ на галеру. Впослѣдствіи, выкупленный изъ плѣна, онъ возвратился на родину, и до конца жизни занимался организаціею отрядовъ, съ которыми предпринималъ набѣги на турецкіе предѣлы, причемъ онъ весьма много способствовалъ успѣху этихъ нападеній, вслѣдствіе хорошаго знанія условій мѣстности. Starowolski, ibid. 101—102.

динѣ очень бѣдны, и, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, мы принуждены были отправиться въ Молдавію для того, чтобы найти славную смерть или обогатиться добычею, которая обезпечила бы наше безбѣдное существованіе на родинѣ". Но словамъ этимъ турки вѣрили неохотно.

Послѣ позорной казни Ивоніи, Селимъ занялъ всю Молдавію и истребилъ множество народа, предавая казни безразлично знатныхъ и неимущихъ. Занявъ страну, онъ помѣстилъ сильные гарнизоны въ крѣпостяхъ и принялся строить новые замки, разсчитывая затѣмъ ворваться въ Русь. Дѣйствительно Польша должна теперь зорко оберегать свои области отъ непримиримаго, вѣроломнаго и могущественнаго врага; ибо турки понимаютъ прекрасно, что занявъ Молдавію, вслѣдъ затѣмъ Покутіе [3]), за обладаніе которымъ Польша вела продолжительный споръ съ Молдавіею, они откроютъ себѣ свободный путь для вторженія въ Польшу, ибо Покутіе, расположенное между Днѣстромъ, Прутомъ, Каменцемъ и Галицкою землею, составляетъ область пограничную съ Молдавіею.

Пріемъ политики турецкихъ султановъ состоитъ въ томъ, чтобы подготовлять побѣду надъ сосѣднимъ народомъ, поддерживая распри, возникающія между его вельможами по какому бы то ни было поводу. Отцы наши помнятъ ихъ поведеніе по отношенію къ Греціи, мы сами были свидѣтелями ихъ поступковъ въ Венгріи и Молдавіи. Одна только Польша, хотя лишенная отовсюду защиты и союзниковъ вслѣдствіе раздоровъ, господствующихъ среди христіанскихъ державъ къ крайнему утѣшенію магометанъ, успѣшно отражаетъ нападенія турокъ и татаръ. Турки страшно желаютъ покорить Польшу для того, чтобы потомъ обратить всѣ силы противъ Германіи, такъ какъ

---

[1]) Покутіемъ называлась область, составлявшая юго-восточный уголъ Червоной Руси, врѣзывавшійся клиномъ (кутомъ) между Молдавіею и Венгріею. Она обнимала нынѣшніе повѣты восточной Галиціи: Коссовскій, Коломыйскій, Снятинскій, Городецкій, Надворнянскій, Тлумачскій и Богородчанскій. Въ 1530 году молдавскій господарь Петръ Рарешъ занялъ было Покутіе и овладѣлъ въ немъ многими укрѣпленными замками, но попытка его окончилась неудачно; въ 1531 году польскій гетманъ Янъ Тарновскій нанесъ ему рѣшительное пораженіе у Обертина и заставилъ очистить Покутіе.

укрѣпленія Вѣны мѣшаютъ имъ безпрепятственно проникнуть внутрь этой страны.

Вскорѣ послѣ занятія Молдавіи Селимъ умеръ на четвертомъ году своего царствованія, 15 декабря 1574 года. Старшій въ его родѣ Амуратъ поспѣшилъ занять престолъ и явился въ Царьградъ, не ожидая приглашенія пашей, которымъ онъ не довѣрялъ. По обычаю турецкихъ султановъ, привыкшихъ управлять грозою, онъ началъ правленіе свое казнями: онъ приказалъ умертвить пять братьевъ, двѣ жены Селима, изъ которыхъ одна была беременна, и значительное количество вельможъ. Въ угоду янычарамъ, доставившимъ ему престолъ помимо желанія пашей, онъ выдалъ имъ въ награду по 70 талеровъ на человѣка, увеличилъ ихъ жалованье и собственныхъ сыновей записывалъ въ янычары, но мѣрѣ достиженія ими юношескаго возраста, притомъ онъ увеличилъ количество янычаръ на 2,000, такъ что милиція эта достигла числа 16,000; онъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ трудныхъ военныхъ обязанностей и озаботился о щедромъ ихъ продовольствіи.

Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ рѣшился отмстить полякамъ, за пораженія, которыя нанесъ туркамъ Ивонія съ помощью польскихъ козаковъ; съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1575 года онъ отпустилъ въ Русь 11,000 крымскихъ татаръ, которые опустошили эту страну на 40 миль: они сожгли до 200 дворовъ шляхетскихъ и разорили множество селъ, перебили въ нихъ стариковъ и дѣтей; около 30 шляхтичей пали въ стычкахъ или вмѣстѣ съ женами и дѣтьми были увлечены на арканахъ въ Молдавію; угнаны были огромныя стада быковъ, овецъ и лошадей, тѣмъ животнымъ, которыя изнемогли на пути, татары подрѣзывали мышцы на ногахъ и, сдирая съ животныхъ кожу, предоставляли ихъ въ пищу плѣнникамъ. Послѣдніе разразились страшнымъ плачемъ на переправѣ черезъ Днѣстръ, ибо, они поняли, что за этою рѣкою прекращается всякая надежда на освобожденіе изъ рукъ дикаго врага. Наши могли бы ихъ поразить навѣрно, если бы они не были введены въ заблужденіе ложными увѣреніями молдавскаго господаря Петра, который далъ обѣщаніе, что не дозволитъ татарамъ возвращаться черезъ

Молдавію, но охотно разрѣшитъ нашимъ войскамъ преслѣдовать ихъ. Вслѣдствіе этого польское войско отправилось въ сторону Кіева, полагая, что татары будутъ возвращаться по той дорогѣ, и не успѣло задержать ихъ на переправѣ черезъ Днѣстръ. Многихъ плѣнниковъ татары умертвили на пути, нѣкоторые были освобождены жителями Руси и, скитаясь среди рыскавшихъ повсюду непріятельскихъ отрядовъ, съ трудомъ пробрались подъ защиту войска, состоявшаго подъ начальствомъ Мелецкаго, воеводы подольскаго.— Въ то время нашими захваченъ былъ татаринъ, угонявшій 70 плѣнныхъ; онъ былъ непомѣрно громаднаго роста; когда онъ палъ въ битвѣ, то трупъ его измѣрили: одно туловище его, безъ головы, равнялось среднему человѣческому росту, чело же представляло ширину въ 24 дюйма.

Между тѣмъ какъ татары угоняли плѣнныхъ въ Молдавію, храбрые днѣпровскіе козаки подъ предводительствомъ Богдана Ружинскаго ворвались въ татарскія владѣнія, они опустошили страну огнемъ и мечемъ, женщинамъ рѣзали груди, многихъ лишали глазъ, убивали дѣтей и освобождали встрѣченныхъ плѣнниковъ.

Но пора окончить это повѣствованіе; изъ него, между прочимъ, возможно вывести то заключеніе, что христіане могутъ побѣждать турокъ, если составятъ бодрое духомъ и храброе войско, если будутъ снабжены необходимыми средствами и, что важнѣе всего, если будутъ находиться подъ начальствомъ мужественнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ вождя.